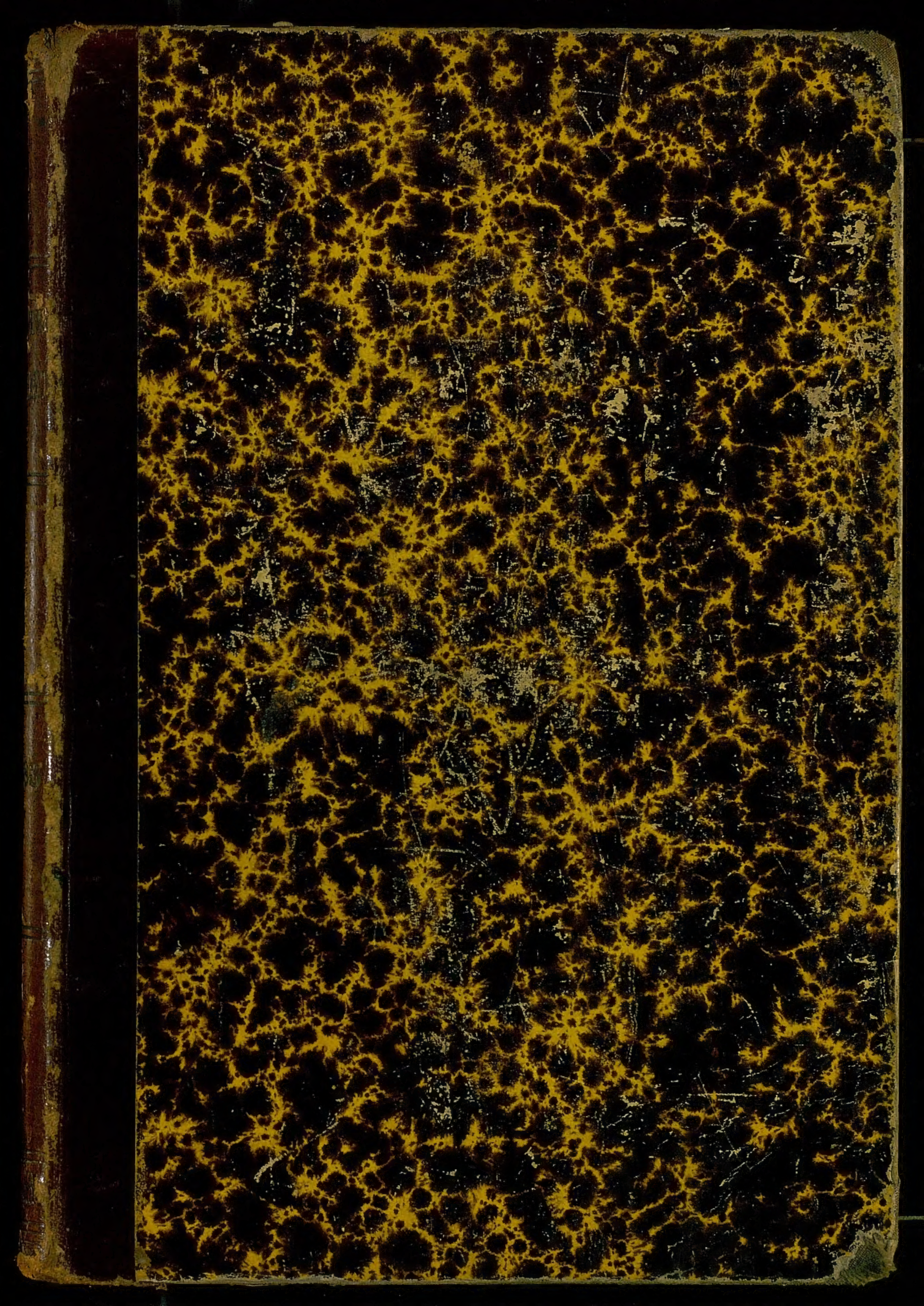
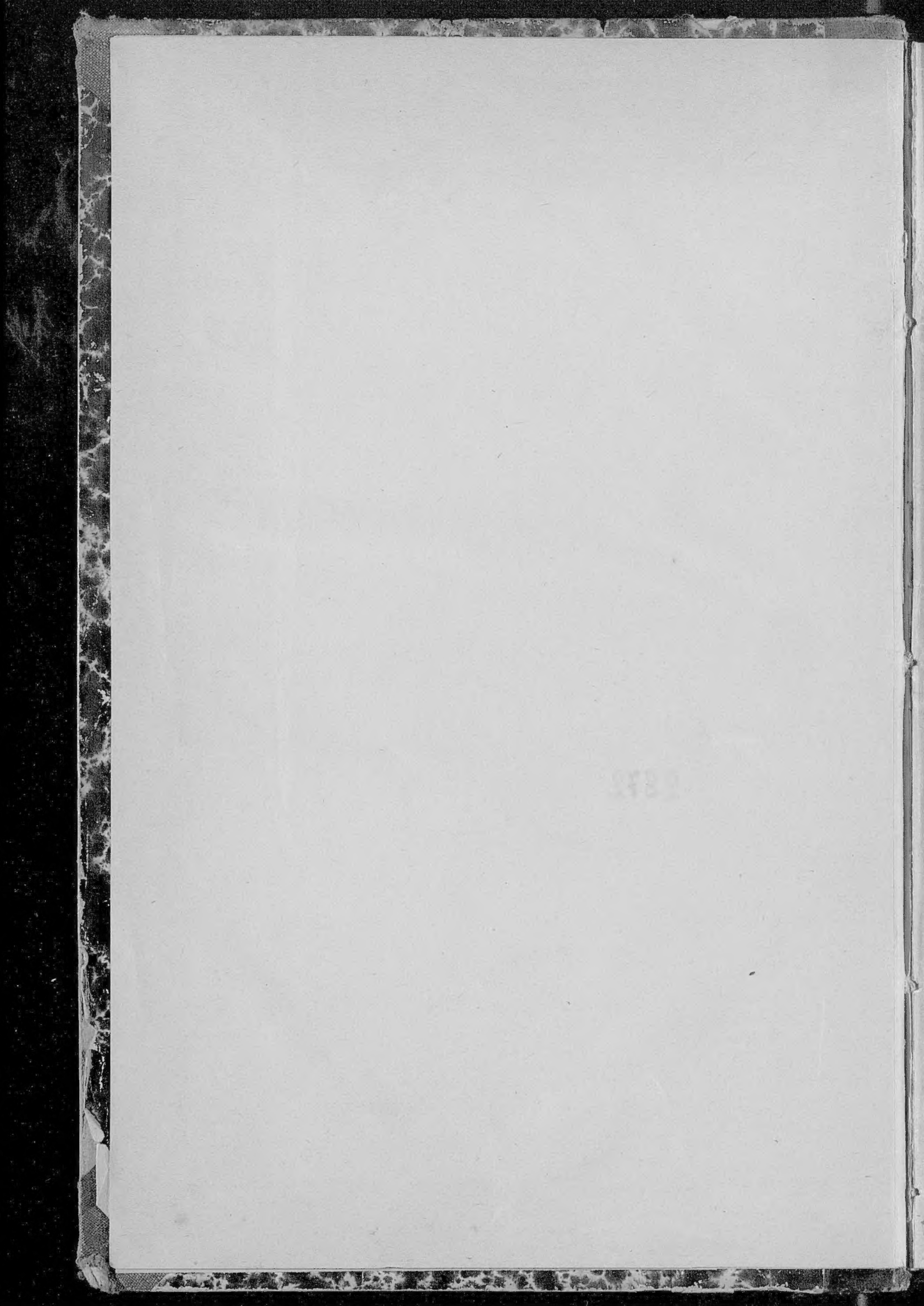

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

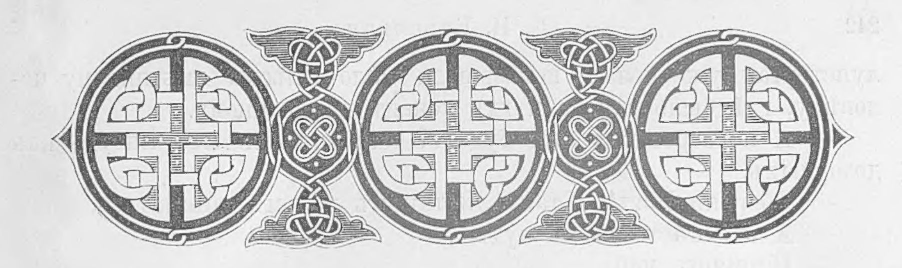
ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

АВГУСТЪ, 1883.

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ, 1883 г.

Стр.

МОСКОВСКІЕ ЛЮДИ XVII-ГО ВѢКА.

I.

Въ 1684 году, подъѣзжалъ, по тульской дорогѣ, къ Москвѣ изъ Сѣвска, въ маленькой рогоженой кибиткѣ, на своей лошадкѣ, торговый человѣкъ Демьянъ Григорьевъ, съ племянникомъ своимъ Никитою, оба, по прозванію, Антуфьевы. Хотя путь ихъ былъ и не очень далекъ, но и не мало натерпѣлись они, въ продолженіи его, разныхъ хлопотъ и безпокойствъ.

Въ городахъ, черезъ которые они проѣзжали, ихъ на таможенныхъ заставахъ и рогаткахъ останавливали дозорные.

— Ты отколь и куда ѣдешь? кричали они.

— Ѣду изъ Сѣвска, государевой отчины, въ Москву? отзывался дядя.

— А проѣзжая грамота есть?

— Какъ не быть.

— Ну-ка, покажь ее намъ.

И купчина вытаскивалъ изъ-за пазухи клочокъ сѣрой бумаги. Такъ какъ бо́льшая часть дозорныхъ были или вовсе неграмотны, или съ трудомъ могли разбирать тогдашнее письмо, да еще подъ титлами, то они для важности принимались внимательно разсматривать поданную имъ бумагу и если не держали ее верхомъ внизъ, то потому только, что приложенная къ ней черная, восковая, по-

луистертая уже печать показывала мало-мальски смѣтливому человѣку, гдѣ было начало и гдѣ конецъ написанному.

— А не воровская она будетъ? спрашивалъ кто нибудь изъ дозорныхъ.

— Оборони Богъ!.. Стану ли такимъ дѣломъ заниматься.

— А кто съ тобой въ пути?..

— Племяшъ мой...

— То-то, смотри.

Но обыкновенно всѣ дальнѣйшіе вопросы со стороны дозорныхъ прекращались, когда проѣзжій брался за мошну, показывая тѣмъ самымъ, что онъ, уплативъ уже проѣзжую пошлину, не желаетъ оставить безъ подачки и дозорныхъ.

На иныхъ заставахъ, болѣе придирчивые дозорщики начинали высказывать разныя подозрѣнія.

— Да не бѣглые ли вы будете холопы? спрашивали они.

— Были бы бѣглые, такъ въ Москву не потянулись бы, а пробирались бы на украйны, въ вольныя степныя мѣста, находчиво отвѣчалъ старикъ Антуфьевъ.

— И то правда, поддакивали дозорные, видя, что для нихъ въ рукахъ проѣзжаго заготовленъ алтынъ.

На иной заставѣ къ разнымъ опросамъ добавляли:

— Конь-то у васъ свой ли? не ворованный ли онъ?

— Что ты, кормилецъ, да у меня въ Сѣвскѣ еще тройка такихъ будетъ?

И затѣмъ одинъ, а иногда, смотря по строгости опросовъ, и два алтына, сунутые дозорщикамъ, устраняли тотчасъ всѣ подозрѣнія, которыхъ собственно и не было, а высказывались они лишь для того, чтобы припугнуть и понажать проѣзжихъ. Особенно часто накидывались на Антуфьевыхъ земскіе ярыжки. Они прямо заявляли имъ, что такихъ людей какъ они, по примѣтамъ, и ищутъ, и на основаніи этого хотѣли волочить ихъ то къ старостѣ, то къ воеводѣ. Испытывали такія нападенія не одни, впрочемъ, Антуфьевы, но и другіе проѣзжавшіе по дорогамъ, такъ какъ вообще земскіе ярыжки кормились разными неправыми доходами. Но, кромѣ того, путешественниковъ могла, въ ту пору, постигнуть и болѣе существенная невзгода. На проѣзжихъ по большимъ дорогамъ нападали нерѣдко разбойники, грабили и убивали ихъ. Предводителями разбойничьихъ шаекъ были нетолько бѣглые и крестьяне, но между ними находились князья, дворяне и даже люди, «ангельскаго чина» какъ, напримѣръ, строитель Тафтинской пустыни. Несмотря на разныя мытарства, Антуфьевы, все-таки, говоря относительно, благополучно добрались до Москвы и теперь думали о томъ, какъ бы въѣхать въ самый городъ, безъ какихъ нибудь новыхъ непріятныхъ приключеній.

II.

Демьянъ Антуфьевъ былъ уже старикъ лѣтъ шестидесяти слишкомъ. Считался онъ человѣкомъ бывалымъ, такъ какъ ѣздилъ изъ Сѣвска по Украйнѣ и закупалъ тамъ скотъ, который потомъ перепродавалъ съ выгодою для себя. Неудобно въ этой торговлѣ было только одно: падежи истребляли очень часто рогатую скотину и по временамъ Демьянъ Григорьевичъ терпѣлъ большіе убытки, но, какъ торговецъ смѣтливый и оборотливый, скоро поправлялся и принимался снова за свой обычный промыселъ.

Казалось бы, что Демьянъ Григорьевичъ могъ хорошо вести свое дѣло и у себя на родинѣ, въ Сѣвскѣ, и въ окольныхъ съ этимъ городомъ мѣстахъ, но стараго купчину подбивало желаніе попытать счастія на сторонѣ, правда, не для себя лично, но для любимаго имъ племянника Никиты. На Руси въ это время ходили слухи, что торговымъ людямъ въ Москвѣ живется нетолько лучше, но и почетнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; что на Москвѣ не такое заурядное купечество, какъ въ другихъ царскихъ городахъ, а есть и важные торговцы изъ суконной и гостинной сотенъ. Разсказывали также въ народѣ, что на Москвѣ не своевольничаютъ и не притѣсняютъ простыхъ людей воеводы такъ, какъ это повелось въ другихъ мѣстахъ, гдѣ воевода, его дьякъ и подъячіе обижали и разоряли безнаказанно торговыхъ людей и даже забирали безплатно силою изъ ихъ лавокъ всякіе товары, которые имъ полюбятся.

Никита былъ единственный родной племянникъ Демьяна, да въ добавокъ еще и его крестникъ. Бездѣтный Демьянъ взялъ его вмѣсто сына и хотѣлъ передать ему въ наслѣдство все свое добро. Дядя былъ человѣкъ разсудительный и, по тому времени, несмотря на свои хлопотливыя занятія, былъ еще и человѣкъ начитанный «по божественнымъ книгамъ». Онъ поучалъ и наставлялъ своего племянника на добрый путь и оберегалъ его отъ «всякія скверны». Онъ хотѣлъ его пристроить въ Москвѣ по торговой части, у кого нибудь изъ своихъ земляковъ. Между тѣмъ, Никита нетолько не проявлялъ наклонности къ торговлѣ скотомъ, но и съ неудовольствіемъ отзывался о непонравившемся ему купеческомъ промыслѣ. Да и вообще не то было на умѣ у Никиты: хотѣлось ему отвѣдать настоящаго книжнаго ученія. Правда, что учиться основательно парню лѣтъ подъ двадцать было уже нѣсколько поздновато по нынѣшнимъ понятіямъ, но въ старину было не то. Тогда садились за книгу и позднѣе, лишь бы нашелся хорошій для того «мастеръ» или учитель, а въ Сѣвскѣ хорошихъ грамотѣевъ отыскать было нельзя. Ученыхъ монаховъ и поповъ тамъ

не повелось, да и вообще жили тамъ больше ратные люди, приноровившіеся не къ книгамъ, а къ пушкамъ и пищалямъ. Торговые же люди о книгахъ не думали, такъ что между ними Демьянъ Григорьевичъ считался даже мудрецомъ и чуть не чернокнижникомъ.

— Смотри, Никита, ты въ Москвѣ-то не забалуйся, говорилъ однажды въ пути дядя племяннику. Москва вѣдь не нашъ Сѣвскъ, соблазна разнаго тамъ много найдется.

— Съ чего, крёстный, баловаться я стану. Не держу того я и въ мысляхъ, возразилъ племянникъ.

— Не ровенъ часъ, прыткій самъ наскочитъ, а на тихаго набѣжитъ. Знаю, что ты больше всего о книжномъ ученіи помышляешь. Не слюбится тебѣ торговое дѣло, такъ садись за книгу, я тебѣ въ томъ перешкодить и поперечить не буду. Статься можетъ, какъ божественному поднаучишься, такъ потомъ нетолько что въ соборные протопопы, но и въ архіереи попадешь, добавилъ онъ съ легкой усмѣшкой.

При этихъ словахъ дяди, выраженіе неудовольствія промелькнуло по открытому и честному лицу молодаго человѣка.

— Не хочу я, крёстный, ни въ протопопы, ни въ архіереи, заговорилъ онъ какъ бы съ оттѣнкомъ досады. У поповъ жадности много, а у чернецовъ—лицемѣрства.

Старикъ съ удивленіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и привѣтливо взглянулъ на племянника.

— Испытать хотѣлъ я тебя Никита, заговорилъ неровнымъ, нѣсколько дрожащимъ голосомъ старикъ, но коли уже ты такъ со мной говоришь, то и я передъ тобой таиться не стану. Знаю, что въ писаніи сказано: «не осуди, да не осужденъ будеши», и я говорю теперь не въ судъ и не въ осужденіе, а только въ разсудъ. И въ правду, попы и черноризцы сошли съ пути праведнаго; забыли люди духовнаго чина о паствѣ, которую препоручилъ имъ блюсти Господь. Отъ того и пошли въ нашей христіанской церкви и неустроенія и мятежи многіе. Церковь наша распалась... Да что говорить теперь о томъ, въ Москвѣ обо всемъ узнаемъ и все сами увидимъ, а прилежаніе твое къ книжному ученію я похваляю. Умудренный имъ человѣкъ ко всякому дѣлу бываетъ болѣе пригоденъ, нежели простецъ... Подстегни-ко гнѣдко, а то мы съ тобой закалякались, а онъ ужь больно залѣнился, прибавилъ дядя, желая замять начатый разговоръ.

Демьянъ Григорьевичъ завалился въ глубь кибитки, на наложенныя тамъ подушки и надвинулъ на лицо козырекъ картуза. Онъ сталъ раздумывать о тѣхъ вопросахъ, которые давно уже смущали его какъ человѣка набожнаго и благочестиваго.

Гулъ московскаго раскола разносился уже по всей Землѣ Русской и сильно затрогивалъ помыслы людей, желавшихъ остаться

вѣрными древле-православной церкви. Начавшіяся противъ нихъ гоненія вызывали въ сторонникахъ этой церкви ропотъ и противъ патріаршей церкви, и противъ царскаго правительства. Люди болѣе или менѣе скорбные головой кидались съ чужихъ словъ то въ ту, то въ другую сторону, такъ какъ въ нихъ не было никакихъ твердыхъ устоевъ. Къ числу ихъ не принадлежалъ, однако, старикъ Антуфьевъ. Онъ ясно сознавалъ всѣ тогдашніе непорядки и упадокъ благочестія, но не рѣшался перейти на какую либо сторону безъ глубокаго убѣжденія въ правотѣ или ложности прежнихъ установленій, или же, напротивъ, новшествъ, проявлявшихся въ патріаршей церкви.

Главнымъ образомъ, онъ и собрался съѣздить въ Москву съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ успокоить свою тревожившуюся совѣсть, поговоривъ тамъ съ людьми разумными какъ изъ старовѣровъ, такъ и изъ никоніанцевъ. Хотѣлъ онъ также поклониться и московскимъ чудотворцамъ и думалъ, если Господь допуститъ, то побывать и на Валаамѣ и въ Соловкахъ, и въ другихъ обителяхъ древняго благочестія и посмотрѣть что̀ тамъ дѣлается и услышать что̀ тамъ говорится о событіяхъ церковныхъ.

III.

Когда дядя и племянникъ выѣхали на Поклонную гору, лежавшую на тульской дорогѣ, они увидѣли оттуда Москву и стали креститься.

— Эхъ вѣдь какъ широко она раскинулась — проговорилъ, покачивая головою Демьянъ — кажись и предѣловъ ей нѣтъ.

— Точно, что велика, куда нашъ Сѣвскъ. Передъ нею онъ простая деревня, да и только. Глядь-ко сюда, сказалъ Никита, дергая дядю за рукавъ, церквей-то и башенъ-то гибель, а домовъ-то, домовъ-то!..

— Въ перемежку съ садами, огородами и пустырями, говорилъ старикъ, приглядываясь къ Москвѣ. А вонъ тамъ въ сторонѣ особнякомъ стоитъ какая-то слобода. Церквей въ ней вовсе не видно, за то вся она въ зелени, да кажись, тамъ и постройки будутъ поважнѣе, чѣмъ по другимъ концамъ города.

Полюбовавшись съ высоты горы Москвою, Антуфьевы стали потихоньку спускаться съ крутизны.

День ихъ пріѣзда въ Москву былъ день праздничный, и въ ту пору, когда они подъѣзжали къ Дорогомиловской заставѣ, въ московскихъ церквахъ благовѣстили къ обѣдни. Еще издалека доносился до нихъ со стороны города громкій звонъ, казавшійся какимъ-то неумолкаемымъ ревомъ. Въ Москвѣ тогда считалось до 5,000 колоколовъ, а охотниковъ звонить на колокольняхъ являлось

множество. Каждый москвичъ видѣлъ въ этомъ богоугодное дѣло и потому желалъ принимать дѣятельное участіе и въ благовѣстѣ и въ трезвонѣ, такъ что тамъ не было недостатка ни въ колоколахъ, ни въ звонаряхъ.

У городской заставы остановили кибитку дозорщики и хотя Антуфьевы ѣхали на легкѣ, но дозорные пересмотрѣли всѣ ихъ мѣшки, узлы и торбы и переворошили наложенное въ телѣгу сѣно, чтобъ убѣдиться не везутъ ли они «запретныхъ» или «неявленныхъ» товаровъ. Хотя ни тѣхъ, ни другихъ въ поклажѣ ихъ не оказалось, но, всетаки, старикъ долженъ былъ дать алтынъ дозорщикамъ, и затѣмъ онъ и его племянникъ, снявъ шапки трижды перекрестились на виднѣвшуюся надо всѣмъ городомъ золотую главу Ивана Великаго. Дозорщики отодвинули рогатку и Антуфьевы въѣхали въ ворота, устроенныя въ земляномъ валу, окружавшемъ всю тогдашнюю Москву.

Москва уже и въ ту пору была городомъ обширнымъ, но въ ней не было еще большихъ и высокихъ домовъ, такъ что кремлевскіе храмы и бѣлыя кремлевскія башни высились надъ всѣмъ городомъ и казалось, будто уходили въ лѣтнее безоблачное и яркоголубое небо. Теперь заѣхавшіе въ Москву сѣвчане, по мѣрѣ ихъ движенія по ея улицамъ, могли отчетливѣе разсматривать срединную часть города — Кремль, нежели тогда, когда они въ первый разъ взглянули на Москву съ Поклонной горы.

Дивясь обширности Москвы, ни дядя, ни племянникъ не знали какъ постепенно она разросталась. Имъ не было извѣстно, что еще великій князь Дмитрій Ивановичъ Донской, вмѣсто деревянныхъ сгорѣвшихъ стѣнъ, окружавшихъ первоначально Кремль, построилъ вокругъ него каменную съ бойницами и башнями стѣну. Слыхивалъ правда, старшій Антуфьевъ о набѣгахъ татаръ на Москву въ былое время, но не зналъ, что при такихъ страшныхъ нашествіяхъ жители посада, мѣстности окружавшей Кремль, спѣшили спасаться съ своимъ скарбомъ за кремлевскими стѣнами, а домà въ посадѣ зажигали разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ по вѣтру, чтобы непріятелю негдѣ было укрыться. Въ посадѣ же жило въ тѣ времена не мало народа, да притомъ все рабочіе люди: плотники, кузнецы, котельники, огородники, столечники, шубники и т. д. Нужно было охранить и этихъ жителей отъ татарскихъ нападеній и вотъ при правительницѣ великой княгинѣ Еленѣ Васильевнѣ Глинской обвели и посадъ со всѣхъ сторонъ каменной стѣной и онъ сталъ называться Китай-городомъ. Въ немъ начали селиться служилые и торговые люди, а рабочій людъ попятился отъ Кремля подальше. Защитили этотъ отселившійся людъ сперва деревянною, а потомъ и каменною стѣною и мѣстность эта стала называться Бѣлымъ или Царскимъ городомъ. Подвинулись жители Москвы еще дальше отъ Кремля и здѣсь образовали Загороды или Скородомъ.

Видъ московскаго Кремля въ XVII столѣтіи.

Ко времени пріѣзда Демьяна и Никиты въ Москву, тамъ нападеній крымцевъ уже не боялись, и когда прежняя деревянная стѣна Скородома пришла въ ветхость, то ее уже не возобновляли, а окопали всѣ окраины Москвы высокимъ валомъ со рвами. Сдѣлали это, впрочемъ, не для защиты отъ хищныхъ крымцевъ, а для того, чтобъ никто не попалъ въ столицу, не заплатя, въ подрывъ государевой казнѣ, таможенныхъ и другихъ разнаго рода пошлинъ и сборовъ.

Въѣхавъ въ Земляной городъ, сѣвчане не увидѣли тамъ еще ничего такого, чему пришлось бы имъ подивиться. Эта часть Москвы не отличалась вообще не только отъ той подгородной слободы, черезъ которую они недавно проѣхали, но и отъ тѣхъ большихъ селъ, какихъ уже много было на Руси въ тогдашнюю пору.

Улицы, по которымъ ѣхали дядя и племянникъ, состояли изъ ряда бревенчатыхъ домовъ или, вѣрнѣе сказать, простыхъ избъ, разставленныхъ въ плотную одна подлѣ другой безъ всякихъ промежутковъ, только изрѣдка въ иныхъ мѣстахъ отдѣлялась одна изба отъ другой сдѣланными въ промежуткѣ между ними деревянными воротами. Въ нѣкоторыхъ избахъ было по два жилья—верхнее и нижнее. Большихъ или «красныхъ» оконъ почти нигдѣ не было, а замѣняли ихъ «волоковыя» окна. Крыши домовъ или избъ сдѣланы были изъ теса, иныя избы были крыты соломой, а высокія дымовыя трубы сложены изъ досокъ. Дома въ Земляномъ городѣ большею частью строились на скорую руку, почему эта часть Москвы и называлась въ народѣ «Скородомомъ». Собственно даже дома здѣсь и не строились, а для нихъ покупались въ лѣсномъ ряду готовые срубы, которые и ставились на выбранномъ для жилья мѣстѣ.

Между избами, въ которыхъ жилъ недостаточный или даже убогій людъ, попадались кое-гдѣ и кирпичныя хоромины зажиточнаго торговаго человѣка, но такихъ хоромъ было не много. Ихъ строили обыкновенно въ два жилья съ достаточно большими окнами, загороженными желѣзными рѣшетками, и съ оконными деревянными переплетами, состоявшими изъ мелкихъ клѣточекъ, въ которыя были вставлены или слюда, или простыя зеленоватыя стекла. Изрѣдка передъ избами стояли березы, но ни садовъ, ни огородовъ не было видно; здѣсь кучились и жались или небогатые торговые или ремесленные люди, или, наконецъ, бѣдняки; вообще же такой народъ, которому нѣкогда было думать о какихъ либо удобствахъ и украшеніяхъ, да не было для заведенія и тѣхъ и другихъ необходимыхъ денежныхъ средствъ. Въ Земляномъ городѣ не было также каменныхъ храмовъ, а попадались только маленькія деревянныя приземистыя церкви. Улицы были узкія и извилистыя съ колеями и рытвинами; значительное пространство этихъ улицъ поростало вслѣдствіе рѣдкой по нимъ ѣзды, травою. Не было на нихъ ника-

кой мостовой. Лѣтомъ, въ сухое время, вѣтеръ поднималъ и гонялъ по нимъ клубы пыли, осенью стояла на нихъ невылазная грязь, а зимою ихъ заносили снѣжные сугробы. Круглый годъ улицы въ Земляномъ городѣ были пусты; показывался на нихъ народъ только тогда, когда шли въ церковь, да по воскресеньямъ и праздникамъ выходили изъ своихъ избъ жители и жительницы, чтобъ посидѣть на завалинкахъ передъ избами.

IV.

Если и теперь наши простолюдины, пріѣзжая въ незнакомый имъ городъ, ютятся всегда около своихъ земляковъ, то въ старое время, такое сближеніе было въ бо̀льшемъ еще обычаѣ, такъ какъ тогда и не дальнее отъ родины мѣсто казалось русскому человѣку горькой чужбиной. Заѣхавшіе въ Москву сѣвчане принялись отыскивать своихъ земляковъ. Хотя они и знали на какомъ подворьѣ или постояломъ дворѣ останавливаются ихъ земляки, но и подворье и постоялый дворъ отыскать въ Москвѣ было не легко. Далеко не всѣ улицы, даже и въ Китаѣ и Бѣломъ, а не только что въ Земляномъ городѣ, имѣли названія, на домахъ не было надписей, и приходилось отыскивать чье-либо жилье по урочищамъ и приходамъ, а урочищъ было не мало. Были: и Глинище, и Подолъ, и Мокрое, и Грязь, и Горки.

Послѣ долгихъ и частыхъ распросовъ, Демьянъ и Никита, исколесивъ, быть можетъ, попусту—добрый десятокъ верстъ по Земляному городу и упираясь нерѣдко въ тупые переулки, изъ которыхъ нельзя было иначе выѣхать, какъ повернувъ оглобли назадъ, добрались, наконецъ, до той околицы, гдѣ, какъ слышалъ Демьянъ Григорьевичъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, жилъ его старый пріятель и землякъ.

Завидѣвъ на улицѣ рѣдкаго прохожаго или прохожую, то дядя, то племянникъ, окликали ихъ опросами: «а не знаешь ли гдѣ живетъ Викула Андреевъ, по прозванію Тябота?»

На такіе опросы давался отрицательный отвѣтъ: «не знаю», съ добавкою иной разъ: «и не слыхивалъ о такомъ».

При поворотѣ въ одну улицу, Антуфьевы увидѣли стоявшую кучку народа: тутъ были и мущины и женщины и мальчишки и дѣвченки. Шли толки о вчерашнемъ пожарѣ на Арбатѣ.

Антуфьевы подъѣхали къ этой кучкѣ.

— А что, православные, — спросилъ старикъ, привставая въ кибиткѣ и снимая шапку, неизвѣстно ли вамъ, гдѣ живетъ въ этихъ мѣстахъ Викула Андреевъ Тябота.

— Викула Андреевъ Тябота?..—переспросили разомъ нѣсколько голосовъ.

— Онъ самый и есть? — отвѣчалъ старикъ.

— А по што онъ тебѣ нуженъ — запросили изъ толпы тоже нѣсколько голосовъ разомъ.

— Повидаться бы съ нимъ...

— Такъ поѣзжай, дѣдушка, на погостъ! — шутливо кликнулъ изъ толпы какой-то парень. Забирай отсюда влѣво, а тамъ ступай прямо! — продолжалъ онъ, показывая рукою.

— Чего зубоскалишь-то! — сердито проговорила старая баба и, оттолкнувъ парня локтемъ, стала на его мѣсто съ боку кибитки Антуфьевыхъ.

— Померъ, Викула Андреевъ, померъ!.. Вѣчная память покойничку, царство ему небесное! — плаксиво заговорила баба и принялась креститься.

Старикъ тоже перекрестился.

— Шестой иль седьмой годочикъ пошелъ, какъ онъ глазынки на вѣки вѣчныя сомкнулъ. Да и отецъ-то Пахомій, что его хоронилъ, тоже позапрошлымъ лѣтомъ въ могилу легъ... Что будешь дѣлать! На то воля Божья!.. А умеръ-то онъ съ огневицы, я-то его разными зельями и лечила. Знахарка я, господинъ купецъ, живу здѣсь недалече, не нужно ли полечиться, родимый? Всѣ болѣзни и немочи какъ рукой сниму... Нѣтъ ли какого наговора на тебѣ? — тоже помогу...

— А кто жь у него въ домѣ остался? — спросилъ Демьянъ Григорьевичъ.

— Какъ кто? — а сынка-то его, Андрюшку, нешто не знаешь?

— Знавалъ и его еще махонькимъ, тому лѣтъ больше тридцати будетъ — отвѣтилъ Антуфьевъ. — Въ Сѣвскъ съ отцомъ наѣзжалъ.

— Ну, такъ теперь его и не спознаешь. Вона какой толстый сталъ — добавила баба, скругливъ широко передъ животомъ свои руки...

— Зашибаетъ ужь больно крѣпко — вмѣшался мѣщанинъ среднихъ лѣтъ. Почитай, что пьетъ безъ просыпу.

— Еще бы не пить ему — затараторила баба... Нешто онъ въ супружествѣ счастливъ? Взялъ вторую жену, совсѣмъ не по себѣ. Молодая бабеха, а онъ-то человѣкъ не молодой... Житья-то ему горемычному отъ нея нѣтъ. Зовутъ ее Анфисой. Вѣчно на него волчицей смотритъ. Ужъ такая, прости Господи...

— Полно, тетка, тебѣ оговаривать Анфису Семеновну!.. прикрикнулъ на старуху тотъ парень, котораго она передъ этимъ столкнула съ мѣста.

— Чего оговаривать! Нешто не правда, что она отъ мужа въ сторону глядитъ.

Между парнемъ и бабой завязался споръ, начавшій переходить во взаимную перебранку.

— Постой, дѣдушка, я тебя провожу къ Андрею Викулычу — вызвался какой-то мальчуганъ и быстро вскочилъ на краешекъ телѣги.

Съ этимъ провожатымъ отправился Демьянъ Григорьевичъ къ Андрею Тяботѣ, чтобы провѣдать о покойномъ его отцѣ, да и о другихъ землякахъ, проживавшихъ въ Москвѣ.

V.

Мальчугану только и хотѣлось прокатиться на телѣгѣ, и онъ, показавъ проѣзжимъ рукою на домъ Тяботы, проворно соскочилъ съ телѣги и побѣжалъ назадъ.

Антуфьевы подъѣхали къ бревенчатому дому, къ которому были пристроены тесовые ворота. Домъ этотъ не отличался затѣйливостію постройки, но и не былъ простой избой, сложенной изъ купленнаго въ лѣсномъ ряду сруба. Судя по внѣшнему виду дома, можно было заключить, что если его хозяинъ и не изъ богатыхъ, то все же и не изъ бѣдныхъ жителей Землянаго города.

Ворота дома были заперты на̀ глухо. Никита вылѣзъ изъ повозки и началъ колотить въ нихъ кнутовищемъ, но ни на дворѣ, ни въ домѣ, не проявлялось никакихъ признаковъ движенія. Видя безуспѣшность такого пріема, онъ принялся стучать въ ворота кулаками все сильнѣе и сильнѣе и, наконецъ, во дворѣ раздался лай собаки, а вскорѣ послѣ того тамъ послышался ворчливый говоръ приближавшагося къ воротамъ мущины. Не трудно было догадаться, что неожиданное появленіе у воротъ неизвѣстныхъ людей было несовсѣмъ пріятно обитателямъ этого дома.

Дѣйствительно, хозяинъ дома Андрей Тябота, возвратившись отъ обѣдни и плотно пообѣдавъ, да въ добавокъ къ тому и выпивъ еще порядкомъ, грузно завалился, по русскому обычаю, спать, когда стукъ въ ворота разбудилъ его. Работникъ былъ отпущенъ со двора, и потому самому хозяину пришлось отворять ворота.

Заслышавъ этотъ стукъ, Андрей словно испугался; онъ подумалъ не пришелъ ли къ нему приставъ, десятскій, ярыжка, или какой нибудь надсмотрщикъ.

Мало ли у торговаго человѣка всякихъ дѣлъ можетъ быть, въ иную пору и не ждешь, откуда бѣда на голову свалится—размышлялъ онъ и, ворча что-то подъ носъ, съ неохотой сталъ спускаться по узенькой и крутой лѣстницѣ, пристроенной къ надворной стѣнѣ.

Съ Андреемъ побѣжала и его собака Пѣганка, добрая и ласковая, привыкшая къ чужимъ людямъ, такъ какъ она обыкновенно сопровождала своего хозяина въ лавку и тамъ смирно лежала подъ стойкой, не только не кидаясь, но даже и не лая ни на кого.

Изрѣдка, впрочемъ, она ворчала на инаго покупателя, или проходившаго мимо лавки, какъ будто предостерегая хозяина, что вблизи его находится опасный человѣкъ.

На этотъ разъ Пѣганка бѣжала передъ Андреемъ съ громкимъ лаемъ и быстро кинулась въ подворотню, желая поскорѣе вырваться на улицу и посмотрѣть кто стоялъ за воротами.

— Кто тамъ?—не отпирая еще воротъ, окликнулъ Андрей.

— Торговый человѣкъ изъ Сѣвска, Демьянъ Григорьевъ Антуфьевъ со своимъ племяшемъ Никитой, отвѣчалъ Демьянъ.

— Такихъ не знаю, слыхивалъ что̀-то о нихъ — отозвался за воротами грубый и отрывистый голосъ.

— Старый знакомецъ и пріятель твоего отца Викулы Андреича съ грамоткой къ нему отъ Василья Дмитрича Пересохова тоже изъ Сѣвска.

На это заявленіе не послѣдовало никакого отвѣта, но послышался скрипъ отодвигаемаго въ воротахъ засова.

Подозрительность и предварительные опросы приходящихъ, незнакомыхъ людей были тогда въ привычкѣ у всѣхъ русскихъ и въ особенности у москвичей, такъ какъ въ Москвѣ водилось много разнаго рода «лихихъ людей». Боялись тогда не только воровъ и разбойниковъ, но и каждаго неизвѣстнаго человѣка, опасаясь, чтобъ онъ не пришелъ въ чужой домъ съ какимъ нибудь злымъ намѣреніемъ. «Слово и дѣло» было въ ту пору въ большомъ ходу, а побывавшій въ домѣ какой нибудь лиходѣй могъ потомъ оговорить хозяина и сослаться на то, что онъ былъ съ нимъ знако̀мъ и бывалъ у него. Мало того, онъ могъ подбросить что̀ нибудь въ домъ, а потомъ подать доносъ и явку на неповиннаго ни въ чемъ хозяина или на кого нибудь изъ его домочадцевъ. Дѣлалось же это не всегда по злобѣ, но иной разъ только изъ желанія затянуть свое дѣло, когда начнутъ разбирать его въ сыскномъ приказѣ. Кромѣ того, такихъ оговорщиковъ подсылали нерѣдко и приказные люди, особенно къ зажиточнымъ купцамъ, разсчитывая, что если, такъ или иначе, привлекутъ ихъ къ дѣлу, то приказные поживятся на ихъ счетъ. Суевѣріе также не мало вліяло на страхъ впускать въ свой домъ невѣдомыхъ людей: не мало тогда было вѣдуновъ, колдуновъ и чародѣевъ, и они, подбросивъ наговорные коренья или зелья, могли навести разныя бѣды и напасти. Подобными опасеніями и дѣйствительными и мнимыми отчасти объясняются та несообщительность, которая была замѣтна между русскими стараго времени, и постоянное желаніе ихъ сторониться отъ новыхъ знакомствъ.

Тябота убѣдившись изъ словъ Демьяна Григорьевича, что Богъ послалъ ему въ домъ гостей, а не лихихъ людей, запросилъ дядю и племянника къ себѣ въ жилье. Никита въѣхалъ съ кибиткой во

дворъ, а Андрей, захлопнувъ со всего размаха ворота, приперъ ихъ крѣпкимъ засовомъ.

Между тѣмъ Пѣганка не унималась. Она съ какимъ-то озлобленіемъ кидалась на Никиту, а когда хозяинъ отгонялъ ее, она, отбѣгая въ сторону, ворчала и скалила на молодаго пріѣзжаго свои зубы.

— Родитель-то твой преставился,—печально проговорилъ Демьянъ Григорьевичъ, цѣлуясь съ хозяиномъ съ щеки на щеку. Ты, чай, крѣпко о немъ кручинился?..

— На то, знать, была воля Божія—равнодушно отвѣчалъ Андрей—будетъ съ него, вдоволь на свѣтѣ пожилъ, добавилъ онъ насмѣшливо махнувъ рукой.

Андрей съ перваго раза не полюбился Демьяну за эти слова. Не только хладнокровный, но и насмѣшливый отзывъ сына о смерти отца былъ не по душѣ старику Антуфьеву. Впрочемъ, и вообще Андрей своей наружностію едва ли могъ расположить къ себѣ кого нибудь. Съ просонья, подвыпившій, съ густыми темными взъерошенными волосами, съ растрепанной бородой, съ опухшимъ лицемъ, обвисшими губами и красновато-синимъ вздернутымъ вверхъ носомъ, съ мутными и налитыми кровью глазами, онъ представлялся осовѣлымъ гулякой.

Молча, хозяинъ и старикъ стали подниматься по лѣстницѣ; Никита остался при кибиткѣ.

— А ты, молодецъ, чтожь во дворѣ стоишь?.. Пойди къ намъ, выпьемъ на первое знакомство вмѣстѣ, крикнулъ ему съ крыльца Андрей.

— Онъ у меня еще ничего хмѣльнаго не пьетъ—проговорилъ, нахмурившись, Демьянъ Григорьевичъ, а за почетъ ему отъ тебя—спасибо. Эй, Никита, задай гнѣдку овса, а самъ ступай сюда на хозяйскій зовъ, и благодари хозяина на его привѣтливомъ словѣ.

Никита снялъ шапку и, низко поклонившись хозяину, исполнилъ приказаніе дяди. Затѣмъ, онъ поднялся въ верхнее жилье.

Горница, въ которую они вошли не представляла ничего особеннаго. Убранство ея не отличалось ничѣмъ отъ того, что̀ можно было встрѣтить тогда въ домѣ каждаго московскаго торговца средней руки. Черезъ темныя сѣни, а затѣмъ черезъ одностворчатую дверь съ низкою притолкою и съ высокимъ порогомъ, вошелъ Демьянъ Григорьевичъ въ комнату съ большой перекладиной шедшей по серединѣ досчатаго потолка. Стѣны этой не большой и низенькой комнаты были обшиты гладко выструганными проконопаченными досками, а по тремъ ихъ сторонамъ были широкія деревянныя лавки, а надъ ними полки съ поставленною на нихъ разною домашнею утварью. Значительную часть этой комнаты, по одной сторонѣ входной двери, занимала печь съ лежанкой, а по другой сторонѣ двери — былъ навѣшанъ пестрядиный пологъ, за

которымъ стояла постель хозяина и хозяйки. Въ «красномъ» углу комнаты, подъ образами съ теплившеюся передъ ними лампадкою, стоялъ большой—не крашенный, — какъ и пристѣнныя лавки,— столъ, а подлѣ стола небольшая простая узкая и длинная скамейка. Сквозь маленькіе окошечки тускло пробивался свѣтъ яркаго лѣтняго дня и вообще горенка эта выглядывала невесело и непривѣтливо.

Тябота пригласилъ Антуфьева-дядю, какъ почетнаго гостя, сѣсть подъ образа, а Никита остался у двери и стоялъ, прислонившись спиною къ косяку. На той же лавкѣ, на которую сѣлъ старикъ, но нѣсколько поодаль отъ гостя, помѣстился самъ хозяинъ. Наружность Антуфьева, не говоря о разности въ лѣтахъ, представляла совершенную противоположность въ сравненіи съ наружностью Андрея. Умное и вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтливое лицо старика отличалось спокойствіемъ. Его сѣдая и гладкая борода расходилась книзу двумя длинными клиньями, а густые серебристо сѣдые волосы, сохранившіе еще остатки прежнихъ молодыхъ кудрей, придавали Демьяну Григорьевичу почтенный видъ. Небольшіе сѣрые, но ясные глаза смотрѣли ласково, а морщины, перерѣзывавшія его высокій открытый лобъ, какъ будто свидѣтельствовали, что онъ на своемъ вѣку размышлялъ не мало.

— Какъ же быть мнѣ съ грамоткой-то Пересохова къ твоему покойному родителю. Нешто не отдать ли ее тебѣ или разодрать. Можетъ покойникъ хотѣлъ, чтобъ она никому не досталась кромѣ того, кому была писана. Вѣдь у насъ ты знаешь какъ трудны ссылки; чуть человѣкъ отъѣхалъ въ сторону и о немъ на прежнемъ его мѣстѣ цѣлые десятки годовъ никакихъ вѣстей не бываетъ. Вѣдь вотъ ни Пересоховъ, ни я, не знали, что родителя твоего на свѣтѣ больше нѣтъ. Въ заочности всегда кажется, что человѣкъ еще живетъ, а межъ тѣмъ онъ уже успѣлъ отойти на тотъ свѣтъ.

— Какъ быть съ грамоткой-то? Вѣдь не посылать же ее къ нему на тотъ свѣтъ, да и онъ ее прочесть-то не съумѣетъ, и здѣсь-то онъ еле по азамъ читалъ—ухмыляясь, острилъ Андрей.

— Не гоже, Андрей Викулычъ, выговаривать праздныя слова о своихъ родителяхъ, тѣмъ паче, если души ихъ отошли къ Господу Богу,—не утерпѣлъ замѣтить старикъ Антуфьевъ.

Тябота хотѣлъ было что̀-то заговорить, но Демьянъ Григорьевичъ такъ внушительно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ выраженіемъ сожалѣнія, посмотрѣлъ на него, что неотрезвившійся еще совсѣмъ балагуръ замялся и перевелъ свою рѣчь на другой предметъ.

— А дозволь мнѣ, какъ бишь тебя величать, забылъ твое отчество... Дементій.

— Демьянъ Григорьевъ,—отрывисто поребилъ Антуфьевъ.

— Да, Демьянъ Григорьевичъ, дозволь мнѣ привести къ тебѣ мою хозяйку, сказалъ, вставая съ лавки Андрей.

— Благодарствую за почетъ; хозяйкѣ воздавать почтеніе должно. Она домоправительница, пособница и утѣшительница мужа.

— А все-таки бабу держать въ строгости надо... Держать такъ, чтобы, по поговоркѣ, на ней окромя печи, все перебывало-бъ... Я свою супружницу такъ и держу, у меня въ кулакѣ вся на нее сила и она ни одного поперечнаго слова сказать мнѣ не посмѣетъ— хвастался Андрей.

— Конечно, нужно держать жену въ страхѣ. Сему и апостолъ Павелъ поучаетъ, но не годится печалить и обижать ее безъ толку. Слѣдуетъ снисходить къ ея бабьимъ немощамъ. Не всякое лыко въ строку,—замѣтилъ Демьянъ.

Андрей нахмурился и раздраженно почесалъ затылокъ.

— А какъ звать-то твою супружницу? спросилъ Демьянъ Григорьевичъ.

— Зовутъ ее Анфисой, а по отцу Семеновна. Да ты такъ ее не величай. Кличь ее просто Анфиской; съ нее и того будетъ... А ты что не присядешь, чай у тебя ужь и ноженки одеревенели—сказалъ онъ, собираясь выдти изъ комнаты, стоявшему все на томъ же мѣстѣ Никитѣ, и за тѣмъ, какъ бы спохватившись и обращаясь къ дядѣ Андрея, добавилъ, а ты Дементій... прости Господи, Демьянъ Миронычъ...

— Григорьичъ! сурово подсказалъ старикъ.

— Демен... Демьянъ Григорьичъ, молодцу присѣсть позволишь? проговорилъ хозяинъ и, не дожидая отвѣта, сказалъ Никитѣ: садись вонъ на ту скамейку.

Молодой парень не рѣшался присѣсть безъ позволенія дяди, по приглашенію одного только хозяина.

— Садись, Никита, коль хозяинъ кажетъ, и по благодарствуй ему за почетъ, сказалъ дядя, видя затрудненіе племянника.

Поклонившись хозяину, Никита сѣлъ около стола на скамейку, а Андрей пошелъ распорядиться о приходѣ своей жены.

Суровое напоминаніе Андрею со стороны старика Антуфьева о своемъ отчествѣ согласовалось вполнѣ съ тогдашними понятіями о вѣжливости и вниманіи, такъ какъ забыть, а тѣмъ еще болѣе перепутать чье либо отчество считалось нѣкогда на Руси однимъ изъ величайшихъ оскорбленій... Но если хозяинъ оскорбилъ своего гостя такимъ образомъ, за то онъ—хотя и не вполнѣ—оказывалъ ему другаго рода почесть. По стародавнимъ нашимъ обычаямъ, даже въ гостяхъ младшій родственникъ въ присутствіи старшаго не могъ сѣсть до тѣхъ поръ, пока хозяинъ не предложитъ этого, спросивъ предварительно позволенія у старшаго, и получивъ на то его согласіе. Если старшій родственникъ на такой запросъ отвѣчалъ: «еще молодъ, постоять можетъ», то хозяинъ не обращался вторично съ своимъ приглашеніемъ, но уполномочивалъ почетнаго гостя разрѣшить младшему присѣсть по его, гостя, усмотрѣнію.

Слѣдуя также обычаю того времени, Андрей оказывалъ Демьяну Григорьевичу настоящій почетъ выводомъ къ нему своей жены. Впрочемъ, къ исполненію этого обычая побуждало Андрея и чувство тщеславія. Онъ любилъ похвастаться передъ чужими людьми своей молоденькой женой, которая на весь околотокъ слыла извѣстной красавицей.

Андрей, съ трудомъ добредя на ослабѣвшихъ ногахъ до свѣтлицы жены, приказалъ Анфисѣ принарядиться и выдти къ гостю съ чаркой вина, а самъ между тѣмъ, пользуясь свободнымъ промежуткомъ времени, пропустилъ наскоро еще хорошую красоулю. Возвратившись въ избу, онъ сѣлъ на свое прежнее мѣсто.

Старикъ Антуфьевъ пытался было разговориться съ возвратившимся въ избу хозяиномъ о Москвѣ, о торговлѣ и о другихъ дѣлахъ, но у Андрея едва ворочался языкъ, и онъ или отвѣчалъ не впопадъ, или старался побалагурить или, просто, только позѣвывалъ, осѣняя крестомъ безпрестанно раскрывавшійся ротъ.

Спустя не много времени, вошла хозяйка, одѣтая по праздничному, держа въ рукахъ подносъ съ чаркою вина. Взглянувъ на эту молодою женщину, не трудно было убѣдиться, что молва, ходившая о ней, была справедлива.

Анфиса была высока и стройна безъ всякихъ къ тому приспособленій, употребляемыхъ въ настоящее время, за исключеніемъ развѣ большихъ каблуковъ, которыя въ ту пору носили московскія щеголихи, чтобъ казаться выше ростомъ. Слѣдуя тогдашнему обычаю, она была нарумянена, а брови и рѣсницы подсурмлены. Еслибы тогда женщина вышла къ чужимъ людямъ безъ этихъ прикрасъ, она нарушила бы всѣ приличія и оказала бы гостю крайнее невниманіе. Но эти прикрасы не нужны были Анфисѣ и она была еще привлекательнѣе, когда ей можно было обходиться безъ нихъ. Естественная бѣлизна ея лица и выступавшій на немъ нѣжный румянецъ были совсѣмъ некстати замазаны грубыми московскими притираньями.

На Анфисѣ былъ надѣтъ сарафанъ изъ голубаго албатаса, обшитый широкимъ серебрянымъ «узорочьемъ», по нынѣшнему—позументомъ. Для нашихъ глазъ привыкшихъ къ стройности женщинъ, затянутыхъ въ корсетъ, широкій сарафанъ безъ всякаго перехвата, поднимавшій высоко грудь подъ самыя подмышки, показался бы уродливымъ нарядомъ, но по тогдашнимъ понятіямъ такая неуклюжая одежда нисколько не безобразила станъ женщины. На головѣ у Анфисы была голубая бархатная кика, шитая серебромъ и густо унизанная жемчугомъ, хотя не крупнымъ и не отборнымъ. Серебряныя, съ такими же длинными подвѣсками, серьги были вдѣты въ ея маленькія уши, надъ которыми выбивались изъ подъ кики густые темно-русые волосы.

При входѣ хозяйки, Андрей, покрякивая, съ замѣтнымъ усиліемъ приподнялся съ лавки и хотѣлъ, слѣдуя обычаю поклониться гостю въ ноги, но повалился на полъ и при своей тучности, да еще обезсиленной излишней выпивкой, не могъ приподняться съ пола иначе, какъ только при помощи Демьяна Григорьевича и его племянника. Приподнявшись кое-какъ, онъ, вмѣсто обращаемой въ такихъ случаяхъ къ гостю просьбы поцѣловать хозяйку, пробормоталъ что-то себѣ подъ носъ и полѣзъ цаловать жену. По лицу Анфисы замѣтно было, что ей не приходилось по сердцу такое выраженіе супружеской ласки; она быстро отвернулась въ сторону и невольно взглянула на Никиту, а при этомъ движеніи изъ задрожавшихъ ея рукъ упали и мѣдный подносъ и серебряная чарка.

«Мой сонъ былъ вѣщій, не быть добру»... подумалось ей при взглядѣ на молодаго парня.

Андрей съ сердцемъ дернулъ Анфису за рукавъ такъ сильно, что всѣ складки рукава мгновенно распустились. Анфиса отшатнулась въ одну сторону, а Андрей покачнулся въ другую и при этомъ быстромъ обоюдномъ отдаленіи короткій прежде, въ мелкихъ складкахъ, рукавъ вытянулся на нѣсколько аршинъ. Одинъ его конецъ былъ сжатъ въ кулакѣ Андрея, а другой оставался на плечѣ Анфисы.

— Вишь вѣдь какая срамница и хорошаго гостя принять не умѣетъ! грозно крикнулъ онъ, замахнувшись здоровенной ручищей на Анфису, у которой изъ глазъ выступили двѣ крупныя съ трудомъ сдерживаемыя слезы.

— Супружница твоя молода, и съ разу видать, что она у тебя больно робка, а это молодухѣ въ укоръ не ставится. Да и вино пролить не то, что соль просыпать, пролить вино хорошая, а не дурная примѣта—началъ уговаривать Андрея Демьянъ Григорьевичъ.

— Молода и робка!.. передразнивалъ его Андрей. Разсказывай!.. Просто на твоего молодца заглядѣлась!.. Отъучать ее отъ этого надо... Да и ты, что на нее глаза-то свои таращишь — вскинулся онъ на Никиту. Небось, на чужихъ женъ засматриваться охочъ, а ты вотъ свою заведи, такъ потомъ и наплачешься съ нею...

Растерявшійся Никита не зналъ, что ему говорить и что дѣлать и, покраснѣвъ во все лицо, только моргалъ глазами.

Демьянъ Григорьевичъ попытался было утишить расходившагося пьянаго ревнивца, но такая попытка была напрасна.

— Я всѣхъ разнесу—заоралъ онъ. Пошли отсель вонъ!..

Анфиса, всхлипывая и дрожа всѣмъ тѣломъ, поклонилась гостямъ и поспѣшила уйти изъ горницы, Андрей хотѣлъ погнаться за ней, но, не твердый на ногахъ, покачнулся и свалился на лавку.

— Пойдемъ поскорѣй отсюда, шепнулъ дядя племяннику, и они, захвативъ шапки, осторожно ушли отъ непріятнаго хозяина, очевидно, потерявшаго теперь всякое сознаніе.

VII.

Надъ Москвой забрежжило чудное лѣтнее утро. Вставало солнце и весело освѣщало пробуждавшійся городъ. Сперва заалѣли и зазолотились, а потомъ ярко заблистали кресты и маковки многочисленныхъ московскихъ церквей. Сталъ раздаваться то здѣсь, то тамъ, благовѣстъ къ заутрени, но теперь звонъ колоколовъ былъ уже не такъ громокъ и не такъ непрерывенъ какъ вчера, потому что день былъ будничный и звонили не во всѣ. Ночные дозорщики

Похороны русскихъ въ XVII столѣтіи.

отодвинули рогатки, которыя въ ту пору разставлялись на ночь по главнымъ улицамъ Москвы, а особенно по улицамъ, примыкавшимъ къ Кремлю. Богомольные люди потянулись къ церквамъ, торговцы въ ряды или лавки. Понесли на кладбища въ гробахъ и въ дубовыхъ колодахъ покойниковъ. Крыши отъ этихъ домовинъ, несли, по тогдашнему обычаю передъ покойникомъ на головахъ его родственники и пріятели, а при похоронахъ женщины, ея родственницы и подруги. За покойникомъ, громко на всю улицу, голосили съ разными жалобными причитаніями не только его ближайшія

сродственницы, но и болѣе или менѣе, смотря по состоянію умершаго, значительная ватага наемныхъ плакальщицъ. Онѣ сѣтовали, что покойникъ покинулъ ихъ и завываніями и взвизгиваніями спрашивали его, на кого онъ, сердечный, оставляетъ ихъ несчастныхъ? Плакальщицы выражали сожалѣніе, что покойничекъ не видитъ и не слышитъ ихъ, что онъ сомкнулъ на вѣкъ свои ясныя очи и высчитывали добродѣтели, которыми не только дѣйствительно могъ отличаться усопшій, но и такія, какихъ у него никогда и въ заводѣ не бывало.

За покойникомъ тянулись вереницы нищихъ, въ вѣрномъ разсчетѣ на болѣе или менѣе сытныя поминки, а также въ чаяніи денежныхъ подачекъ за упокой грѣшной его души.

Прошелъ по улицамъ съ громкимъ барабаннымъ боемъ отрядъ стрѣльцовъ въ красныхъ кафтанахъ, съ пищалями на плечѣ, возвращавшихся въ свою слободу съ ночнаго караула, который они содержали въ Кремлѣ и при царскихъ хоромахъ. Проходившіе по улицамъ стрѣльцы задирали съ насмѣшками и съ бранью встрѣчныхъ мущинъ и женщинъ, и толкали ихъ съ дороги, но никто не смѣлъ ничего сказать имъ, боясь нахальства и своеволія, которыми они стали отличаться съ нѣкоторыхъ поръ. Отворялись проворными цаловальниками царскія кружала, куда съ позаранка любилъ собираться толпами и рабочій, и праздный людъ. Въ харчевняхъ и съѣстныхъ лавкахъ принимались за стряпню разной, неприхотливой пищи.

Въ эту раннюю пору вышелъ на улицу и Никита.

Выбравшись вчера тайкомъ отъ Тяботы, Демьянъ Григорьевичъ и онъ отыскали вблизи дома Андрея постоялый дворъ и расположились тамъ, пока удастся имъ найти подходящее для нихъ въ Москвѣ жилье, а сдѣлать это было не легко, такъ какъ каждый московскій обыватель обстроивался только для себя самого и потому наемныхъ помѣщеній, развѣ только по какому-нибудь особому случаю, въ городѣ не было. Неудобство это устранялось, впрочемъ, покупкою готоваго сруба и постановкою его на пріисканномъ для того мѣстѣ, но и такое мѣсто нужно было сперва отыскать, а потомъ и взять въ кортому, а все это не такъ скоро можно было сдѣлать. Въ виду такихъ затрудненій и отправился Демьянъ Григорьевичъ на поиски своихъ земляковъ, желая посовѣтоваться съ ними, какъ бы ему поудобнѣе и подешевле устроиться въ Москвѣ, такъ какъ онъ убѣдился, что отъ знакомства съ крѣпко запивающимъ Андреемъ, какъ человѣкомъ безалабернымъ, никакого проку быть не можетъ.

Племянникъ Демьяна Григорьевича, какъ молодой парень, не навыкшій еще ни къ хозяйственнымъ, ни къ денежнымъ дѣламъ, и потому въ настоящемъ случаѣ для дядн совершенно безполезный, отпросился у него посмотрѣть Москву. Разумѣется, что прежде всего

ему захотѣлось побывать въ Кремлѣ и онъ пошелъ въ этомъ направленіи по виднѣвшейся издали колокольни Ивана Великаго, величаво господствовавшей надъ всею Москвою.

Изъ Землянаго города, составлявшаго крайній поясъ тѣхъ укрѣпленій, которыми была окружена обширная царская столица, Никита перешелъ въ Бѣлый городъ. Здѣсь на своемъ пути онъ началъ встрѣчать много такого, чего не видалъ прежде. Хотя и въ этой мѣстности Москвы узкія и кривыя улицы состояли большею

Стрѣльцы-начальники.

частію изъ брусяныхъ хороминъ или такихъ же избъ, какими былъ почти сплошь застроенъ Земляной городъ, но здѣсь эти простыя постройки начали все чаще и чаще перемежаться съ болѣе затѣйливыми строеніями, изъ которыхъ иныя были похожи на тогдашнія боярскія усадьбы, построенныя въ деревняхъ. Изъ за высокихъ заборовъ, сдѣланныхъ частоколомъ, поднимались въ иныхъ мѣстахъ крылатыя вѣтряныя мельницы и густыя верхушки высокихъ деревъ: ясени, клена и дуба. Это была густая зелень садовъ и рощей, окружавшихъ деревянныя хоромы съ высокими, крутыми кры-

шами. Около такихъ хоромъ были расположены разныя хозяйственныя принадлежности: людскія, амбары, бани, сараи, конюшни, погреба и скотные дворы. На многихъ такихъ хоромахъ виднѣлись небольшіе деревянные или желѣзные кресты, означавшіе, что здѣсь была домовая церковь. Таковую церковь устроивалъ въ своей городской усадьбѣ каждый чиновный человѣкъ.

— Видно здѣсь бояре живутъ, подумалъ Никита и обратился съ распросами къ проходившему мимо его молодому мѣщанину.

Стрѣльцы-рядовые.

Оказалось, что догадка Никиты была вѣрна. Мѣщанинъ разсказалъ ему, что государь пожаловалъ боярамъ много пустопорожней земли въ Бѣломъ городѣ; что на этой землѣ они построили себѣ хоромы и усадьбы и теперь живутъ въ полномъ привольѣ, словно не въ государевомъ городѣ, а у себя въ помѣстьѣ или вотчинѣ. Мѣщанинъ разсказалъ также, что у бояръ въ самой Москвѣ есть не только сады, огороды, мельницы и пруды съ саженою рыбою, но что иные изъ бояръ завели даже запашку; что боярамъ,

по милости царя, живется куда какъ вольготно, а имъ, мѣщанамъ «государевымъ сиротамъ», житье куда какъ плохо и что имъ больно тѣсно въ Земляномъ городѣ, такъ какъ земли даютъ имъ мало. Здѣсь начались со стороны встрѣчнаго незнакомца обычныя въ то время жалобы и сѣтованія простыхъ «людишекъ» на скудость, поборы и притѣсненія отъ служилыхъ и приказныхъ людей и въ особенности отъ стрѣльцовъ, которые на каждомъ шагу обижали горожанъ и перебивали у купцовъ торговлю, имѣя право производить ее безпошлинно.

— Побывай, братъ, въ стрѣлецкихъ слободкахъ и посмотри, какъ живется тамъ стрѣльцамъ. Куда какъ лучше противъ нашего мѣщанскаго житья, добавилъ съ досадою новый знакомецъ Никиты.

Не безъ опаски слушалъ Никита такія «непригожія» и «вольныя» по тому времени рѣчи. Ему еще и въ Сѣвскѣ натолковали, что по Москвѣ ходятъ «языки», которые, въ кабакахъ, баняхъ и на рынкахъ, прислушиваются къ мірской молвѣ, а иногда и сами заводятъ «прелестныя» рѣчи, вызывая тѣмъ на задушевность другихъ людей, особенно, если они бываютъ подъ хмѣлькомъ, а потомъ вдругъ, ни съ того ни съ другаго, закричатъ на нихъ «государево слово и дѣло». Тутъ попадешь, предостерегали Никиту, въ такую страшную бѣду, что изъ нее не скоро, а можетъ быть и совсѣмъ не выпутаешься. Словно изъ земли выростутъ передъ тобою стрѣльцы, скрутятъ крѣпко веревками, а не то набьютъ на руки и на ноги желѣза, да и потащутъ въ сыскной приказъ, а тамъ передъ бояриномъ, дьяками и приказными людьми раздѣлывайся какъ знаешь. Выйдешь, чего добраго, изъ приказа съ поломанными ребрами, съ исполосованной кнутомъ спиною, съ вывихнутыми суставами, да еще въ добавокъ, обожженный на медленномъ огнѣ или подпаленный до-красна раскаленною полосою желѣза.

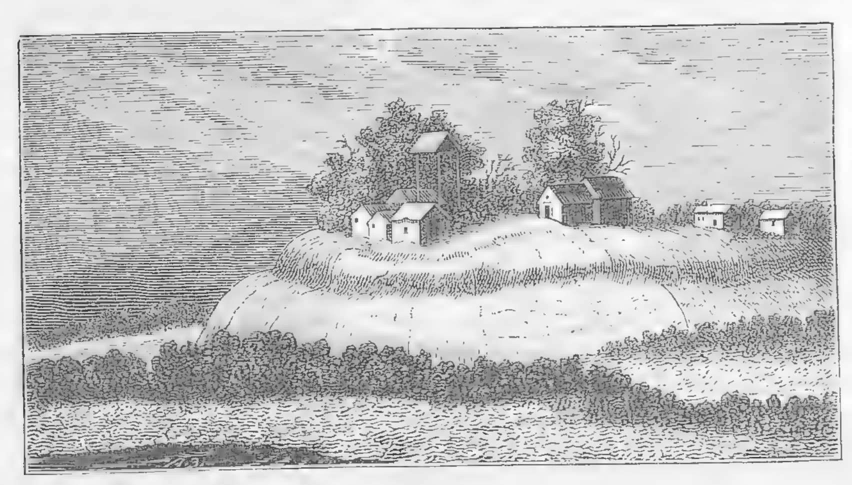
Всѣ эти ужасы ясно представились въ воображеніи робкому отъ природы Никитѣ, и онъ захотѣлъ было поотстать отъ своего спутника, досадуя самъ на себя, зачѣмъ онъ затронулъ его. Но мѣщанинъ, видно, былъ изъ словоохотливыхъ и продолжалъ толковать сторонившемуся отъ него парню, что вотъ-де скоро настанутъ великія смуты, что стрѣльцы толкуютъ промежъ себя что-то не ладное, что чернь хочетъ запалить Москву съ разу съ разныхъ концовъ и поднять «гиль» т. е. мятежъ противъ бояръ, а раскольники помышляютъ возстать скопомъ на патріарха и на церковь.

— Берегись молодецъ, какъ-то зловѣще добавилъ мѣщанинъ, чтобы и надъ тобою не стряслась въ Москвѣ какая нибудь бѣда, и, проговоривъ это, онъ быстро повернулъ въ какой-то закоулокъ.

Припугнутый и разговоромъ и угрожающимъ прощаньемъ, Никита невесело шелъ по Бѣлому городу. Увидѣвъ вчера Анфису, онъ почувствовалъ къ ней то обыкновенное влеченіе, какое не-

вольно испытываетъ молодой человѣкъ при взглядѣ на хорошенькую женщину. Но кромѣ того, въ немъ зародились еще и другія чувства, состраданіе и жалость къ горемычной участи Анфисы. Онъ увидѣлъ какой у ней крутой и ревнивый мужъ и ясно представлялъ себѣ, что она должна была терпѣть и выносить отъ такого человѣка, который не могъ быть ей милъ, да и по годамъ былъ ей слишкомъ не ровенъ. Отъ щемившей его сердце думы объ Анфисѣ его отвлекала по временамъ окружавшая новая для него обстановка, къ которой онъ, какъ заѣзжій человѣкъ, не могъ еще достаточно присмотрѣться.

Онъ поглядывалъ по сторонамъ и остановился передъ одною церковью, показавшеюся ему очень красивой.

Боярская усадьба въ XVII столѣтіи.

Церковь эта стояла на небольшой поросшей травою площадкѣ, среди невзрачныхъ бревенчатыхъ хороминъ, и казалось, что не тутъ должно было быть ея мѣсто, а гдѣ нибудь среди большихъ каменныхъ палатъ. Она была съ пятью продолговато-кругловатыми заостренными сверху чешуйчатыми главами, окрашенными въ зеленый цвѣтъ. На главахъ ярко блистали большіе позолоченные кресты. Крыша надъ церковью была въ три поднимавшіеся одинъ надъ другимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и постепенно уменьшавшіеся, уступа, на которыхъ были выведены изъ кирпича дугообразныя украшенія. По четыремъ угламъ послѣдняго уступа стояли низенькія, безъ всякой покрышки, круглыя башенки. Церковь была о двухъ ярусахъ. Въ верхнемъ ярусѣ были сдѣланы большія, полукруглыя сверху, окна съ желѣзными рѣшетками. Окна отдѣлялись одно отъ другаго каменными прокладками, въ видѣ длинныхъ и тоненькихъ столбиковъ. Въ нижнемъ ярусѣ, съ каждой стороны,

были широкія входныя двери. Вообще церковь была очень красивой постройки. Колокольни при ней не было, что, впрочемъ, приходилось тогда очень часто видѣть и въ Москвѣ, и въ другихъ русскихъ городахъ. Колокола висѣли на особой перекладинѣ прислоненной къ церкви и сдѣланной изъ толстыхъ брусьевъ. Въ ту пору постройка колоколенъ считалась дѣломъ весьма богоугоднымъ, а потому прихожане, или одинъ какой нибудь ревнитель церковнаго благолѣпія, соорудивъ своимъ иждивеніемъ храмъ Божій, предоставляли довѣршать свое благочестивое дѣло другимъ радѣтелямъ новой святыни постройкою при ней колокольни.

Никита залюбовался на эту церковь, обошелъ ее нѣсколько разъ, то осматривая ее снизу, то задирая вверхъ голову, чтобъ поглядѣть на ея верхушки. Имъ овладѣло благочестивое настроеніе.

— Былъ бы я богатъ, подумалъ онъ, то построилъ бы у себя на родинѣ въ Сѣвскѣ, такой же точно храмъ. Куда какъ онъ пригляденъ.

Отъ предположенія на счетъ постройки церкви Никита перешелъ снова къ думѣ объ Анфисѣ.

— Раскрасавица она, думалъ онъ, и началъ мечтать о томъ, какъ бы онъ былъ счастливъ, если бы могъ имѣть такую женушку.

Теперь онъ шелъ по улицѣ, не замѣчая никого и ничего. Передъ нимъ по временамъ тянулись ряды деревянныхъ построекъ, которыя такъ быстро и до-тла истреблялись часто бывавшими въ Москвѣ пожарами. По временамъ, изъ ряду простыхъ жилищъ выступали хоромы хорошей постройки, обитыя тесомъ, раскрашенныя въ яркія краски съ деревянною вычурною рѣзьбою, по концамъ высокой крыши и на верхушкѣ ея, въ видѣ гребня, съ пѣтушками и конками, и съ рѣзными украшеніями надъ окнами. Попадались иногда и каменныя хоромы и вообще чѣмъ ближе подходилъ Никита къ Китай городу, тѣмъ болѣе оказывалось хорошихъ и обширныхъ построекъ. Замѣтно было, что здѣсь живутъ люди болѣе достаточные, нежели на самой окрайнѣ Москвы въ Земляномъ городѣ.

Изъ мечтаній объ Анфисѣ Никита былъ выведенъ раздавшимся позади его крикомъ—«гисъ!» Онъ быстро обернулся назадъ и увидѣлъ, что улица во всю ширину занята толпою какихъ-то людей, и пѣшихъ, и конныхъ. Всѣ проѣзжавшіе и проходившіе кидались въ сторону и жались къ домамъ, снимая шапки.

Впереди показавшейся изъ-за угла толпы, бѣжали, съ длинными палками въ рукахъ, люди, одѣтые въ долгополыя сермяги, у нѣкоторыхъ изъ нихъ, вмѣсто палокъ, были луки. Такіе же люди бѣжали и по обѣимъ сторонамъ поѣзда, размахивая палками и крича: «гисъ!» т. е. «берегись!» Люди эти были боярскіе холопы, обязанные разсчищать для своего господина дорогу отъ проходившихъ и проѣзжавшихъ по улицамъ. За толпой холоповъ, бѣжавшихъ

впереди, ѣхали верхами, въ однорядкахъ разныхъ цвѣтовъ, съ мурмолками на головахъ или въ шапкахъ съ цвѣтными суконными верхушками, боярскіе «знакомцы»—бѣдные дворяне, служившіе во дворахъ знатныхъ людей. Они сопровождали «своего милостивца» всюду при его выѣздахъ и были какъ бы его стражею. Самъ бояринъ, окруженный знакомцами, въ богатой съ золотыми нашивками ферязи и въ высокой горлатной шапкѣ, важно ѣхалъ въ колымагѣ, запряженной въ шесть коней гуськомъ, сбруя которыхъ была украшена блестящими и звонкими бляхами.

Московская площадь въ XVII столѣтіи.

Никита, какъ и проходившіе по улицѣ, изъ боязни подвернуться подъ палочные удары, плотно прижался къ стѣнѣ и присматривался къ боярскому поѣзду. Въ этомъ поѣздѣ однихъ сермяжниковъ насчиталъ Никита человѣкъ до ста, да верховыхъ, какъ ему показалось, было человѣкъ съ двадцать если не болѣе.

При видѣ такой боярской обстановки, Никитѣ пришла на умъ недавняя болтовня мѣщанина.

— Вишь вѣдь, какъ живутъ — подумалъ онъ — однихъ-то дармоѣдовъ у нихъ сколько!.. Да и какъ народъ передъ собой разгоняютъ! — и Никита не безъ чувства досады посмотрѣлъ въ слѣдъ удалявшемуся поѣзду, поднявшему на тѣсной улицѣ столбъ густой пыли.

По пути Никиту обогнало нѣсколько такихъ боярскихъ поѣздовъ и притомъ еще болѣе многолюдныхъ, нежели тотъ, который

пришлось ему увидѣть въ Москвѣ въ первый разъ. Въ нѣкоторыхъ поѣздахъ бояре ѣхали въ колымагахъ; но такъ ѣздили только слабые и хворые старики, а всѣ, у кого было довольно силы, ѣздили верхами на статныхъ коняхъ, въ богатой сбруѣ, украшенной у иныхъ даже драгоцѣнными камнями и также въ сопровожденіи холоповъ и знакомцевъ.

Въ нѣкоторыхъ поѣздахъ проѣзжали и боярыни, которыя лѣтомъ ѣздили въ колымагахъ, а зимою въ такъ называемыхъ каптанахъ или возкахъ, окна которыхъ были закрыты со всѣхъ сторонъ тафтою. Онѣ отправлялись или на богомолье или въ гости, или къ царицѣ. Ихъ также сопровождала толпа холоповъ, но около нихъ ѣздили не «знакомцы», а сѣнныя дѣвушки верхомъ, по мужски въ кафтанахъ и высокихъ войлочныхъ шапкахъ.

Хотѣлъ было Никита разспросить кое-что у встрѣчныхъ людей объ этихъ поѣздахъ, но напуганный уже мѣщаниномъ не рѣшался на это. Наконецъ, онъ отважился понавѣдаться кое о чемъ у попавшагося ему на встрѣчу попа.

— Скажи, батька, куда ѣдутъ бояре! — спросилъ его Никита.

— Въ царскую думу — отвѣчалъ попъ.

Попъ выглядывалъ такъ привѣтливо и такъ ласково, что Никитѣ даже безъ всякаго повода хотѣлось бы заговорить съ нимъ.

Тотчасъ же можно было замѣтить, что встрѣтившійся Никитѣ попъ не былъ изъ числа тѣхъ безмѣстныхъ поповъ, на которыхъ тіунъ доносилъ патріарху, что они «у Фролова моста безчинства дѣлаютъ большія, бранятся скаредно, играютъ, борятся и въ кулачки бьются».

Видно было, что отецъ Онуфрій строго соблюдалъ всѣ постановленія недавняго московскаго собора о внѣшнемъ благообразіи людей духовнаго чина. Ряса на немъ была не пестрая и не яркая, какія большею частью носили тогда священники и дьяконы вопреки соборнаго правила. Шапка на головѣ была у него «смирнаго», т. е. чернаго цвѣта, а въ рукахъ онъ держалъ длинный высокій деревянный посохъ, означавшій его священство. Когда онъ снималъ шапку, чтобы перекреститься, то на темныхъ съ легкою просѣдью густыхъ его волосахъ, замѣтно выдавалось такъ называемое «гуменцо», т. е. выстриженный на темени кружекъ. Такими «гуменцами» отличаются нынѣ только католическіе священники, но въ ту пору, къ которой относится нашъ разсказъ, на Руси носили «гуменца» и православные священники и только нерадѣвшіе изъ нихъ о своей благовидности уклонялись отъ этого обязательнаго въ нихъ правила.

Соблюдалъ, какъ было видно, отецъ Онуфрій и другой еще тогдашній обычай: рядомъ съ нимъ шла «матушка» или попадья, его супруга. Въ ту пору «зазорно» было показаться на улицѣ или на рынкѣ попу безъ его жены. Допускалось отъ этого уклоненіе тогда

только, когда онъ шелъ съ требою въ сопровожденіи причетника. Но рѣдкій изъ поповъ обращалъ вниманіе на такой обычай и они бродили въ одиночку или Богъ вѣсть съ какими людьми по улицамъ и таскались на площадяхъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, въ виду поповской незазорности, попадьи должны были носить на верхней одеждѣ по обѣимъ сторонамъ груди нашивки изъ краснаго сукна, и такія нашивки показывали, что матушка Агафья была женою отца Онуфрія.

Московская улица въ XVII столѣтіи.

Всюду ли такъ ведется, но только у насъ, на Руси, простыя женщины, перешедшія зрѣлый возрастъ, обыкновенно относятся съ большею сердечностію къ юношамъ. Здѣсь не бываетъ инаго чувства, какъ только желаніе приласкать и приголубить молодаго парня, особенно если онъ окажется сиротой, или заѣзжій на чужую сторону, безъ родни, покровителей и знакомыхъ. Въ такихъ случаяхъ высказывается непритворное сожалѣніе объ его горемычной участи.

— Знать заѣзжій? — ласково спросила попадья Никиту.

— Заѣзжій.

— А отколь?

— Изъ Сѣвска.

Попадья какъ-то недомысленно взглянула на мужа, такъ какъ она о Сѣвскѣ никогда прежде не слыхала.

Отецъ Онуфрій, которому полюбилось доброе и открытое лицо молодаго человѣка, разговорившись съ нимъ, между прочимъ, спросилъ его: зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Москву.

Никита разсказалъ, что дядя привезъ его сюда, чтобъ пристроить по торговой части, но что такое занятіе ему какъ-то не по душѣ, а хотѣлось бы, вмѣсто того, приняться за книжное ученіе.

— Благое дѣло — ученіе, благое дѣло, оно умудряетъ человѣка; надлежитъ сказать, что въ наукѣ, какъ и во всякой премудрости человѣческой, пребываетъ духъ Божій. Не вдавайся только въ волхвованіе и чернокнижепіе, а наука сама по себѣ человѣка не погубитъ, а скорѣе сбережетъ его отъ всякихъ заблужденій. Церковь наша, воздавая неустанную хвалу создателю міровъ и ихъ вседержителю, не отвергаетъ и мудрости добытой человѣческимъ разумомъ. Сходи хоть въ здѣшній Благовѣщенскій соборъ въ Кремлѣ и тамъ ты увидишь, что межъ ликовъ божіихъ угодниковъ есть и изображенія многихъ греческихъ мудрецовъ. Тамъ написаны и Омиръ и Аристотель и другіе славные піиты и философы, хотя они и были невѣрными язычниками. Но и они въ свою пору наставляли темныхъ людей, вразумляли ихъ понимать и чтить величіе Божіе и предрекали даже пришествіе Христово. Не гнушайся наукой и мужами ею просвѣщенными,—наставительно внушалъ отецъ Онуфрій.

— Да какъ же мнѣ начать учиться? Чувствую, что я на мои годы еще больно теменъ и неразуменъ, ничего-то я не знаю. Вотъ хоть бы ты, отецъ, говорилъ о какихъ-то мудрецахъ, а я объ нихъ и не слыхивалъ никогда, печально проговорилъ Никита.

— Зайди-ко братъ, ко мнѣ, такъ я ѣ твоемъ будущемъ ученіи съ тобой на досугѣ потолкую; авось, что̀ нибудь и уладится—перебилъ попъ.

Отецъ Онуфрій разсказалъ обстоятельно, гдѣ онъ живетъ и зазвалъ къ себѣ Никиту на обѣдъ въ ближайшее воскресенье.

— Заходи, родной, я тебя горячими оладушками съ медомъ попотчую — привѣтливо заговорила попадья. Побаловать-то тебя, видно, некому, родной матушки у тебя нѣтъ; живешь ты здѣсь межъ чужихъ людей. Такъ приходи же къ намъ, голубчикъ, ласково заключила добрая женщина.

Съ своей стороны Никита рѣшилъ побывать у новыхъ знакомцевъ, которые, какъ говорится—пришлись ему по душѣ.

VIII.

За нѣсколько годовъ до пріѣзда въ Москву Никиты, у тамошняго торговаго человѣка Семена Яковлева подросла дочь по имени Анфиса.

Въ старое — до-петровское время, образъ жизни и воспитаніе дѣвушекъ на Руси вообще, а между прочимъ и въ Москвѣ, были куда какъ просты и незатѣйливы. Замѣчаніе это относится одинаково, какъ къ простолюдинамъ, такъ и къ боярышнямъ. Въ обыкновенномъ быту и тѣхъ и другихъ разницы было не много. Почти та же домашняя обстановка, тѣ же игры, удовольствія и развлеченія; какъ у тѣхъ такъ и у другихъ тѣ же покрои и принадлежности нарядовъ съ тою развѣ только разницею, что у боярышень были они изъ лучшихъ тканей, да съ прибавкою къ нимъ дорогихъ украшеній вмѣсто простыхъ побрякушекъ; тотъ же почти уровень умственнаго развитія и тотъ же кругъ нравственныхъ понятій.

— Привелъ бы Богъ поскорѣе отдать дочь за-мужъ, а тамъ ужъ она не отцовская и не материнская, а мужняя. Мужъ ее всему учить будетъ—говорили между собою, какъ знатные, такъ и простые, какъ богатые, такъ и бѣдные родители, смотря на подроставшую дочь.

Дѣйствительно, по выходѣ замужъ, дѣвушка совсѣмъ отставала отъ родительской семьи и переходила подъ власть мужа. Власть эта была обыкновенно суровая, да и жизнь замужней женщины отличалась, сравнительно съ дѣвической жизнью, большей неволею.

Недаромъ въ одной народной пѣснѣ — этомъ отголоскѣ нашей старины—поется:

Дѣвичья красота въ полѣ на лугу;
Бабья красота на печи, въ углу.

Дѣвушка до брака пользовалась бо̀льшею свободою, особенно среди простонародья. Она могла ходить въ гости, играть, забавляться и плясать съ своими подругами. Къ кружкамъ дѣвушекъ примѣшивались иногда и молодые парни въ качествѣ жениховъ. Хотя по тогдашней поговоркѣ и полагалось, что: «невидѣнная дѣвка—золотая, а видѣнная—мѣдяная», но въ обыденной жизни людей простыхъ такая осторожность не соблюдалась и почти каждый простолюдинъ зналъ свою невѣсту прежде, чѣмъ сватался къ ней. Поэтому, въ большей части браковъ, закутываніе невѣсты, подъ вѣнецъ, какъ будто женихъ вовсе не зналъ ее и никогда не видѣлъ, было только пустою обрядностью. Обрядность эта соблюдается и до нынѣ у русскихъ крестьянъ, хотя женихъ и невѣста обыкновенно не только съ дѣтства знаютъ другъ друга, но нерѣдко еще до брака успѣваютъ слюбиться между собою.

Но чѣмъ выше было общественное положеніе дѣвушки, чѣмъ зажиточнѣе были ея родители, тѣмъ труднѣе было жениху познакомиться съ невѣстой. Можно сказать, что въ прежней Москвѣ съ семействъ людей торговыхъ и служилыхъ начиналось уже болѣе или менѣе строгое, но не безъусловное еще затворничество женщинъ и дѣвушекъ и ихъ отдаленіе отъ мужскаго общества. Становилось же оно безъусловнымъ для боярышень, а тѣмъ еще болѣе для царевенъ. И тѣ и другія дѣйствительно были обречены съ самаго рожденія на безъисходное заточеніе. Сидѣли онѣ въ заперти въ своихъ теремахъ и даже самые близкіе молодые родственники не могли посѣщать ихъ. Выходили онѣ изъ теремовъ, съ лицами закрытыми фатою, а ѣзжали въ колымагахъ или каптанахъ съ плотно завѣшенными окнами. Около боярышень и царевенъ, когда имъ нужно было идти въ церковь, сѣнныя дѣвушки несли суконныя пòлы и ничей любопытный и самый зоркій глазъ не могъ подсмотрѣть этихъ красивыхъ, а иной разъ и непригожихъ, затворницъ. Замѣчательно, что полною свободою отлучекъ и ходьбы даже въ самыя непристойныя мѣста пользовались на Руси тѣ женщины и дѣвушки, которыхъ, какъ казалось, слѣдовало бы держать въ самыхъ крѣпкихъ затворахъ. Такъ, чернички, и старыя и молодыя, подъ предлогомъ сбора подаяній на построеніе обители или храма, разгуливали свободно по Москвѣ, и жившіе тамъ иностранцы не могли надивиться такой распущенности, въ особенности въ сравненіи съ той неволей, которой подвергались женщины и дѣвушки не принимавшія иноческихъ обѣтовъ.

Отецъ Анфисы былъ изъ числа если не богатыхъ, то все же достаточныхъ и почетныхъ торговыхъ людей. Въ силу этого, ему приходилось соблюдать обычаи той среды, въ которой показать дѣвушку мужчинѣ, особенно молодому, считалось не только неприличіемъ, но и крайнимъ нарушеніемъ ея дѣвической стыдливости.

Жизнь Анфисы, какъ и другихъ ея сверстницъ, бывшихъ въ одинаковомъ съ нею положеніи, проходила по современнымъ нашимъ понятіямъ чрезвычайно однообразно. Казалось, день за днемъ тянулся уныло и медленно. Всѣ развлеченія ея состояли въ томъ, что по воскресеньямъ и по праздничнымъ днямъ, она съ отцомъ и матерью, закутанная фатой ходила въ приходскую церковь и становилась тамъ въ толпѣ дѣвушекъ и женщинъ. Лѣтомъ съ подругами она играла на дворѣ въ горѣлки, качалась на качеляхъ, да водила хороводы во дворѣ отцовскаго дома съ постоянно запертыми на глухо воротами.

Въ осеннюю и зимнюю пору Анфисѣ становилось еще скучнѣе: то непроходная грязь, то глубокій снѣгъ, мѣшали не только сходить въ гости, къ подругамъ, но даже порѣзвиться на дворѣ, какъ это водилось весною и лѣтомъ. Сумерки наступали рано и хотя въ ту пору на Руси, да и въ Москвѣ, ложились спать, какъ

говорится, съ курами, но все же приходилось какъ нибудь коротать зимній вечеръ, относительно болѣе или менѣе продолжительный. По временамъ, къ Анфисѣ собирались на вечернія посидѣлки ея близкія подруги, но на этихъ посидѣлкахъ не было разнообразія, а слѣдовательно, не могло быть и удовольствія. При тогдашней общественной жизни не находилось предметовъ для разговоровъ и собравшіяся дѣвушки начинали пѣть пѣсни—пѣсни давно знакомыя и уже порядкомъ прискучившія имъ. Пѣсни перемежались грызеніемъ орѣховъ и ѣдою пряниковъ, коврижекъ и постилы.

Увеселенія русскихъ въ XVII столѣтіи.

Святки становились какъ будто оживленнѣе и веселѣе. Начинались разнообразныя гаданья о суженомъ-ряженомъ; а подблюдныя пѣсни пѣлись съ бо̀льшимъ одушевленіемъ, нежели обыкновенныя. Но святки проходили скоро и начиналась опять однообразная жизнь.

— Скучно, подруженьки, намъ живется—заговорила однажды бойкая Мавруша или Маврутка, одна изъ дѣвушекъ, собравшихся къ Анфисѣ. Парней совсѣмъ мы не видимъ.

— Мимо нашего дома—затараторила другая дѣвушка Анюта—ходитъ часто Яшка, сынъ Кузьмы Грозилова; я, сказать вамъ по душѣ, всегда посматриваю на него, да что въ томъ толку, а куда какъ онъ мнѣ любъ. Вѣдь какой молодецъ!..

— А можетъ и сваху пришлетъ—перебила Мавруша. Вѣдь суженаго напередъ не узнаешь.

— Не пришлетъ: онъ парень богатый, да вѣрно и родители хотятъ взять для него невѣсту изъ богатаго дома, а о насъ они чай, ничего и не слыхивали,—говорила Анюта.

— Эхъ, дѣвицы красныя, печально сказала Анфиса. Значитъ Богъ ту любитъ, которой Онъ по сердцу жениха посылаетъ, а вотъ мнѣ, такъ кажись, большое горе извѣдать придется...

— Развѣ свахи захаживать къ вамъ начали? спросили разомъ нѣсколько голосовъ.

— Да вотъ что-то Устинья Ермиловна больно зачастила къ намъ и теперь съ матушкой глазъ-на-глазъ по долгу шепчется, а о комъ же имъ толковать какъ не обо мнѣ? Вѣть я одна у матушки на рукахъ осталась; всѣхъ трехъ сестрицъ моихъ Ермиловна за старыхъ повысватала. Правда, зятьюшки мои люди добрые и сестрицамъ за ними хорошо живется, а все жъ молодой мужъ милѣе.

— Ну коли всѣхъ твоихъ сестрицъ за старыхъ повысватала, такъ тебѣ молоденькаго ріищетъ, да еще писанаго красавца, знакомства-то у ней много; въ Москвѣ она не изъ послѣднихъ свахъ—утѣшала Анюта Анфису.

— А знаете, дѣвушки,—сударушки, вмѣшалась вдругъ Мавруша, коль меня за стараго сватать примутся, такъ я сбѣгу съ моимъ любчикомъ изъ родительскаго дома.

— Развѣ у тебя онъ завелся? спросила Анфиса,—пытливо вскинувъ свои каріе глаза на бойкую и откровенную подругу...

— Почто же ему и не быть? Въ диковинку тебѣ-то, видно—засмѣявшись, отвѣчала Мавруша. Слушайте, душеньки-подруженьки, какъ это было.

Дѣвушки въ плотную придвинулись къ Маврушѣ.

— У насъ въ сосѣдствѣ живетъ старый купчина Коромысловъ. Можетъ слыхивали о немъ? Огородъ-то его и нашъ въ смежности лежатъ, только ветхимъ заборомъ отгороженъ одинъ отъ другаго. Заборъ-то, правда, высокъ, черезъ него не перелѣзешь, да и влѣзать-то на него опасно, того гляди, что сейчасъ на земь рухнетъ, такъ такой бѣды наживешь, что и Боже упаси: новый крѣпкій поставятъ; а теперь въ заборѣ есть трещина, черезъ нее-то мы и милуемся. Прилаживается мой Васютка, чтобъ одну доску изъ забора вынуть, да такъ, чтобъ потомъ ее вставить на старое мѣсто, никто того и не замѣтитъ, а межъ тѣмъ онъ ко мнѣ въ огородъ попотемкамъ пробираться станетъ... Пусть только снѣгъ сойдетъ,

а то на немъ слѣды видать; догадаются, что дѣло не ладно: никто, вѣдь, зимой въ огородъ не ходитъ, а я-то бѣгаю къ забору только въ снѣжную погоду. Знаю, что на утро снѣгъ замететъ мой слѣдъ и никто не хватится, что я въ огородъ къ миленькому моему бѣгала.

— Ну, а когда онъ до тебя доберется, ты съ нимъ будешь цаловаться и обниматься? стыдливо спросила Анфиса.

— А нешто нѣтъ? Изъ-за чего жъ бы ему и работать, да еще, чего добраго, и въ бѣду попасться.—Да ты-то, что такъ смотришь, спросила вдругъ Мавруша Анфису. Ты бы на моемъ мѣстѣ труспла, вѣть ты у насъ такая стыдливая, такая робкая. Поди какая скромница!—захохотавъ, обратилась Мавруша къ подругамъ,—пытается у меня буду ли я цаловаться, да обниматься; у нее и на это толку не хватаетъ!...

Дѣвушки засмѣялись, а Анфиса смѣшалась и покраснѣла: ей какъ будто стало стыдно за свою простоватость передъ ея смѣлой и находчивой подругой.

— Нешто мало нашихъ сестеръ убѣгаютъ изъ родительскихъ домовъ? Слыхали, можетъ, объ Акулькѣ Пустынной. Вѣдь сбѣжала же съ молодцомъ изъ Иконнаго ряда, а безмѣстный попъ живой рукой повѣнчалъ ихъ, и теперь живутъ они между собой ладно. Погнѣвались на нее родители, да потомъ пораздумали и простили; прежнее свое проклятіе съ нее сняли и все, что ей по рядной записи приходилось, полностію отдали, сказала Анюта.

— Да и грѣшно развѣ бѣгать, коли въ такой тѣсной неволѣ насъ держатъ — заговорила молчавшая до сихъ поръ Раиса; нашелся бы только ловчакъ, что увелъ бы тайкомъ изъ родительскаго дома. Бѣда какъ захватятъ, поймаютъ на побѣгѣ и задержатъ. Тутъ подпадешь подъ отцовскій гнѣвъ, да подъ материнскую злобу, такъ тогда ужь вдоволь накручинишься и наплачешься.

— Сбѣжать-то не трудно. Замкѝ да запоры—только для глупыхъ, а которая посмышленнѣе, ту силой не удержишь. Ужъ на что боярышень крѣпко-на крѣпко запираютъ, анъ, смотришь, нѣтъ-нѣтъ, да иная и сбѣжитъ. А замужнія—думаете вы, мои сударушки—такъ вотъ только однихъ своихъ мужей и знаютъ и любятъ? Какъ же!... Почитай, чуть ли не у всякой есть полюбовникъ, а инымъ такъ и одного мало бываетъ. Да что о боярыняхъ, вотъ хоть бы и о царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, невѣсть, чтò въ народѣ толкуютъ. А мы-то что? съ чего на насъ разные запреты кладутъ. Вотъ выйду я за мужъ, такъ, не бойсь, во всемъ мужу покорна и стану?... Нѣтъ, не то будетъ: онъ мнѣ встрѣчное слово, а я ему въ отвѣтъ десятокъ!—волновалась Мавруша.

— А какъ бить тебя примется? спросила Анюта.

— Стерплю на сколько сможется, подъ конецъ у него самого руки устанутъ.

— А коли нѣтъ?

— Коли нѣтъ, такъ и другимъ путемъ отъ него отдѣлаться можно. Пропадать, такъ пропадать, было бы только изъ-за чего—проговорила рѣшительно Мавруша. Да съ чего я начала васъ, дѣвушки, мутить—какъ будто опомнившись, добавила она. Принимайтесь-ка лучше за пѣсни; по что наводить тоску на душу; всѣ мы, статься можетъ, проживемъ нашъ вѣкъ съ хорошими мужьями, и смѣючись, и припѣваючи...

Мавруша запѣла веселую пѣсню, которую подхватили ея подруги. Не пѣла только Анфиса. Она сидѣла пріунывши и раздумывала о своей будущей участи...

IX.

Догадки Анфисы на счетъ близкаго ея замужества были основательны. Устинья Ермиловна—та самая крикливая баба, которая такъ злобно отзывалась объ Анфисѣ, при случайной встрѣчѣ на улицѣ съ Демьяномъ Григорьевичемъ, ходила въ домъ ея отца не по-пусту: у нее для Анфисы нашелся женихъ, которому она сильно доброхотствовала. Женихъ этотъ былъ Андрей Викулычъ Тябота, съ которымъ Демьянъ Григорьевичъ свелъ въ Москвѣ первое, такое непріятное для себя знакомство.

Кромѣ крестнаго имени и отчества, Андрей имѣлъ еще особое прозвище—Тябота. Такія дополнительныя прозвища были у насъ въ старину въ большомъ употребленіи, нетолько среди простыхъ, но даже и среди людей самыхъ знатныхъ. Иныя изъ такихъ прозвищъ имѣли опредѣленное значеніе, какъ, напримѣръ, Овчина, Лопата, Курица, Волкъ или «Собачья рожа», Пѣтухъ и даже «Умойся грязью». Другія же были безъ всякаго смысла и считались бы въ наше время только обидною кличкой. Къ числу такихъ прозвищъ принадлежало и прозвище Тябота, неизвѣстно когда и по какому случаю данное Андрею. Какъ тѣ, такъ и другія прозвища употреблялись нетолько въ обычныхъ сношеніяхъ, но и въ приказныхъ бумагахъ, воеводскихъ отпискахъ, разныхъ письменныхъ памятяхъ, крѣпостяхъ и судебныхъ приговорахъ, точно такъ, какъ употребляются нынѣ родовыя прозванія или фамиліи.

Устинья Ермиловна съ давнихъ поръ вела дружбу съ Тяботою и считала его своимъ добрымъ пріятелемъ. Она была, какъ и всѣ свахи и прежнія и нынѣшнія, разбитная баба. Любила она покалякать, побалагурить, а въ добавокъ и выпить, и во всемъ этомъ какъ нельзя болѣе сходилась съ Тяботою. Устинья Ермиловна высватала ему первую жену, послѣ которой Андрей остался не старымъ еще вдовцомъ, а когда онъ задумалъ жениться вторично, она намѣтила ему Анфису, какъ подходящую для него невѣсту. Ан-

фиса хотя и была изъ зажиточнаго дома, но у отца ея на рукахъ была большая семья, да и торговыя его дѣла, въ послѣдніе годы, шли несовсѣмъ удачно. Притомъ, къ нему подступала старость. Онъ начиналъ слабѣть и хворать, и Ермиловна разсчитывала, что при такихъ неблагопріятныхъ домашнихъ условіяхъ родители Анфисы не откажутся выдать дочь за человѣка, хотя, сравнительно съ нею, уже пожилаго, но за то съ хорошимъ достаткомъ и притомъ, что̀ было очень важно, одинокаго, такъ что жена его будетъ единственною и полною хозяйкой въ мужниномъ домѣ, а въ старину это было очень желательно для каждой невѣсты.

Анфиса видѣла только мелькомъ Андрея Викулыча, захаживавшаго иногда къ ея отцу по торговымъ дѣламъ, но не думала никогда, что онъ будетъ ея женихомъ. Поэтому, она вовсе не присматривалась къ нему. Что ей было за дѣло до пожилаго вдовца? Развѣ могла быть ему невѣстой такая молоденькая дѣвушка какъ Анфиса? Но когда Ермиловна зачастила своими посѣщеніями и когда нѣсколько разъ въ разговорѣ между отцомъ Анфисы и ея матерью, и свахою — въ разговорѣ, веденномъ на сторонѣ отъ дочери, — ей послышалось имя Тяботы, то она смекнула, что, вѣроятно, дѣло идетъ объ ея сватовствѣ. Андрей тоже только мелькомъ видѣлъ свою будущую невѣсту, но она не могла не полюбиться ему. Обычай, однако, требовалъ повести дѣло черезъ сваху и притомъ такъ, какъ будто женихъ и невѣста никогда еще не встрѣчались другъ съ другомъ, и сдѣлать видъ будто и родители ея не знаютъ жениха и даже ничего о немъ не слыхивали.

Сватовство началось обыкновеннымъ въ ту пору порядкомъ.

— У тебя, Маремьяна Ивановна, и у Семена Яковлевича есть въ остаточкѣ товарецъ, а у меня есть на него покупщичекъ, надо бы намъ промежь себя дѣльцо сладить, заговорила, однажды, Ермиловна съ таинственностью, свойственной свахамъ.

Такой приступъ былъ въ ту пору вполнѣ понятенъ матерямъ взрослыхъ дочерей, безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій.

— Отчего бы и не такъ, отвѣчала Маремьяна Ивановна. А кого Богъ посылаетъ?

— Разумѣется, человѣка хорошаго, ужь плохаго какого нибудь Анфисочкѣ сватать я не стану, заговорила Ермиловна, слегка почмокивая своими сухими и тонкими губами.

Обычай требовалъ, однако, продолженія искуственной таинственности.

— Дурнаго о моемъ женихѣ никто не скажетъ; торгуетъ онъ гладко, есть у него и запасецъ на черный денекъ, да и за приданнымъ не слишкомъ онъ погонится. Не мало найдется у него и готоваго добра для невѣсты: отъ покойной жены ему, по рядной записи, много чего изъ ея скарба оставили, говорила Устинья.

— Выходитъ, значитъ, вдовецъ, да и не молодъ, пожалуй?

— Съ чего ты взяла, что не молодъ? Развѣ вдовцами только старые люди бываютъ. Иной и трехъ женъ похоронитъ, да не состарится и будетъ, чего добраго, удалѣе не женатаго парня. Далъ Господь крѣпость, такъ онъ до самыхъ позднихъ лѣтъ въ женихи годится. Онъ не нашъ братъ — баба, обкисаетъ не скоро, да иной еще изъ хилаго, что̀ былъ въ молодости, подъ старость крѣпышемъ дѣлается.

— Всяко бываетъ, сомнительно покачивая головой, замѣтила Маремьяна Ивановна, вотъ мой-то всего только на седьмой десятокъ идетъ, а ужь совсѣмъ разхлябъ: все стонетъ да охаетъ. Того и смотри, что скоро душеньку Богу отдастъ.

— Кручины и заботы у него о дѣткахъ много было. Господь-то благословилъ васъ большущею семьей, о кажинномъ и о кажинной Семену Яковлевичу думать приходилось. А мой-то женихъ, что̀ ему дѣлается? — одинъ какъ перстъ. Что̀ говорить, — онъ на двое, да, пожалуй, еще и съ излишкомъ постарше Анфисы Семеновны будетъ, да за то какимъ еще соколомъ смотритъ! Да какой забавникъ и весельчакъ!.. подхваливала Андрея сваха.

— Съ сожителемъ напередъ надо поговорить, пусть онъ рѣшаетъ и даетъ свое отцовское благословеніе, а Анфисочка у насъ— дочь покорная, красоту же ея ты сама знаешь.

— Не о томъ и рѣчь. Не мало я на своемъ вѣку всякихъ невѣстъ перевидала, а такихъ приглядныхъ съ разу, какъ она, и промежь боярышень не скоро отыщешь. Всѣмъ взяла:—и лицомъ, и тѣломъ...

Маремьяна Ивановна три раза отплюнулась и три раза перекрестилась.

— Сухо дерево, завтра пятница—проговорила она, стукнувъ рукою по лавкѣ, на которой сидѣла.

— Не бойсь!.. Сглазу не наведу, хошь я и разумѣю, какъ то сдѣлать, отозвалась сваха и за тѣмъ, рѣшительно уставивъ свои сѣро-зеленоватые и подслѣповатые глаза, спросила: «ну что жъ товарецъ-то продаешь»?

Суевѣріе въ ту пору было однимъ изъ сильныхъ двигателей не только въ домашнихъ, но и въ общественныхъ и даже въ государственныхъ дѣлахъ, и потому ловкій намекъ свахи на свою чародѣйскую силу не могъ не подѣйствовать на такую простую женщину, какой была мать Анфисы.

— Съ нами крестная сила, подумала она. Откажу ей, такъ, чего добраго, сглазитъ, или, пожалуй, на вѣкъ испортитъ Анфисочку.

— А кто жъ онъ таковъ будетъ? спросила она не безъ замиранія сердца.

— Ты его, чай, знаешь, загадочно проговорила сваха, желая помучить Маремьяну возбужденнымъ въ ней любопытствомъ. Да прежде чѣмъ я назову его, ты поднеси-ка мнѣ винца.

Желаніе свахи было немедленно исполнено.

— Ну, теперь скажу: будетъ онъ человѣкъ хорошій, надежный, начнетъ, какъ подобаетъ, почитать и тестя и тещу, душою передъ ними прямить станетъ и будетъ покоренъ вамъ, какъ сынъ вамъ родной, а зовутъ его Андрей Викулычъ, по прозвищу Тябота.

При имени жениха Маремьяна Ивановна замѣтно смутилась.

— Да вѣдь онъ, родимая моя, говорятъ, крѣпко запиваетъ, робко пробормотала она.

— Мало ли что говорятъ! Нешто и про меня съ тобой всякой всячины не толкуютъ. Пустое дѣло, что пьетъ. Да и кто на Москвѣ теперь не запиваетъ? Небось твой-то не пилъ.

— Былъ тотъ грѣхъ, да по милости божіей давно отъ пьянства Семенъ Яковлевичъ отсталъ: къ угодникамъ разнымъ на богомолье ѣздилъ, да не мало и я за него молебновъ отпѣла и разные наговоры и нашептыванія на него были...

— Ну вотъ видишь, а мой-то какъ пьетъ? Не зашибаетъ онъ до безпамятства у себя дома, а пьетъ на людяхъ. Держится значитъ такой пословицы: «пей за столомъ, а не пей за столбомъ». Съ того только о немъ и молва пошла будто онъ пьяница. Да и что за бѣда коль и выпиваетъ? Былъ бы только во хмѣлю покоенъ, да не драчливъ съ женой, а иной и не пьетъ, да какъ въ ярость придетъ, то хватитъ подъ злую руку чѣмъ попало...

— Такъ-то такъ, а все же Устинья Ермиловна тверезвый человѣкъ былъ бы лучше...

— Мало чего лучшаго найдется, былъ бы бояринъ или окольничій такъ, безъ спору, былъ бы лучше, нежели торговый человѣкъ, нѣсколько раздраженнымъ голосомъ перебила сваха.

— Поговорю я съ Семеномъ Яковлевичемъ, а тебѣ на сватовствѣ—наше спасибо. Сладится дѣло, такъ тебя, Устинья Ермиловна, не забудемъ.

— Да не проволакивай долго. Тяботѣ откажешь, такъ другаго жениха не скоро, пожалуй, отыщешь. На жениховъ, какъ на хлѣбъ, да на грибы бываютъ и неурожайные годы. Иной разъ какъ бѣсъ передъ заутреней мечешься во всѣ стороны, а жениховъ взять не откуда. Дѣлайся какъ знаешь, а невѣстъ-то на Москвѣ тьма тьмущая, и безъ Анфисы ихъ и не оберешься; словно ягоды на какомъ нибудь пролѣскѣ.

Оканчивая бесѣду со схвахой, Маремьяна Ивановна попросила ее навѣдаться за отвѣтомъ черезъ три дня.

X.

Въ былое время, когда дамскія моды не измѣнялись такъ быстро и такъ прихотливо, какъ нынѣ, заботливыя матери или бабушки начинали копить для своихъ дочерей или внучекъ приданыя чуть

ли не съ самаго дня ихъ рожденія. Это велось на Руси не только среди простонародья, но и среди боярства. Тогда были пригодны даже для самой богатой невѣсты наряды не только ея матери и бабушки, но даже прабабушки, а пожалуй, и еще болѣе отдаленныхъ ея прародительницъ. Ни удлиненіе и укорачиваніе тальи, ни покрой женской одежды, ни отдѣлка, ни цвѣта, ни доброта тканей не измѣнялась втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ и если только моль и ржа не истребляли этого наслѣдственнаго запаса, то онъ во всякое время могъ быть такой же обновкой, какою былъ бы только что наканунѣ приготовленный женскій нарядъ. Тѣмъ болѣе, конечно, сохранялись безъ всякой передѣлки драгоцѣнныя украшенія, у кого они были; и ожерелья и монисты и запястья оставались постоянно въ томъ видѣ, въ какомъ были сработаны первоначально.

Принявшись свататься къ Анфисѣ, Тябота сталъ почаще перетряхивать, вывѣшивать, провѣтривать и выколачивать, при помощи своего работника, Прокопа, наряды своей покойной жены. Тутъ были и однорядки и ферези, и шубки и шугаи.

— Собираешься, видно, Андрей Викулычъ снова жениться? замолвилъ однажды нерѣшительнымъ голосомъ старикъ-работникъ. Что жъ—дѣло благое, въ одиночествѣ жить скучно.

— Посмотримъ что Богъ дастъ, а въ правду сказать во вдовской жизни поумаялся я порядкомъ.

— Да, за чужими женами гоняться-то не легко, да и не всегда такая забава счастливо съ рукъ сходитъ, сказалъ Прокопъ, и какъ будто спохватился, что проговорился не кстати.

Тябота насупился, и было отъ чего. Въ памяти его ожило очень непріятное воспоминаніе о томъ, какъ онъ забравшись къ женѣ одного шубника, былъ захваченъ въ расплохъ ея мужемъ, и спасаясь бѣгствомъ, оттащилъ наскоро подворотню и хотѣлъ-было пролесть подъ ворота, но на бѣду застрялъ тамъ. Между тѣмъ оскорбленный мужъ, кликнувъ работниковъ, принялся выколачивать волокиту палками, какъ выколачиваютъ шубники запылившуюся овчину. Только послѣ продолжительнаго выколачиванія, хозяинъ велѣлъ растворить ворота настежъ и жестоко наказанный Тябота еле добрался до дому, пролежавъ послѣ такой расправы нѣсколько дней въ постели. Этотъ случай не отъучилъ, однако, его окончательно отъ привычки приставать къ чужимъ женамъ, хотя и сдѣлалъ его нѣсколько робкимъ и болѣе осторожнымъ.

Въ то время, когда Андрей Викулычъ занимался переборкою скарба, оставшагося у него отъ первой жены, въ домѣ Семена Яковлевича шли тоже приготовленія къ свадьбѣ Анфисы.

Молодая дѣвушка дѣйствительно оказалась покорною передъ родителями дочерью и хотя горько заплакала, когда узнала кто назначается ей въ суженые, но обошлась, однако, безъ тѣхъ взвизгиваній, всхлипываній и причитаній, которыя были обязательны

для тогдашнихъ русскихъ дѣвушекъ, даже и въ такомъ случаѣ еслибъ предстоящій бракъ былъ имъ по сердцу. Имъ нужно было оплакивать свое дѣвическое житье; попрекнуть родителей, что они не желѣютъ ее бѣдняжку, что у нея будетъ грозный мужъ. Среди такихъ причитаній, между прочимъ слышались запросы невѣсты:

Государь мой родной батюшка,
Невозможно-ль того сдѣлати,
Меня дѣвицу не выдавати?..

или:

Али я была у васъ не работницею?
Али я была у васъ не заботницею?

и чѣмъ больше плакала, голосила и ревѣла и причитывала невѣста, тѣмъ болѣе эта искуственная скорбь трогала сердце родителей и всѣхъ окружавшихъ просватанную дѣвушку. Отъ такихъ выраженій скорби о своемъ дѣвичествѣ Анфиса отказалась и хотя у ней на душѣ и было тяжело, но она не прекословила отцу и матери и молча покорилась ихъ волѣ и судьбѣ на роду ей написанной.

Прежде всего нужно было справить смотрины, такъ какъ предполагалось, что женихъ ни разу еще не видалъ свою невѣсту а такъ какъ, по обычаю, ему показать ее нельзя, то и нужно было избирать довѣренныхъ лицъ, которыя, по уполномочію жениха, тщательно осмотрѣли бы невѣсту и убѣдились бы въ ея статности, пригожествѣ, и, главное, въ томъ, что у нея нѣтъ никакого тѣлеснаго изъяна, что она не кривая или не слѣпая, не горбата, или не кривобока, не косноязычная и т. д.

— Глаза мнѣ твои тетушка Афимья Петровна нужны, сказалъ Андрей, пришедши къ своей старой теткѣ.

Выраженіе это, какъ и выраженіе насчетъ товара и покупщика, было понятно русскимъ людямъ того времени.

— А у кого смотрѣть? нетерпѣливо спросила она.

— У Семена Яковлевича.

— Анфису-то?

— Вѣдь ты ее знаешь, такъ пожалуй тутъ бы и не къ чему смотрины, да и я самъ нѣсколько разъ видѣлъ, нужно ли тутъ попусту возиться.

— Что ты? какъ попусту?.. А не исполнишь обычая, такъ и на людяхъ осудятъ, со свѣту сживутъ. Безъ смотринъ никакъ нельзя. Не тебѣ, Андрей Викулычъ отставлять то, что повелось изстари.

Тетка, впрочемъ, въ душѣ отстаивала не столько обычаи, сколько имѣла въ виду свои особыя цѣли. Ей желалось побывать въ домѣ Семена Яковлевича почетной гостьей; при чемъ, конечно, дѣло не обошлось бы безъ обильнаго угощенья и безъ подарковъ. Кромѣ того, бабѣ куда какъ хотѣлось впутаться въ какое нибудь

чужое дѣло, чтобы потомъ было о чемъ потолковать съ любопытными кумушками.

На третій день, Афимья Петровна произвела смотрины невѣсты. Тетку жениха приняли въ домѣ Семена Яковлевича съ большимъ почетомъ и вывели ей на показъ невѣсту въ самомъ нарядномъ уборѣ. Для пущей ли только важности или желая дѣйствительно исполнить добросовѣстно принятое на себя порученіе, Афимья Петровна взяла съ собой повитуху и онѣ вдвоемъ принялись опрашивать Анфису и ея родителей: нѣтъ ли или не было ли у ней какого недуга, или какой немочи, не было ли на ней наговора, или не была ли наведена на нее порча. Такъ какъ на этотъ разъ смотрины исполнялись женщиною доброжелательною невѣстѣ, то осмотръ и опросы не были произведены съ той тщательностію и съ тою строгостію, съ какими они производились въ иныхъ случаяхъ, когда слишкомъ безпощадно нарушались скромность и стыдливость молодой дѣвушки. Кромѣ того, смотрины не рѣдко сопровождались неблагопріятными для невѣсты послѣдствіями. Иныя смотрѣльщицы по разнымъ причинамъ и личнымъ соображеніямъ, оговаривали вполнѣ пригодную дѣвушку передъ родителями ея жениха или передъ нимъ самимъ, и вслѣдствіе этого сватовство разстраивалось послѣ смотринъ, а о невѣстѣ начинала ходить худая огласка. По этому родители не охотно показывали невѣсту и настаивали прежде всего на заочномъ сватовствѣ.

Афимью Петровну угостили на славу, отпустили съ честью и одарили. Анфиса не только была признана годной въ супруги Андрею Тяботѣ, но и представлена въ сообщеніи о ней жениху въ самомъ привлекательномъ видѣ.

При сватовствѣ, относительно смотринъ возникали почти всегда сильныя пререканія между стороной жениха и стороной невѣсты. Представители первой требовали, чтобъ дѣвушку показали самому жениху, а родители невѣсты отвѣчали, что они рады показать ее, но только не ему, а его отцу, матери, сестрѣ и той сродственницѣ, которой онъ довѣритъ. Очень рѣдко родители соглашались показать невѣсту жениху, и рѣшались на это только тогда, когда были вполнѣ увѣрены, что ее не стыдно показать людямъ. Не стыдно было показать Андрею Анфису, но онъ, зная ее въ лицо, не хотѣлъ настаивать, чтобъ видѣть невѣсту, опасаясь, что переговоры объ этомъ повлекутъ за собою продолжительную проволочку, а она была тѣмъ болѣе не удобна, что время подходило къ великому посту.

Смотрины, если дѣвушка была постоянно сокрыта отъ чужихъ людей, не обезпечивали, однако, жениха отъ обмана невѣстой. Родители ея, имѣя нѣсколько дочерей, выводили на смотрины самую красивую изъ нихъ и выдавали ее за невѣсту, а затѣмъ, когда нужно было вести дочь подъ вѣнецъ, то вмѣсто пригожей, подстав-

ляли дурную или безобразную, а иногда и уродца, то хромую, то увѣчную руками или ногами. Даже во время самаго вѣнчанія такой обманъ не могъ открыться, такъ какъ невѣста была закутана съ головы до ногъ, а свахи водили ее подъ руки. Были и другіе болѣе, или менѣе смѣлые обманы: такъ подъ невѣсту маленькаго роста, при смотринахъ, подставляли скамейку, чтобъ она казалась повыше. Сухопарую одѣвали такъ, чтобъ она казалась тучною, потому что тогда тучность считалась однимъ изъ главныхъ условій женской красоты. О бѣлилахъ и румянахъ, употреблявшихся въ этихъ случаяхъ, и говорить нечего. Въ одной изъ нашихъ старинныхъ народныхъ пѣсенъ отъ лица обманнымъ образомъ сбытой невѣсты говорится:

«И тогда у меня молоденькой
«Было туку прибавлено,
«Было росту понаставлено,
«Накладно лицо бѣлое,
«Бѣлымъ было набѣленое,
«Да алымъ нарумянено».

За обманы и подмѣны такого рода, слишкомъ заботливыхъ родителей били кнутомъ или, какъ замѣчаетъ современникъ этихъ ухищреній и поддѣлокъ, «бывало еще и хуже, каково царю полюбится». Если же женихъ, отказавшись отъ невѣсты, начиналъ, послѣ смотринъ, и опорочивать ее, то въ такомъ случаѣ честь дѣвушки ограждалась тѣмъ, что подлежащая власть принуждала злоязычнаго жениха или жениться на оговариваемой имъ дѣвушкѣ, или заплатить ей установленное, по закону, безчестье.

Случалось же всего чаще, что обманутый женихъ, желая избавиться отъ навязанной ему обманомъ невѣсты, принуждалъ ее уйти въ монастырь, а если она не дѣлала этого добровольно, то билъ и мучилъ всячески. За такую расправу мужей ссылали на смиреніе въ монастырь, на годъ, или на полгода. Но рѣдкіе изъ нихъ смирялись. Напротивъ, они возвращались изъ святыхъ обителей къ своимъ женамъ еще болѣе крутонравными и жестокосердными, нежели они были прежде. Не совладавъ съ женою такъ, чтобъ она ушла въ монастырь, мужъ самъ съ горя постригался, откуда и взялась старинная русская поговорка «отъ женъ мужья постригаются», или же супружеская вражда оканчивалась тѣмъ, что или онъ убивалъ ее, или она отправляла его на тотъ свѣтъ.

Всѣ эти хитрости родителей для того, чтобы сбыть съ рукъ уродливую или некрасивую дщерь влекли за собою печальныя послѣдствія, что и подало поводъ одному изъ тогдашнихъ русскихъ грамотеевъ написать слѣдующія строки: «Благоразумный читателю! не удивляйся сему: истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ на дѣвокъ такого обманства нѣтъ, яко въ московскомъ государствѣ; а такого обычая у нихъ не повелось какъ въ иныхъ

государствахъ: смотрѣть и уговариваться временемъ съ невѣстою самою».

На третій день послѣ смотринъ, Андрей отправился къ Семену Яковлевичу, трижды поклонился въ ноги ему и его женѣ, а затѣмъ учинилъ съ будущимъ своимъ тестемъ рукобитіе на томъ, что онъ, Андрей Викуловъ, отъ невѣсты не откажется, а съ своей стороны и онъ, Семенъ Яковлевъ, свою дочь, дѣвку Анфису Семенову, за другого жениха, кромѣ его, Андрея, не просватаетъ.

Свиданіе жениха съ невѣстой.

Пришелъ къ Андрею и приказный съ Красной площади, Дмитрій Коробецъ. Принесъ онъ жениху рядную запись приданому Анфисы за рукоприкладствомъ ея родителя. Андрей увидѣлъ, что въ этой записи означено въ точности все, что обѣщалъ Семенъ Яковлевичъ на словахъ Афимьѣ Петровнѣ дать за своею дочерью. Съ своей стороны «площадной» приказный потребовалъ отъ жениха неустоечную запись, въ которой было сказано, что въ случаѣ неисполненія имъ обѣщанія вступить въ бракъ, въ такой-то срокъ, съ дочерью торговаго человѣка Семена Яковлева, по имени Анфисою, онъ, торговый человѣкъ, Андрей Викуловъ, по прозванію Тябота, обязанъ уплатить пени 50 рублевъ.

Андрей очень охотно учинилъ подъ этою записью рукоприкладство, такъ какъ онъ ни за что не отступился бы отъ Анфисы.

По окончаніи всѣхъ этихъ, если и не необходимыхъ, то все же обязательныхъ на ту пору подготовленій, Андрей отправился снова въ домъ Семена Яковлевича поблагодарить своихъ будущихъ тестя и тещу, которыя и вынесли ему въ подарокъ отъ невѣсты шитую ею шелкомъ ширинку.

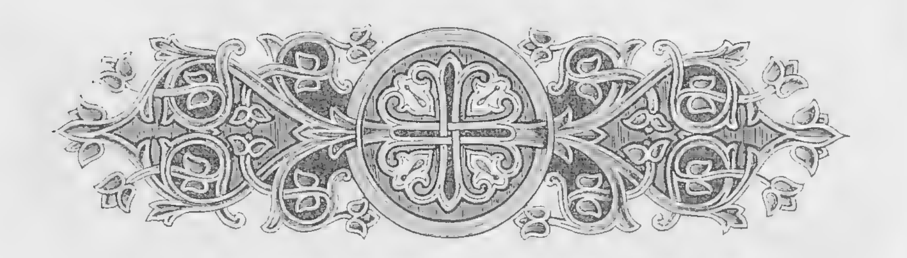
— А вотъ и мой подарокъ Анфисѣ Семеновнѣ, сказалъ онъ, развязывая узелокъ и вынимая изъ него гребень и кусокъ мыла.— А вотъ и братцу ея, Макару Семеновичу, полтина за ея русую косу, добавилъ онъ, подавая деньги,—какъ онъ вернется въ Москву, такъ вы ему отдадите.

Въ числѣ подарковъ, подносимыхъ женихомъ Анфисѣ, не было одного подарка, а именно шелковой плетки. Такую плетку, по старому обычаю, подносилъ прежде женихъ невѣстѣ въ числѣ первыхъ свадебныхъ подарковъ, но въ ту пору, хотя обычай этотъ и не вывелся еще окончательно изъ употребленія, но нѣсколько измѣнился въ отношеніи того времени, когда предподносился такой подарокъ невѣстѣ. Новгородскія плетки на жену считались почему-то лучшими не только въ Москвѣ, но и по всей Руси православной.

Е. Карновичъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

Ѳ. В. БУЛГАРИНЪ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ ЕГО ЖИЗНИ

(1850—1859 гг.).

Въ 1846 ГОДУ, зимою, утромъ я явился къ Ѳаддею Венедиктовичу Булгарину (жившему въ то время на Невскомъ проспектѣ, между Литейною улицею и нынѣшнею Надеждинскою, тогда еще непроложенною, въ домѣ Меняева) и представилъ ему свою повѣсть, написанную подъ вліяніемъ чтенія романовъ Вальтеръ-Скотта, Купера, Маріетта и пристрастія къ морю. Повѣсть была ученическая, но семнадцатилѣтній студентъ былъ высокаго мнѣнія о ней. Булгаринъ, зная моего отца (профессора петербургскаго университета), принялъ меня ласково, привѣтливо, взялъ мою рукопись и при мнѣ сталъ ее читать и дѣлать карандашемъ въ ней замѣтки и поправки. Прочитавъ нѣсколько страницъ, онъ остановился, посмотрѣлъ на часы, сказалъ, что болѣе со мною заниматься ему нѣтъ времени, просилъ оставить рукопись у него и прибавилъ: «Когда Марлинскій (Бестужевъ) явился ко мнѣ въ первый разъ со своею повѣстью, то она была слабѣе вашей». Понятно, эта фраза была однимъ комплиментомъ. Повѣсть моя не появилась въ печати.

Почти одновременно, другую мою повѣсть я принесъ къ Андрею Александровичу Краевскому (жившему на Невскомъ проспектѣ, за Аничковымъ мостомъ, въ домѣ бывшемъ Александровой) и просилъ помѣстить ее въ «Отечественныхъ Запискахъ». Когда я вошелъ изъ передней въ первую комнату (въ родѣ гостиной, сколько помню), то увидалъ, что А. А. Краевскій стоялъ у камина и дружески прощался съ худощавымъ человѣкомъ, державшимъ подъ мышкою нѣ-

сколько книгъ. Мое свиданіе съ А. А. Краевскимъ, также хорошимъ знакомымъ моего отца, было минутное. Я передалъ рукопись; онъ отвѣтилъ, что разсмотритъ ее. Выходя отъ него, я спросилъ у служителя, кто былъ въ гостиной, когда я туда входилъ. «Господинъ Бѣлинскій» было мнѣ отвѣтомъ. И эта моя повѣсть, какъ ученическая, осталась не напечатанною. Я бросилъ беллетристику, и въ августовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», 1848 года, появилась моя оригинальная статья «О торговлѣ пшеницею въ Самарѣ [1]).

Съ 1846 года, въ теченіе болѣе трехъ лѣтъ, я не видался съ Ѳ. В. Булгаринымъ. По окончаніи университетскаго курса, 1-го іюня 1849 года, по приглашенію Н. И. Греча, сдѣланному чрезъ моего отца, я сталъ заниматься въ редакціи «Сѣверной Пчелы». У сына его и главнаго помощника по газетѣ, Алексѣя Николаевича Греча, появились тогда первые признаки болѣзни, превратившейся въ чахотку, которая, въ мартѣ 1850 года, свела его въ могилу. Врачи совѣтовали А. Н. Гречу прекратить на время его занятія по газетѣ и онъ отправился на все лѣто 1849 года въ Заманиловку (за первымъ Парголовымъ), не пріѣзжалъ въ городъ и не принималъ почти никакого участія въ редакціонной работѣ. Болѣзнь сына побуждала Н. И. Греча торопить меня приступить къ занятіямъ въ редакціи, поэтому я явился туда 1-го іюня, по окончаніи экзаменовъ по главнымъ предметамъ своего факультета (по естественнымъ наукамъ) и 5-го іюня изъ редакціи пошелъ уже въ университетъ для послѣдняго экзамена изъ иностранныхъ языковъ. Я приходилъ въ редакцію ежедневно, кромѣ воскресеній, и въ первое время занимался исключительно переводами. Осенью того же года, Ѳ. В. Булгаринъ возвратился изъ своего помѣстья Карлово (близъ Дерпта), куда онъ уѣзжалъ каждое лѣто. Гречъ представилъ меня Булгарину, который вспомнилъ, что я былъ у него уже однажды.

Когда, въ началѣ 1850 года, А. Н. Гречъ уѣхалъ на островъ Мадеру, и въ мартѣ скончался на пароходѣ на пути туда, Н. И. Гречъ сталъ настаивать на томъ, чтобы я переѣхалъ на жительство къ нему въ домъ и принялъ болѣе дѣятельное участіе въ редакціи газеты. Переговоры наши продолжались около мѣсяца, потому что я предпочиталъ приходить въ редакцію ежедневно и не желалъ еще въ то время окончательно посвятить себя журналистикѣ. Ѳ. В. Булгаринъ, при своихъ почти ежедневныхъ появленіяхъ въ редакціи, присоединялся къ настояніямъ Н. И. Греча. Мнѣ поставили условіемъ: или постоянное исключительное занятіе въ редакціи «Сѣверной Пчелы», съ переѣздомъ туда на жительство, или прекра-

[1]) Въ № 192-мъ «Сѣверной Пчелы», 1846 года, напечатана была моя переводная статья, за подписью, подъ заглавіемъ «Миссури» (описаніе сѣверо-американскихъ индійцевъ).

щеніе сотрудничества. Я согласился, и 11-го февраля 1850 года переѣхалъ въ домъ Греча, на Мойкѣ, у Почтамтскаго мостика.

Съ этого времени у меня и установились ежедневныя сообщенія съ Ѳ. В. Булгаринымъ, или въ видѣ свиданій въ редакціи, или письменныя. Писать біографію Ѳ. В. Булгарина я не намѣренъ, потому что мало зналъ его до 1850 года, но полагаю, что выдержки изъ его переписки со мною, въ теченіи десяти лѣтъ, могутъ дать нѣкоторый матеріалъ для его характеристики, искаженной его литературными и политическими врагами. У меня сохранилось 230 писемъ и записокъ его ко мнѣ, изъ которыхъ я приведу въ настоящей статьѣ все болѣе или менѣе интересное, выпуская разныя его распоряженія, касавшіяся до текущихъ редакціонныхъ дѣлъ, и не имѣющія нынѣ никакого значенія. Повторяю, я не намѣренъ оправдывать Булгарина, но, по безпристрастію, долженъ признать, что это былъ человѣкъ умный, владѣвшій бойкимъ перомъ, умѣвшій создать себѣ обширный по тому времени кругъ читателей. Несмотря на свой тяжелый, неуживчивый характеръ, онъ, въ сношеніяхъ со мной, держалъ себя такимъ образомъ, что серьезныхъ размолвокъ между нами въ продолженіи десяти лѣтъ почти не бывало. Обыкновенныя недоразумѣнія оканчивались очень скоро взаимными объясненіями, какъ это будетъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его переписки, которая началась, послѣ моего переѣзда въ домъ Греча, слѣдующимъ приглашеніемъ: «Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Павелъ Степановичъ. Прошу васъ ко мнѣ на вечеръ, завтра, въ воскресенье, поплясать съ красными дѣвицами. Преданный Ѳ. Булгаринъ, 18-го февраля 1850 года, субота».

Отъ 4-го марта, Булгаринъ писалъ: «Посылаю двѣ книжки «Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества»: ради Бога, отмѣтьте сейчасъ, гдѣ алькоголь и алькали, и возвратите съ подателемъ». Въ этомъ журналѣ, при тогдашнемъ его редакторѣ В. П. Бурнашевѣ, была напечатана ученая статья, въ которой неоднократно щелочи (алькали) были названы спиртомъ (алькоголемъ). Булгаринъ разразился жестокою критикой противъ подобнаго невѣжества въ наукѣ.

Отъ 12-го марта: «Посылаю вамъ «Journal des Débats». Важная для Россіи и крайне любопытная статейка, о калифорнскомъ золотѣ, никѣмъ не можетъ быть переведена, кромѣ человѣка, знающаго естественныя науки, особенно геологію и минералогію. Это, кажется, по вашей части. Нельзя ли махнуть! Одолжите «Пчелу» и русскихъ золотопромышленниковъ!»

Отъ 13-го марта: «Прошу васъ покорнѣйше показать Н. И. Гречу посылаемыя статьи и испросить разрѣшенія на очередное ихъ печатаніе. Надобно особенно поторопиться съ рѣчью Василія Алексѣевича Перовскаго (бывшаго оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ и управлявшаго недолго морскимъ министерствомъ) и вар-

шавскою статейкой: она любопытна. Да хранитъ васъ Господь подъ своимъ святымъ покровомъ, «имъ же вся тварь живетъ и движется» (съ этого времени Ѳ. В. Булгаринъ сталъ неоднократно, а затѣмъ все чаще, прибѣгать къ моему посредничеству, для сношеній съ Н. И. Гречемъ по редакціоннымъ дѣламъ).

Въ маѣ Булгаринъ отправился, по обыкновенію, въ Карлово и первое его письмо оттуда, отъ 24-го мая, было слѣдующее: «Насилу успѣлъ оправиться! Ѣхалъ четыре дня (теперь на переѣздъ въ Дерптъ употребляютъ нѣсколько часовъ) въ мазанковомъ экипажѣ, сооруженномъ изъ русской торговой совѣсти. Горе! Не поспѣетъ «Всякая Всячина» (еженедѣльный фельетонъ Булгарина) къ суботѣ, печатайте въ понедѣльникъ, но только не задерживайте текущихъ статей, какъ у насъ часто случается. У васъ есть еще письмо изъ Варшавы, начинающееся описаніемъ бала. Не держите и тисните. Вообще, что получено изъ провинціи, если можно, тотчасъ печатать. Наша русская блоха важнѣе парижскаго слона для русскихъ газетъ. Ради Бога, присмотрите за смысломъ въ моей статьѣ. Болѣе не могу писать, смертельно усталъ, а дѣла пропасть».

Изъ Карлова же, отъ 28-го мая: «Нельзя ли театральную статью процензировать, не посылая въ Москву къ Гедеонову (директору театровъ)? Это легко сдѣлать, адресуясь прямо къ директору канцеляріи князя Петра Михайловича Волконскаго (тогдашняго министра императорскаго двора), Владиміру Ивановичу Панаеву. Н. И. Гречу стоитъ только написать три слова къ Панаеву и онъ все сдѣлаетъ въ минуту». В. И. Панаевъ принадлежалъ къ числу искреннихъ друзей Н. И. Греча.

Отъ 6-го іюня, оттуда же: «Венгерскихъ сценъ изъ присланнаго ко мнѣ «Journal des Débats» нельзя переводить, потому что дѣло идетъ о взбунтованныхъ профессорахъ и студентахъ (разсказъ касался революціи въ Венгріи въ 1848—1849 году), а это намъ не позволено. Я не могу сказать о себѣ, чтобы былъ здоровъ: человѣкъ я изъ породы кровной и многокровной и кровь мучитъ меня, пока не пристукнетъ совсѣмъ. Пора и честь знать! Поклонитесь Н. И. Гречу и вашему папа. Я въ отношеніи къ нимъ и всѣмъ друзьямъ всегда одинаковъ: solide au poste! Собираюсь писать къ Николаю Ивановичу. Болѣзнь мѣшаетъ. Въ «Пчелу» пишу чрезъ силу».

Отъ 10-го іюня: «Н. И. Гречъ хотѣлъ написать нѣсколько строкъ о покойномъ Меркелѣ. Объ умершихъ или писать въ газетѣ сейчасъ, или вовсе не писать. Ради Бога, спросите у Н. И. Греча: напишетъ онъ или нѣтъ и увѣдомьте меня. Я тотчасъ навихляю, не ожидая вдохновенія съ небесъ!»

Отъ 11-го іюня: «Посылаю вамъ заранѣе «Всякую Всячину», чтобы вы успѣли осмотрѣться. Дѣла важныя и съ цифрами. Если бы наша глупая цензура заартачилась въ статьѣ объ англійской

коммерческой политикѣ, — пошлите въ иностранную цензуру, а лучше вмѣстѣ послать и въ нашу глупую и въ умную иностранную цензуру и слушать одной иностранной (т. е. цензора министерства иностранныхъ дѣлъ). Вселите нѣсколько смѣлости Н. И. Гречу! (Булгаринъ вообще дѣйствовалъ смѣлѣе Греча по отношенію къ цензурѣ, отстаивалъ статьи, жаловался предсѣдателю цензурнаго комитета, шелъ на проломъ тогдашнихъ цензурныхъ препятствій). Поелику у насъ пропустили о студентахъ въ статьѣ о венгерской войнѣ, слѣдовательно можно печатать и я пересмотрю «Journal des Débats» и пришлю для перевода. Болѣзнь моя не проходитъ. Я полусъѣденъ мушками и піявками, истерзанъ и изъязвленъ рожками и т. п., а волненіе въ крови продолжается».

Отъ 17-го іюня: «Во-первыхъ, благодарю васъ за исправныя корректуры моихъ статей. Отлично и никогда такъ не было. Доселѣ мои сотрудники и созидатели не помышляли о смыслѣ въ фельетонахъ. Во-вторыхъ, письмо изъ Варшавы я просмотрѣлъ. Николай Ивановичъ Гречъ ничего не любитъ, что не пахнетъ Парижемъ и не смердитъ Берлиномъ, а для меня весьма интересны замѣтки даже о варшавскомъ театрѣ. Я оставилъ вамъ (передъ отъѣздомъ въ Карлово) выправленную статью Терещенки о Сараѣ (раскопки на мѣстѣ столицы болгаръ у Волги). Пожалуйста тисните, несмотря на то, что Н. И. Гречу дороже иностранный грошъ, чѣмъ русскій червонецъ. Для меня Сарай любопытнѣе Помпеи. Ради Бога, тисните и тисните».

Послѣ этого письма Булгаринъ переѣхалъ въ другое свое помѣстье, Саракусъ, лежавшее дальше отъ Дерпта, чѣмъ Карлово, граничившее съ этимъ городомъ. Оттуда онъ писалъ: «24-го іюня 1850 года, въ день моего рожденія, за 61-й годъ предъ симъ (Булгаринъ былъ слѣдовательно двумя годами моложе Греча, родившагося 3-го августа 1787 года). Сносите терпѣливо, что я, изъ моего уединенія, штурмую васъ моими письмами. Такъ было съ покойнымъ Алексѣемъ Гречемъ. Вы имѣли довольно времени узнать Николая Ивановича. Это честнѣйшій, благороднѣйшій, добрый, умный, свѣдущій человѣкъ, первый въ мірѣ знатокъ русскаго языка, но онъ человѣкъ, въ полномъ смыслѣ слова, кабинетный,— и притомъ съ кабинетными привычками, превратившимися въ кабинетную натуру. Практической жизни онъ не знаетъ и не любитъ. Отмѣтитъ политику, переведетъ самъ, что нужно, пожалуй и напишетъ что нибудь, когда придетъ охота, но бѣгать, хлопотать, собирать матеріалы и проч., безъ чего не можетъ существовать ежедневная газета,—онъ не въ состояніи, хотя бы ему обѣщали на землѣ милліоны червонцевъ и царство небесное по смерти. Въ жизни надобно брать людей и дѣла такъ, какъ они есть! Вы пріучастесь къ редакторству и сдѣлали въ короткое время невѣроятные успѣхи,—и кому же я могу дѣлать мои литературныя

порученія какъ не вамъ; самъ дѣлаю, что могу. Мазанковый тарантасъ, какъ вы писали, понравился публикѣ, но не все же писать о тарантасахъ! Есть много читателей, которымъ нравится иное. Напримѣръ, письма изъ Варшавы многимъ нравятся, а Николаю Ивановичу не нравятся. Публика наша любитъ только тогда политику, когда въ политикѣ таскаютъ другъ друга за волосы и бьютъ по рылу. Абстрактивной политики, восхищающей Николая Ивановича, публика не любитъ и не понимаетъ. Англійскій клубъ (гдѣ Гречъ состоялъ членомъ и куда не были выбраны членами ни Булгаринъ, ни А. А. Краевскій) не мѣрка общаго мнѣнія. Намъ съ вами должно поддерживать «Пчелу» русскими оригинальными статьями, которыя ненавидитъ Николай Ивановичъ, требуя съ нашею цензурою парижской занимательности отъ русскихъ статей!!!!!!! По моей вѣрѣ, статьи Бранта (Леопольда Васильевича, писавшаго, во время отсутствія Булгарина лѣтомъ въ 1850 году, петербургскіе фельетоны въ «Сѣверной Пчелѣ») гораздо болѣе имѣютъ хвалителей и читателей въ публикѣ, нежели берлинскія письма (тогда ихъ писалъ Луи Шнейдеръ, чтецъ короля прусскаго, бывшій нѣсколько лѣтъ корреспондентомъ «Сѣверной Пчелы»), безъ всякаго интереса»!

Отъ 9-го іюля, изъ Саракуса: «Н. И. Гречъ писалъ ко мнѣ, чтобы я изъ Карлова отказалъ Бранту и увѣрялъ, что онъ ему въ глаза бранилъ его фельетоны (эти фельетоны о петербургской жизни, гдѣ стихами и прозою воспѣвались, между прочимъ, похвалы Излеру, содержателю минерашекъ, дѣйствительно не нравились Гречу). Я послалъ въ отвѣтъ письмо Бранта ко мнѣ, въ которомъ онъ похваляется похвалами Греча и теперь посылаю таковую же похвальбу. Какъ это растолковать? Покажите Н. И. Гречу подчеркнутыя строки въ письмѣ Бранта. Если будете имѣть терпѣніе прочесть письмо Бранта, увидите, какими дрязгами онъ меня занимаетъ! Странный человѣкъ, но честенъ» (Послѣ 1850 года Л. В. Брантъ прекратилъ свое постоянное сотрудничество въ «Сѣверной Пчелѣ» и только по временамъ помѣщалъ въ ней свои повѣсти).

Отъ 13-го іюля, изъ Карлова: «Опять длинная, скучная булгаринская всячина занимаетъ мѣсто берлинскаго письма и политики»! воскликнетъ Николай Ивановичъ, получивъ мою статью. Онъ переживетъ меня (такъ, дѣйствительно, случилось) и вы переживете и тогда увидите, какова будетъ «Пчела» безъ моихъ длинныхъ и скучныхъ статей»!

Отъ 25-го іюля, изъ Саракуса: «Съ здоровьемъ моимъ было такъ плохо, что я не могъ даже писать къ вамъ. Какъ осужденный на казнь, стою на эшафотѣ и жду удара, и, пока опустятъ ножъ гильотины,—работаю, сколько станетъ силъ. При недостаткѣ политики, «Пчелу» можно поддержать только литературою и оригинальною болтовнею. Знаю, какъ вамъ тяжело, при служебныхъ

занятіяхъ (я поступилъ, въ 1850 году, на службу въ департаментъ сельскаго хозяйства министерства государственныхъ имуществъ), отмѣчать и переводить одному, и говорю это вамъ не въ упрекъ, тѣмъ болѣе, что, не имѣя здѣсь русскихъ журналовъ и французскихъ мелкихъ газетъ, пособить вамъ не въ состояніи. Васъ мучатъ по службѣ! ужъ такъ ведется; какъ найдутъ способнаго человѣка, который поддается: замучатъ на смерть, а награды себѣ возьмутъ»!

Отъ 26-го августа, изъ Карлова: «Душевно благодарю васъ за ваши два послѣднія письма съ петербургскими новостями. Кромѣ газетнаго, мы здѣсь ничего не знаемъ, а знать любопытствуемъ. На первое письмо не отвѣчалъ я вамъ, потому что мои припадки были весьма сильны, но вотъ страшно вымолвить, чтобы самому себя не сглазить, новый мой докторъ, саксонецъ Карусъ, кажется поймалъ мучащаго и терзающаго меня дьявола за хвостъ и авось ухватитъ за рога! Словомъ, кажется, докторъ понялъ мою болѣзнь! Боюсь сказать, но вотъ уже недѣля, какъ мнѣ легче и я даже могу спать. Ахъ, какое блаженство спать! Какъ я писалъ фельетоны, когда сто тысячъ чертей шумѣли и вертѣлись въ головѣ и въ сердцѣ—не постигаю. Великое слово: жена и дѣти! Не забывайте, дѣти, насъ, бѣдныхъ тружениковъ—отцовъ! Не будь дѣтей, все бы бросилъ и отправился на лоно Авраамово по экстрапочтѣ! Съ цензурою дѣлать нечего, потому что на глупость нѣтъ лекарства. Но жаль, что въ варшавскихъ письмахъ исключена половина стиха, а въ моемъ истолкованіи слово кохацъ, т. е. любить, пропущено истолкованіе слова романсовать, такъ что выходитъ, будто кохацъ и романсовать одно и тоже, а тутъ точно такая же разница, какъ между головою цензора Крылова и головою Наполеона I. Нельзя ли исправить? Если нашему папѣ, то есть Н. И. Гречу, не нравятся варшавскія письма—весьма сожалѣю. Послѣ А. Бестужева никто не писалъ по русски такъ живо, такъ умно и такъ остро. Настоящій фельетонъ! лучшаго я ничего не читалъ по русски, какъ варшавскія письма [1]). Dixi! Въ посылаемой присемъ «Всякой Всячинѣ» я говорю о гвардіи, á propos книги Висковатова (военнаго историка). Полагаю, что разборъ военныхъ книгъ не должно посылать въ военную цензуру, хотя бы и требовали наши мудрые цензора. Завтра университетъ въ Дерптѣ празднуетъ юбилей пятидесятилѣтней службы своего попечителя (генерала Крафстрема), живущаго въ Карловѣ, ergo и я долженъ праздновать съ университетомъ, то есть ѣсть супъ за столомъ и пить ключевую воду. Назначенное мнѣ судьбою количество вина, на всю жизнь мою, уже выпито мною преждевременно, а потому на ста-

[1]) Авторомъ ихъ былъ Александръ Николаевичъ Зайцевъ, служившій контролеромъ въ тогдашней дѣйствующей арміи.

рости долженъ пить воду. Сегодня я совсѣмъ переселился изъ лѣтней моей резиденціи, Саракусъ, въ богохранимое Карлово».

Отъ 2-го сентября, изъ Карлова: «Нашъ Николай Ивановичъ всего боится. Я дѣлалъ предположеніе о постройкѣ 9,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи компаніею и это вовсе не подлежитъ цензурѣ графа Кленймихеля. Онъ мнѣ лично объяснялъ, чтобы посылать къ нему только то, гдѣ говорится о работахъ, производимыхъ подъ его начальствомъ. Крылову легко махнуть—«послать къ Клейнмихелю», но... Крылова не всегда должно слушать. Надобно непремѣнно напечатать въ «Пчелѣ» имена артистовъ будущей итальянской оперы. Это весьма легко узнать въ канцеляріи директора театровъ, отъ секретаря Евгенія Макаровича Семенова».

Отъ 6-го сентября, оттуда же: «Сейчасъ я получилъ ваше милое письмецо съ цензурнымъ листомъ и отвѣчаю: дѣлать нечего. Не то еще будетъ! Крыловъ (цензоръ) только къ осени взъѣдается. Возвратясь въ Петербургъ, попробую повидаться съ княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ (тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія), Норовымъ (его товарищемъ) и попечителемъ (Мусинымъ-Пушкинымъ, предсѣдателемъ цензурнаго комитета) и устроить какой ни есть другой безпорядокъ въ цензурованіи. О порядкѣ думать напрасно».

Отъ 11-го сентября, изъ Карлова: «Ни первый знатокъ русскаго языка, Н. И. Гречъ, ниже всѣ академіи въ мірѣ, не заставятъ меня отказаться отъ моего мнѣнія, что съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Россія, никто лучше и остроумнѣе не писалъ по-русски, какъ нашъ варшавскій корреспондентъ. Жаль только, что онъ началъ писать въ наше время, въ вѣкъ Александра Лукича Крылова! Посылаю вамъ письмо варшавскаго корреспондента ко мнѣ и покорно прошу исправить опечатки. Какъ Пиѳагоръ превратился въ Архимеда и Ѳермопилы въ термометры—не постигаю и никогда не постигну. Николай Ивановичъ въ корректурахъ никогда не обращаетъ вниманія на смыслъ рѣчи, но смотритъ только на слова, выправляя даже грамматически и слова, приводимыя въ примѣръ неграмматикальности.—Чрезвычайно прискорбно мнѣ, что я здѣсь не получаю никакого извѣстія отъ Николая Ивановича и о Николаѣ Ивановичѣ! Съ бабами онъ великій охотникъ и мастеръ переписываться, а въ старые годы писывалъ и ко мнѣ довольно часто. А теперь... ни гугу! Ради Бога, извѣстите меня о его здоровьѣ. Онъ намекалъ мнѣ въ своемъ единственномъ письмѣ, что иногда страждетъ желудкомъ. Въ другомъ дѣловомъ письмѣ не сказалъ о себѣ ни слова».

Отъ 18-го сентября, изъ Карлова: «Братъ редактора газеты «Inland» (издававшейся въ Дерптѣ) извѣстилъ меня, что изъ редакціи «Сѣверной Пчелы» прислано въ пользу сироты 15 руб. сер. отъ русскихъ гвардейскихъ солдатъ, въ память ласковаго пріема

ихъ въ Дерптѣ. Если правда,—какъ же вамъ не напечатать объ этомъ? Вѣдь это выше милліона шереметьевскаго! Не постигаю я, къ чему напечатана глупѣйшая статья въ № 203 «Сѣверной Пчелы»: «Нѣсколько словъ о русскихъ журналахъ» съ похвалами... Тургеневу [1]). Какъ можетъ Н. И. Гречъ принимать глупѣйшие стихи Бранта? Это стихотворный поносъ á la Хвостовъ! (извѣстный въ свое время графъ-стихоплетъ). Пусть бы несъ стихами въ другіе журналы. Бранту рѣшительно откажите съ 1-го октября [2]) (онъ пересталъ писать фельетоны съ этого числа). Ужели Н. И. Гречъ не можетъ найдти человѣка за деньги, для описанія выставки вольнаго экономическаго общества? Вѣдь это важнѣе парижскихъ и берлинскихъ тряпокъ. Скажи же ему это отъ меня, безъ всякой церемоніи».

Отъ 14-го ноября, въ Петербургѣ: «Старый другъ мой, Николай Ивановичъ, добрый и тихій, какъ голубь, мѣняетъ шкуру ежегодно, какъ змѣй, и при этихъ измѣненіяхъ только честное и благородное его сердце остается неизмѣннымъ. Со времени своихъ Wanderungen, странствованій по Европѣ, онъ превратился въ француза, настоящаго парижанина изъ того сословія, которое въ Парижѣ, въ мое время, называлось les bonnetiers, колпаками. Николай Ивановичъ, живя въ Парижѣ, былъ легитимистомъ, а теперь онъ орлеанистъ. Слѣдовательно, жителя rue Mouffetard занимаетъ все, что только стоитъ въ газетахъ подъ рубрикою «Paris» и «Nouvelles étrangères». Азъ же, грѣшный, принадлежу къ руссопетамъ, къ лапотникамъ, то-есть къ 99-ти частямъ читателей (платящихъ) «Сѣверной Пчелы» и для насъ политика только тогда интересна, когда чужеземные борцы схватятся за всѣ святые и дуютъ другъ друга по сусаламъ. А по сей то причинѣ политика теперь вовсе не занимательна для рассейской публики, которая съ большимъ наслажденіемъ читаетъ выписки изъ губернскихъ газетъ, чѣмъ чужеземныя разсужденія о дѣлахъ, совершенно для насъ чуждыхъ. И потому то надобно разнообразить иностранную скуку своимъ дрянцемъ и какими нибудь разсказами. Три статьи Классовскаго (Владиміра Игнатьевича, постояннаго сотрудника «Сѣверной Пчелы», по части критики книгъ и журналовъ, бывшаго преподавателя рус-

[1]) Это было сдѣлано мною по собственному почину. По полученіи письма отъ Булгарина, я узналъ отъ Греча причину ожесточеннаго нерасположенія Булгарина къ Тургеневу, уже обратившему на себя общее вниманіе своимъ талантомъ. Булгаринъ и Тургеневъ принадлежали къ числу усердныхъ поклонниковъ знаменитой тогда пѣвицы итальянской оперы, Віардо-Гарсіи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что примадонна обращала болѣе вниманія на молодаго, изящнаго Тургенева, а не на старика Булгарина. Послѣдній всю жизнь свою не прощалъ этого Тургеневу.

[2]) Леопольдъ Васильевичъ Брантъ приглашенъ былъ на лѣто писать въ «Сѣверной Пчелѣ» фельетоны («Городской Вѣстникъ») Булгаринымъ, сказавшимъ только о своемъ приглашеніи Гречу.

скаго языка и умершаго инспекторомъ Елисаветинскаго женскаго института) лежатъ уже нѣсколько мѣсяцевъ въ редакціи, яко бы по недостатку мѣста!!! Любитъ ли, не любитъ ли Николай Ивановичъ литерауру—пускайте ихъ въ печать, ибо и я имѣю также голосъ въ «Пчелѣ». Печатайте переводныя статьи Турунова (Якова Николаевича, бывшаго редакторомъ «Военнаго Журнала», преподавателемъ исторіи, состоявшаго постояннымъ сотрудникомъ «Сѣверной Пчелы» въ продолженіи многихъ лѣтъ). У насъ всѣ перебиваютъ статьи, даже ежемѣсячные журналы, а бывало въ мѣсяцъ «Пчела» напечатаетъ что было любопытнаго въ иностранныхъ журналахъ и ежемѣсячію русскому остается—шишъ! Покорнѣйше прошу васъ принять эту методу и печатать заднія статейки, если нѣтъ чего нибудь необыкновеннаго въ политикѣ. Прошу и умоляю, изжените изъ сердца и ума вашего щекотливость, susceptibilité, и не принимайте каждаго вопроса, каждаго совѣта, каждаго замѣчанія за намѣреніе васъ оскорбить или за признакъ неудовольствія. Я доволенъ вами, болѣе нежели самимъ собою, люблю васъ, какъ сына, но какъ вы заступаете мѣсто А. Н. Греча въ редакціи, то долженъ же говорить съ вами откровенно! Николай Ивановичъ никакихъ въ мірѣ писемъ, кромѣ отъ женщинъ, не читаетъ, а вѣдь не съ Кузнецовымъ (Александромъ Григорьевичемъ, читавшимъ первую корректуру и сводку «Сѣверной Пчелы») же мнѣ толковать!»

Отъ 24-го декабря: «Прошу васъ усердно втюрить программу объ изданіи «Журнала коннозаводства» въ отдѣлъ, гдѣ печатаются статьи Классовскаго, спрѣчь въ отдѣлъ литературы, а грамотное разсужденіе о журналѣ въ тотъ же самый нумеръ «Сѣверной Пчелы», въ Пчелку (фельетонъ). Это по службѣ моей и бѣда не исполнить волю министра! Хуже убійства и святотатства!» (Булгаринъ состоялъ на службѣ по вѣдомству государственнаго коннозаводства членомъ-корреспондентомъ и дослужился до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника).

Отъ 26-го декабря: «Пожалуйста распорядитесь, чтобы корректуру моихъ статей носили ко мнѣ на домъ, потому что пока будетъ зараза въ домѣ Греча, я туда не поѣду. Особенно мѣха удерживаютъ въ себѣ міазмъ, а я безъ шубы не ѣзжу» (Въ семействѣ Греча одинъ изъ его внуковъ заболѣлъ корью, но хотя комнаты редакціи отдѣлялись отъ помѣщенія больнаго очень многими комнатами, Булгаринъ пересталъ ѣздить въ редакцію, потому что боялся всякаго рода болѣзней, дружился со всѣми врачами, ради охраны своего здоровья, и всѣмъ давалъ совѣты беречься и лечиться при самомъ незначительномъ заболѣваніи).

Отъ 3-го января 1851 года: «Прошу васъ помѣстить прилагаемое объявленіе о «Другѣ здравія» (медицинской газетѣ, которую издавалъ много лѣтъ докторъ Груммъ-Гржимайло), въ отдѣлѣ лите-

ратуры, въ пятницу или субботу и въ такомъ видѣ, какъ я посылаю, т. е. съ исключеніемъ палача Пирогова» (Николай Ивановичъ Пироговъ уже тогда пользовался общею извѣстностію, но Булгаринъ, вѣрный своимъ личнымъ предубѣжденіямъ, признавалъ единственнымъ хирургомъ и операторомъ Илью Васильевича Буяльскаго, также знаменитаго врача, но съ тѣмъ вмѣстѣ и друга семьи Булгарина. Булгаринъ постоянно говорилъ, что «Пироговъ не хирургъ, но палачъ»).

Отъ 23-го января: «Прошу васъ убѣдительно приказать подлецамъ-наборщикамъ нашимъ набрать, во что̀ бы ни стало, прилагаемое извѣстіе о скачкахъ (полученное отъ управленія государственнаго коннозаводства, гдѣ служилъ Булгаринъ) на среду, 24-го января, въ городскія извѣстія, потому что этими извѣстіями гораздо больше интересуются въ Петербургѣ, чѣмъ разсужденіями газетъ о состояніи Франціи, что продолжается съ 1848 года, для потѣхи нашего добраго Николая Ивановича. Крайне одолжите, если начнете печатать Грумма (о путешествіи его на востокъ и въ Іерусалимъ). Оригинальное и Іерусалимъ—довольно для публики. Бѣда! мнѣ придется бѣжать изъ Петербурга отъ Грумма» (Кондратій Ивановичъ Груммъ-Гржимайло отличался настойчивостію и чуть ли не каждый день являлся въ редакцію или къ Булгарину за справками о своихъ статьяхъ).

Отъ 9-го февраля: «Покорно прошу васъ напечатать непремѣнно въ субботнемъ нумерѣ двѣ прилагаемыя вещицы, хотя бы устранивъ что нибудь изъ скучнѣйшихъ политическихъ извѣстій. О результатѣ скачекъ ждутъ извѣстія 100,000 руссопетовъ, а о Соловьевѣ просила меня знать, которая должна ему деньги. Въ доказательство, что царское имя не употреблено всуе и для предупрежденія въ Николаѣ Ивановичѣ лихорадки отъ трусости,—посылаю подлинные документы».

Отъ 13-го февраля: «Я буду въ два часа, по обыкновенію, въ редакціи и прошу оставить для меня книги, ненужныя Николаю Ивановичу для его наслажденія. Надлежало бы ему подумать, что я вью безпрерывно веревки изъ моего мозга и долженъ промазывать его чтеніемъ, а между тѣмъ всѣ иностранные журналы согниваютъ на ночномъ столикѣ Николая Ивановича. Я, кажется, причисленъ къ заштатнымъ!»

Отъ 10-го апрѣля: «Сдѣлайте милость, не пренебрегайте статьями, которыя я вамъ сообщаю для печатанія. Вотъ вы и забыли напечатать отчетъ Ольгинской больницы, который я вамъ сообщилъ при офиціальномъ ко мнѣ письмѣ, а между тѣмъ отчетъ напечатанъ въ «Полицейской Газетѣ» и ко мнѣ прислана весьма непріятная бумага отъ графа Орлова—за неглижированіе статьею, о которой хлопочутъ особы царской фамиліи. Мнѣ сущая бѣда! Меня всѣ терзаютъ, а меня не слушаютъ въ редаціи. Почему вы все

хотите помѣщать въ Пчелкѣ, т. е. въ фельетонѣ? А задняя страница «Пчелы» на что? У насъ прежде въ каждомъ нумерѣ кое что печаталось на задней страницѣ. На политикѣ изъ «Journal de St. Pétersburg» не выѣдешь. Эта политика срамъ—да и только! Пожалуйте, печатайте поскорѣе сообщаемыя мною статьи. Я сообщаю одно хорошее, а какъ пролежитъ у васъ мѣсяцъ, такъ уже и дрянь для ежедневной газеты».

Отъ 20-го апрѣля: «Статью «Житейскія случайности» цензоръ Крыловъ пересмотрѣлъ предварительно, ergo можно тиснуть. Можетъ быть, статья не понравится Н. И. Гречу, потому что она писана полякомъ, не ссыльнымъ, а чиновникомъ, а нашъ Николай Ивановичъ, аки Аннибалъ, помноженный на Асдрубала, ненавистниковъ Рима, ненавидитъ польскій народъ за то, что въ немъ узрѣлъ свѣтъ Сенковскій (Гречъ обыкновенно говорилъ, что для его ненависти къ полякамъ достаточно, что среди нихъ родились Булгаринъ и Сенковскій), за то же преступленіе не нравится ему и Контскій, вопреки мнѣнію многочисленной публики! И такъ не угодно ли показать Н. И. Гречу статью несчастнаго поляка-чиновника, которая, по моему, была бы хороша, хотя бы написана была жидомъ Дамке, глупымъ критикомъ (въ «Journal de St. Pétersbourg») Контскаго» (Между Гречемъ и Булгаринымъ уже начиналась тогда размолвка, хотя въ слабой степени, по поводу различія во мнѣніи относительно Аполлинарія Контскаго, которому Булгаринъ расточалъ дѣйствительно чрезмѣрныя похвалы. Эта размолвка привела впослѣдствіи къ непріятной полемикѣ между ними на страницахъ «Сѣверной Пчелы», когда къ этой размолвкѣ присоединились и другія причины).

Отъ 29-го апрѣля: «Я полагалъ, что Н. И. Гречъ, какъ старѣйшій журналистъ въ мірѣ, — догадается, что теперь въ «Сѣверной Пчелѣ» надобно сдѣлать особую рубрику: «Лондонская Всемірная Выставка», но по Николаю Ивановичу хоть трава не рости, хоть солома не сушись! И такъ прошу васъ покорно, по прилагаемому образцу въ «Journal des Débats», сдѣлать въ «Пчелѣ» особое отдѣленіе, подъ вышеозначеннымъ заглавіемъ, и вписывать туда всѣ важнѣйшія или любопытнѣйшія извѣстія о выставкѣ. Когда эти извѣстія будутъ разсѣяны въ «Пчелѣ», это будетъ безъ всякаго эфекта. Помните, что заглавіе иногда, и даже часто, замѣняетъ дѣло. Я имѣю даже нѣсколько частныхъ извѣстій изъ англійскихъ писемъ о выставкѣ. Въ особой рубрикѣ они бы годились, но въ болото иностранныхъ извѣстій «Пчелы» ихъ нельзя бросить. Покорнѣйше прошу исполнить мое порученіе; это возвыситъ интересъ «Пчелы».

Отъ 26-го іюня, изъ Карлова: «Лѣто для меня несчастное. Едва вылѣзъ изъ одной болѣзни, угрожавшей гробомъ, — привязалась зубная ужаснѣйшая боль! Три ночи не сплю, хожу какъ шаль-

ной! Не могъ даже дописать «Всячины». Перо валится изъ рукъ. Другой на моемъ мѣстѣ не взялъ бы и пера въ руки. Прощайте! Сегодня рѣшился вырвать зубъ, хотя здѣсь и нѣтъ зубныхъ врачей, въ Дерптѣ, съ медицинскимъ факультетомъ! Рвать будетъ докторъ. Страшно подумать, а дѣлать нечего. Кланяйтесь Н. И. Гречу. Хотѣлъ писать къ нему, но нѣтъ силъ».

Отъ 29-го іюня, оттуда же: «Прилагаю офиціальное отношеніе генерала барона Мейндорфа и прошу исполнять его требованія, помня, что я служу отставнымъ жеребцомъ по этой части».

Отъ 17-го іюля, изъ Саракуса: «Душевно благодарю васъ за память обо мнѣ и участіе, принятое въ моемъ здоровьѣ. Слава Богу и доктору Аммону все прошло и остался одинъ страхъ о прежнемъ. Порядочно я вытерпѣлъ! Живу я въ чудномъ мѣстечкѣ, въ 12-ти верстахъ отъ Дерпта, въ Саракусѣ. Что за прелесть Саракусъ. Лѣсъ, вода, холмы, прекрасный садъ—словомъ все хорошо при здоровьѣ, а безъ него міръ—адъ».

Отъ 3-го августа, изъ Саракуса: «Пожалуйста, попросите отъ меня Николая Ивановича, чтобы онъ не слишкомъ бралъ изъ печатной исторіи измайловскаго полка (вышедшаго тогда труда полковника Висковатаго [1]). Я знаю Николая Ивановича; какъ ему попадется готовый оригиналъ, то онъ отъ него не отстанетъ, пока не исчерпаетъ. Путешествіемъ Головнина (Василія Михайловича) онъ нанесъ смертельный ударъ «Сыну Отечества» и Воейковъ не даромъ написалъ въ своемъ «Домѣ Съумасшедшихъ»:

«Изъ тетрадищи огромной
Моряка Головнина» и т. д.

Теперь боюсь, чтобы тяжестью книги Висковатова не задушить «Пчелы».

Отъ 11-го августа, оттуда же: «Хотя слова ваши, въ послѣднемъ вашемъ письмѣ, будто многіе безпокоятся о моемъ здоровьѣ—ничто иное, какъ комплиментъ, но все же это мило. Кому обо мнѣ безпокоиться въ нашемъ Вавилонѣ? Внутренно утѣшаюсь тѣмъ, что я во всю жизнь не пропустилъ ни одного случая сдѣлать добро моему ближнему, но это я дѣлаю для души моей, а не для свѣта и никогда не требовалъ никакой благодарности. Богъ съ ними... Я не прочь, чтобы напечатать еще отрывокъ изъ книги Висковатова, но боялся, чтобы не слишкомъ растягивать. Странно, что Николай Ивановичъ хотѣлъ выбрать Фридландскій бой! Былъ я въ этомъ бою своею персоною и награжденъ за него аннинскою саблею (св. Анны 4-й степени за храбрость). Дралась лихо легкая кавалерія гвардейскаго корпуса: лейбъ-гусары, лейбъ-казаки и уланы полка его высочества Константина Павловича (нынѣ лейбъ-

---

[1]) Александра Васильевича, скончавшагося, въ 1858 году, въ чинѣ генералъ-маіора.

гвардіи уланскій полкъ, въ которомъ и служилъ Булгаринъ до выхода въ отставку изъ русской военной службы), а изъ пѣхоты отличились лейбъ-егеря. Прочіе гвардейскіе пѣхотные полки были разбиты въ пухъ. Пожалуй, казенный историкъ можетъ наплесть Богъ вѣсть чего, но правда та, что Фридландомъ нечего хвастать. Ужъ лучше выбрать Бородино; тамъ, говорятъ, измайловцы отличились.—Погода у насъ перемѣнчивая, но дожди берутъ преимущество, хотя нѣсколько дней было тепло. Вчера дождь шелъ шесть часовъ сряду, какого я съ рода не видывалъ! Въ 12 часовъ, то есть въ полдень, было темно, какъ въ сумерки. Я живу въ Саракусѣ на склонѣ холма, и чрезъ мой дворъ пролился океанъ. Господи, воля твоя! Здоровье мое comme—ci, comme—ça, но главное, что вмѣстилище души моей безсмертной, спрѣчь животъ,—исправленъ молодымъ чуднымъ докторомъ. Хотя зимніе финляндскіе биваки (Булгаринъ, по его словамъ, принималъ участіе въ шведской войнѣ 1809 года) и испанскій зной (въ Испаніи, по словамъ Булгарина, онъ служилъ въ арміи Наполеона I-го, въ составѣ польскаго вспомогательнаго корпуса) отзываются въ старыхъ костяхъ, но съ порядочнымъ животомъ все еще можно жить, хотя поохивая! Поклонитесь Николаю Ивановичу и припомните ему мою просьбу, чтобы онъ похлопоталъ у Я. И. Ростовцова (тогда начальника штаба военноучебныхъ заведеній) о моемъ сынѣ Мечиславѣ [1]). Это, какъ камень лежитъ у меня на сердцѣ».

---

[1]) У Ѳ. В. Булгарина было четыре сына и дочь, Елена Ѳаддеевна, вышедшая замужъ, при жизни отца, за инженера путей сообщенія, Александровича. Двое старшихъ сыновей, Болеславъ и Владиславъ, окончили курсъ наукъ въ петербургскомъ университетѣ, откуда вышли кандидатами, сколько помнится, въ 1854 году. Старшій поступилъ на службу въ третье отдѣленіе собственной е. и. в. канцеляріи, а второй, Владиславъ, въ канцелярію военнаго министра. Младшій сынъ, Святославъ, слабаго, хилаго здоровья, любимецъ отца, кажется, нигдѣ не кончилъ курса. Третій сынъ, Мечиславъ, былъ, въ полномъ смыслѣ слова, сорви голова. Отецъ говаривалъ, что Мечиславъ, по своей удали, напоминаетъ ему его уланскую жизнь и что въ этомъ отношеніи онъ настоящій его представитель. Лицомъ Мечиславъ болѣе всѣхъ сыновей походилъ на старика Булгарина. Послѣ разныхъ попытокъ сдѣлать что-либо изъ Мечислава, отецъ его опредѣлилъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи уланскій наслѣдника цесаревича полкъ (нынѣ лейбъ-гвардіи уланскій Его Величества), стоявшій тогда въ Твери (нынѣ въ Варшавѣ). Но и тамъ Мечиславъ не унялся. Онъ родился слишкомъ поздно, когда подобныя шалости и выходки уже не были терпимы ни въ гвардіи, ни въ арміи. Въ Твери, въ день какого-то большаго бала, онъ нанялъ всѣхъ извозчиковъ въ городѣ, запрегъ лошадей гуськомъ, посадилъ на нихъ верхомъ извозчиковъ, самъ сѣлъ на дрожки, и разъѣзжалъ по городу въ такомъ видѣ, между тѣмъ какъ гости, приглашенные на балъ, въ большинствѣ не явились на него, потому что лишились неожиданно наемныхъ экипажей. За одну крупную шалость, Мечиславъ Булгаринъ переведенъ былъ въ одинъ изъ оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ и вскорѣ скончался въ Оренбургѣ. Ѳ. В. Булгаринъ неоднократно жаловался, что Мечиславъ ему причиняетъ много хлопотъ и непріятностей.

Отъ 10-го сентября, изъ Карлова: «Чтобы устранить всякое недоразумѣніе, скажите, что я плачу за наборъ и печать (біографіи Аполлинарія Контскаго) наличными деньгами. «Пчела» ничего не издерживаетъ, потому что Н. И. Гречъ ненавидитъ Контскаго. Контскій—полякъ, слѣдовательно дуренъ. Логика 1812 года!»

Отъ 12-го сентября: «Съ одними вами могу я только бесѣдовать о дѣлѣ общемъ, спрѣчь о «Сѣверной Пчелѣ». Все прочее—мертвечина, трупы въ нашей несчастной редакціи. Словесно объяснимся—и только! На этомъ основаніи извѣщаю именно васъ, что я выѣзжаю изъ Карлова, 16-го сентября, въ Петербургъ. Покорнѣйше прошу сообщить объ этомъ одному изъ труповъ, занимающихся пересылкою «Пчелы». До свиданія!»

Отъ 10-го декабря, въ Петербургѣ: «Я долженъ сознаться, что самовольное прекращеніе печатанія критики въ «Сѣверной Пчелѣ», безъ моего вѣдома, для меня чрезвычайно огорчительно и неблаговидно. Разумѣется, это сдѣлано по волѣ Н. И. Греча, которому все скучно, кромѣ жалкой нашей политики, отрывчатой и безсвязной. Я васъ прошу докончить печатаніе критики «Житейской школы» (Это были критическія предлинныя статьи Петра Андреевича Каратыгина, въ которыхъ онъ по косточкамъ разобралъ и отдѣлалъ комедію актера Григорьева 1-го «Житейская Школа»). Она (критика), можетъ быть, и не нравится посѣтителямъ англійскаго клуба, разрушающимся въ своей кожѣ, но въ массѣ публики принята хорошо, а теперь, когда остается лучшее мѣсто, печатаніе прекратилось! Всѣми мѣрами дразнятъ меня; то бьютъ по карману, то по самолюбію! Посылаю фельетонъ. Васъ ни въ чемъ не обвиняю, — напротивъ, но покорнѣйше прошу и меня иногда послушаться. Вѣдь я не печатникъ въ типографіи господина Греча!»

Отъ 16-го января 1852 года: «Вы забыли, что у васъ съ конца декабря лежитъ иностранный некрологъ! Прошу васъ сказать Гречу, что невозможно изгонять вялыми разсужденіями о политикѣ прекрасныя литературныя статьи и событія или факты. Убиваютъ «Пчелу» и только! Политика! Какая тутъ политика — разсужденія изъ «Times» и «Droit»! Это хорошо для дураковъ нашего англійскаго клуба, которые представляются будто бы ихъ что-то интересуетъ, кромѣ денегъ и чиновъ, и не подписываются на «Пчелу!»

Отъ 22-го января: «Узнайте отъ Н. И. Греча, какъ звали того мусье, который первый выдумалъ дѣйствіе паровъ и посаженъ былъ въ домъ съумасшедшихъ кардиналомъ Ришелье. Кажется Дюко? У Н. И. Греча есть всѣ лексиконы; онъ узнаетъ, а вы поставьте въ завтрашнія мои замѣтки. Скажите Николаю Ивановичу, что поѣду сегодня къ Мусину-Пушкину (тогдашнему предсѣдателю цензурнаго комитета) бороться съ нимъ. Я вамъ сказывалъ, что Мусинъ-Пушкинъ хочетъ ревизовать предварительно всѣ оффиціальныя статьи, присылаемыя въ редакцію».

Отъ 13-го февраля: «Если публика узнаетъ, что я болѣнъ, то подумаетъ, что съ ума сошелъ. Теперь она можетъ только думать, что я былъ пьянъ на масляницѣ, прочитавъ въ «Сѣверной Пчелѣ» статейку о жидовскомъ сочиненіи Комперта. Вѣдь вся статья была написана для одной фразы Шатобріана! Не позволили ее, — всю статью вонъ! Надобно жертвовать механизмомъ здравому смыслу».

Отъ 20-го февраля: «Толки о выборахъ французскихъ, о производствахъ въ чины французовъ и проч., такова политика въ «Пчелѣ», какъ будто бы «Пчела» издавалась въ Парижѣ, на улицѣ Муфтаръ, № 17 (тамъ жилъ Н. И. Гречъ до 1848 года, во время своего продолжительнаго пребыванія во Франціи). Тошно, грустно и невыносимо! Жалобъ у меня бездна. У васъ множество маленькихъ статеекъ неполитическихъ. Быть не можетъ, чтобы въ иностранныхъ газетахъ не было чего-нибудь интереснаго, кромѣ французскихъ производствъ въ чины и имянъ французскихъ бюргеровъ, ниже нашего Смурова и Елисѣева! Первѣйшіе друзья «Пчелы» сознаются, что «С.-Петербургскія Вѣдомости» гораздо занимательнѣе. Что я могу сдѣлать? Выбрать статьи для перевода, которыя не будутъ напечатаны и сгніютъ въ редакціи? Ради Бога, обратите на это вниманіе Н. И. Греча! «Пчела» совершенно погибаетъ отъ политики, а прекрасное тлѣетъ въ ящикахъ у насъ. Болѣзнь моя остановилась на одной точкѣ: ни лучше, ни хуже. Уже было 60 піявокъ, мушка, а теперь лежитъ нарывный пластырь».

Отъ 5-го марта: «Безъ литературныхъ статей, съ нынѣшнею политикою, «Пчела» шлепнется. Всюду говорятъ это. Гречъ выбираетъ одни разсужденія, а публика наша любитъ только дѣла. Лучше писать, что нѣмецкій сапожникъ расквасилъ себѣ рыло, чѣмъ догадки и разсужденія о судьбахъ царствъ! 1848 годъ доказалъ, а 1851 годъ (2-е декабря) подтвердилъ, что всѣ догадки и предположенія—пустяки».

Отъ 15-го марта: «Возвращаю статьи Кодинскаго (экономическаго и финансоваго содержанія); полагаю, что онѣ очень хороши для напечатанія въ «Пчелѣ». Прошу васъ объявить Н. И. Гречу, что я не могу согласиться съ его мнѣніемъ, что статей Кодинскаго не должно печатать, потому что запрещено печатать статью Отрѣшкова (камеръ-юнкера Наркиза Ивановича Тарасенко-Отрѣшкова, воображавшаго себя первымъ политико-экономомъ и котораго Булгаринъ обыкновенно называлъ «русскимъ философомъ безъ логики»), слѣдовательно въ «Пчелѣ» будетъ односторонность! Основываясь на этомъ правилѣ, надлежало бы, для избѣжанія односторонности, печатать всякія соціальныя и демагогическія нелѣпости! Отрѣшковъ—извѣстный brouillon, а Кодинскій видно кое-что знаетъ, и пишетъ успокоительно для нашего правительства и публики. По моему мнѣнію, печатать. Разъ навсегда прошу васъ не раскладывать печатаніе заднихъ статей на нѣсколько нумеровъ съ про-

межутками, какъ-то сталось надняхъ со статьями «Измайловскій штурмъ» и теперь идетъ съ біографіею Котляревскаго. Это означаетъ неуваженіе къ автору статьи и къ публикѣ, т. е. простоэ замѣщеніе, чѣмъ попало, пустого мѣста въ газетѣ или, говоря журнальнымъ языкомъ, затычкою. Надобно впередъ разсчитаться съ оригиналомъ и начать печатать тогда, когда можно кончить безъ прерванія, но послѣдовательно, въ нѣсколькихъ нумерахъ. Ничего нѣтъ оскорбительнѣе для автора и читателя, какъ эти прерыванія, означающія, что ими жертвуютъ механизму журнала. Механика журнала, какъ кухня, не должна быть видна приглашаемымъ на пиръ».

Отъ 16-го марта: «Посылаю табличку выигрышей польской лотереи, то-есть займа. Печатайте по моей, а табличку Юнкера посылаю для повѣрки нумеровъ. Не типографія живетъ для насъ, а мы живемъ для типографіи и дѣлаемъ невозможное, чтобы облегчить ея механизмъ. Призовите къ себѣ дежурнаго и велите немедленно набрать, чтобы эта табличка вышла непремѣнно въ свѣтъ въ понедѣльникъ. Если типографія заартачится, скажите Н. И. Гречу и попросите отъ меня, чтобы онъ велѣлъ непремѣнно набрать. Подобныя извѣстія, какъ огонь, важны, когда новы и когда напечатаны у насъ первыхъ. Вотъ дѣло газетчика! Я уже трое сутокъ караулилъ у Юнкера».

Отъ 28-го марта: «Въ моемъ фельетонѣ, на субботу, на 29-е марта, на листѣ седьмомъ, въ концѣ, написано, что въ магазинѣ г. Криха, коммисіонера его императорскаго высочества герцога Лейхтенбергскаго, въ числѣ разныхъ игрушекъ, продаются гасильники, éteignoires, которые не худо было бы послать въ Японію и проч. Прошу васъ приказать подать себѣ этотъ листокъ и вычеркнуть все, что говорится о гасильникахъ или этеньуарахъ. Я сегодня наслушался такихъ вещей, что мнѣ сдѣлалось страшно, чтобы не перетолковали моей шутки въ дурную сторону и не примѣнили бы къ чему-нибудь. Пожалуй, готовы сказать, что Японія — Россія! Прочь это! Когда я пріѣду сегодня въ два часа читать корректуру фельетона, чтобы этого уже не было въ корректурѣ. Въ типографіи не должны этого набирать».

Отъ 11-го апрѣля: «Мой фельетонъ оканчивается шуткою: сказано, что «Дерптъ не хуже какого нибудь нѣмецкаго города Швейнфурта». Вспомнивъ, что императрица ѣдетъ на лѣто въ Германію, боюсь, чтобы не приняли моихъ словъ за намекъ и потому прошу васъ немедленно вычеркнуть эти слова изъ фельетона, чтобы, когда я пріѣду читать его корректуру, уже не было этого въ «Пчелѣ».

Отъ 12-го апрѣля: «Пришлите вчерашнюю корректуру цензора Крылова. Повезу къ Пушкину. Они оба, кажется, рехнулись!»

Отъ 8-го мая: «Рѣшительно можно сойти съ ума, когда тебѣ говорятъ во вторникъ, въ три часа пополудни, что надобно прислать

фельетонъ въ среду, потому что въ четвергъ праздникъ! Этого нѣтъ въ цѣломъ мірѣ! Прикажите какому нибудь акафистнику разсчитать дни до 1-го октября, когда въ субботу бываютъ праздники или въ какія числа надобно сообщать фельетоны въ редакцію, чтобы они выходили въ свѣтъ въ субботу».

Отъ 12-го мая: «Признаюсь, что цензура имѣла сильное вліяніе на быстрое развитіе моей болѣзни, которая едва, едва не свела меня въ могилу. Стыдно сказать, а въ душѣ еще не замерла юность, съ ея свѣтлыми мечтами и надеждами! Пора бы мнѣ, старому дураку, опомниться и убѣдиться, что не откуда и не отъ кого ждать чего либо. Схожу въ пятницу съ крыльца, встрѣчаю Александра Лукича Крылова, который шелъ ко мнѣ объявить, что статья о грамматикѣ Давыдова (Ивана Ивановича, члена русскаго отдѣленія академіи наукъ) запрещена княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ (министромъ народнаго просвѣщенія). Стыдъ и униженіе, что Россіею управляетъ Шихматовъ, вопреки высочайше утвержденному цензурному уставу, что намъ и пикнуть нельзя, что насъ учатъ люди безграмотные—все это перевернуло во мнѣ натуру вверхъ дномъ. Я сѣлъ на дрожки и едва доѣхалъ до пассажа; меня вырвало три раза желчью. Въ редакціи я почувствовалъ лихо, а дома свалился. Конечно, болѣзнь должна была разразиться, но милая цензура подлила свою порцію аква-тофаны!» (Цензура не позволила разбора грамматики Давыдова, сколько помнится, на томъ основаніи, что это «трудъ академическій» и что указаніе на его недостатки подрываетъ значеніе академіи, высшаго ученаго учрежденія въ государствѣ).

Отъ 25-го мая: «Прилагаемое высочайшее замѣчаніе покажите Н. И. Гречу и удержите у себя, для отдачи мнѣ. Послѣ скажу для чего мнѣ это нужно. Мусинъ-Пушкинъ сказалъ мнѣ вчера, что не только онъ и министръ (народнаго просвѣщенія), но и секретарь, который писалъ эту бумагу, удостовѣрены, что мы правы совершенно и что Корфъ [1]) тревожитъ государя вздорами и не понимаетъ русскаго языка. Ударъ этотъ отъ Корфа; мнѣ сказано это не подъ секретомъ!» [2])

---

[1]) Рѣчь идетъ о членѣ государственнаго совѣта статсъ-секретарѣ баронѣ Модестѣ Андреевичѣ Корфѣ (впослѣдствіи графѣ), бывшемъ тогда предсѣдателемъ негласнаго комитета, учрежденнаго въ апрѣлѣ 1848 года (послѣ февральской революціи), для контролированія дѣйствій цензуры и для пересмотра всего, что появлялось въ тогдашней печати. Доклады этого комитета представлялись непосредственно императору, и слѣдовавшія резолюціи сообщались для исполненія министру народнаго просвѣщенія.

[2]) Редакторамъ-издателямъ «Сѣверной Пчелы», Гречу и Булгарину, былъ объявленъ строгій выговоръ за помѣщеніе въ № 100 «Сѣверной Пчелы» (5-го мая), въ фельетонѣ, письма изъ Москвы, въ которомъ было сказано: «въ среду, 2-го апрѣля, послѣ чувствительныхъ семи дней, открытъ въ Москвѣ привольнымъ обѣдомъ задушевный пріютъ и старыхъ и молодыхъ: англійскій клубъ». Въ

Отъ 9-го іюня изъ Карлова: «Пожалуйста, пріѣзжайте ко мнѣ (въ Карлово) дня на три или на недѣльку. Издержки я беру на свой счетъ. Нельзя ли передъ Ивановымъ днемъ? Я буду просить Греча отпустить васъ. Я убитъ смертью Ордынскаго. Это былъ единственный вѣрный и безкорыстный другъ тридцать два года сряду! Тяжело сердцу!» (Дѣйствительный статскій совѣтникъ Ордынскій состоялъ на службѣ при второмъ отдѣленіи собственной его величества канцеляріи. Это былъ красивый мущина, статный, ловкій. Онъ не былъ женатъ. Ордынскій былъ домашнимъ человѣкомъ въ семьѣ Булгарина, гдѣ старались приноровиться къ его желаніямъ и вкусамъ. Булгаринъ, по словамъ Греча, переставалъ принимать тѣхъ лицъ, которыя не нравились Ордынскому. Послѣдній скончался скоропостижно [1]).

Отъ 15-го іюня, изъ Карлова: «Вамъ просто не хочется ко мнѣ ѣхать или лѣнь, потому что если Н. И. Гречъ позволяетъ, то дѣло въ шляпѣ. Туруновъ болѣнъ, но въ Петербургѣ 500 переводчиковъ за одного. Напримѣръ, Владиміръ Зотовъ! Ergo—васъ бы это не могло удержать, но:

«Увы насильно никому не будешь милымъ».

(Мнѣ, дѣйствительно, не хотѣлось тогда уѣзжать изъ Петербурга. Послѣ того, Булгаринъ уже не приглашалъ меня къ себѣ на лѣто въ деревню).

Отъ 28-го іюня изъ Саракуса: «Статья о выставкѣ полезна и нужна въ «Пчелѣ», но для массы публики тяжела, слѣдовательно надобно было бы облегчить «Пчелу». «Пчела» газета, а не энциклопедическій или археологическій журналъ. Какой чортъ подсунулъ вамъ эту скучную, тяжелую и глупую статью о первопечатныхъ русскихъ газетахъ? Вѣрно глухарь Полторацкій! (Сергѣй Дмитріевичъ Полторацкій—знатокъ русской библіографіи, библіоманъ, имѣвшій въ своемъ помѣстьѣ Авчуринѣ, въ калужской губерніи, богатое собраніе старинныхъ русскихъ газетъ, журналовъ, книгъ. С. Д. Полторацкій былъ глуховатъ. Куда дѣвалась эта библіотека?) Я его порядкомъ турну изъ «Пчелы», съ росказнями о старопечатныхъ книгахъ. Газета! Помните, что «Пчела» газета! (Булгаринъ и Полторацкій не жаловали другъ друга. Полторацкій былъ въ родственныхъ связяхъ съ аристократическимъ міромъ и былъ принятъ въ лучшихъ салонахъ Петербурга и Москвы). По природѣ, вы человѣкъ серіозный и любите ученое и серіозное. Все это прекрасно, но большинство публики любитъ легкое. Политики въ «Пчелѣ» нѣтъ; для большихъ литературныхъ статей нѣтъ мѣ-

---

этой фразѣ увидѣли насмѣшку надъ страстною недѣлею, когда закрывался англійскій клубъ.

[1]) Въ своемъ фельетонѣ (№ 133, 14-го іюня) Булгаринъ писалъ, что Леонардъ Викентьевичъ Ордынскій «былъ холостъ и въ моемъ только домѣ онъ былъ свой, болѣе нежели родной».

ста, такъ, пожалуйста, помѣщайте на задней страницѣ маленькія, хорошія, мелкія и занимательныя литературныя статьи и прибавьте цѣлую колонну смѣси. Сдѣлайте одолженіе извѣстите меня, или, если вамъ некогда, прикажите извѣстить: до какого числа мѣсяца августа есть у васъ мои фельетоны. Послѣдній нумеръ «Пчелы» я получилъ четверговый и если и въ эту субботу нѣтъ моего возраженія Гречу—пишу жалобы ко всѣмъ лицамъ и во всѣ мѣста и прошу возвратить мнѣ статью. Знаю, что вы станете гнѣваться! Ужь извините, я не танцмейстеръ! сказалъ вамъ однажды, что люблю васъ и уважаю и баста, а что на умѣ, то на и языкѣ».

Отъ 5-го іюля, изъ Саракуса: «Посылаю вамъ отрывокъ о прибытіи государыни цесаревны въ Гапсаль. Нельзя ли напечатать? Переведетъ самъ Николай Ивановичъ. Никто въ мірѣ не умѣетъ лучше его писать офиціальныхъ статей и онъ мастеръ на всѣ офиціальныя выраженія. Пожалуйста, отдайте ему листокъ. Живу я въ Саракусѣ, въ 12-ти верстахъ отъ Дерпта и если не пишу, или не читаю, то провожу время въ лѣсу. Кажется мнѣ, что здоровье мое укрѣпляется».

Отъ 19-го іюля, изъ Карлова: «Не получая никакихъ извѣстій о состояніи здоровья друга моего и 32-хъ лѣтняго товарища, Николая Ивановича Греча, я находился въ самомъ жалкомъ положеніи и, наконецъ, рѣшился ѣхать сегодня въ Петербургъ и взялъ уже билетъ въ дилижансъ. По счастью, получилъ я вчера письмо отъ Н. И. Греча, которое перемѣнило мое намѣреніе. Остаюсь въ моемъ раю!»

Отъ 7-го августа, изъ Саракуса: «Цензора Крылова я не обвиняю. Что ему дѣлать, послѣ запрещенія критики о грамматикѣ Давыдова и выговора за московское извѣстіе, что закрытіе клуба во время поста было всѣмъ чувствительно! Поневолѣ съ ума спятишь!»

Отъ 30-го августа, оттуда же: «При корректурѣ прилагаемой статьи должно быть осторожнымъ, потому что говорится о книгѣ, изданной департаментомъ сельскаго хозяйства, въ которомъ вы служите. Н. И. Гречъ не доволенъ Савиновымъ, говоритъ, что у него нѣтъ идей. А цензура на что?» (Василій Ивановичъ Савиновъ, нынѣ уже умершій, отставной кавказскій офицеръ, приглашенъ былъ Булгаринымъ, на лѣто 1852 года, фельетонистомъ петербургской жизни, на время отсутствія Булгарина. Въ 1851 году этотъ фельетонъ писалъ я лѣтомъ, подъ заглавіемъ «Петербургская смѣсь», въ которомъ были также по временамъ и статьи Н. И. Греча).

Отъ 7-го сентября, изъ Карлова: «Разумный и добродѣтельный вашъ отецъ лучше всѣхъ могъ вамъ посовѣтовать, надлежало ли вамъ принять мѣсто натуралиста въ кругосвѣтномъ путешествіи. Съ Крузенштерномъ ѣздилъ, въ званіи натуралиста, знаменитый Ламздорфъ, съ Коцебу вашъ профессоръ Ленцъ и проч. Увѣренъ,

что вы хорошо знаете физическія и естественныя науки, но тутъ надобны большая опытность и долговременное упражненіе. Надобна снаровка, какъ обходиться съ новыми инструментами, дѣлать опыты, опредѣлять почвы и породы геологически и геогностически, измѣрять барометромъ высоты и проч., и проч., опредѣлять породы животныхъ, окаменѣлости, минералы и проч. Все это une mer à boire! Было бы тяжело начать съ того, чѣмъ другіе натуралисты кончаютъ, и потому вы лучше сдѣлали, отказавшись отъ тяжелой ноши, которую вамъ взваливали на плечи. Впрочемъ, съ кораблей не узнають всего, что нужно для образованія. Путешествіе это одностороннее, и въ русской женской банѣ можно видѣть все, что составляетъ прелести Тихаго Океана».

Въ концѣ лѣта 1852 года мнѣ сдѣлано было предложеніе отправиться, въ качествѣ естествоиспытателя, съ кругосвѣтною экспедиціею, которая посылалась на военномъ фрегатѣ «Паллада», подъ начальствомъ контръ-адмирала Путятина (нынѣ графа, члена государственнаго совѣта, бывшаго недолгое время министромъ народнаго просвѣщенія). Отъ г. Путятина пріѣхалъ ко мнѣ съ предложеніемъ капитанъ-лейтенантъ Константинъ Николаевичъ Поссьетъ (нынѣ министръ путей сообщенія), флагъ-офицеръ тогда г. Путятина. Ефимъ Васильевичъ Путятинъ и Константинъ Николаевичъ Поссьетъ были до того заняты приготовленіями къ этому путешествію, что К. Н. Поссьетъ удосужился пріѣхать ко мнѣ съ предложеніемъ въ двѣнадцать часовъ ночи, а Е. В. Путятинъ назначилъ мнѣ свиданіе для переговоровъ на плоту, на Невѣ, противъ морскаго корпуса, передъ тѣмъ, что онъ долженъ былъ сѣсть на шлюпку, и на ней переѣхать на военный пароходъ, который долженъ былъ отвести его въ Кронштадтъ. Въ жалованьѣ, какъ естествоиспытателю, мы сошлись, но Е. В. Путятинъ отказалъ мнѣ въ пенсіи по окончаніи кругосвѣтнаго плаванія, какъ то было въ обычаѣ до его экспедиціи. Онъ мнѣ сказалъ, что отнынѣ пенсій не будутъ назначать за подобныя путешествія. На фрегатѣ «Паллада», какъ извѣстно, отправился тогда Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Ему, какъ и многимъ другимъ членамъ экспедиціи, пришлось возвратиться обратно сухимъ путемъ чрезъ Сибирь, вслѣдствіе начавшейся въ 1854 году войны съ Англіей и Франціей.

Отъ 26-го сентября, изъ Карлова: «Я выѣзжаю изъ Карлова въ Петербургъ 28-го сентября и на субботу, 4-го октября, привезу самъ въ редакцію фельетонъ и лично поблагодарю васъ за примѣрно усердное сотрудничество въ «Сѣверной Пчелѣ». Прошу быть увѣреннымъ, что я чувствую въ полной мѣрѣ ваше совѣстливое содѣйствіе и умѣю васъ цѣнить. Какъ дитя, заплакалъ я, что мнѣ надобно ѣхать въ Питеръ! Здѣсь, какъ у Христа за пазухой!»

Отъ 6-го октября, въ Петербургѣ: «Н. И. Гречъ сказывалъ

мнѣ, что во вчерашнемъ фельетонѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» напечатано, что королева Помаре была «въ бѣломъ платьѣ изъ черного атласа». За этимъ нумеромъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» посылаю къ вамъ нарочнаго на извощикѣ».

Отъ 7-го января 1853 года: «Совѣтую вамъ сегодня пойти въ итальянскую оперу — послушать мою Віардошку» (см. выше замѣтку мою по поводу Тургенева и Булгарина).

Отъ 20-го января: «Я никакъ не могу постигнуть, почему вы изъ моего фельетона исключили о народонаселеніи лифляндскихъ городовъ. Если вы хотѣли помѣстить это въ смѣси, то первенство мое и статья уже набрана и тиснута. Если же вы исключили потому, что цифры не согласны съ календаремъ, то я плевать хотѣлъ на календарь, потому что въ Лифляндіи цифры всегда вѣрны. Вообще покорно прошу васъ не исключать ничего изъ моихъ статей».

Отъ 27-го января: «Мнѣ вовсе не нужно корректора на счетъ вашего жалованья. Обойдется и безъ того. Я полагаю, что въ корректурѣ надобно исправлять только буквы. Я также имѣю маленькое самолюбіе и, кромѣ Н. И. Греча, не позволю никому (и Гречу только въ нѣкоторыхъ случаяхъ) исправлять мой слогъ и принятое мною правописаніе, какъ, напримѣръ, исключеніе прописныхъ буквъ въ случаѣ, когда на словѣ основана вся рѣчь. Корректуру мою можетъ читать Кузнецовъ и Васильевъ».

Отъ 3-го февраля: «По минованіи надобности въ цензурныхъ листахъ, пришлите ко мнѣ ихъ завтра поутру. Завтра лекція о военной администраціи подполковника Лебедева, въ главномъ штабѣ, и я покажу листы государю наслѣднику цесаревичу (его императорское высочество, въ послѣдствіи императоръ Александръ II, присутствовалъ на этихъ лекціяхъ). О Шифѣ и тетради чистописанія не надобно посылать ни къ В. П. Буткову, ни къ Я. И. Ростовцову, а просто печатайте. Это смѣхъ и только! Къ Буткову о Шифѣ! Карикатура и только! И этотъ цензурный листокъ я покажу завтра его императорскому высочеству [1])».

Отъ 8-го февраля: «Весьма жаль, что статья о Буяльскомъ (докторѣ) не прислана ко мнѣ съ оригиналомъ. Вижу ошибка, но

[1]) Въ фельетонѣ № 27 (4-го февраля) было сказано, что Сеймуръ-Шифъ, піанистъ-импровизаторъ, изъ Новочеркаска ѣдетъ въ Тифлисъ и прибавлялось: «Ну, чтобы попробовать ему дать нѣсколько концертовъ въ кавказскихъ горахъ? Можетъ быть, какъ Орфей, онъ смягчилъ бы сердца горцевъ и заставилъ бы ихъ полюбить образованность. Вѣдь Орфей музыкою укротилъ свирѣпыхъ ѳракійцевъ». Цензоръ потребовалъ, чтобы это извѣстіе послано было на цензуру кавказскаго комитета, къ В. П. Буткову. Въ этомъ же фельетонѣ говорилось объ изданіи «Основныя правила скорописанія» и было прибавлено, что «выпускаемые въ различныя вѣдомства изъ баталіона военныхъ кантонистовъ писаря обучаются по этой методѣ, а всѣмъ извѣстно, что наши писаря пишутъ скоро и хорошо». Цензура потребовала отправить эту замѣтку къ Я. И. Ростовцеву.

изъ памяти не могу исправить. Ради Бога, свѣрьтесь съ оригиналомъ, особенно въ латыни. Пропущено самое важное для Буяльскаго. Въ прошломъ году весь городъ кричалъ, когда онъ сказалъ, что не надобно отрѣзывать руки сыну графа Нессельроде, но Буяльскій вылечилъ его безъ отрѣзыванія. Медицинскій совѣтъ (цензировавшій статью) исключилъ только фамилію, имя и отчество графа Нессельроде, но оставилъ заглавныя буквы. Но наша гнуснѣйшая и безтолковѣйшая типографія, на всемъ земномъ шарѣ, не поняла этого и исключила даже буквы. Прикажите вставить пропущенное мѣсто и заглавныя буквы по оригиналу. Ради Бога, ради Христа, какъ нищій, прошу объ этомъ» (см. выше мое замѣчаніе объ отношеніяхъ Булгарина къ Буяльскому и Пирогову).

Отъ 11-го февраля: «Пришлите мнѣ съ подателемъ: 1) статью о чтеніяхъ подполковника Лебедева, подписанную наслѣдникомъ цесаревичемъ; 2) корректуру этой статьи, съ подписью Крылова (цензора); 3) тотъ корректурный листъ, на которомъ тиснута была моя статья. Я все это передамъ, чрезъ генералъ-адъютанта Витовтова, наслѣднику цесаревичу».

Отъ 25-го февраля: «Вчера осрамили моего сына ужаснымъ образомъ! Умная наша редакція выдала мнѣ билетъ въ Большой театръ за подписью Н. И. Греча (тогда редакція «Сѣверной Пчелы» имѣла во всѣхъ императорскихъ театрахъ даровое кресло въ четвертомъ ряду на всѣ спектакли, не исключая бенефисовъ) и когда мой сынъ усѣлся въ креслахъ—явился Н. И. Гречъ, и мой сынъ, яко тать ночной, долженъ былъ убраться изъ театра. Я знаю Н. И. Греча; онъ никогда бы этого не сдѣлалъ, по своей деликатности, но ему не сказали, вѣроятно, что билетъ выданъ за его подписью. Ради Бога, предувѣдомьте лично Н. И. Греча, что сегодня выданъ билетъ Ѳ. М. Толстому на «Пророка», а то онъ, пожалуй, въ забывчивости и сегодня состряпаетъ такую штуку съ Толстымъ. Сдѣлайте одолженіе, скажите лично Н. И. Гречу».

Отъ 10-го мая: «Послѣдней поправки цензора Крылова принять нельзя, потому что не будетъ мѣры въ стихѣ. Выраженіе—«сладостная молитва»—вредно, по мнѣнію цензуры!!! О, Боже, гдѣ мы живемъ!»

Отъ 16-го мая: «Примите мой дружескій совѣтъ, какъ отъ отца роднаго, безъ сердца и гнѣва. Усыпите на минуту червя щекотливости! (Письмо это писано Булгаринымъ при отъѣздѣ Н. И. Греча на нѣсколько мѣсяцевъ заграницу, когда я сталъ главнымъ отвѣтственнымъ редакторомъ «Сѣверной Пчелы»). Величайшій вредъ «Пчелѣ» наносятъ ежедневныя и безпрестанныя выдержки изъ «Journal de St.-Pétersbourg» самыхъ пустѣйшихъ извѣстій. Н. И. Гречъ не живетъ въ томъ мірѣ, гдѣ оцѣниваютъ и читаютъ «Пчелу». Ему все равно, что попалось подъ руку; но вы, въ новомъ редакторствѣ, и при вашей дѣятельности, при вашемъ тру-

долюбіи, должны избрать другую дорогу. Взгляните на сегодняшнюю «Пчелу» (№ 108), на вчерашнюю (№ 107) и т. д. Только и торчитъ «Journal de St.-Pétersboug»! Торчитъ рожномъ! Стоитъ ли выписывать «Сѣверную Пчелу», говорятъ мнѣ въ глаза люди, выписывающіе газету 25 лѣтъ сряду! Внутреннія извѣстія изъ «Русскаго Инвалида» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», политика изъ «Journal de St.-Pétersbourg»; только и своего, что ваши письма Ѳ. Б., да иногда письма корреспондентовъ! Прошу васъ покорнѣйше и совѣтую отечески изъ «Journal de St.-Pétersbourg» брать только тѣ извѣстія, которыя кажутся «опасными», т. е. которыя касаются до Россіи, до посольства Меншикова и проч., а все остальное изъ «Débats», «Indépend. Belge» и т. п. Изъ своихъ журналовъ брать—значитъ перепечатывать ихъ! Это должно дѣлать въ величайшей крайности; вѣдь и «Journal de St.-Pétersbourg» беретъ новости изъ иностранныхъ газетъ, а не сообщаетъ собственныхъ извѣстій. Тогда можно взять изъ него, когда ему сообщено извѣстіе прямо отъ Нессельроде. Сегодняшній № 108, въ которомъ, подъ самыми незначительными извѣстіями, стоитъ рядъ «Journal de St.-Pétersbourg», навлекъ на меня такую горесть, что нервы мои разстроились и я почувствовалъ сильнѣйшую боль въ головѣ! Будь я подписчикъ «Пчелы», я бы возвратилъ ее въ редакцію съ надписью! Ради Бога, прошу и на колѣняхъ умоляю, бросьте этотъ поганый «Journal de S.-Pétersbourg» и подписывайте подъ иностранными извѣстіями заглавія иностранныхъ газетъ. При Алексѣѣ Николаевичѣ Гречѣ «Пчела» оживала и была во сто разъ лучше, нежели при выбившемся изъ силъ старикѣ Гречѣ. Да будетъ тако и при васъ! Послѣдуйте моему совѣту и моей просьбѣ; увидите, что «Пчела» пойдетъ иначе» (По требованію цензуры, подъ каждымъ политическимъ заграничнымъ извѣстіемъ должно было быть выставлено тогда въ русской газетѣ названіе той иностранной, изъ которой оно заимствовано. «Journal de St.-Pétersbourg», чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ, получалъ такія газеты, которыхъ ни одна русская газета не имѣла права выписывать. Но важнѣе всего было то, что одинъ изъ тогдашнихъ цензоровъ этого министерства, Жерве, безпощадно вымарывалъ бо́льшую часть извѣстій, взятыхъ изъ иностранныхъ газетъ, помимо «Journal de St.-Pétersbourg». Булгаринъ, не занимаясь политическимъ отдѣломъ въ газетѣ, не могъ видѣть ежедневныя помарки и исключенія, дѣлаемыя цензоромъ Жерве. Булгаринъ возненавидѣлъ въ послѣдніе годы «Journal de St.-Pétersbourg» за то, что музыкальный критикъ этой газеты, Дамке (въ 1857 году писавшій уже въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»), не восхищался Контскими и критиковалъ игру, какъ скрипача, Аполлинарія, такъ и піаниста, Антона).

Отъ 12-го іюня, изъ Карлова: «Вы очень хорошо сдѣлали, что выбросили начало моего фельетона, испорченнаго новымъ цензо-

ромъ. Съ перемѣною цензора не должно торопиться (Александръ Лукичъ Крыловъ, цензировавшій нѣсколько лѣтъ сряду «Сѣверную Пчелу», скончался въ іюнѣ отъ холеры). Авось и новый попривыкнетъ немного. Вы спрашиваете, кого просить цензоромъ. Всѣ цензоры нынѣшніе ......, ..., ..., кромѣ ...... Фрейганга, который понимаетъ, что дѣло безвредное, но вымарываетъ единственно, чтобы имѣть удовольствіе дѣлать зло. Одно средство пока, велѣть набирать фельетоны и статьи за нѣсколько дней прежде и съѣздить къ цензору, и попросить его, чтобы онъ, если въ чемъ усомнится, спрашивалъ разрѣшенія попечителя (предсѣдателя цензурнаго комитета). Это—пока единственное средство. Попечитель, Мусинъ-Пушкинъ, васъ любитъ; если вы съѣздите къ нему и объясните, что ежедневную газету невозможно задерживать, то онъ, можетъ быть, и сдѣлаетъ что нибудь. Къ новому цензору вамъ непремѣнно нужно съѣздить. Онъ очень любитъ это».

Отъ 24-го іюня, оттуда же: «Посылаю вамъ первую половину субботняго фельетона. Покорнѣйше прошу васъ приказать немедленно переписать начисто эту статью, прочесть и поправить, если въ перепискѣ въ чемъ либо ошиблись, а по моему лучше набрать, прокорректировать и отнести къ директору канцеляріи министра государственныхъ имуществъ, или къ заступающему мѣсто директора и попросить, чтобы онъ, при первомъ докладѣ, представилъ эту статью графу Павлу Дмитріевичу Киселеву [1]) на утвержденіе, что «со стороны министерства нѣтъ препятствія къ напечатанію». Только объ этомъ и просите. Хорошо было бы, если бы вы сами снесли эту статью къ директору канцеляріи (я уже въ это время не служилъ болѣе въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и перешелъ на службу въ вѣдомство учрежденій императрицы Маріи Ѳеодоровны). Если же вамъ нельзя, то поручите это О. Ѳ. Васильеву (секретарю редакціи). Чрезъ разсыльнаго нельзя посылать статьи, потому что это еще первый примѣръ, что статья посылается директору канцеляріи для доклада, такъ какъ прежде я самъ носилъ подобныя статьи къ графу. Слѣдовательно, директоръ не пойметъ въ чемъ дѣло. Надобно сказать, что графъ самъ велѣлъ мнѣ выдать отчетъ министерства, для извлеченія изъ него, что я почту нужнымъ. Нынѣшнею зимою мѣсто директора канцеляріи занималъ мой землякъ, умный и добрый человѣчина. Теперь не знаю, кто занимаетъ это мѣсто. Если тотъ же полякъ, то скажите ему, или поручите ему сказать отъ моего имени, что «это дѣлается въ угоду графу П. Д. Киселеву». Во всякомъ случаѣ просите, кто бы не былъ директоръ, чтобы немедленно доложилъ и возвратилъ

[1]) Когда П. Д. Киселевъ былъ назначенъ министромъ государственныхъ имуществъ, то князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ съострилъ, что это «un ministre qui s'elève». Я слышалъ это отъ Н. И. Греча.

вамъ статью, а меня прошу покорно увѣдомить, чтобы я зналъ, писать ли новую половину статьи, или придѣлать къ посланной другую половину. Николай Ивановичъ Гречъ, какъ вижу изъ «Пчелы»—увы!—спятилъ съ ума—разума. Изъ Висбадена присылать ложь о Контскомъ, изъ ненависти къ польской породѣ! Все тотъ же издатель 1812 года!

«Я вѣкъ на камнѣ кончу семъ»!
(Эдипъ, Озерова)

Холера идетъ къ намъ (Булгаринъ ужасно боялся холеры). Она уже въ Ревелѣ, перешла въ Нарву и теперь Іевве, на поворотѣ съ большой дороги въ Ревель. Пока ѣдимъ и вашъ любимый творогъ со сливками и ботвинью и землянику со сливками и огурчики, но придетъ холера, опять на супъ. Ради Бога, берегитесь! Помните о вашихъ добрыхъ родителяхъ и любящихъ васъ, какъ я».

Отъ 24-го іюня: «Благодарю васъ за поздравленіе съ днемъ моего рожденія. Тяжело: стукнуло 64 года! Благодарю васъ душевно за все! «Сѣверная Пчела» издается прекрасно. Посылаемый фельетонъ велите или сейчасъ набрать или переписать на чисто, прочтите сами и пошлите къ цензору. Онъ ужасно ..... и .... Если онъ вымараетъ о Филаретѣ Шалѣ, то пошлите непремѣнно къ попечителю. Можетъ съѣздить О. Ѳ. Васильевъ въ Царское село (М. Н. Мусинъ-Пушкинъ каждое лѣто жилъ въ Царскомъ селѣ на дачѣ, въ домѣ тамошняго уѣзднаго училища, на углу Колпинской и Оранжерейной улицъ). Для меня весьма важно, чтобы было напечатано о Филаретѣ Шалѣ. Попросите О. Ѳ. Васильева написать мнѣ о моемъ сынѣ Мечиславѣ. У насъ слухи носятся, что въ войскѣ, которое теперь въ лагерѣ подъ Краснымъ селомъ, весьма сильная холера, а во время маневровъ войско должно проводить ночи на сырой землѣ. Боюсь за сына! У насъ съ утра ужасная буря. Въ 7³/₄ часа молнія ударила въ башню Карлова, т. е. въ громовой отводъ. Весь домъ затрясся. Ужасъ! Никогда въ Петербургѣ не бывало такихъ грозъ, какія бываютъ у насъ, въ Лифляндіи. Ее и называютъ «Donner-Wetter-Land!» (Каламбуръ Булгарина: «Donner-Wetter» значитъ «гроза» и «тфу пропасть!»)»

Отъ 1-го іюля: «Въ «Пчелѣ» тщательно перепечатываются изъ «Journal de St.-Pétersbourg» надежды и увѣренія, что не будетъ войны съ Турціею. Эти надежды и увѣренія въ сохраненіи мира чрезвычайно вредны для «Пчелы». При каждомъ объявленіи войны прибывало по 1,500 и 2,000 подписчиковъ. Какое намъ дѣло разувѣрять другихъ, что войны быть не можетъ, потому что англійскіе лавочники не хотятъ этого! Пожалуйста, оставьте въ покоѣ эту статью въ «Journal de St.-Pétersbourg». Кажется у насъ и нѣтъ другихъ источниковъ»!

Отъ 6-го іюля, изъ Саракуса: «Покорнѣйше прошу напечатать прилагаемую статью Киркора, изъ Вильны, и напечатать поскорѣе.

Киркоръ (бывшій редакторъ «Виленскаго Вѣстника» и редакторъ-издатель «Новаго Времени», которая газета отъ него переходила къ г. Нотовичу, къ г. Устрялову, къ г. Трубникову и уже отъ послѣдняго къ г. Суворину) другъ мой, человѣкъ полезный и ученый. Надобно дать мѣсто въ «Сѣверной Пчелѣ» его оправданію. Хотѣлъ было я послать нѣсколько нумеровъ «Doerptsche Zeitung», для математическаго доказательства, что можно наполнять газету весьма занимательными статьями, не заглядывая даже въ «Journal de St.-Pétersbourg», но посылка дорого стоитъ; пришлю съ оказіею. «Journal de St.-Pétersbourg» даже не получается въ редакціи «Doerptsche Zeitung», потому что этотъ журналъ глупѣйшая газета во всемъ мірѣ. Спрашиваю васъ, по совѣсти: какой интересъ можетъ имѣть «Сѣверная Пчела» для читателя, получающаго «Journal de St.-Pétersbourg»??? Самыя незначительныя мелочи, биржевые слухи о войнѣ и тому подобныя дрязги, тщательно перепечатываются въ «Пчелѣ» изъ «Journal de St.-Pétersbourg», которая выписываетъ ихъ изъ другихъ газетъ, получаемыхъ редакціею «Сѣверной Пчелы». Конечно, это облегчаетъ трудъ редакціи «Сѣверной Пчелы», потому что цензура не мараетъ статей, взятыхъ изъ «Journal de St.-Pétersbourg», но это радикально вредно для «Сѣверной Пчелы». Зачѣмъ же мы выписываемъ такое множество иностранныхъ газетъ? (Булгаринъ очень хорошо зналъ, что, съ отъѣздомъ Н. И. Греча за границу, я пересталъ пользоваться его правомъ полученія иностранныхъ газетъ безъ цензуры и почтамтъ удерживалъ тѣ выписанныя редакціею газеты, которыя не значились въ его спискѣ, а въ результатѣ, при тогдашней строгости почтовой цензуры, выходило, что лучшимъ источникомъ для иностранныхъ извѣстій оказывался «Journal de St.-Pétersbourg»). Н. И. Гречъ—олицетворенная лѣнь; чтобы имѣть время для своихъ любезностей съ бабами, между нами отвратительными, не читалъ никакихъ газетъ, но довольствовался жидовскимъ «Journal de St.-Pétersbourg», и теперь осталось то же направленіе. Иногда изрѣдка появляются въ Пчелкѣ статейки, въ три строки, изъ «Indépendance Belge». Для меня «Journal de St.-Pétersbourg» хуже холеры и каждая статья въ немъ, кромѣ офиціальныхъ, пахнетъ жидовщиною, Дамке, Вестманомъ и фальшивымъ графомъ Сансе, также жидомъ, что и доказано его единовѣрцами (Графъ Сансе, почтенный человѣкъ, былъ тогда редакторомъ «Journal de St.-Pétersbourg» и состоялъ на службѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Откуда взялъ Булгаринъ, что графъ Сансе былъ еврей—я не знаю. Гречъ также не любилъ евреевъ, но графа Сансе очень уважалъ и всегда отзывался о немъ съ лучшей стороны). Что изъ нея брать, кромѣ офиціальности? Не понимаю! Для Н. И. Греча—все равно: былъ бы доходъ отъ «Пчелы» и бабы для его забавы; но для меня не все равно. Посылайте нѣмецкія и другія газеты къ Рафаилу Михаиловичу Зотову (быв-

шему нѣсколько лѣтъ сряду театральнымъ хроникеромъ въ «Сѣверной Пчелѣ» и переводчикомъ иностранныхъ извѣстій); онъ выберетъ и переведетъ; нужно только поправить его слогъ. Извините за правду; но мнѣ пришло не въ терпежъ. Я обрадовался, что Н. И. Гречъ выѣхалъ на свое обыкновенное бродяжничество, думая, что «Пчела» отдохнетъ отъ натиска «Journal de St.-Pétersbourg», но выходитъ, что духъ Н. И. Греча, слуги Вестмана и друга Дамке, остался въ «Пчелѣ». Я прихожу въ отчаяніе»! [1]).

---

[1]) Съ этого времени Булгаринъ и Гречъ стали болѣе и болѣе охладѣвать другъ къ другу. Въ № 138 «Сѣверной Пчелы» 1853 года появилось присланное изъ заграницы Гречемъ «Не музыкальное объясненіе музыкальнаго объясненія», по поводу статьи Нестора Васильевича Кукольника, въ № 110 (19-го мая того же года). Гречъ говоритъ въ немъ, что онъ возставалъ не противъ таланта братьевъ Контскихъ, котораго онъ не отрицаетъ, но противъ неумѣстныхъ, безпрерывныхъ похвалъ имъ, которыми въ теченіе двухъ лѣтъ наполняли листы «Сѣверной Пчелы» и которыя до крайности наскучили ея читателямъ. Многіе почтенные люди, по словамъ Греча, упрекали его въ томъ, какъ издателя газеты, и просили если не прекратить, то поубавить числомъ подобныя статьи. Гречъ старался о томъ, но безъ успѣха. Но когда похвальныя слова Контскимъ стали появляться ежедневно, когда на жертву имъ принесены были достойнѣйшіе таланты и Аполлинарій Контскій поставленъ былъ на ряду съ первыми геніями всѣхъ временъ и народовъ, терпѣніе Греча, по его словамъ, лопнуло и онъ объявилъ въ газетѣ, что не участвуетъ въ составленіи этихъ статей и что онѣ помѣщаются безъ его вѣдома и согласія. «Чтобы выразить впечатлѣніе (писалъ Гречъ въ своей статьѣ), произведенное во мнѣ игрою Аполлинарія Контскаго, скажу, что между имъ и другими виртуозами, по мнѣ, точно такая разница, какъ между Віолемъ и Таліони. А. Віоль (извѣстный въ то время клоунъ въ циркѣ) артистъ превосходный». Въ заключеніе своей статьи, Гречъ писалъ: «Закончу мое писанье стихами Державина, написанными лѣтъ за семьдесять передъ симъ, слѣдственно чуждыми всякой личности:

Какихъ не вымышляй пружинъ,
Чтобы мужу-буй умудриться,
Не можно вѣкъ носить личинъ
И истина должна открыться.
Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ царскихъ, сопостатовъ,
Всякъ думаетъ, что ты Чупятовъ
Въ марокскихъ лентахъ и звѣздахъ»!

Это объясненіе Греча Бургаринъ принялъ за личное оскорбленіе, такъ какъ похвалы Контскимъ писалъ Булгаринъ и дѣйствительно надоѣлъ читателямъ. Защищая интересы Контскаго, Булгаринъ считалъ, что защищаетъ «угнетеннаго» поляка и польскую націю. Выраженіе «мужъ-буй» Булгаринъ отнесъ лично къ себѣ. Полусумасшедшій Чупятовъ, разгуливавшій по улицамъ въ царствованіе Екатерины въ выдуманныхъ имъ орденскихъ лентахъ и звѣздахъ, напоминалъ Антона Контскаго, щеголявшаго орденами и орденскими ленточками, пожалованными ему различными тогдашними монархами Европы. Стихотвореніе Державина попало Булгарину не въ бровь, а въ глазъ. Раздоръ между обоими издателями «Сѣверной Пчелы» вышелъ наружу, за предѣлы редакціи. Еще одно обстоятельство обострило ихъ раздоръ, но о немъ ниже, въ своемъ мѣстѣ. Цензура не позволила напечатать въ «Пчелѣ» послѣднія четыре строчки стихотворенія Державина, не понявъ смысла о Чупятовѣ.

Отъ 11-го іюля, изъ Саракуса: «У меня умъ зашелъ за разумъ, и я не знаю, что писать съ такимъ глупымъ цензоромъ! Жду, какъ жиды Мессіи, увѣдомленія отъ васъ, позволилъ ли министръ государственныхъ имуществъ печатать объ его отчетѣ, чтобы продолжать или оставить. Изъ запрещеннаго фельетона, который вы мнѣ прислали, я составлю фельетонъ и пришлю надняхъ. Дѣлать нечего; надобно слушать цензора, чтобы не попасть въ бѣду! Покорнѣйше прошу: зайдите къ директору канцеляріи министра государственныхъ имуществъ, для справки о моихъ статьяхъ. Не зайдете, и черезъ годъ сами не пришлютъ. Нынѣшняго цензора надобно непремѣнно удалить, и я это сдѣлаю, возвратясь въ Питеръ. Отвѣтъ мой господину Гречу надобно непремѣнно напечатать».

Отъ 14-го іюля, оттуда же: «Совѣты мои и просьбы насчетъ ежедневнаго заимствованія самыхъ пустячныхъ статей изъ «Journal de St.-Pétersbourg» не приняты, а напротивъ заимствованія усилены, слѣдовательно объ этомъ предметѣ почитаю излишнимъ говорить. Прошу покорно велѣть переписать окончательную статью объ отчетѣ министерства государственныхъ имуществъ и послать попрежнему къ директору министерской канцеляріи. У меня есть и оригинальныя присланныя статьи и статьи для переводовъ, но какъ вы не печатаете доставляемаго мною, то нѣтъ охоты и посылать. Будьте здравы, веселы, наслаждайтесь журналами, особенно «Journal de St.-Pétersbourg» и «Indépendance Belge», отцомъ и матерью «Пчелы» 1853 года, и не забывайте любящаго и уважающаго васъ за вашу честность, скромность и трудолюбіе».

Отъ 22-го іюля, изъ Дерпта: «Послѣ написанія перваго моего письма къ вамъ, отъ 22-го іюля, я пріѣхалъ изъ Саракуса въ Дерптъ и нашелъ ваше письмо, въ которомъ вы увѣдомляете, что цензоръ задержалъ мой отвѣтъ Гречу. Не постигаю, почему вы его посылали предварительно къ цензору, какъ вещь сомнительную или опасную къ пропуску. На грубости Греча, на сравненія Контскаго съ паяцомъ Віолемъ, на стихи «мужу-бую» и подобныя старыя гречевскія ухватки, я отвѣчалъ вѣжливо и деликатно, какъ пристойно благовоспитанному человѣку. Если цензоръ не позволитъ, я буду писать къ попечителю, къ министру и жаловаться выше. Васъ покорнѣйше прошу извѣстить меня, какой ходъ приметъ эта статья, чѣмъ чувствительно обяжете преданнаго вамъ».

Отъ 22-го іюля, изъ Саракуса: «Ваша щекотливость, susceptibilité, представляетъ все, что только прикоснется къ вамъ, въ превратномъ видѣ. Вы пишете (отъ 17-го іюля), что «мои послѣднія два письма были для васъ въ высшей степени оскорбительны, что я упрекаю васъ въ лѣности и т. п.». Крайне сожалѣю о вашей душевной болѣзни, потому что излишняя щекотливость причисляется физіологами къ душевнымъ болѣзнямъ и весьма справедливо. Еслибы вы были мой жесточайшій врагъ, котораго я нена-

вижу хуже чумы и холеры, то и тогда не упрекнулъ бы я васъ въ лѣности. А я душевно люблю васъ за вашу скромность, честный и благородный образъ мыслей, любовь къ просвѣщенію и именно за ваше примѣрное трудолюбіе и ставлю васъ въ примѣръ моимъ дѣтямъ. Не васъ упрекалъ я въ лѣности, а того, который, какъ я полагаю, далъ вамъ совѣтъ перепечатывать изъ одного «Journal de St. Pétersbourg», потому что ему некогда читать всѣхъ газетъ! Что же касается до оскорбленій, то, по всей справедливости, я долженъ почитать себя оскорбленнымъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) я—старый журналистъ, издававшій журналъ безъ цензуры въ Варшавѣ, основавшій въ 1822 году «Сѣверный Архивъ», въ 1825 году (вмѣстѣ съ Гречемъ) «Сѣверную Пчелу», прошу и умоляю молодаго, умнаго, добраго и трудолюбиваго сотрудника брать изъ «Journal de St. Pétersbourg» только офиціальныя статьи и разнообразить подписи подъ статьями, взятыми изъ иностранныхъ газетъ, но меня не только не слушаютъ, а какъ будто нарочно усиливаютъ перепечатки изъ «Journal de St. Pétersbourg», перепечатывая изъ этой газеты самыя пустыя статьи, которыя находятся во всѣхъ газетахъ! Однако же я не оскорбился, какъ вы, въ высшей степени и по прежнему люблю васъ. Причины, по которымъ я просилъ васъ разнообразить наименованіе газетъ иностранныхъ подъ статьями, печатаемыми въ «Пчелѣ», основаны на моей долголѣтней опытности. Публика вообще ищетъ въ журналахъ и газетахъ разнообразія. Видя безпрерывно подъ статьями «Сѣверной Пчелы», «Journal de St. Pétersbourg» и «Indépendance Belge», она охладѣваетъ къ «Пчелѣ»! Вы даже пишете въ «Пчелѣ», напримѣръ: «въ «Moniteur» сказано», а подписываете: «Journal de St. Pétersbourg»! Вѣдь это значитъ: не читайте «Пчелы», а читайте «Journal de St. Pétersbourg», тамъ все есть, и «Пчела» только и живетъ имъ! А когда много иностранныхъ журналовъ подписано подъ статьями, значитъ: «Пчела» получаетъ много газетъ, которыхъ каждому нельзя выписывать, и потому должно читать «Пчелу». Это логика, основанная на опытности. 2) Я васъ просилъ и умолялъ не печатать всѣхъ газетныхъ, тоже что трактирныхъ, сплетней (потому что иностранные газетчики имѣютъ своихъ сотрудниковъ, называемыхъ furets du journal, которые собираютъ вѣсти—on dit, man sagt—въ кафе и трактирахъ) о близкомъ мирѣ Россіи съ Турціею. Послушали ли вы моего совѣта? Я знаю, по опыту, что каждая война приносила намъ до 2,000 подписчиковъ, а, разувѣряя публику въ возможности войны, вы уничтожаете весь эфектъ, который произвели циркуляры Нессельроде и высочайшій манифестъ. На что подписываться на газету, когда увѣряютъ, что войны не будетъ! Да и эти миролюбивыя увѣренія такъ надоѣли, что хоть плакать. И этотъ совѣтъ основанъ на опытности! 3) Во второмъ пунктѣ вашего письма, вы пишите, что «Journal des Dé-

bats», «Union», «Moniteur universel», «Assemblée National» и «Constitutionnel» получаются днемъ позже «Indépendance Belge», и потому-де вы берете большую часть извѣстій изъ «Indépendance». Важное дѣло—одинъ день разницы!!! Что за великія новости приноситъ днемъ прежде «Indépendance Belge». Для «Пчелы» важно не одинъ день прежде сообщеніе ничего незначащихъ новостей, но важно много подписей, — спрѣчь разнообразіе. Это журнальная смѣтливость или уловка, если угодно, но она необходима для поддержанія газеты. Пока была война 1812 — 1814 года, «Сынъ Отечества», издаваемый Гречемъ, имѣлъ нѣсколько тысячъ подписчиковъ. Послѣ войны политическія извѣстія были оставлены «Сыну Отечеству», и когда я соединился съ Гречемъ «Сынъ Отечества» имѣлъ съ чѣмъ-то до 600 подписчиковъ. Политику «Сѣверной Пчелы» хвалили въ публикѣ только тогда, когда при «Пчелѣ» оставался покойный Алексѣй Гречъ, потому что у него была смѣтливость. Желалъ бы я видѣть, чтобы сказалъ и чтобы написалъ Н. И. Гречъ или Краевскій, если бы не послушались ни просьбъ ихъ, ни совѣтовъ? 4) Лучше всего покажите это письмо вашему почтенному отцу. Онъ человѣкъ разумный и опытный, пусть онъ разсудитъ насъ и скажетъ, кто правъ, кто виноватъ. Прошу объ этомъ! 5) На Греча я вамъ не жаловался (я просилъ, чтобы Булгаринъ не жаловался мнѣ на Греча, а Греча о томъ же относительно Булгарина, говоря, что мое положеніе дѣлается въ слѣдствіе того въ редакціи невыносимымъ, тѣмъ болѣе, что къ взаимнымъ сплетнямъ и пререканіямъ я всегда питалъ отвращеніе), потому что это было совершенно лишнее. Я написалъ отвѣтъ и послалъ въ «Пчелу» для напечатанія, потому что имѣю точно такое же право въ «Пчелѣ», какъ онъ, не менѣе, не болѣе. Жду съ нетерпѣніемъ напечатанія этой статьи въ моемъ фельетонѣ. Если бы я хотѣлъ жаловаться на Греча, кому бы ни было, то во всемъ Дерптѣ не стало бы бумаги! Можетъ быть, я какъ нибудь упомянулъ о Гречѣ въ моемъ къ вамъ письмѣ, не помню что, а пріятно я не могу вспомнить о немъ! Finis! Я на васъ не жалуюсь и всегда одинаково люблю, потому что увѣренъ, что если вы что сдѣлали не такъ, какъ мнѣ хотѣлось бы, то потому, что полагали это лучшимъ и вѣрите, будто заимствованіе ежедневное изъ двухъ газетъ («Journal de St. Pétersbourg» и «Indépendence Belge») вовсе не вредно, а полезно для «Пчелы»! Нѣтъ, добрый, умный, трудолюбивый, но неопытный, другъ, Павелъ Степановичъ, вредно и вредно! Николай Ивановичъ Гречъ не разувѣритъ меня. Онъ не видитъ и не знаетъ русской публики, а мнѣ каждый говоритъ въ глаза что думаетъ. Прошу непремѣнно напечатать мой отвѣтъ Гречу; за этимъ я самъ готовъ немедленно прикатить въ Питеръ! О другомъ прошу васъ: усыпите своего червя, называемаго щекотливостью, и вѣрьте, что, кромѣ вашихъ родителей, никто васъ больше не любитъ, какъ

преданный вамъ душевно Булгаринъ. P. S. У всякаго свои недостатки: я не умѣю примѣшивать сахару въ правду и говорю что думаю! Порокъ—да поздно исправляться! Состарился!»

Отъ 2-го августа, изъ Карлова: «Вы пишете ко мнѣ въ послѣднемъ письмѣ: «я утвержденъ главнымъ правленіемъ цензуры и г. министромъ народнаго просвѣщенія отвѣтственнымъ редакторомъ «Сѣверной Пчелы», на время отсутствія Н. И. Греча, и не долженъ увлекаться ничѣмъ»... А я то что же значу въ «Пчелѣ»? Развѣ я увлекалъ васъ моими совѣтами къ отвѣтственности передъ правительствомъ? А развѣ цензура и министръ утвердили васъ редакторомъ по просьбѣ одного Греча? Вѣдь и я подписалъ просьбу. Я совѣтовалъ только разнообразіе въ подписяхъ подъ политическими статьями и просилъ не уничтожать въ народѣ впечатлѣнія, произведеннаго нашими манифестами, предсказаніемъ мира. Это были домашнія распоряженія, за которыя отвѣтствуютъ предъ хозяевами газеты, а не предъ правительствомъ. Но если вы меня не признаете хозяиномъ, точно такимъ же, какъ Гречъ, спорить не хочу, зная вашу раздражительность и не желая огорчать васъ, даже безъ намѣренія, потому что ваши хорошія качества перевѣшиваютъ это недоразумѣніе. Вѣроятно, вамъ такъ натолковали! Все перемелится, мука будетъ, а для меня, старика, это урокъ. Вѣкъ живи, вѣкъ учись! Я васъ просилъ о возвращеніи подлинника моей статьи, въ отвѣтъ Гречу на его ругательства. Вы писали, что къ цензору посылали статью въ наборѣ, слѣдовательно подлинникъ долженъ быть въ редакціи. Мнѣ это нужно потому, что я хочу писать въ собственныя руки государя императора и долженъ приложить статью».

Отъ 15-го августа, изъ Карлова: «Между нами было недоразумѣніе, но я ни на одну минуту не переставалъ любить и уважать васъ, потому что убѣжденъ, какъ въ существованіи Бога, въ томъ, что вы честный, разумный и трудолюбый человѣкъ. Все прочее пустое! Проживете еще сорокъ лѣтъ, убѣдитесь, что я говорилъ правду! Я не много нездоровъ и лечусь».

Отъ 6-го сентября, оттуда же: «Господь Богъ внушилъ вамъ правду, и «Пчела» идетъ разнообразно и хорошо, за что и спасибо. Здоровье мое плоховато, на радость многимъ».

Отъ 14-го октября, въ Петербургѣ: «Вы знаете, что намъ велѣно посылать въ главное управленіе дѣтскихъ пріютовъ всѣ статьи о дѣтскихъ пріютахъ (Число отдѣльныхъ цензуръ постоянно въ то время увеличивалось. Не только министерства, но и подобное вѣдомство какъ совѣтъ дѣтскихъ пріютовъ, выхлопотало, чтобы ему посылались на цензуру статьи, въ которыхъ говорится о пріютахъ. Въ редакціи ежедневной газеты велась огромная переписка, въ слѣдствіе множества цензуръ, потому что нѣкоторыя изъ нихъ требовали присылки имъ статей при прошеніяхъ). Новый нашъ цензоръ

Бекетовъ (Владимiръ Николаевичъ, дѣйствительно явился исключенiемъ въ тогдашней цензурѣ, пока и его, наконецъ, не замучили до того, что подвели почти къ общему знаменателю), молодецъ и я поѣду просить, чтобы его намъ оставили. Прошу принять на память мой портретъ» (На немъ была сдѣлана подпись: «Не поминайте лихомъ! Ѳаддей Булгаринъ»).

Отъ 9-го ноября, въ Петербургѣ: «Посылаю билеты на Рашель. Я пойду тогда, когда Гречъ не пойдетъ. Да и вамъ надобно взглянуть на жидовку въ корчахъ или конвульсiяхъ. Съ Н. И. Гречемъ мы Богъ вѣсть, когда увидимся, потому что часы наши для работы и выѣздовъ несогласны. Попросите у него и пришлите мнѣ съ подателемъ фосфоровыхъ спичекъ (въ то время новость), которыя онъ обѣщалъ дать. Для меня, табачника, это очень важно и нужно. Vale»!

Отъ 20-го ноября, въ Петербургѣ: «Сегодняшняя «Пчела» меня весьма много порадовала тѣмъ, что я нахожу въ ней иностранныя извѣстiя, печатанныя корпусомъ и что въ ней мало трактирныхъ вѣстей о мирѣ съ Турцiею, за что васъ и благодарю. Въ нынѣшнее время надобно, какъ можно менѣе проповѣдывать о мирѣ, перемирiи, и т. п. Все это вредно намъ, ибо только надежды на войну могутъ поддержать насъ въ надеждѣ на умноженiе подписчиковъ; это вѣрно, какъ аминь въ молитвѣ. Посылаю вамъ стихи Бенедиктова: они хотя и высокопарны, но ихъ надобно непремѣнно напечатать въ Пчелкѣ, потому что Бенедиктовъ почитается однимъ изъ первыхъ поэтовъ и стихи были читаны съ одобренiемъ въ Гатчинѣ» (Всю осень 1853 года императоръ Николай Павловичъ прожилъ въ Гатчинскомъ дворцѣ).

Отъ 21-го января 1854 года, въ Петербургѣ: «Прошу васъ помѣстить прилагаемое письмо въ фельетонѣ «Сѣверной Пчелы», которая должна быть отголоскомъ всего добраго и благороднаго. Въ медицинскую цензуру посылать не надобно, потому что въ этой статьѣ нѣтъ ни новыхъ лекарствъ, ни методы леченiя, а просто благородный поступокъ. Бѣда въ томъ, что Н. И. Гречь не любитъ Буяльскаго! Попросите Н. И. Греча отъ меня, чтобы онъ помѣстилъ эту статью во время моего отсутствiя (Булгаринъ, 21 января 1854 года, выѣхалъ на короткое время въ Москву), хотя изъ уваженiя къ старинному своему прiятелю, дѣйствительному статскому совѣтнику Василiю Андреевичу Яковлеву (служащему въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ), который привозилъ ко мнѣ Валберха и слезно просилъ меня о помѣщенiи статьи въ «Сѣверной Пчелѣ». Къ тому же спасена (Буяльскимъ) женщина, а Н. И. Гречъ только и уважаетъ женщинъ на земномъ шарѣ, и отчасти er hat Recht! (онъ правъ). Къ тому прибавлю, что Н. И. Гречъ зналъ, кажется, родителей и сестру Валберха».

Отъ 30-го января, изъ Москвы: «Мудрено писать что нибудь,

разъѣзжая по матушкѣ Россіи, особенно разъѣзжая съ такою быстротою, какъ я. Надобно все видѣть; надобно видѣться съ весьма многими людьми, а время, между тѣмъ, катитъ, приваливая на плечи все болѣе и болѣе тяжести! Едва я успѣлъ написать предисловіе къ моему странствію. Вездѣ я нахожу самый лестный для меня пріемъ. Старики, графъ Закревскій, графъ Гудовичъ, Ермоловъ, и другіе старые воины обласкали меня не на животъ, а на смерть. Изъ литераторовъ познакомился я, на балѣ у графа Орлова-Денисова, съ Снегиревымъ, видѣлъ Сушкова и былъ у Вельтмана, какъ у начальника Оружейной палаты. Въ англійскомъ клубѣ видѣлся съ Павломъ Строевымъ. Ni—c'est fini! Другихъ писакъ я не видалъ. Да нѣтъ охоты и смотрѣть на обожателей Гоголя!!! Видѣлся съ Чеадаевымъ и намѣренъ повидаться съ Верстовскимъ. Живу я, какъ у Христа за пазухой, у отставнаго полковника Василія Николаевича Новосильцова, сына сенатора, начальника здѣшняго, бывшаго петербургскаго, цирка—и, слава Богу, здоровъ, потому, что ѣмъ и пью только тысячную долю того, что мнѣ предлагаютъ. «Сѣверной Пчелы» не видалъ я отъ субботы, т. е. отъ 23-го января, но во всякомъ случаѣ прошу васъ печатать, хотя бы въ фельетонѣ, путешествіе Лазарева, если Н. И. Гречъ не хочетъ помѣщать литературы на заднихъ листахъ «Пчелы». Москва-старушка любитъ поболтать, но я не вѣрю никакимъ слухамъ. Позабылъ вамъ сказать, что я познакомился съ графиней Ростопчиной, нашей Сафой. Я узналъ почти все высшее московское общество. Добрыхъ людей много, но красавицъ мало. Сегодня суббота, а на будущей недѣлѣ я возвращаюсь въ Петербургъ, если Богъ позволитъ, и надѣюсь быть дома въ субботу, ergo черезъ недѣлю. Прощайте, печатайте мои письма, и именно въ Пчелкѣ, сирѣчь въ фельетонѣ, когда вамъ угодно. Надѣюсь прислать еще одну статью изъ Москвы, а остальное кончу въ Петербургѣ. Ермоловъ старъ, но такъ же уменъ, какъ былъ въ юности. На «Пчелу» жалуются, что мало въ ней литературы—и жалуются справедливо».

Отъ 7-го іюня, изъ Карлова: «Цѣлую недѣлю не могъ я взяться за перо; ѣхалъ, а, пріѣхавъ на мѣсто, въ мое любезное Карлово, не могъ осмотрѣться и налюбоваться всѣмъ. Хорошо здѣсь, какъ въ раю! Урожай вездѣ превосходный, а у меня баснословный. Посылаю вамъ колосъ ржи, вырванный на удачу и клянусь, что это не самый высокій. Подумайте, что возлѣ Петербурга рожь въ четверть аршина. Покажите колосъ вашему родителю, моему старому другу. Н. И. Греча это не интересуетъ. Поклонитесь вашему отцу. Ну, чтобы хотя ему хватить въ Карлово. Вѣдь проѣздъ въ дилижансѣ стоитъ всего 10 р. с. А у меня онъ бы поотдохнулъ».

Отъ 24-го іюня, оттуда же: «Благодарю васъ за военныя извѣстія. Славно мы отпировали 24-го іюня, когда получено здѣсь офиціальное извѣстіе о побѣдѣ князя Андроникова. Нѣмцы во-

обще трусы и видятъ все въ черномъ, почерпая извѣстія изъ иностранныхъ газетъ и вѣря имъ. А здѣсь одинъ я, не вѣрящій нѣмецкимъ баснямъ. Кланяйтесь Н. И. Гречу, который совершенно забылъ меня. Ради Бога, помѣщайте что нибудь изъ неполитическихъ извѣстій хоть въ фельетонѣ. Н. И. Гречъ радъ, что плаваетъ въ политикѣ, и будетъ съ «Пчелою» тоже, что съ «Сыномъ Отечества» послѣ войны 1812 года. Упалъ! Упадетъ!»

Отъ 16-го іюля, изъ Саракуса: «Не знаю, почему въ Дерптѣ толкуютъ, будто бы «Сѣверной Пчелѣ» министерство народнаго просвѣщенія запретило печатать болѣе одного листа, то есть запретило прибавленія? Правда ли это? Конечно, мы слишкомъ много давали, и безъ всякой нужды, печатныхъ листовъ, но чтобы вовсе запретили прибавленія,—это было бы чудо со стороны И. И. Давыдова, Лебедева (редактора «Русскаго Инвалида») et consortes! Если запретили прибавленія, можно прибѣгнуть къ доброму Л. В. Дубельту. Здоровье мое нѣсколько пошатнулось, но все во власти Божіей».

Въ 1854 году впервые «Сѣверная Пчела», по обилію военнаго и политическаго матеріала, стала выходить почти ежедневно въ $1^1/_2$ и 2 листа, то есть давать читателямъ шесть, восемь страницъ текста. Никакого запрещенія или замѣчанія на такое расширеніе газеты не было. Булгаринъ недоволенъ былъ потому, что расходы на печатаніе газеты увеличились, а Гречъ потому, что вечеромъ увеличилась корректурная работа. Но такъ какъ я принялъ эту работу на себя, а отъ расширенія газеты число подписчиковъ стало прибывать тысячами и дошло до 9,000, небывалой еще цифры, то оба издателя успокоились и примирились съ тѣмъ нововведеніемъ, противъ котораго въ началѣ сильно возстали.

Отъ 3-го октября, изъ Карлова: «Посылаю программу «Сѣверной Пчелы» на 1855 годъ. Я перемѣнилъ, что полагалъ нужнымъ. Остальное пусть рѣшаетъ Н. И. Гречъ. Онъ рѣшилъ погибель и уничиженіе «Пчелы», къ вѣчному стыду и сраму ея издателей, сдѣлавшись копіистомъ «Journal de St.-Pétersburg». Пусть и въ программѣ добиваетъ «Сѣверную Пчелу». Въ этомъ дѣлѣ онъ великій мастеръ! Хотя больной, но выѣзжаю изъ Карлова въ Петербургъ въ среду».

Отъ 31-го мая 1855 года, изъ Карлова: «Искренно и сердечно благодарю васъ за редакцію «Сѣверной Пчелы» (Н. И. Гречъ вновь уѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ за границу, для поправленія своего здоровья и я опять остался въ Петербургѣ отвѣтственнымъ редакторомъ). Она прекрасно составляется и не уподобляется теперь вампиру, который сосалъ кровь изъ одной газеты «Journal de St.Pétersbourg». Даже есть и «Смѣсь», что весьма и весьма нужно. Только старайтесь выбирать что нибудь полегче. Однимъ словомъ «Пчела» и Пчелка (фельетонъ) меня радуютъ. Еще разъ спа-

сибо! Ноги мои плохи и докторъ сталъ ихъ укрѣплять! Но я знаю, что отъ старости нѣтъ лекарства! Вранья здѣсь бездна, потому что вѣрятъ иностраннымъ газетамъ. Въ воскресенье разнесся слухъ, что уже бомбардируютъ Кронштадтъ. Чего добраго! Того и жди!»

Отъ 7-го іюня, изъ Карлова: «Получивъ субботнюю «Пчелу» въ понедѣльникъ, 6-го іюня, я крайне былъ удивленъ, не видя въ ней моего фельетона, посланнаго вамъ во вторникъ, 31-го мая. Неужели и къ этому цензоръ Бекетовъ умѣлъ придраться??? Задача для меня! За что цензоры угнетаютъ разумъ человѣческій и навлекаютъ на всѣхъ насъ гнѣвъ Божій? Политика «Пчелы» нынѣ гораздо лучше Гречевой и гречневой, за что благодарю васъ. Фельетонъ въ Субботу хорошъ. Кто писалъ его?»

Отъ 29-го іюля, изъ Саракуса: «Отвѣчаю на ваши два письма. На первое. Вы пишите, якобы я васъ упрекаю въ томъ, что вы намѣреваетесь уронить «Пчелу»! Такой напасти мнѣ ни снилось, ни мечталось!!! Вы припоминаете мнѣ прошлый 1853 годъ, въ которомъ я сообщалъ вамъ мои замѣчанія, которыя вы почли обидою. Я былъ сотрудникомъ журналовъ и издателемъ въ теченіе 35-ти лѣтъ, получалъ замѣчанія отъ товарищей и моихъ сотрудниковъ и не только не сердился на это и не почиталъ обидою, напротивъ благодарилъ и теперь благодарю, слѣдуя правилу: умъ хорошо, а два лучше. Вы пишите, что была «Смѣсь» въ «Пчелѣ». Въ «Пчелѣ» нужна «Смѣсь» вовсе не ученая и не серіозная, но занимательная и легкая. Вы пишите, что литература въ «Пчелѣ» будетъ послѣ войны! Тогда будетъ поздно! Отвѣтъ на второе письмо. Назначеніе г. Елагина въ цензоры, вмѣсто г. Бекетова, есть бѣдствіе, calamité! Дѣлать нечего, развѣ плакать! Надобно всегда посылать предварительно въ цензуру статьи, въ которыхъ говорится о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ правительственныхъ мѣстъ. Это одно спасеніе! Впрочемъ, никто не виноватъ въ напечатаніи статьи изъ Иркутска. Кто можетъ угадать, чего хочетъ А. С. Норовъ? Противъ «Пчелы» интригуетъ главное И. И. Давыдовъ, а министръ дѣлаетъ, что ему докладываютъ. Выговора министра я видѣть не хочу! [1]) Вы умный, милый, добрый, честный человѣкъ и отлич-

---

[1]) Въ одномъ изъ іюльскихъ нумеровъ «Сѣверной Пчелы» была напечатана «корреспонденція изъ Иркутска», въ которой сказано было, что по Амуру къ его устью отправлены пушки. Эта корреспонденція была одобрена къ печати цензоромъ министерства иностранныхъ дѣлъ, военно-цензурнымъ комитетомъ и обыкновенною цензурою. Кто-то (не хочется называть его) указалъ на «раскрытіе государственной тайны, сопряженной съ успѣхомъ военныхъ дѣйствій» въ этой корреспонденціи. Всѣмъ, пропустившимъ эту корреспонденцію въ печать и редакторамъ «Пчелы», сдѣланъ былъ строгій выговоръ, особенно зачѣмъ статья не была послана на разсмотрѣніе морскаго министерства, которое, вѣроятно, также не нашло бы ничего опаснаго въ означенной фразѣ. Болѣе всѣхъ гласныхъ и негласныхъ цензоровъ и цензуръ горячился и возставалъ противъ этой корреспонденціи редакторъ «Русскаго Инвалида» подполковникъ Петръ Семеновичъ Лебе-

ный сотрудникъ «Пчелы», но до такой степени pointilleux, по русски недотрога,—что я, не имѣя никакого намѣренія раздражать васъ, боюсь вамъ что либо совѣтовать, тѣмъ болѣе, что вы, не зная меня, приписываете все желанію оскорбить васъ, а потому никогда и ничего не буду вамъ совѣтывать! Типографія Греча беретъ такія деньги, что могла бы печатать золотомъ «Сѣверную Пчелу», а хуже печати нѣтъ въ мірѣ! Главное, что буквы выпадаютъ и чернилъ въ другихъ мѣстахъ вовсе не видно, будто печатано сметаною. Ужасъ! Дружески обнимаю васъ, благодарю искренно за «Пчелу» и остаюсь навсегда, мимо вашей воли, вашимъ искреннимъ другомъ».

Отъ 16-го августа, изъ Карлова: «Сегодня утромъ написалъ я къ вамъ письмо, съ изъявленіемъ искренней моей и душевной благодарности за прекрасное редактированіе «Сѣверной Пчелы» и, признаюсь, особенно за помѣщеніе «Смѣси», составляющей въ каждой газетѣ тоже, что душа въ тѣлѣ, какъ вдругъ съ почты принесли мнѣ пакетъ, въ которомъ находилось ваше письмо и копіи съ двухъ записокъ, поданныхъ вами попечителю Мусину-Пушкину и генералъ-адъютанту Я. И. Ростовцеву [1]). Я вовсе, признаюсь, не удивился интригѣ противъ «Сѣверной Пчелы», когда вижу и убѣждаюсь, какъ одинъ редакторъ интригуетъ противъ другого редактора (Булгаринъ намекаетъ на свои тогдашнія натянутыя отношенія къ Гречу, дошедшія до того, что они перестали видѣться и говорить другъ съ другомъ), но я съ удовольствіемъ прочелъ ваши двѣ записки, доказывающія и зрѣлость вашего разума и искусство въ изложеніи дѣла. Поздравляю и душевно благодарю! И еще разъ благодарю! Молодецъ да и только! Но если мой совѣтъ доступенъ къ вашему разуму, то прошу переписать начисто записку, поданную вами попечителю Михаилу Николаевичу Мусину-Пушкину, надписать на верху «копія» и вмѣстѣ съ моимъ письмомъ подать Леонтію Васильевичу Дубельту. Это весьма важно! Только не надобно давать знать Л. В. Дубельту, что записка подана генералу Ростовцеву. Я имѣю на то свои причины, о которыхъ скажу вамъ по пріѣздѣ въ Петербургъ (Причина была та, что эти двѣ вліятельныя личности обмѣнялись своимъ положеніемъ. Съ воцареніемъ новаго императора, значеніе Я. И. Ростовцева стало усиливаться, между тѣмъ какъ Л. В. Дубельтъ былъ наканунѣ своего увольне-

---

девъ. Въ одномъ обществѣ онъ доказывалъ (можетъ быть, онъ говорилъ тоже и въ офиціальномъ мірѣ, о чемъ я, впрочемъ, не слыхалъ), что въ подобныхъ случаяхъ недостаточно дѣлать выговоры или замѣчанія редактору, а надобно подвергать его «родительскому наказанію». Какъ и все на свѣтѣ, чрезъ нѣсколько дней, послѣ выговора и смѣны цензоровъ, иркутская корреспонденція была предана забвенію, особенно въ то чреватое событіями время.

[1]) Я изложилъ поводъ подачи этихъ записокъ въ «Отрывкахъ изъ моихъ воспоминаній» (см. «Историческій Вѣстникъ», февраль, 1882 года).

нія отъ завѣдыванія Третьимъ отдѣленіемъ. Впрочемъ, и до того времени Я. И. Ростовцевъ и Л. В. Дубельтъ не симпатизировали другъ другу). Когда узнаютъ, что мы просили Я. И. Ростовцева, то почтутъ не нужнымъ намъ покровительствовать. Сдѣлайте одолженіе поторопитесь подать вашу записку, вмѣстѣ съ моимъ письмомъ, Л. В. Дубельту. Дѣло важное и если что-нибудь для насъ сдѣлаютъ, то не иначе, какъ чрезъ графа А. Ѳ. Орлова. Если захотите запечатать мое письмо къ Л. В. Дубельту моею гербовою печатью, то пусть О. Ѳ. Васильевъ возьметъ печать у моихъ сыновей. Еще разъ благодарю васъ душевно и за редактированіе «Сѣверной Пчелы» со «Смѣсью» и за ваши записки, поданныя М. Н. Мусину-Пушкину и Я. И. Ростовцеву и главное за ваше стараніе и сочувствіе къ «Сѣверной Пчелѣ». Все это глубоко награвировано въ моемъ сердцѣ».

Отъ 26-го августа, изъ Карлова: «Странно, что вы не застали въ канцеляріи Леонтія Васильевича Дубельта. Когда я желаю его видѣть, я застаю его всегда между 11 и 12 часами въ канцеляріи, а въ два часа и въ шесть часовъ пополудни дома. Но я и не требовалъ отъ васъ, чтобы вы сами ѣздили къ Л. В. Дубельту [1]). Вы вѣрно припомните, что я нѣсколько разъ изъявлялъ передъ вами мое удивленіе, что статьи, сообщаемыя мною, основателемъ, хозяиномъ и владѣтелемъ «Сѣверной Пчелы», точно въ такой же силѣ, какъ и Н. И. Гречъ, никогда не печатаются въ газетѣ тотчасъ по сообщеніи ихъ, а нѣкоторыя и вовсе не печатаются! Поступки со мною въ редакціи крайне удивляютъ меня, чтобы не сказать болѣе!!! Est modus in rebus» [2]).

Отъ 26-го января 1856 года, въ Петербургѣ: «Да возрадуются всѣ враги мои, всѣ лѣнивцы и дармоѣды, всѣ хищники и завистники. Я боленъ!»

[1]) Такъ какъ записками, поданными Я. И. Ростовцеву и М. Н. Мусину-Пушкину, я достигъ цѣли, то есть отмѣны стѣснительнаго цензурнаго распоряженія, относительно печатанія въ газетахъ извѣстій съ войны, то не считалъ нужнымъ просить о томъ же Л. В. Дубельта. Сверхъ того, распоряженіе исходило отъ военнаго министра, слѣдовательно надобно было хлопотать у него, въ чемъ мнѣ и помогъ Я. И. Ростовцевъ.

[2]) По возвращеніи своемъ изъ заграницы, Н. И. Гречъ напечаталъ, 11-го октября 1855 года, въ № 222-мъ «Сѣверной Пчелы» слѣдующее заявленіе: «Возвратившись изъ заграницы, по возобновленіи моего здоровья, вступаю съ нынѣшняго числа вновь въ завѣдываніе редакціею «Сѣверной Пчелы». Н. Гречъ, 10-го октября 1855 года».

Хотя это объясненіе скорѣе было направлено противъ меня, именно вслѣдствіе сплетень, что я сдѣлался какъ бы неограниченнымъ распорядителемъ газеты, однако Ѳ. В. Булгаринъ принялъ его на свой счетъ и 13-го октября, въ № 224-мъ, помѣстилъ, со своей стороны, слѣдующее заявленіе: «Въ № 222-мъ «Сѣверной Пчелы» объявлено, что Н. И. Гречъ, возвратившійся изъ заграницы, будетъ попрежнему заниматься редакціею газеты. Чтобы устранить всякое недоразумѣніе, честь имѣю извѣстить моихъ почтенныхъ корреспондентовъ, что

Отъ 28-го февраля: «Вчерашняго числа къ вечеру сдѣлался у меня приливъ крови къ горлу, и къ правому уху. Страдалъ я вечеръ и ночь, какъ въ аду! Немного отпустило. Ставлю піявки. Надѣюсь начать работать къ вечеру. Пришлите, пожалуйста, корректуру и газеты. Радость будетъ въ домѣ Греча: смерть у меня на носу!»

Отъ 3-го марта: «Милостивый государь Павелъ Степановичъ! [1]) Я никакъ не понимаю, какую цѣль имѣетъ Н. И. Гречъ, штурмуя меня самыми оскорбительными бумагами! Въ послѣднемъ письмѣ своемъ, сообщенномъ мнѣ чрезъ посредство Ивана Петровича Липранди [2]), Н. И. Гречъ называетъ меня трусомъ, а, между тѣмъ, въ томъ же письмѣ, пишетъ, что если я вызову его на дуэль, то онъ немедленно будетъ жаловаться оберъ-полиціймейстеру! Какъ это понять и какъ растолковать? Чудеса! До какихъ поръ будетъ продолжаться мое терпѣніе? Не ручаюсь. Онъ, т. е. Н. И. Гречъ, жалуется на меня и ругаетъ меня передъ встрѣчнымъ и поперечнымъ. Мнѣ разсказывалъ объ этомъ кое-что французъ-перчаточникъ, торговавшій прежде въ пассажѣ (называя себя другомъ мадемуазель Дезпре), въ католической церкви, на свадьбѣ дочери старшаго чиновника III-го отдѣленія собственной канцеляріи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Левенталя. Служитъ ли къ пользѣ «Сѣверной Пчелы» эта аннибаловская вражда Н. И. Греча ко мнѣ, легко разсудить, и вы сами мнѣ разсказывали, что были свидѣтелями, какъ купцы говорили, что «Сѣверная Пчела» упадетъ непремѣнно отъ вражды ея издателей. Такъ и быть должно! Видалъ я ненависти, но такой ненависти, какую Н. И. Гречъ обнаруживаетъ ко мнѣ, и не видалъ и не слыхалъ! Правда, за тридцать лѣтъ слишкомъ, Θедоръ Николаевичъ Глинка [3]) предсказалъ мнѣ, что Гречъ дурно кончитъ со мною. Предсказывали и другіе, на

я, какъ основатель и созидатель «Сѣверной Пчелы», вмѣстѣ съ Н. И. Гречемъ, попрежнему занимаюсь литературною работою въ издаваемой нами газетѣ, а потому прошу не оставлять меня извѣщеніями о всемъ происходящемъ въ Россіи и продолжать переписку. Θ. Булгаринъ».

Для публики и читателей «Сѣверной Пчелы» сдѣлалось ясно, что между ея издателями дѣло обстоитъ не ладно, такъ какъ подобныхъ заявленій отъ нихъ еще не бывало. Ссора между Булгаринымъ и Гречемъ начала назрѣвать, чему не мало способствовали услужливыя сплетни, передавшія съ прикрасами Гречу то, что о немъ говоритъ Булгаринъ и наоборотъ.

[1]) Письмо это, какъ исключеніе изъ писемъ Θ. В. Булгарина ко мнѣ, писано въ офиціальномъ тонѣ.

[2]) Н. И. Гречъ избралъ И. П. Липранди своимъ посредникомъ и повѣреннымъ въ ссорѣ съ Θ. В. Булгаринымъ. Липранди ихъ не примирилъ, какъ слѣдовало, а еще болѣе возстановилъ одного противъ другаго.

[3]) Я сомнѣваюсь въ справедливости этого факта, потому что Θ. Н. Глинка былъ не двуличневый, а прямой и честный человѣкъ. Если бы онъ былъ такого мнѣнія о Гречѣ, то не выказывалъ бы ему той дружбы, которой я былъ свидѣтелемъ, съ 1854 года, въ продолженіе восьми лѣтъ. Булгарину, можетъ быть, измѣнила въ этомъ случаѣ память?

что имѣю письменныя доказательства, и я не вѣрилъ! А вотъ и заставилъ Н. И. Гречъ повѣрить! Полагаю, что главная причина ненависти происходитъ отъ убѣжденія Греча, будто я подъучилъ г-жу Д. сдѣлать сцену г-жѣ О. Такъ, по крайней мѣрѣ, я слышу отъ другихъ. Объ этой сценѣ впервые услышалъ я отъ близкаго родственника Греча. Хоть Н. И. Гречъ описываетъ меня самымъ дурнымъ человѣкомъ въ мірѣ, но я никогда даже и не подумалъ бы ссорить бабъ, для нанесенія непріятностей кому бы то ни было. Это подло и гнусно и я презираю такой родъ мести! У г-жи Д. я былъ раза два въ прежніе годы и никогда бы не рѣшился даже говорить передъ нею что-либо дурное о Гречѣ! Не зналъ меня и не знаетъ Н. И. Гречъ!

«Я ѣзжу къ женщинамъ, но только не за этимъ!»

«Всѣ присланныя мнѣ Гречемъ бумаги спрячу и помѣщу въ моихъ мемуарахъ, которые когда нибудь будутъ напечатаны заграницею, но отвѣчать на нихъ не стану, потому что не хочу, чтобы оберъ-полицiймейстеръ вмѣшивался въ мои домашнія дѣла. Но если Гречъ почитаетъ меня трусомъ—пусть попробуетъ! Приступаю прямо къ современности. Если Н. И. Гречъ хочетъ упрочить «Сѣверную Пчелу» и по нашей смерти, то это весьма благоразумно. Но для этого надобно сперва испросить соизволеніе государя императора. Домашнее распоряженіе должно быть слѣдующее: 1) Мы, т. е. я и Гречъ, составимъ формальный актъ. По этому акту «Сѣверная Пчела», или доходы съ нея, пока она существуетъ, принадлежатъ, по ровнымъ частямъ, Гречу и мнѣ, Булгарину. Кажись, заработалъ я на это! 2) Если одинъ изъ насъ умретъ прежде другаго, то половина дохода умершаго издателя принадлежитъ его семейству. Но съ этой половины дохода умершаго издателя, т. е. съ половины приходящейся на его часть, должно нанять одного сотрудника и часть эта не должна превышать трети этой половины и одну часть для редактора. Остальной доходъ отдавать семейству умершаго. 3) Въ просьбѣ къ государю означить, что, по смерти Греча и меня, вы, Павелъ Степановичъ Усовъ, остаетесь отвѣтственнымъ редакторомъ и сдѣлать съ вами условіе, отъ имени Греча и Булгарина. Вотъ на этихъ честныхъ и справедливыхъ условіяхъ соглашаюсь я сдѣлать сдѣлку. Ругать и поносить намъ другъ друга не слѣдуетъ, ибо это вредитъ ходу «Сѣверной Пчелы», а что касается до моихъ трудовъ въ «Сѣверной Пчелѣ», то хотя Гречъ ихъ не цѣнитъ, но, благодаря Бога, я имѣю доказательства, что публика ихъ жалуетъ! Вотъ и все! Тутъ не нужно длинной, ругательной, оскорбительной переписки, подъ защитою полицейской власти! Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью вашъ покорный слуга Ѳ. Булгаринъ [1])».

---

[1]) На этомъ письмѣ съ боку слѣдующая приписка Ѳ. В. Булгарина: «Ни

Отъ 9-го марта: «Я проспилъ у васъ послѣдній нумеръ «Современника». Мнѣ нужно для соображенія и работы. Весьма странно, что всѣ журналы въ редакціи «Сѣверной Пчелы», исключая политическихъ газетъ, выписываются для пріятнаго занятія и провожденія времени нѣжнаго пола, который, прицѣпившись къ редакціи, составляетъ полппа! Полагаю, что прилагаемая статья кстати на страстной недѣлѣ. Я болѣнъ и если выставлю что либо сегодня вечеромъ, или завтра утромъ, то не длиннѣе этого письма и прошу поставить въ самомъ концѣ, подъ хвостикъ Пчелки».

Отъ 20-го марта: «Я не буду таскаться со статьями по министерствамъ! Прошу васъ послать эту статью въ канцелярію министра государственныхъ имуществъ, находящуюся въ новомъ министерскомъ домѣ у Синяго моста. Совершенно все равно: отвезу ли туда самъ, или отнесетъ мужикъ, разносчикъ «Сѣверной Пчелы».

Отъ 5-го апрѣля: «5-го апрѣля, вечеромъ, я сильно заболѣлъ животомъ: мучусь! Писано 5-го апрѣля 1856 года. Ѳ. Булгаринъ».

Отъ 6-го ноября: «Вчера никого не было въ редакціи и я отдалъ извѣстный проэктъ [1]) о «Сѣверной Пчелѣ» женѣ А. Г. Кузнецова».

Отъ 16-го ноября: «Соединяя мои журналы, «Сѣверный Архивъ» и «Литературные Листки», съ «Сыномъ Отечества» и предпринявъ, вмѣстѣ съ Гречемъ, изданіе «Сѣверной Пчелы» на равныхъ правахъ, я никакъ не думалъ, чтобы этотъ союзъ такимъ образомъ кончился, по истеченіи тридцати лѣтъ! [2]) По несчастію, я не слушалъ совѣтовъ доброжелательныхъ мнѣ людей, знавшихъ прежде меня Греча! Наконецъ, дѣло дошло до крайности и я долженъ дѣйствовать энергически. Отъ дуэли, за нанесенныя мнѣ кровныя обиды, Гречъ отказывается, находя убѣжище въ полиціи, забывая, что покойный императоръ Николай I-й издалъ постановленіе о дуэляхъ, дозволивъ ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ. Между тѣмъ, стремясь всѣми силами къ овладѣнію «Сѣверною Пчелой», и, покоясь на лаврахъ, Гречъ отдалъ «Сѣверную Пчелу» въ полное ваше распоряженіе, вовсе не совѣщаясь со мною, и, какъ я долженъ думать, поручилъ вамъ не обращать никакого вниманія на мои распоряженія. Такъ и дѣлается вами безпрерывно! Не вхожу въ дальнѣйшія разсужденія, но ссылаюсь на васъ самихъ. Все,

---

на какое посредничество, кромѣ ваше, я не соглашусь. Зачѣмъ это? Довольно Н. И. Гречъ срамился, ругая меня повсюду. Тѣ же разсказываютъ мнѣ, передъ которыми онъ ругалъ меня».

[1]) Мое предложеніе о соглашеніи между Гречемъ и Булгаринымъ.

[2]) Въ началѣ 1855 года, Ѳ. В. Булгаринъ далъ большой обѣдъ, по случаю исполнившагося тогда тридцатилѣтія изданія «Сѣверной Пчелы». За обѣдомъ Булгаринъ, намекая на это событіе въ его жизни, провозгласилъ тостъ за «тридцатилѣтній союзъ». Гречъ, находившійся на обѣдѣ, воскликнулъ: «Нѣтъ, за тридцатилѣтнюю войну!»

что я сообщаю — сообщается публикѣ поздно, или, такъ сказать, неохотно, для уничтоженія моего вліянія въ «Сѣверной Пчелѣ». Честь имѣю васъ увѣдомить, что я не потерплю болѣе этого унпчиженія и чрезъ правительство потребую утвержденія моего права. Я ни вашъ, ни Греча сотрудникъ, но такой же хозяинъ въ «Сѣверной Пчелѣ», какъ и Гречъ. Права моего я вамъ не уступалъ и никогда не подчинюсь вамъ, хотя пришлось бы мнѣ погибнуть! Добрые люди смѣются, что вы до сихъ поръ не уважаете никакихъ моихъ замѣчаній въ газетѣ моей, основанной мною! На первый случай ничего болѣе вамъ не говорю, но въ просьбѣ, которую я изготовилъ, все выражено, а потомъ я начну дѣйствовать собственными средствами, чтобы избѣгнуть отъ порабощенія, которое вы налагаете на стараго литератора, основателя «Пчелы», поддерживавшаго газету столько лѣтъ своими собственными статьями. За симъ пишусь вашимъ покорнымъ слугою Ѳ. Булгаринъ. P. S. Пишу къ вамъ для того, что рѣдко могу застать васъ дома. Вы школьный учитель (я преподавалъ въ то время естественныя науки въ Николаевскомъ женскомъ институтѣ), какъ Гречъ, а я старый солдатъ и намъ трудно сойтись на одномъ пути».

Болѣе собственноручныхъ писемъ Ѳ. В. Булгарина у меня не оказывается. Въ 1857, 1858 и 1859 годахъ я получалъ отъ него письма, отъ его имени, но писанныя рукою его сыновей, такъ какъ въ началѣ 1857 года параличъ поразилъ правую сторону организма Булгарина. Ниже я сообщаю выдержки изъ этихъ немногихъ писемъ, а въ настоящемъ мѣстѣ считаю наиболѣе удобнымъ объяснить главную причину раздора, происшедшаго между Гречемъ и Булгаринымъ и доведшаго ихъ до язвительныхъ и обидныхъ другъ къ другу писемъ.

Послѣ кончины, въ мартѣ 1850 года, Алексѣя Николаевича Греча, я услышалъ въ семьѣ Николая Ивановича Греча толки о томъ, что существуетъ будто бы дарственная запись Ѳ. В. Булгарина на имя покойнаго, сдѣланная въ концѣ тридцатыхъ или началѣ сороковыхъ годовъ. Въ силу этого акта, право на половину владѣнія «Сѣверною Пчелою», или на половину ея доходовъ, должно было, по смерти Ѳ. В. Булгарина, перейдти не къ его дѣтямъ, а къ А. Н. Гречу. Такое великодушіе объясняли, между прочимъ, особенною любовью и привязанностью, которыя Ѳ. В. Булгаринъ питалъ къ А. Н. Гречу. Такъ какъ послѣдній скончался, то естественно вышеупомянутый актъ долженъ былъ сдѣлаться собственностью оставшихся послѣ него дѣтей, внуковъ Николая Ивановича Греча. Между тѣмъ, ни въ бумагахъ покойнаго, ни у его отца, нигдѣ не оказалось ни подобнаго акта, ни копіи съ него, ни какого письма, въ которомъ намекалось что либо о подобномъ дарѣ. Одно лицо изъ семьи Греча говорило, что само видѣло нотаріальный актъ, другое слышало, какъ посылали за гербовою бумагою, для

написанія акта и проч. Но все это были одни слова, хотя нельзя было заподозрить говорившихъ въ томъ, что они вымышляли небылицы. Н. И. Гречъ обратился, наконецъ, къ Ѳ. В. Булгарину и спросилъ его дружески объ этомъ актѣ. Ѳ. В. Булгаринъ отвѣчалъ, что подобнаго акта не было заключено, но что въ тридцатыхъ годахъ былъ о томъ разговоръ, оставшійся безъ послѣдствій и что онъ никогда и не думалъ обдѣлять своихъ дѣтей, а говорилъ о томъ только въ предположеніи, что А. Н. Гречъ, по кончинѣ отца и его, Булгарина, долженъ сдѣлаться редакторомъ газеты и слѣдовательно долженъ быть вознагражденъ за то обоими хозяевами изданія. Н. И. Гречъ не повѣрилъ отвѣту Ѳ. В. Булгарина. Нанятъ былъ чиновникъ, которому поручено было пересмотрѣть нотаріальныя книги за прежніе годы, которыя въ то время сдавались тогдашними городскими маклерами и нотаріусами въ городскую думу. Этотъ пересмотръ книгъ затянулся долго. Въ книгахъ не оказалось никакого акта, подходившаго хотя бы отчасти къ тому, котораго доискивались въ семьѣ Греча. Стали говорить, что актъ вырванъ изъ книгъ, или уничтоженъ тѣмъ или другимъ способомъ. Снова стали искать какихъ либо слѣдовъ подобнаго уничтоженія, но и ихъ не оказалось. Всѣ эти поиски, совѣщанія, заняли болѣе трехъ лѣтъ времени. Вѣроятно поиски въ книгахъ нотаріусовъ дошли до свѣдѣнія Булгарина. Отношенія между Гречемъ и Булгаринымъ, бывшія, при моемъ вступленіи въ редакцію «Сѣверной Пчелы», въ 1849—1850 году, искреннія, дружескія, стали постепенно охлаждаться, причемъ всякая мелочь, прежде проходившая безслѣдно, и неизбѣжная при изданіи ежедневной газеты, стала въ послѣдствіи каждый разъ обращаться въ бурю. Гречъ обвинялъ Булгарина въ утайкѣ акта, а послѣдній перваго въ взведеніи на него неблагороднаго поступка.

Въ 1853 году, когда несуществованіе акта въ офиціальныхъ книгахъ сдѣлалось несомнѣннымъ, раздоръ между обоими издателями принялъ размѣры болѣе прежняго, хотя они еще видались другъ съ другомъ; столкновеніе между ними по поводу статей о Контскихъ было только однимъ изъ эпизодовъ ихъ размолвки. Они стали отзываться другъ о другѣ колко, язвительно. Въ 1855 году, какъ видно изъ писемъ Булгарина ко мнѣ, вражда его противъ Греча приняла еще большіе размѣры. Они перестали видѣться другъ съ другомъ. Мое положеніе сдѣлалось крайне затруднительнымъ. По утрамъ Гречъ бранилъ мнѣ Булгарина; въ 2 часа дня пріѣзжалъ почти ежедневно ко мнѣ Булгаринъ и бранилъ Греча. На эти разговоры я тратилъ безъ пользы много времени. Осенью 1855 года, когда эта вражда особенно усилилась, я объявилъ имъ, что не желаю выслушивать ихъ пререканій и прошу говорить со мною обо всемъ, о чемъ угодно, но не объ ихъ взаимныхъ притязаніяхъ. Около этого времени Н. И. Гречъ пригласилъ

Ивана Петровича Липранди взять на себя посредничество между нимъ и Булгаринымъ, и установить какое нибудь соглашеніе между ними. Такому рѣшенію не мало способствовало мое объясненіе съ Н. И. Гречемъ и нѣкоторыми членами его семьи, причемъ я выставилъ мое непріятное положеніе между обоими издателями и вредъ для газеты отъ подобнаго раздора въ ея редакціи. И. П. Липранди принялъ на себя предложеніе, но повелъ дѣло неискусно. Посѣщая то Греча, то Булгарина, онъ, сверхъ дѣловаго разговора объ условіяхъ соглашенія, разсказывалъ каждому изъ нихъ все, что другой говорилъ о немъ дурнаго. Эти сплетни и довели дѣло до разговора о дуэли и до обращенія къ полицейской власти, какъ писалъ ко мнѣ Булгаринъ въ послѣднихъ своихъ письмахъ. Видя, что дѣло соглашенія не улучшается, но ухудшается и что въ сущности взаимныя требованія Греча и Булгарина другъ къ другу сходятся между собою, я предложилъ имъ взять на себя посредничество. Они согласились. Это было осенью 1856 года. Выслушавъ желанія Н. И. Греча, я изложилъ ихъ письменно, показалъ ихъ ему и просилъ утвердить ихъ своею подписью. Такъ же поступилъ я съ Ѳ. В. Булгаринымъ. По сличеніи ихъ взаимныхъ требованій, они оказались почти одинаковыми. Я сдѣлалъ имъ сводку, выставивъ одно требованіе противъ другаго и они оба удивились, что въ существѣ были согласны между собою, но что сплетни и пересуды увеличивали вражду и отдаляли соглашеніе. Когда оно было оформлено и ими подписано, то я настоялъ на ихъ свиданіи другъ съ другомъ. Гречъ не хотѣлъ ѣхать первый къ Булгарину, а тотъ первымъ къ нему. Рѣшено было свидѣться въ моей квартирѣ. Свиданіе состоялось въ моемъ присутствіи, но, не смотря на усилія, какъ Греча, такъ и Булгарина, придать ему сердечность, оно было холодное, безжизненное. Разговоръ шелъ о постороннихъ предметахъ, выбираемыхъ обыкновенно темою, когда не хотятъ затрогивать непріятнаго главнаго вопроса. Гречъ сократилъ это свиданіе, вдругъ объявивъ, что онъ долженъ отлучиться изъ дома по важному, неотлагательному дѣлу. Миръ офиціальный былъ возстановленъ, но о прежнемъ дружествѣ между ними не было болѣе рѣчи. Въ означенномъ соглашеніи между Гречемъ и Булгаринымъ о моемъ участіи въ газетѣ не было упомянуто. Оно потому и удалось мнѣ, что я оставилъ себя въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что вопросъ шелъ о взаимныхъ отношеніяхъ и правахъ двухъ издателей.

Во время двукратной при мнѣ отлучки заграницу, Н. И. Гречъ, сверхъ своихъ писемъ, помѣщавшихся въ «Сѣверной Пчелѣ», присылалъ мнѣ частныя письма. Такихъ писемъ за 1853 и 1855 годъ, у меня сохранилось 56. Вотъ выдержки изъ нихъ, касавшіяся его мнѣнія о Булгаринѣ въ эти годы, когда отношенія ихъ были сильно натянуты, особенно въ 1855 году:

Отъ 31-го мая (12-го іюня) 1853 года, изъ Висбадена: «Стран-

ныя требованія Булгарина не брать статей изъ «Journal de St. Pétersbourg». Тогда одну половину статей мы будемъ давать двумя днями позже, а другой и вовсе не будетъ. Вы очень хорошо сдѣлали, напечатавъ статьи Кукольника и Булгарина. Пусть ихъ наслаждаются. Я исполнилъ свой долгъ, сказавъ то, что было у меня на душѣ, а впрочемъ Богъ съ ними. Вѣроятно, я буду отвѣчать, лишь только получу листы «Пчелы». Тѣмъ, кто васъ упрекалъ въ помѣщеніи ихъ статей, вы можете сказать, что и «я» самъ не въ правѣ отказывать Булгарину».

Отъ 6-го (18-го) іюня 1853 года, изъ Висбадена: «Статья Кукольника возбудила во мнѣ негодованіе. Онъ заставляетъ меня говорить вещи, о которыхъ я не думалъ. Дня чрезъ два получите вы мою отповѣдь. Хороши подлецы! Впрочемъ лучше, что помѣстили. Теперь я могу высказать всю правду. Вижу, что вы держите слово и не исправляете слога «Всякой Всячины» (Булгаринъ обижался за мои поправки его фельетоновъ. Я объявилъ, что не буду до нихъ прикасаться). «Завтра я не буду въ Петербургѣ»,— фраза мадамъ Булгаринъ (она была нѣмка), которой нельзя не замѣтить. Кто просилъ его вступаться за мою грамматику? Навралъ, какъ и всегда. Въ газетѣ «Inland» совершенно правы, что Ольдекоповъ буквальный переводъ моей грамматики для нѣмцевъ не годится. Для этого слѣдовало бы написать совсѣмъ другую книгу».

Отъ 21-го іюля (2-го августа) 1853 года, изъ Парижа: «Глупости Булгарина меня не удивляютъ: ужъ такая его нація. Споръ и брань для него пища и забава. Пусть его! Только за что онъ бранитъ насъ обоихъ? Недоумѣваю. Сберегите его письма до моего пріѣзда».

Отъ 28-го іюля (9-го августа), оттуда же: «Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы толки о Контскихъ прекратились (они прекратились только въ 1859 году со смертью Булгарина). Не я въ томъ виноватъ. Кукольникъ напалъ на меня изъ-за угла. Гадко и мерзко! Страшно подумать, что вскорѣ ворочусь въ этотъ омутъ»!

Отъ 26-го августа (7-го сентября), оттуда же: «Посылаю двѣнадцатое письмо, для напечатанія въ «Сѣверной Пчелѣ», вѣроятно предпослѣднее изъ Парижа. Я увѣренъ, что Булгаринъ и прочіе наполеономаны разсердятся на меня за Ватерлоо, но я радуюсь, что могъ сказать правду. Я провелъ заграницею эти три съ половиною мѣсяца съ большою пользою для моего здоровья, и очень пріятно, вдали отъ всѣхъ мірскихъ заботъ. Но когда подумаю о другѣ Контскихъ, и что я опять долженъ буду съ нимъ собачиться, морозъ по кожѣ подираетъ».

Отъ 4-го (16-го) сентября 1853 года, изъ Парижа: «Забавно, что вы пишете о Контскомъ. Для меня это непостижимо. Неужели Булгаринъ въ самомъ дѣлѣ не видитъ, какъ это глупо и какъ это вредно «Пчелѣ»? Что касается до собственныхъ его статей, то ему не трудно было исписаться. Писать тридцать лѣтъ о Дерптѣ,

и не надоѣсть себѣ и другимъ, не съумѣлъ бы и Шатобріанъ. Забавна ученость Булгарина. Онъ приводитъ въ своемъ фельетонѣ, какъ рѣдкость, записки французскія о Петрѣ Великомъ, а это переводъ всѣмъ извѣстной книги «Das veraenderte Russland», сочиненной Веберомъ, резидентомъ одного нѣмецкаго двора. И Роберта Блума не повѣсили, а разстрѣляли. Что слово, то неисправность. Сдѣлайте одолженіе, не выправляйте ничего въ слогѣ Булгарина и о Контскомъ. Пусть все это остается въ своей первородной наготѣ и прелести».

Отъ 20-го мая 1855 года, изъ Ковно: «Вотъ мы на рубежѣ Россіи, въ странѣ Өаддеевъ и Викентіевъ. Иду возиться съ жидами, Контскими и другими виртуозами».

Отъ 22-го мая (3-го іюня) 1855 года, изъ Берлина: «Напишите мнѣ, что дѣлается у васъ, какъ ведетъ себя извѣстный Ѳ. Б.»?

Отъ 20-го іюля (1-го августа) 1855 года, изъ Висбадена: «Польская вспышка меня не удивляетъ. Это взрывъ бѣшенства, въ которомъ знаменитый писатель ругаетъ всѣхъ и хвалитъ Контскаго».

Отъ 7-го (19-го) августа 1855 года, изъ Мюнхена: «Павелъ Лазаревичъ Лазаревъ (управлявшій конторою «Сѣверной Пчелы») сообщитъ вамъ статью, которою я хочу взбѣсить польскаго пса».

Отъ 24-го августа (5-го сентября) 1855 года, изъ Гаштейна: «Грудь моя и нижній парламентъ такъ здоровы, какъ давно не бывало. Только бы удовольствія петербургской жизни и нѣжнаго польскаго союза не испортили меня вновь. Постараюсь отличиться твердостью и хладнокровіемъ».

Отъ паралича, поразившаго Ѳ. В. Булгарина въ началѣ 1857 года, онъ не могъ уже оправиться. Изъ предшествовавшихъ его писемъ, видно, что этотъ параличъ готовился у него годами, выражаясь временами сильными приливами крови къ головѣ, горлу, правому уху. Медицинская помощь сдѣлала, что онъ сталъ немного внятнѣе говорить, такъ какъ языкъ также былъ парализованъ, но правою рукою онъ уже не въ состояніи былъ болѣе владѣть. Такъ провелъ онъ 1857, 1858 и часть 1859 года. Въ 1857 году, подъ его диктовку, писалъ ко мнѣ одинъ изъ его сыновей, изъ Карлова, отъ 14-го іюня: «Благодарю васъ за память обо мнѣ и за поздравленіе съ чиномъ (дѣйствительнаго статскаго совѣтника). Здоровье мое еще не начало поправляться, но, по докторскому обѣщанію, должно надѣяться поправленія. Я въ «Сѣверную Пчелу» начну писать, т. е. диктовать, съ завтрашняго дня, чѣмъ и начинается будущая вереница статей. Посылаю вамъ письмо изъ Парижа родственника моего, капитана артиллеріи Александра Булгарина, съ просьбою напечатать въ «Сѣверной Пчелѣ». Прощайте! Прошу любить и жаловать! Кланяйтесь доброму П. Л. Лазареву и свидѣтельствуйте мое почтеніе Николаю Ивановичу Гречу, преданный Ѳаддей Булгаринъ».

Отъ 7-го августа, изъ Карлова: «Съ большимъ удовольствіемъ читаю я фельетоны Николая Ивановича Греча [1]). Онъ не хотѣлъ, чтобы мое мнѣніе о нихъ было выражено въ «Сѣверной Пчелѣ». Пусть такъ и будетъ. Не знаю я, на какомъ градусѣ стоитъ благоволеніе ко мнѣ «Сѣверной Пчелы», слѣдственно и молчу. Требуемую вами медицинскую газету посылаю и при томъ маленькій мой фельетонъ. Здоровье мое, по мнѣнію доктора, идетъ будто бы лучше, что доказывается тѣмъ, по мнѣнію его, что я дѣлаюсь слабѣе. Потерпите, по крайней мѣрѣ, пока не зароютъ меня въ землю и не безпокойте моей души, пребывающей въ слабомъ тѣлѣ. Кланяюсь Гречу, моему старому товарищу и доброму нашему П. Л. Лазареву».

Я предложилъ женѣ Ѳ. В. Булгарина купить у него принадлежащую ему половину въ изданіи «Сѣверной Пчелы», въ первое время болѣзни ея мужа, т. е. въ 1857 году, и выразилъ готовность заплатить за то 20,000 р. Согласія на это не послѣдовало и дѣло осталось въ прежнемъ положеніи. Въ 1858 году, послѣ переговоровъ между Н. И. Гречемъ, Ѳ. В. Булгаринымъ и мною, въ маѣ составленъ былъ проектъ договора, въ силу котораго я принимался третьимъ товарищемъ по изданію газеты, съ тѣмъ, чтобы быть единственнымъ ея редакторомъ, но этотъ проектъ также остался однимъ предположеніемъ. Наконецъ, въ 1859 году, когда число подписчиковъ на «Сѣверную Пчелу» значительно сократилось, уменьшаясь постепенно съ 1856 года, со времени заключенія парижскаго мира, Ѳ. В. Булгаринъ самъ предложилъ мнѣ купить у него его половину. Я предложилъ ему за нее только 10,000 р. Онъ отвѣчалъ мнѣ 28-го марта 1859 года: «Я получалъ отъ «Пчелы», при 1,500 подписчикахъ, 25,000 рублей ассигнаціями [2]), а теперь, при 3,000 подписчикахъ, вы предлагаете мнѣ за уступку моего права только 10,000 р. сер. Прилагаю при семъ свои условія. Если сроки къ платежу денегъ вамъ неудобны, то назначьте другіе. Вы сами предлагали моей женѣ за «Пчелу» 20,000 р. с. На покупку «Пчелы»

---

[1]) Съ начала 1857 года фельетоны Булгарина, появлявшіеся по средамъ и субботамъ, стали помѣщаться не въ назначенные сроки. Онъ уже не писалъ прежнихъ длинныхъ фельетоновъ, при которыхъ едва вмѣщались остальные отдѣлы газеты и то въ сокращенномъ видѣ. Въ № 68-мъ (въ мартѣ) появился первый фельетонъ Греча, подъ псевдонимомъ Эрміона, подъ заглавіемъ «Газетныя Замѣтки». Они печатались аккуратно по понедѣльникамъ въ 1857, 1858, 1859 годахъ. Булгаринъ въ 1857 году изрѣдка помѣщалъ свои фельетоны. Въ теченіе всего 1858 года Булгаринъ помѣстилъ въ газетѣ только 6 фельетоновъ (№№ 20, 95, 235, 250, 258, 277), а въ 1859 году только одинъ, въ № 29 (Замѣтки, выписки Ѳ. Б.). Ему, очевидно, хотѣлось еще работать, но умственныя и физическія силы слабѣли. Въ № 235 (25-го октября 1858 года) онъ писалъ въ фельетонѣ: «тридцать четыре года я работалъ, споткнулся и болѣнъ».

[2]) Въ 1855 году каждый изъ издателей «Пчелы» получилъ, на свою долю, по 24,000 р. с. чистаго дохода отъ газеты.

есть у меня много охотниковъ, но даже и при выгоднѣйшихъ для себя условіяхъ я вамъ даю преимущество. Покорнѣйше прошу васъ прислать мнѣ свои замѣчанія на мои условія, потому что болѣзнь затрудняетъ меня говорить и объясняться съ вами». Я отвѣчалъ немедленно и объяснилъ причины, почему два года назадъ я предлагалъ 20,000 р., а теперь даю только 10,000 р. На это я получилъ, отъ 2-го апрѣля, слѣдующее письмо: «Для сохраненія мира и спокойствія въ мутной водѣ, я рѣшаюсь, наконецъ, уступить вамъ «Сѣверную Пчелу» за 15,000 р. с., которыя деньги могутъ быть выплачены мнѣ или моимъ наслѣдникамъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, начиная съ 1860 года. За нынѣшній годъ—особенный счетъ, отстраняя васъ отъ дѣла. Тутъ разсудятъ насъ Богъ и царь [1])! Приэтомъ я дѣлаю условія: что въ «Сѣверной Пчелѣ» никогда не должны быть помѣщаемы критическія статьи и личности, писанныя противъ меня и моихъ сочиненій. Также и я не имѣю права печатать что либо противъ «Сѣверной Пчелы». Я могу, когда хочу, печатать статьи мои въ «Сѣверной Пчелѣ», только не критикуя «Пчелы» и ея издателей».

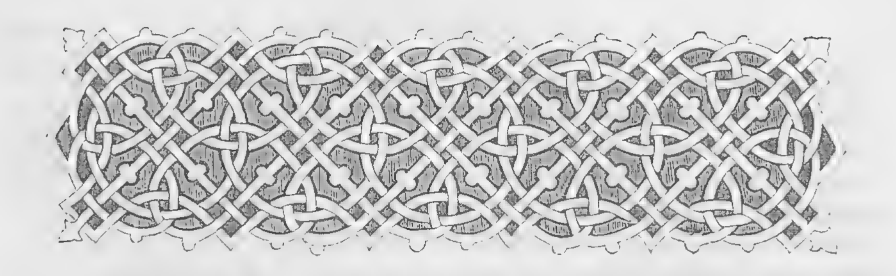
Послѣ новыхъ переговоровъ, 20-го мая 1859 года, я заключилъ съ Ѳ. В. Булгаринымъ нотаріальный актъ о покупкѣ у него принадлежащей ему половины «Сѣверной Пчелы» за 13,000 р., съ тѣмъ, чтобы я вступилъ въ ея владѣніе только съ 1-го января 1860 года.

Въ № 190 «Сѣверной Пчелы» (4-го сентября 1859 г.) появилось слѣдующее извѣстіе: «1-го сентября, въ шесть часовъ пополудни, скончался въ Дерптѣ извѣстный нашъ писатель, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ, на семьдесятъ первомъ году отъ роду». Другихъ біографическихъ свѣдѣній объ основателѣ «Сѣверной Пчелы» въ этой газетѣ не появилось. Н. И. Гречъ не согласился написать статью о Булгаринѣ и даже прекратилъ свои понедѣльничные фельетоны, «Газетныя замѣтки», на нѣкоторое время. Послѣ того первый его фельетонъ появился только 12-го октября.

Пав. Усовъ.

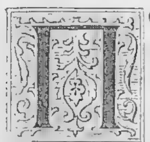
---

[1]) По случаю уменьшенія подписчиковъ и увеличенія расходовъ по изданію, вслѣдствіе прекращенія занятій такого трудолюбиваго сотрудника, какимъ былъ Ѳ. В. Булгаринъ, ему выдана была, въ январѣ 1859 г., въ счетъ прибыли, очень незначительная сумма впередъ. На это онъ и жаловался означенною фразою. Между тѣмъ, при сведеніи счетовъ по окончаніи 1859 года, когда Ѳ. В. Булгаринъ уже лежалъ въ землѣ, чистой прибыли отъ изданія вовсе не оказалось. Для покрытія расходовъ по газетѣ, Н. И. Гречъ принужденъ былъ въ августѣ сдѣлать заемъ, а расходы по изданію въ декабрѣ и отчасти въ ноябрѣ были уплачены мною, изъ подписныхъ денегъ 1860 года, хотя подобнаго обязательства на мнѣ не лежало, и я сдѣлалъ это изъ одного желанія сохранить за редакціею репутацію исправнаго плательщика. Поэтому Ѳ. В. Булгарину не только не приходилось ничего на долю за 1859 годъ, но слѣдовало получить съ него на покрытіе дефицита. Я съ Н. И. Гречемъ положили раздѣлить его между собою и на мою долю пришлось болѣе трехъ тысячъ рублей.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ БУНТА ВОЕННЫХЪ ПОСЕЛЯНЪ ВЪ 1831 ГОДУ.

(По разсказамъ очевидцевъ.)

О НАСТОЯЩЕЕ время въ исторической литературѣ уже напечатано довольно много документовъ, и въ особенности воспоминаній, о бунтѣ военныхъ поселянъ въ 1831 году. Однако же, не смотря на это, не мало еще трагическихъ эпизодовъ, случившихся во время бунта, остаются неизвѣстными. Одинъ изъ такихъ эпизодовъ, записанный нами со словъ очевидцевъ, предлагается здѣсь вниманію читателей.

I.

Въ 1827 году, 8-го сентября, въ деревнѣ Залучье, въ 44 верстахъ отъ Старой Русы, былъ открытъ вновь устроенный артиллерійскій округъ Новгородскихъ военныхъ поселеній. На площади между Залучьемъ и Великимъ Селомъ, въ присутствіи трехъ дѣйствующихъ бригадъ гренадерской дивизіи, служили молебенъ и читалась грамата; послѣ того, столь важное для этой мѣстности событіе отпраздновано было обѣдомъ у бригаднаго командира полковника Алексѣя Семеновича Малѣева.

Деревня Залучье, имѣвшая не болѣе 20 дворовъ, была расположена на довольно возвышенной мѣстности, вблизи которой протекала рѣка Робья. Въ 1827 году, въ маѣ мѣсяцѣ, въ Залучье прибылъ Малѣевъ и въ продолженіи лѣта устраивалъ все необходимое для своего штаба: проводили дороги, дѣлались мосты, такъ

какъ ничего этого раньше не было; строились цейхаузы, госпиталь, артиллерійскія конюшни и сараи для пушекъ. Сначала какъ Малѣевъ съ семействомъ, такъ и офицеры, расположились въ простыхъ избахъ поселянъ; но вскорѣ были воздвигнуты всѣ зданія, необходимыя для размѣщенія начальствующихъ лицъ и въ самой деревнѣ стала наблюдаться чистота чрезвычайная. На выѣздѣ изъ Залучья по направленію къ Старой Русѣ была вновь сдѣлана прямая дорога на разстояніи 20 верстъ до деревни Коровичиной, въ которой находился паромъ черезъ рѣку Ловать, шлагбаумъ и ворота. Домъ бригаднаго командира, окруженный садомъ, былъ построенъ на пригоркѣ, надъ самой рѣкой Робьей.

Въ округѣ проживало очень много старовѣровъ безпоповщинцевъ, вслѣдствіе чего, по ходатайству Малѣева, были выстроены двѣ деревянныя церкви, одна въ Залучьѣ, а другая—въ деревнѣ Шубиной, центрѣ старовѣрства. Когда церкви были готовы, то особенно въ Шубинѣ принуждали старовѣровъ посѣщать каждую воскресную службу; обыкновенно они стояли въ оградѣ и когда священникъ кадилъ, то враждебно настроенные старовѣры долго потомъ отряхивали свои бороды и платья, желая избавиться отъ дыма ладона; часто бывали и такіе случаи, что старовѣры оборачивались задомъ къ церкви; тогда солдаты обязаны были по командѣ поворачивать ихъ лицомъ къ храму.

Бригадный командиръ полковникъ А. С. Малѣевъ имѣлъ въ то время жену Мавру Ивановну, урожденную княгиню Путятину и двоихъ дѣтей—Наталью, трехъ лѣтъ, и Марію—пяти; потомъ къ нему привезли изъ Воронежа двухъ сиротъ—дѣтей его брата. Ко всѣмъ этимъ дѣтямъ была приглашена гувернантка, Марья Александровна Юракъ изъ Смольнаго монастыря. Семья Малѣева была чрезвычайно общительна, ее любили всѣ окрестные помѣщики и часто посѣщали запросто. Каждый четвергъ собирался комитетъ, въ которомъ разбирались тяжбы поселянъ, дѣла о покражахъ сѣна, дракахъ, порубкахъ и проч. Въ комитетѣ присутствовали ротные командиры семи поселенныхъ ротъ и помощники ихъ, а также священникъ дер. Залучья и поселяне. По окончаніи засѣданія, у Малѣева бывалъ обыкновенно обѣдъ, а вечеромъ устраивались танцы. Сама хозяйка, какъ воспитанница Екатерининскаго института хорошо играла на рояли и была душою всего общества. По воскресеньямъ къ Малѣевымъ пріѣзжали въ гости: генералъ Буткевичъ съ тремя дочерьми, графъ Стройновскій [1]), помѣщица Варвара Андреевна Бостельманъ, а изъ Старой Русы генералъ Никитинъ. Самъ Малѣевъ отличался твердымъ и рѣшительнымъ характеромъ и большимъ самоотверженіемъ. Поселяне его боялись, а сослуживцы

---

[1]) О Буткевичѣ и графѣ Стройновскомъ подробно говорится въ «Воспоминаніяхъ» г. Маевскаго, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1881 года.

уважали какъ отца за гуманное отношеніе къ нимъ внѣ службы и честное исполненіе своихъ обязанностей какъ начальника. Малѣевъ ѣздилъ по округу въ мѣсяцъ раза два; крестьяне обязаны были также давать подводы доктору, бабкѣ, священнику и почтѣ; матеріальное положеніе ихъ было довольно хорошо, такъ напр., часто можно было встрѣтить мужиковъ, которые имѣли по 20 коровъ и 4 барки сѣна, а у остальныхъ было по 4 коровы, 2 лошади и всѣ принадлежности для обработки земли. Установленный для нихъ костюмъ былъ таковъ: казакины сѣраго сукна, пояса съ красными кантами, черныя фуражки и брюки съ краснымъ кантомъ и красные погоны съ надписью номера роты.

Коренное населеніе округа—старовѣры никакъ не могли привыкнуть къ новымъ порядкамъ и легко поступиться своими обычаями въ пользу всѣхъ новшествъ; а потому вскорѣ въ разныхъ мѣстахъ стали обнаруживаться сопротивленія нововведеніямъ; такъ, старообрядскіе попы перекрещивали дѣтей, крещеныхъ по православному обычаю, и не позволяли дѣвицамъ выходить замужъ за православныхъ поселянъ; впрочемъ, бывали случаи, когда сами дѣвицы тайкомъ убѣгали изъ дому и вступали въ бракъ противъ воли своихъ родныхъ, закоренѣлыхъ старовѣровъ. Когда же мѣстныя власти начали преслѣдовать ихъ все болѣе и болѣе, закрывая молельни въ Коровичинѣ, Шубинѣ, Горкахъ и другихъ деревняхъ, то самые вліятельные и богатые изъ старовѣровъ стали искать случая подать просьбу высшему начальству и даже государю императору. По этому поводу, въ мѣстныхъ преданіяхъ сохранился слѣдующій разсказъ.

Въ Великомъ Селѣ, въ трехъ верстахъ отъ Залучья, проживалъ крестьянинъ 70 лѣтъ Григорій Ивановъ; у него былъ сынъ солдатъ, человѣкъ довольно зажиточный. Когда состоялся царскій смотръ въ Старой Русѣ, Григорій Ивановъ собрался идти туда, желая хотя передъ смертью, какъ онъ говорилъ, посмотрѣть на императора. Пришелъ онъ и пробрался къ самой свитѣ, окружавшей государя, такъ что обратилъ на себя вниманіе царя.

— Что тебѣ, старина, здѣсь нужно? спросилъ его государь.

— Да вотъ пришелъ посмотрѣть на батюшку царя, отвѣчалъ старикъ, не зная съ кѣмъ говоритъ.

— Что же, видѣлъ ты его?

— Не знаю, батюшка, вѣдь такъ то много здѣсь господъ.

— Нѣтъ ли у тебя до царя какой просьбы?

— Ничего мнѣ не надо! А и то сказать, избенка то у меня очень плоховата, лѣску бы надо было.

Государь приказалъ написать тотчасъ же въ округъ о выдачѣ этому старику необходимаго матеріала для постройки избы. Когда Григорію Иванову, по возвращеніи въ деревню, выдали лѣсъ на избу, тогда онъ только догадался, кто былъ его собесѣдникъ. Узнали

объ этомъ и старовѣры, и очень разсердились на Григорія Иванова, что вотъ молъ какъ онъ былъ близко къ царю и могъ бы разсказать ему о всѣхъ ихъ нуждахъ. Полагая, что теперь Григорій Ивановъ лично извѣстенъ государю они уговорили его за хорошее вознагражденіе отправиться въ Петербургъ и подать государю прошеніе. Григорій Ивановъ отправился и успѣлъ лично вручить государю бумагу.

— Ну, дѣдушка, это не твое ужъ дѣло! сказалъ ему государь.— Это была воля царя, такъ и должно быть!

Вслѣдъ за тѣмъ, Григорія Иванова препроводили въ Юрьевъ монастырь на жительство; а его домъ остался совсѣмъ недостроеннымъ, такъ какъ хозяину суждено было и умереть въ томъ же монастырѣ.

Въ 1831 году, дѣйствующія войска всѣхъ поселенныхъ округовъ выступили въ польскую кампанію, а въ артиллерійскомъ округѣ остались только резервные полки и инвалидная рота.

II.

11-го іюля 1831 года, въ домѣ Малѣева собрались обычные посѣтители съ цѣлью провести денекъ въ разнаго рода деревенскихъ удовольствіяхъ; за чаемъ Малѣевъ внезапно получаетъ, отъ командира округа принца Евгенія Виртембергскаго, Посьета, письмо, въ которомъ тотъ предупреждалъ его особенно смотрѣть за военно-рабочими солдатами, такъ какъ они въ Старой Русѣ страшно бунтуютъ, многихъ убили, разбили лазареты, а докторовъ выбросили изъ окошекъ за то, что они будто бы отравляютъ народъ. Прочитавъ письмо Посьета, Малѣевъ сказалъ: «Вотъ вторую подобную бумагу получаю въ своей жизни, первую еще въ 1812 году; но, въ случаѣ чего, я своихъ усмирю, у меня 30 человѣкъ команды» Всѣ гости тотчасъ же поразъѣхались, прося Малѣева дать имъ помощь, въ случаѣ опасности отъ крестьянъ. Въ 12 часовъ ночи къ Малѣеву явился его адъютантъ Беренсъ и доложилъ слѣдующее: «Прихожу домой и застаю нежданныхъ гостей изъ Старой Русы— квартальнаго надзирателя и городоваго; они везли одного кутилу офицера изъ Русы на Осташковскую дорогу, гдѣ былъ расположенъ его баталіонъ для содержанія карантина; на возвратномъ пути оттуда они узнали, что въ Русѣ бунтъ, и для своего спасенія свернули съ Рамышева въ артиллерійскій округъ на Залучье». Выслушавъ Беренса, Малѣевъ распорядился приготовить въ Коровичинѣ два орудія и собрать тамъ сколько было можно резервныхъ солдатъ, а маіору Отрощенко предписалъ немедленно собрать свой баталіонъ, бывшій на карантинѣ, и отправляться въ Коровичино; въ этой деревнѣ Малѣевъ намѣревался соединиться съ Отро-

щенкомъ и направиться въ Старую Русу для усмиренія бунта. Однако, до 3-хъ часовъ, 12-го іюля, въ понедѣльникъ, Малѣевъ не получилъ никакого увѣдомленія съ карантина, а потому, наскоро пообѣдавъ, самъ отправился съ своимъ адъютантомъ къ Отрощенкѣ. Жена его, Мавра Ивановна, какъ будто предчувствуя нависшую грозу, съ небывалою грустью проводила мужа, благословивъ, стоя на крыльцѣ, его нѣсколько разъ и, возвратясь въ комнату, со слезами сказала прислугѣ: «Молитесь, чтобы Алексѣй Семеновичъ благополучно вернулся домой!» Не прошло и четверти часа послѣ отъѣзда Малѣева, какъ бунтовщики вдругъ нагрянули съ задворковъ на деревню; имъ попалась на встрѣчу женщина съ ребенкомъ, она шла въ баню; одинъ изъ толпы хватилъ ее коломъ по спинѣ, приговаривая: «Твой свекоръ взялъ 200 рублей съ Малѣева, чтобы огороды травить». Взвизгнула несчастная и на этотъ крикъ на улицѣ выскочила изъ дома Малѣева полковая бабка, чтобы узнать, что тамъ происходитъ.

— Гдѣ Малѣевъ? закричалъ подошедшій изъ толпы мельникъ деревни Залучья, держа въ рукахъ громадный колъ.

— Поѣхалъ въ карантинъ, отвѣчала бабка.

— А гдѣ же Малѣиха? спросилъ онъ и ткнулъ коломъ въ дверь, мѣшая ей закрыться.

Но бабка быстрымъ движеніемъ оттолкнула колъ, захлопнула дверь и заперла на задвижку. Не успѣла она обернуться, какъ видитъ на встрѣчу бѣжитъ Малѣева съ 4-мя дѣтьми и кричитъ, что бунтовщики ворвались въ домъ съ другаго входа; дѣйствительно, всѣ комнаты были переполнены поселянами съ громадными кольями. Все, что имъ попадалось подъ руку, разбивалось и ломалось. Бабка заперла всю семью Малѣева въ сѣняхъ въ чуланчикъ, а сама осталась въ передней. Вскорѣ толпа ворвалась въ переднюю.

— Пусть лучше одинъ Малѣевъ погибнетъ, чѣмъ намъ всѣмъ умирать отъ отравы! кричалъ одинъ поселянинъ. На возраженія бабки, онъ продолжалъ кричать: — «У него, говорятъ, семь кулей запасено яду отравлять огороды и колодцы!»

Бунтовщики перевернули въ домѣ все вверхъ дномъ: всѣ сундуки были очищены, даже зола изъ печекъ выгребена; все хрупкое перебито — зеркала, лампы, посуда, рояль разрублены на мелкіе кусочки. На улицѣ предъ домомъ толпа представляла потрясающую картину буйства; тутъ происходилъ споръ изъ-за какой нибудь вещи, тамъ лошади разукрашивались награбленнымъ имуществомъ: на одной шаль вмѣсто попоны, на другой надѣта розовая креповая шляпа, къ третьей была привязана вмѣсто сѣдла перина гувернантки.

— Ахъ, моя перина! моя перина! завопила было гувернантка и бросилась ее выручать.

— Прочь барыня! закричали ей два дюжихъ старовѣра:—спасайся, пока жива, что взято, то свято!

На телѣгахъ торчала поломаная мебель; на одной былъ поставленъ диванъ, на которомъ едва сидѣли, перепившіеся наливкою Малѣева, два кантониста; одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ педаль, а другой пеструю юбку на палкѣ, вмѣсто флага и т. п.

Нашелся таки одинъ добрый поселянинъ; отыскавъ Малѣеву съ дѣтьми онъ скрытно провелъ ее изъ дома въ сосѣднюю двухъэтажную избу; Мавра Ивановна была посажена на лавку уже совсѣмъ безъ памяти, дѣти съ гувернанткой бросились на колѣни передъ образомъ и жарко молились о спасеніи отца. Только что они успѣли утолить жажду попавшимся въ избѣ квасомъ, какъ ворвался совершенно пьяный, страшнаго вида и громаднаго роста, бунтовщикъ съ нагайкою въ рукахъ; размахивая ею направо и налѣво, онъ завопилъ: «Гдѣ здѣсь Малѣиха? Я пришелъ ее спасать!» Когда ему указали на всю семью, пріютившуюся въ углу избы, то онъ уже успѣлъ лишиться твердости въ ногахъ и, потерявъ равновѣсіе, присѣлъ, процѣживая сквозь зубы:

— Ну такъ спасайтесь! а я ужь ничего не могу сдѣлать!

Тогда полковая бабка спрятала Малѣеву съ дѣтьми въ чуланѣ за кадками и бочками съ полотномъ и паклею, и обратясь къ пьяному спросила его:

— Какъ же тебя зовутъ?

— Сенька Боровокъ, отвѣчалъ онъ: — сидите себѣ тамъ, а я тутъ буду караулить; затѣмъ, онъ растянулся и скоро захрапѣлъ.

Перепуганные, несчастные дѣти молились теперь уже не за папу и маму, а за Сеньку Боровка. Когда толпа вваливалась въ эту избу, Боровокъ отъ шума просыпался и каждый разъ на вопросъ—здѣсь ли Малѣиха? отвѣчалъ:

— Полно, братцы, тутъ никого нѣтъ! одинъ только я.

Часовъ въ 8 вечера у Малѣевой нашлись еще защитники изъ поселянъ; для бòльшей безопасности они рѣшили отвести ее съ дѣтьми на гауптвахту; на всемъ пути она отъ изнеможенія нѣсколько разъ падала, кромѣ того, ей было нанесено бунтовщиками нѣсколько ударовъ, одинъ изъ нихъ на столько былъ силенъ, что вся гребенка на головѣ вошла въ кожу. Нѣкоторые бунтовщики хотѣли положить ее съ дѣтьми на одинъ возъ съ тѣлами убитыхъ офицеровъ и везти въ деревню Великое Село на р. Робьѣ. Видя такое ужасное намѣреніе толпы, караульный на гауптвахтѣ, унтеръофицеръ Крупенинъ, сталъ убѣждать бунтовщиковъ, говоря:

— Ну, братцы, куда вы тамъ ее повезете? оставьте лучше здѣсь умирать.

Пока Малѣеву вели на гауптвахту, все ея платье было оборвано, а съ дѣтей бунтовщики сорвали верхнюю одежду, такъ что они пришли въ однѣхъ рубашенкахъ.

III.

На другой день, въ два часа утра, бунтовщики приняли уже оборонительныя мѣры на случай возвращенія Малѣева съ батаріономъ: одно орудіе было вывезено къ воротамъ деревни, а другое поставлено на разстояніи 100 шаговъ у шлагбаума; кромѣ того, до 700 человѣкъ поселянъ отправились въ карантинъ съ цѣлью взять тамъ полковника, съ которымъ было не болѣе 40 человѣкъ солдатъ.

Малѣева весь день находилась въ страшномъ бреду, прикладывалась къ стѣнѣ, точно къ образамъ, никого не узнавала или же вдругъ спрашивала окружающихъ:

— А вы слышали, какъ бѣдный мой Алексѣй Семеновичъ кричалъ? Я сама вотъ сейчасъ слышала; бѣдный, бѣдный! Его тамъ убили! и при этомъ несчастная заливалась горькими слезами; или вдругъ прислушивалась къ чему-то и, обведя дикимъ взоромъ все окружающее, не обращая вниманія на зовъ дѣтей—мама, мама, падала въ изнеможеніи на колѣни и начинала молиться, рыдать до обморока.

Нерадостныя вѣсти доносились и съ карантина; когда иной поселянинъ спрашивалъ скачущихъ въ Залучье бунтовщиковъ: ну, что, какъ Малѣевъ? — Все хорошо, отъ него и кишекъ не осталось! былъ ложный отвѣтъ.

Тутъ же въ женской арестантской лежалъ ротный командиръ Ивановъ; несчастный, находясь въ полной формѣ, такъ былъ избитъ, что весь распухъ и долго не могли снять съ пальца его кольца и растегнуть поясъ и мундиръ; изъ раненой головы сочилась кровь и образовала цѣлую лужу на каменномъ полу арестантской. Къ счастью, тутъ была полковая бабка, заботливыя старанія которой нѣсколько облегчили невыразимыя мученія безвиннаго страдальца.

Вечеромъ, во вторникъ, поселяне засуетились вытаскивать еще пушки изъ сарая; но такъ какъ вся молодежь ушла въ карантинъ, то пришлось принимать участіе всѣмъ, кто только остался: старцы, бабы, дѣвки и даже дѣти; въ подмогу себѣ они подпрягли какого-то жеребенка, но дѣло двигалось медленно, пока надъ этимъ сбродомъ не принялъ команду какой-то престарѣлый инвалидъ.

Ночь на среду прошла на гауптвахтѣ не безъ приключеній. Стемнѣло; все нѣсколько поутихло; измученные заснули. Неспалось только несчастнымъ дѣтямъ Малѣевой: грязь повсюду страшная, удобства никакого—одна подушка на всѣхъ, въ арестантской темно и ко всему этому началась бѣготня и пискотня крысъ и мышей. Дѣти, какъ ни устали, только дремали, вздрагивали при всякомъ шумѣ и поднимали плачъ. Надъ ними сжалились пять

закованныхъ арестантовъ въ мужскомъ отдѣленіи и купили гдѣ-то въ складчину свѣчку, а чтобы бунтовщики съ улицы не увидѣли свѣта, заложили чѣмъ-то маленькое стекло въ дверяхъ; Мавру Ивановну съ дѣтьми они уложили спать на нарахъ.

Толпа поселянъ около гауптвахты стала увеличиваться; среди нея послышался голосъ:

— А что, братцы, не поджечь ли гауптвахту? Пропадетъ Малѣиха съ дѣтьми, то и самъ Малѣевъ скоро сдастся!

— Нечего вамъ это дѣлать, вмѣшался унтеръ-офицеръ Крупенинъ, она и сама ужь умерла!

Второй разъ такимъ образомъ удалось этому вѣрному слугѣ Малѣева спасти или, по крайней мѣрѣ, облегчить несчастную участь его семьи и ложнымъ извѣстіемъ о смерти Мавры Ивановны предотвратить гибель всѣхъ засѣвшихъ на гауптвахтѣ. На разсвѣтѣ подошелъ къ платформѣ гауптвахты поселянинъ деревни Залучья, надѣлъ офицерскій шарфъ черезъ плечо, назвавшись графомъ Лепешкинымъ, вошелъ въ самое зданіе и обратился къ солдатамъ:

— Здорово ребята!

— Здравія желаемъ! отвѣчали.

Затѣмъ самозванный графъ Лепешкинъ отворилъ дверь къ арестантамъ и закричалъ:

— Выходите ребята! Мы васъ сдѣлаемъ нашими начальниками.

— А какъ ты смѣлъ открыть нашу арестантскую? возразили два артиллериста, скованные цѣпями по рукамъ и ногамъ. — Не бывать вамъ надъ нами начальниками! Вы лучше сами расхлебайте ту кашу, что заварили! А кто насъ посадилъ, тотъ и выпуститъ.

— Ха, ха, ха! ужь того и кишки на клубки-то намотаны.

— Ничего, мы безъ начальства не останемся! не этотъ, такъ другой будетъ; а ты сейчасъ запри дверь! а то мы тебя такъ тряхнемъ цѣпями, что тутъ и сядешь.

Послѣ такой неудачи Лепешкинъ ушелъ, но спустя полчаса времени вернулся и потребовалъ отъ унтеръ-офицера выдачи казеннаго ящика съ деньгами до 75,000 руб. ас. Тотъ не зналъ что дѣлать и доложилъ объ этомъ еле дышавшему ротному командиру, спрашивая—какъ прикажете?

— Отпустить! простоналъ Ивановъ.

На призывъ Лепешкина сбѣжалось нѣсколько человѣкъ поселянъ, отыскали лошадь, впрягли въ ящикъ и повезли его подъ гору черезъ мостъ; но въ то время какъ они опять подымались на гору, подходилъ къ Залучью стрѣлковый баталіонъ съ карантина: стрѣлки сначала двигались ползкомъ, а потомъ услыхавъ стукъ колесъ и увидя ящикъ, захваченный бунтовщиками, бросились къ нему бѣгомъ; пустивъ въ ходъ приклады, они отбили

ящикъ и немедля направились къ гауптвахтѣ, гдѣ и поставили его на прежнемъ мѣстѣ. На вопросъ: гдѣ Малѣевъ? стрѣлки отвѣчали: полковникъ идетъ должно быть съ шумилковской дороги. И дѣйствительно, не прошло и четверти часа, какъ Малѣевъ, въ солдатской шинели, съ небольшимъ отрядомъ появился у шлагбаума. Всѣ солдаты, бывшіе на гауптвахтѣ бросились къ нему на встрѣчу. Малѣевъ такъ былъ пораженъ несчастнымъ видомъ своей жены и дѣтей, что, отступивъ нѣсколько шаговъ назадъ, уперся въ стѣну и, ничего не говоря, простоялъ въ такомъ положеніи нѣсколько минутъ; но потомъ, очнувшись, бросился къ Маврѣ Ивановнѣ и всѣ горько зарыдали. Малѣева, сильно взволнованная отъ радости, выбѣжала на площадку, гдѣ выстроился весь баталіонъ, бросилась въ ноги предъ командиромъ, благодаря всѣхъ за спасеніе своего мужа.

— Помилуйте, сударыня, мы сами спасены имъ! закричали стрѣлки, поднимая Мавру Ивановну:—а то бы насъ всѣхъ покрошили бунтовщики!

Тотчасъ же сдѣлано было распоряженіе: выдать баталіону куль крупы, выкосить отъ гауптвахты до связей часть поля съ рожью и зарѣзать корову; все это было крайне необходимо, такъ какъ стрѣлки съ понедѣльника до среды ничего почти не ѣли.

Отдохнувъ немного, баталіонный командиръ, маіоръ Отрощенко, разставилъ часть стрѣлковъ для наблюденія за движеніемъ бунтовщиковъ, а другую отправилъ по деревнѣ искать награбленное имущество; все населеніе Залучья въ страхѣ разбѣжалось, только въ нѣкоторыхъ избахъ остались малыя дѣти. Однако поиски были напрасны, ничего не нашли, кромѣ того, что въ предпослѣднемъ къ гауптвахтѣ амбарѣ сохранились содранные съ Малѣевскихъ экипажей кожи. Въ это время послышалась тревога въ виду того, что изъ Гадилова къ Залучью двигалась громадная толпа бунтовщиковъ, вооруженныхъ кольями и пиками; они остановились въ деревнѣ Пустошки и узнавъ, что Малѣевъ съ стрѣлками и орудіями въ Залучьѣ, повернули назадъ.

Начались аресты. 15-го іюля, въ день Кирика и Улиты, когда былъ праздникъ въ Гадиловѣ, схватили важнаго бунтовщика Ерофея, заковали въ колодки и посадили на гауптхвахту. Объ немъ разсказывали слѣдующее: во время бунта, около церкви въ Залучьѣ стояли передъ толпою два поселянина, Борисъ съ сумкой черезъ плечо и Ерофей, оба въ жалованныхъ царскихъ кафтанахъ; они читали народу бумагу, какъ будто бы полученную отъ самого государя, а на самомъ дѣлѣ это было письмо отъ сыновей одного изъ нихъ, служившихъ въ Петербургѣ на баркахъ и описывавшихъ народное волненіе въ столицѣ по случаю холеры. Когда чтеніе кончилось, то Ерофей, обращаясь къ толпѣ, закричалъ: «бейте братцы, начальство, я за все отвѣчаю!» Однако, несмотря на тща-

тельный обыскъ, никакой бумаги въ домѣ Ерофея не было отыскано.

Изъ всѣхъ жителей штаба въ Залучьѣ не были ограблены только два дома — священника и подпоручика А. И. Зеленскаго; жена Зеленскаго помѣстила своего мужа на подволоку, дала ему краюху хлѣба, чтобы онъ не голодалъ, а сама завязала голову простымъ платкомъ и когда толпа вломилась къ ней, закричала:

— Что вы, голубчики? Вѣдь я не барыня, а купчиха!

— Ну ладно, купцовъ не тронемъ! купцы за насъ,—загалдѣла толпа и вышла вонъ изъ дома.

15-го іюля, семья Малѣева перешла изъ гауптвахты въ связь (домъ) подполковника Суслова. Какъ только Мавра Ивановна немного оправилась, то уѣхала въ Порховской уѣздъ къ двоюродной сестрѣ.

IV.

По распоряженію Малѣева изъ всѣхъ ротъ были привезены орудія въ штабъ, а затѣмъ начали понемногу свозить въ Залучье убитыхъ и раненыхъ офицеровъ: 1) поручика Дубова съ женою и дѣтьми; онъ былъ еще живъ, хотя имѣлъ пять ранъ на рукѣ отъ ударовъ топоромъ и одиннадцать на головѣ; въ мѣстѣ его стоянки докторъ убитъ первымъ, а потому раны остававшіяся два дня безъ перевязки пришли въ ужасное состояніе; 2) ротнаго командира Ст. Ст. Барщевскаго съ совершенно разбитою головою, такъ что даже мозгъ былъ обнаженъ; 3) ротнаго командира Владиміра Ивановича Алферьева; онъ былъ еще живъ, несмотря на то, что страшно изуродованъ и оба глаза выколоты; 4) ротнаго командира Маркова совсѣмъ уже мертваго; 5) трупъ ротнаго командира Останковича; у него осталась беременная жена и 7 человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ старшему было 10 лѣтъ; во время бунта жену его два раза принимались сѣчь, а старшаго сына на глазахъ матери чуть было не разорвали, приговаривая: бей его, братцы! будетъ такой же офицеръ какъ и отецъ! — Что вы дѣлаете, безтолочь?! за младенца отвѣтите вдвойнѣ! вступился какой-то старикъ и выручилъ полумертваго ребенка изъ рукъ разъяренной толпы; 6) ротнаго командира Ник. Ив. Воропонова, въ безчувственномъ состояніи отъ побоевъ; при первыхъ извѣстіяхъ о бунтѣ, онъ всѣхъ увѣрялъ, что въ артиллерійскомъ округѣ поселяне не могутъ бунтовать, потому что живутъ въ полномъ довольствѣ; развѣ только старовѣры, говорилъ онъ, отомстятъ за ссылку ихъ поповъ; 7) ротнаго командира Дубицкаго, хотя живаго, но въ такомъ состояніи, что его насилу сняли съ телѣги, вся спина у него была черная; такъ какъ онъ лежалъ долго безъ всякой помощи и некому было пустить кровь, то несчастный совершенно ослѣпъ; когда онъ спасался, то встрѣтился съ однимъ поселяниномъ.

— Ложись, баринъ въ телѣгу, пригласилъ тотъ; я довезу тебя до штаба благополучно.

Дубицкій согласился на такое неожиданное предложеніе и влѣзъ въ телѣгу; поселянинъ прикрылъ его рогожею. На пути встрѣтились бунтовщики.

— Что везешь?

— Да это ужь убитый ротный командиръ! отвѣчалъ поселянинъ.

— Ну такъ и моя копѣйка не щербата! приговаривалъ каждый изъ нихъ, нанося ударъ по рогожѣ чѣмъ попало, кто коломъ, кто нагайкой.

Кромѣ того, въ Залучье привезли трупъ доктора Муригина; разсказываютъ, что онъ отъ страха забрался на чердакъ, а когда бунтовщики пришли, то выскочилъ въ слуховое окошко и тутъ же убился.

Въ деревнѣ Избитовой жилъ докторъ Ильинскій. Въ день бунта (12-го іюля) онъ шелъ въ штабъ (Залучье); на дорогѣ на него напали бунтовщики и сильно исколотили. Спустя нѣсколько часовъ Ильинскій очнулся и кое какъ поползъ по прежнему пути. Встрѣчается другая толпа поселянъ. Докторъ проситъ хотя глотокъ воды, но бунтовщики насыпаютъ ему въ горло песку и связываютъ назадъ руки. Наконецъ, третье скопище его совсѣмъ добило, не допустивъ до штаба.

Такой же печальной участи подверглись и другіе лица, служившія въ штабѣ. Когда Малѣевъ выѣхалъ изъ Залучья, нѣсколько человѣкъ офицеровъ и аудиторъ находились у Останковича въ избѣ. Замѣтя издали двигающихся бунтовщиковъ, они разбѣжались кто куда попало. Аудиторъ выскочилъ на дворъ, встрѣтивъ растерявшагося священника отца Ивана и вмѣстѣ съ нимъ забился въ темный уголъ хлѣвушки подъ сѣно. Нахлынула толпа въ избу, и увидя въ разныхъ мѣстахъ офицерское оружіе разсыпалась по двору и неистово издѣвалась надъ отысканными жертвами. Перепугавшійся аудиторъ, слыша угрозы рыскавшихъ повсюду поселянъ и вопли избитыхъ офицеровъ, въ виду неминуемой смерти, исповѣдовался у отца Ивана. Просидѣвъ въ хлѣвушкѣ до зари въ постоянномъ страхѣ за свою жизнь, когда шумъ нѣсколько прекратился, аудиторъ и священникъ незамѣтно выползли и спустились къ берегу рѣки, оставя на произволъ судьбы свое имущество и родныхъ; первый направился въ деревню Романово за 18 верстъ къ помѣщицѣ Варварѣ Андреевнѣ Бостельманъ, а священникъ ушелъ къ старостѣ за 8 верстъ. Едва успѣлъ аудиторъ войдти въ деревню, гдѣ думалъ спастись, какъ на него напали крестьяне Бостельмана и, видя форменный аудиторскій сюртукъ, стали вязать руки, приговаривая:

— Ахъ ты собака! ты оттуда ушелъ, такъ вотъ мы тебѣ дадимъ пріютъ! какъ бы не такъ! Ребята, въ озерко его!

— Да постойте, братцы! крикнулъ одинъ изъ нихъ; нужно осмотрѣть хорошенько, нѣтъ ли у него оду (яду), а то всю воду отравимъ.

Обшарили всѣ карманы, но ничего не нашли кромѣ часовъ, которые тотчасъ были сорваны кучеромъ помѣщицы.

— Гдѣ же ваша барыня? спросилъ аудиторъ.

— Барыня-то? Она ужь теперь видно далече! Еле, еле выскочила съ душею и тѣломъ! Все бросила и ушла съ дѣтьми и матерью въ Осташковъ въ Нилову пустынь; пускай поспасается!

— Не берите, братцы, грѣха на душу! взмолился аудиторъ; отведите меня къ старшинѣ, онъ дѣло разберетъ.

Просьба уважена, старшина оказалъ ему гостепріимство, накормилъ и отправилъ для большей безопасности въ деревню Карпово, гдѣ на большой осташковской дорогѣ находилась гауптвахта. Это мѣсто скоро сдѣлалось сборнымъ: сюда свозили раненыхъ чиновниковъ, стекались резервные солдаты съ карантинной линіи, подвозили провіантъ, подавали кое-какую помощь... Только 20 іюля подъ охраною команды въ состояніи были двинуться къ Залучью всѣ временные обитатели этой гауптвахты. Священникъ штаба ушелъ за 50 верстъ въ Демьянскъ.

О другомъ аудиторѣ артиллерійскаго же округа сохранился оригинальный разсказъ. По наружности онъ былъ чрезвычайно безобразенъ, съ неуклюжими манерами, высокаго роста, худой и большой чудакъ. Когда бунтовщики его схватили и стали бить, то послѣ нѣсколькихъ ударовъ онъ закричалъ:

— Стойте, братцы, стойте! Дайте отдохнуть! хорошо ребята бьете! а! нука табачку понюхайте, а потомъ и заработу,—съ этимъ словомъ онъ вынулъ свою табакерку, самъ понюхалъ и угостилъ поселянъ.

Они понюхали и опять принялись его бить. Били, били; вновь аудиторъ прервалъ экзекуціи съ тѣми же приговорами и угощеніемъ.

— Да бросьте его ребята! закричали нѣкоторые; никакъ онъ совсѣмъ дуракъ!

Въ деревнѣ Демидовѣ проживалъ капитанъ фурштатской роты Шибаевъ; во время бунта онъ вдругъ исчезъ неизвѣстно куда; жена его, какъ ни розыскивала, ничего не могла узнать и отправилась въ Петербургъ къ своему отцу Мясникову. Изъ числа арестованныхъ демидовскихъ поселянъ на одного падало большое подозрѣніе въ убійствѣ Шибаева; его допрашивали нѣсколько разъ; но тотъ все отказывался, всегда вздрагивая при имени Шибаева. Наконецъ, на 40-й день самъ заявилъ желаніе идти въ коммисію и сказалъ: «грѣхъ мой! Я убилъ Шибаева; и всего только одинъ разъ ударилъ безмѣномъ. Три раза ходилъ въ сосѣдній лѣсъ искать скрывшагося тамъ капитана и все неудачно; наконецъ въ

четвертый нашелъ его спящимъ подъ деревомъ; посмотрѣлъ я на него, посмотрѣлъ: трудно было узнать—худой, бѣлый такой, лицо спокойное, одежда рваная, оружія никакого; во мнѣ закипѣло; глаза затуманило; хватилъ разокъ и порѣшилъ; капитанъ не охнулъ, только вытянулся. Я бѣжать... На другой день вмѣстѣ съ братьями тѣло закопалъ тутъ же на пригоркѣ подъ березой».

Дней черезъ семь открылась въ Залучьѣ коммисія для допроса арестованныхъ; а ихъ было такъ много, что, кромѣ гауптвахты, сажали въ больницу и въ артиллерійскіе сараи. Правда до 100 человѣкъ скоро отпустили, такъ какъ они попали подъ арестъ по насердкамъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, на большой площади въ Залучьѣ происходила экзекуція въ присутствіи генерала Данилова. Потомъ весь артиллерійскій округъ былъ раздѣленъ на два округа пахатныхъ солдатъ № 13 и 14. Съ этого времени они должны были платить оброкъ, чего прежде не было; количество рабочихъ рукъ уменьшилось вслѣдствіе того, что многіе были сосланы; запашки производилось меньше и вообще благосостояніе края значительно ухудшилось.

Малѣевъ получилъ вспомоществованія 5,000 руб. ас., хотя имущества у него было разграблено на 22,000. Правда встрѣчались и такіе счастливцы, что за одинъ ударъ получили 200 руб. ас. ежегодной пенсіи. Долго Малѣевъ оставался безъ мѣста и наконецъ былъ назначенъ плацъ-маіоромъ въ Новгородъ. Однажды, во время пріѣзда великаго князя Михаила Павловича, Малѣевъ сѣлъ на плохія дрожки, тѣ сломались; онъ при паденіи получилъ искривленіе позвоночнаго столба, долго болѣлъ и умеръ въ 1847 году.

И. Поддубный.

ГРАФЪ ПАВЕЛЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПОТЕМКИНЪ.

(Біографическій очеркъ.)

Редакціи «Историческаго Вѣстника» сообщены Г. В. Есиповымъ нѣсколько интересныхъ и до нынѣ еще нигдѣ не напечатанныхъ документовъ, касающихся графа П. С. Потемкина, а именно: его духовное завѣщаніе, письма жены, прошеніе послѣдней на высочайшее имя, донесеніе о предсмертной болѣзни графа и высочайшія повелѣнія относительно его семейныхъ дѣлъ. Приводя въ своемъ мѣстѣ означенные документы, считаемъ не лишнимъ предпослать имъ краткій біографическій очеркъ этого, во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго государственнаго дѣятеля. Помимо могучаго покровительства князя Таврическаго, своего родственника, графъ Потемкинъ успѣхами своими на служебномъ поприщѣ былъ обязанъ и собственнымъ дарованіямъ. Его удачная борьба съ пугачевщиной, личная храбрость во время обѣихъ турецкихъ кампаній, разумная распорядительность и неутомимая дѣятельность въ Кавказскомъ краѣ, наконецъ, содѣйствіе къ водворенію гражданскаго благоустройства во вновь покоренномъ Крыму (событіе, которому въ нынѣшнемъ 1883 году исполнилось сто лѣтъ) обратили на графа Потемкина справедливое вниманіе Екатерины II. Заслуги свои онъ омрачилъ злодѣйскимъ поступкомъ съ бѣглымъ персидскимъ принцемъ, причемъ опозорилъ себя грабежемъ. Страхъ наказанія довелъ его до самоубійства, и память Потемкина до сего времени остается не оправданною, не избавленною отъ позора... Всѣ эти біографическія данныя придаютъ большой интересъ его личности, которую

мы постараемся въ возможной полнотѣ воспроизвести въ нашемъ очеркѣ.

Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ — младшій изъ трехъ сыновей двоюроднаго дяди знаменитаго князя Таврическаго, секундъ-маіора Сергѣя Дмитріевича Потемкина и его супруги Анны Михайловны, рожденной княжны Крапоткиной—родился въ 1743 году [1]). Отецъ его, человѣкъ низкой, злой души, всячески старался разладить двоюроднаго своего брата, Александра Васильевича (отца князя Таврическаго), съ его женою, Дарьею Васильевною, возбуждая въ немъ ревность и подозрительность и дошелъ, наконецъ, до того, что когда у нихъ родился сынъ Григорій, будущій герой царствованія Екатерины, то убѣдилъ отца, что онъ незаконнорожденный. Старикъ повѣрилъ этой гнусной клеветѣ и даже подалъ челобитную о расторженіи брака, написанную подъ руководствомъ клеветника. Защитникомъ бѣдной жены Потемкина былъ Г. М. Козловскій: привезя стараго сумасброда въ присутствіе, онъ потребовалъ возвращенія челобитной съ надписью.

Эта низкая черта характера С. Д. Потемкина вполнѣ его обрисовываетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ — если допустить наслѣдственность нравственную—служитъ плохимъ ручательствомъ за душевныя качества его сыновей. Намъ неизвѣстна біографія старшаго, но оба младшіе, конечно, не могли назваться идеалами добродѣтели. Михаилъ Сергѣевичъ въ 1782—1790 годахъ былъ генералъ-кригсъ-комисаромъ; князь А. А. Вяземскій прочилъ его въ государственные казначеи; но, судя по отзывамъ Екатерины, въ «Дневникѣ» Храповицкаго, онъ былъ игрокъ, въ дѣлахъ денежныхъ человѣкъ сомнительной честности. Послѣ смерти могущественнаго своего троюроднаго брата, М. С. Потемкинъ былъ посланъ въ Яссы для денежныхъ разсчетовъ о сорока милліонахъ рублей, отпущенныхъ покойному во время послѣдней турецкой войны... «но смерть сего коммисіонера» говоритъ Храповицкій [2]) «оставила дѣло безъ конца, спасла Попова и плутовъ». Эта смерть по отзывамъ того же лица (съ 13-го на 14-е декабря 1791 года) была, какая-то, «странная» [3]).

---

[1]) Слѣдовательно, доводился князю Потемкину «троюроднымъ», а не «двоюроднымъ» братомъ, какъ показано во многихъ біографіяхъ (между прочими въ «Русскомъ Архивѣ» 1873 года № 5, стр. 751). Покойный М. Н. Лонгиновъ («Русская Старина» 1871 года. Томъ IV, стр. 574) называетъ его «внучатнымъ» братомъ (степень родства не совсѣмъ понятная). Наше показаніе основано на несомнѣнномъ свидѣтельствѣ П. Ѳ. Карабанова («Русская Старина» 1872 года, томъ V, стр. 463—464). Другимъ двоюроднымъ братомъ отца князя Таврическаго былъ Григорій Матвѣевичъ Козловскій.

[2]) «Дневникъ» Храповицкаго, изданіе Базунова, подъ редакціею Н. П. Барсукова. 1874 года, стр. 377.

[3]) Тамъ же, стр. 387.

Той же странной смертью умеръ черезъ пять лѣтъ и Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, къ біографическому очерку котораго мы теперь возвращаемся.

Получивъ образованіе въ московскомъ университетѣ, онъ въ молодыхъ годахъ занимался литературою, печатая первые свои опыты въ московскихъ журналахъ, издаваемыхъ Херасковымъ. Изъ французскихъ писателей особенно уважалъ онъ Ж. Ж. Руссо и съ 1767 по 1770 годъ перевелъ и напечаталъ четыре особенно замѣчательныя сочиненія философа-мизантропа [1]). Но занятія литературныя не отвлекали Потемкина отъ службы. Поступивъ въ лейбъ-гвардіи семеновскій полкъ, онъ обратилъ на себя вниманіе усердіемъ и исполнительностью. Перейдя въ дѣйствующія войска въ первую турецкую кампанію, будучи уже капитанъ-поручикомъ и камеръ-юнкеромъ, онъ, 22-го сентября 1770 года, получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени. Затѣмъ, благодаря покровительству своего троюроднаго брата, быстро повышаясь въ чинахъ, черезъ три года былъ уже бригадиромъ. Не оставляя пера, Потемкинъ воспѣвалъ великія событія, которыхъ былъ свидѣтелемъ, или участникомъ [2]), написалъ двѣ драмы въ стихахъ [3]) и вообще посвящалъ свои досуги, впрочемъ весьма рѣдкіе и непродолжительные, занятіямъ словесностью, отечественною и иностранною. Важныя политическія событія, въ которыхъ онъ, по милости своего покровителя, былъ призванъ принять весьма дѣятельное участіе, отвлекли его окончательно отъ мирныхъ, умственныхъ развлеченій.

Внезапная кончина доблестнаго Александра Ильича Бибикова (9-го апрѣля 1774 года) въ ту самую минуту, когда онъ готовился нанести рѣшительный ударъ «Пугачевщинѣ», открыла Потемкину широкій путь къ отличіямъ. Произведенный въ генералъ-маіоры, онъ, въ началѣ іюня 1774 года, былъ отозванъ изъ дѣйствующей арміи и снабженный особенною инструкціею (11-го іюня) былъ откомандированъ въ Казань и Оренбургъ для изслѣдованія причинъ возмущенія, пріисканія мѣръ къ устраненію ихъ и установленію прочнаго порядка на Яикѣ. Въ десяти пунктахъ помянутой ин-

---

[1]) «Разсужденіе удостоенное отъ академіи Дижонской въ 1750 году, на вопросъ предложенный сею академіею, что возстановленіе наукъ и художествъ способствовало ли къ исправленію нравовъ?» (Le progrès des arts et des sciences a-t-il contribué à corrompre ou à épurer les meurs?). М. 1768 и 1787. «Новая Элоиза», часть первая. М. 1769. «Разсужденіе о началѣ и основаніи неравенства между людьми». 1770—1782. «Разсужденіе на вопросъ: какая добродѣтель есть самонужнѣйшая героямъ и которые суть тѣ герои, кто оной добродѣтели не имѣли?» М. 1770.

[2]) «Поэма на побѣды одержанныя россійскою арміею надъ турецкими войсками». Спб. 1770. «Эпистола на взятіе Бендеръ», 1770. «Эпистола графу Григорію Григорьевичу Орлову». Спб. 1771.

[3]) «Россы въ Архипелагѣ», драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Спб. 1772—1788. «Торжество дружбы», драма въ 3 дѣйствіяхъ. М. 1773 и 1787.

струкціи, Екатерина, облекая Потемкина обширными полномочіями, изложила все то, что отъ него требовалось, какъ отъ главнаго начальника двухъ секретныхъ коммисій, назначенныхъ по дѣлу о пугачевскомъ бунтѣ. Въ ночь на 8-е іюля, Потемкинъ прибылъ въ Казань, изъ которой раннимъ утромъ писалъ императрицѣ о необыкновенномъ уныніи, въ которомъ имъ найденъ городъ, о неизвѣстности мѣста нахожденія Пугачева, преслѣдуемаго Михельсономъ, и, наконецъ, о своей готовности идти на встрѣчу злодѣю съ небольшимъ отрядомъ въ 500 человѣкъ. «Боже дай успѣхъ въ дѣлахъ моихъ», заключалъ онъ свое донесеніе, «соотвѣтствующій ревности моей къ службѣ священной вашего величества особѣ, и я не пощажу ни трудовъ, ни самой жизни моей къ пріобрѣтенію желаннаго спокойствія въ народѣ». Благородной готовности Потемкина на самопожертвованіе не замедлило предстать тяжелое испытаніе: 11-го іюля, Пугачевъ со своими полчищами осадилъ Казань. Первый приступъ былъ благополучно отбитъ; но на слѣдующее утро мятежники, съ четырехъ сторонъ, снова устремились на городъ. Потемкинъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи лишь 400 человѣкъ, съ которыми и поспѣшилъ на выручку города. Въ то самое время какъ онъ бился съ мятежническими шайками, значительная часть ихъ прорвалась въ городъ. Съ отчаянными усиліями Потемкину удалось пробиться съ 300 человѣками въ крѣпость и затвориться въ ней, въ ожиданіи помощи отъ отрядовъ Михельсона, Жолобова и Гагрина. «Я въ жизнь мою такъ не счастливъ не бывалъ», писалъ онъ въ тотъ же день Г. А. Потемкину — «имѣя губернатора ничего не разумѣющаго и артиллерійскаго генерала дурака, долженъ былъ, по ихъ распоряженію, къ защитѣ самой скверной, помогать на семи верстахъ дистанціи. Теперь остается мнѣ умереть защищая крѣпость, и если Гагринъ, Михельсонъ и Жолобовъ не будутъ, то не уповаю долѣе семи дней продержать, потому что съ злодѣемъ есть пушки и крѣпость очень слаба. Итакъ, мнѣ осталось одно средство — при крайности пистолетъ въ лобъ, чтобъ съ честію умереть, какъ вѣрному подданному ея величества, которую я Богомъ почитаю. Повергните меня къ ея священнымъ стопамъ, которыя я отъ сердца съ слезами (sic) лобзаю. Богъ видитъ, сколь ревностно и усердно я ей служилъ: прости, братецъ, ежели Богъ доведетъ насъ до крайности. Вспомнайте меня какъ самого искреннаго вамъ человѣка. Самое главное несчастіе—que le peuple n'est pas sur» (народъ неблагонадеженъ).

Это письмо, въ подлинникѣ, было представлено императрицѣ Г. А. Потемкинымъ. Тронутая великодушною отвагою его троюроднаго брата, Екатерина, отъ 23-го іюля, писала П. С. Потемкину собственноручно, стараясь поддержать въ немъ надежду на близкую помощь, причемъ прибавляла:

«Дабы вы свободнѣе могли упражняться службою моей, къ

которой вы столь многое показываете усердіе, рвенье, приказала я заплатить, въ мѣсто васъ, при семъ слѣдующіе возвратно, двадцать четыре векселя; о чемъ прошу болѣе ни слова не упомянуть, а впредь быть воздержнѣе, дабы качества твои, столь полезныя для службы и для меня ничемъ не затмились».

Грабежъ и разореніе Казани мятежниками продолжались десять часовъ: войска Михельсона, вмѣстѣ съ гарнизономъ Потемкина, вытѣснили ихъ, наконецъ, изъ города и обратили въ бѣгство. Дальнѣйшія злодѣйства Пугачева при его отступленіи внизъ по Волгѣ, до самаго дня его поимки (14-го сентября—день Воздвиженія св. Креста), слишкомъ общеизвѣстны, чтобы о нихъ распространяться, тѣмъ болѣе, что Потемкинъ, по отраженіи самозванца отъ Казани, посвятилъ себя исключительно дѣятельности административной. Всѣми его распоряженіями, весьма разумными и цѣлесообразными, Екатерина была вполнѣ довольна. Усмиряя народное волненіе въ Казани и окрестныхъ мѣстахъ, внушая жителямъ повиновеніе законной власти, Потемкинъ ежедневными рапортами увѣдомлялъ императрицу объ успѣхахъ нашихъ войскъ и о началѣ уничтоженія страшной пугачевщины. Въ рапортѣ своемъ отъ 17-го августа, увѣдомляя Екатерину о томъ, что жители Казани, по малодушію или невѣжеству покорствовавшіе предъ самозванцемъ, сознаютъ свое заблужденіе и выказываютъ искреннее раскаяніе, Потемкинъ писалъ между прочимъ: «А какъ повидимому пріучили ихъ къ тому, чтобы они праздны не являлися, то часто, приходя ко мнѣ, приносятъ они подарки, такъ, что отрекаясь принимать оные, принужденъ я сдѣлать объявленіе, что я примѣчая многіе мздоимства, публикую, что по первому свѣдѣнію, кто будетъ касаться ко взяткамъ, таковыхъ ту минуту буду наказывать, да и самые тѣ, кто подносятъ, не останутся безъ наказанія. Первый опытъ оному былъ учиненъ обличеніемъ одного офицера казанскаго гарнизона, который былъ посланъ съ командою для усмиренія бунтующихъ чувашъ и который бралъ деньги съ самыхъ бунтовщиковъ и отпускалъ ихъ».

Обращаемъ особенное вниманіе на эту похвальную черту безкорыстія Потемкина опередившую его вѣкъ, когда «посильными приношеніями» не гнушались и многіе важнѣйшіе сановники. Черезъ двѣнадцать лѣтъ этотъ врагъ лихоимства относился къ нему иначе, съ самою пріязненною снисходительностью... Времена перемѣнчивы. Но въ 1774 году дѣйствія Потемкина были вполнѣ достойны похвалъ и императрицы, и всей Россіи. Въ равной степени неподкупный и рыцарски великодушный, онъ, въ томъ же донесеніи отъ 17-го августа, упомянулъ о «подломъ поступкѣ» воеводъ саранскаго и пензенскаго, бѣжавшихъ изъ ввѣренныхъ имъ городовъ, оставивъ ихъ на жертву «злодѣю отечества». «Саратовскій комендантъ (Бошнякъ) еще хуже ихъ учинилъ» прибавлялъ онъ къ этому,

заявляя, что мѣшкотность Бошняка была главною причиною взятія Саратова Пугачевымъ. Это тяжкое обвиненіе Потемкинъ основывалъ на рапортахъ Державина, къ которому былъ искренно расположенъ. При изслѣдованіи причинъ сочувствія народнаго къ Пугачеву, Потемкинъ съ замѣчательнымъ тактомъ и крайнею разборчивостью относился къ личности виновныхъ, отдѣляя невѣжество и слѣпотствующее суевѣріе отъ измѣны и предательства. Съ должною и совершенно справедливою строгостью отнесся онъ къ духовенству, которое, въ городахъ взятыхъ Пугачевымъ, раболѣпствуя предъ самозванцемъ, встрѣчало его съ колокольнымъ звономъ, крестными ходами и всѣми почестями, подобающими лишь законному императору; на эктеніяхъ возглашало имя Петра III. Въ числѣ духовныхъ лицъ, навлекшихъ на себя негодованіе правительства за раболѣпное потворство самозванцу, находился, какъ извѣстно, казанскій архіепископъ Веніаминъ, оклеветанный однимъ изъ пугачевскихъ эсауловъ, Аристовымъ. Всѣ дѣйствія Потемкина по этому крайне щекотливому дѣлу были запечатлѣны большою осмотрительностью, человѣчностью и уваженіемъ къ сану архіерейскому.

Допросы плѣнныхъ пугачевцевъ и изслѣдованія всѣхъ нитей мятежа послужили Потемкину основаніемъ къ составленію обширной записки, о которой онъ говоритъ въ своемъ донесеніи отъ 17-го августа: «Теперь приступлю вывести всю исторію и начало самозванца и злодѣя Пугачева, которую выполнить долженъ привезенный вчера въ Казань главный наперстникъ злодѣя, называвшійся графомъ Чернышевымъ».

Это самая записка, доставленная императрицѣ и донынѣ остающаяся ненапечатанною, подала поводъ Бантышу-Каменскому въ его «Словарѣ» (ч. IV, стр. 196) назвать ее самостоятельнымъ сочиненіемъ Потемкина, подъ заглавіемъ «Исторія о Пугачевѣ».

Въ послѣднихъ числахъ сентября, Потемкинъ изъ Казани уѣхалъ въ Симбирскъ, гдѣ находились уже графъ П. И. Панинъ и Суворовъ, привезшій туда плѣннаго Пугачева. О встрѣчѣ Потемкина съ будущимъ героемъ Рымникскимъ, находимъ любопытную замѣтку въ «Запискахъ» Рунича [1]).

«При утреннемъ на другой день въ 7 часовъ рапортѣ нашелъ я у графа въ кабинетѣ одного только генералъ-маіора Павла Сергѣевича Потемкина, пріѣхавшаго наканунѣ изъ Казани. Спустя минутъ пять вошелъ въ оный генералъ-поручикъ А. В. Суворовъ, котораго графъ встрѣтилъ съ восторгомъ, привѣтствуя его съ величайшими похвалами за всѣ его подвиги и дѣйствія относительно поимки Пугачева. За это генералъ-поручикъ, чуть не съ поземельными (sic) поклонами, благодарилъ графа. Но генералъ Потемкинъ съ особою скромностію слушалъ сіи похвалы, а притомъ смотрѣлъ

---

[1]) «Русская Старина» 1870 года; изд. третье, стр. 150.

на поклоны генералъ-поручика Суворова съ нѣкоимъ недоумѣніемъ (невниманіемъ) и тайною улыбкою».

Черезъ два дня, въ присутствіи двухъ членовъ военнаго суда, Потемкинъ допрашивалъ Пугачева около двухъ часовъ времени. Упорство, увертки и неясные отвѣты самозванца истощили терпѣніе Потемкина: онъ позвалъ въ судейскую палача и четырехъ гренадеръ. Страхъ наказанія кнутомъ, съ которымъ самозванецъ ознакомился уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, развязалъ языкъ подсудимому. Показанія его сдѣлались яснѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, любопытнѣе. Онъ началъ разсказывать о двухъ гвардейскихъ гренадерахъ, встрѣченныхъ имъ въ слободѣ Добрянскѣ, на пути изъ Украйны въ Польшу. Пригласивъ Пугачева присѣть къ нимъ за столъ, гренадеры сказали ему, что онъ очень схожъ съ императоромъ Петромъ III...

При этихъ словахъ Потемкинъ велѣлъ ему замолчать, а Руничу бывшему въ судейской удалиться въ другую комнату. Допросъ, по его свидѣтельству, продолжался еще «добрый часъ». Важныя донесенія о томъ, что было разсказано Пугачевымъ, отосланныя къ императрицѣ, были, по прочтеніи ею, уничтожены или спрятаны, а затѣмъ, кѣмъ нибудь украдены, но документы эти, повидимому, навѣки утрачены для потомства. Утрата, тѣмъ болѣе цѣнная, что въ исторіи Пугачева весьма многое еще остается таинственнымъ и неразгаданнымъ.

8-го октября, самозванецъ былъ повезенъ въ Москву, а Потемкинъ возвратился въ Казань. Еще до отсылки своего донесенія о показаніяхъ Пугачева, Потемкинъ, 2-го октября, писалъ императрицѣ въ формѣ донесенія, просьбу объ увольненіи его отъ участія въ секретной коммисіи. «Тайная» улыбка подмѣченная Руничемъ на лицѣ Павла Сергѣевича была отблескомъ негодованія кипѣвшаго въ его сердцѣ при восторженныхъ похвалахъ графа Панина Суворову.

«Всего горшѣе, всемилостивѣйшая государыня, писалъ онъ императрицѣ, что при самомъ первомъ свиданіи г. генералъ-поручика Суворова и моего, его сіятельство удостоилъ предъ цѣлымъ народомъ изъяснить благодарность господину Суворову, священнымъ именемъ вашего величества и всей имперіи, яко бы Суворовъ поймалъ злодѣя Пугачева, съ такою холодностью ко мнѣ изъявляемая, что не трудно было видѣть въ немъ внутренную ко мнѣ досаду. Можетъ быть это происходитъ отъ того, что не скрылъ я отъ его сіятельства какимъ образомъ въ самомъ дѣлѣ злодѣй былъ пойманъ, а господинъ Суворовъ не устыдится при всѣхъ зрителяхъ цѣловать шесть разъ въ руки и полы одобрителя».

Изъ этихъ словъ Потемкина нѣкоторые біографы, и въ томъ числѣ М. Н. Лонгиновъ («Русская Старина» 1871 г., томъ IV, стр. 574) заключаютъ, будто бы онъ поимку самозванца приписывалъ

гораздо больше себѣ, чѣмъ Суворову. Этого незамѣтно въ вышеприведенной выдержкѣ изъ донесенія Потемкина отъ 2-го октября. Достаточно прочитать разсказъ Рунича о поимкѣ (вѣрнѣе захватѣ въ плѣнъ) Пугачева, чтобы убѣдиться, что въ ней не принимали участія ни Потемкинъ, ни Суворовъ: самозванца захватили его есаулы Чумаковъ, Твороговъ и Федуловъ и сдали съ рукъ на руки Суворову, который и привезъ его въ Симбирскъ. Потемкинъ въ это время находился въ Казани и, очевидно, не могъ приписывать себѣ чести поимки Пугачева. Онъ ее себѣ и не приписывалъ, но, находилъ только, и весьма основательно, что и не Суворову она принадлежала.

Однако же, по волѣ Екатерины, Потемкинъ продолжалъ участвовать въ коммисіи по самый день ея упраздненія, 12-го февраля 1775 года. Изъ Казани въ Москву, по высочайшему повелѣнію, онъ прибылъ въ исходѣ ноября 1774 года. Дѣятельность Потемкина въ теченіе пяти мѣсяцевъ его пребыванія въ Казани имѣла послѣдствіемъ совершенное утушеніе мятежа до его послѣдней искры и умиротвореніе края, разумными и, повозможности, не жестокими мѣрами. Эти неоспоримыя заслуги, по достоинству оцѣненныя, были вознаграждены Екатериною, пожалованіемъ Потемкину въ іюлѣ 1775 года, золотой шпаги съ алмазами. Покровительство троюроднаго брата открыло ему широкій путь къ дальнѣйшимъ почестямъ. Управленію его былъ ввѣренъ весь юго-восточный край имперіи отъ Астрахани до предѣловъ Кавказа. Въ 1777 году, онъ получилъ анненскую ленту, а 28-го іюня 1778 года орденъ св. Александра Невскаго и камергерскій ключъ. Въ 1783 году, Потемкинъ привелъ къ присягѣ жителей Крыма, покорившагося Россіи, затѣмъ убѣдилъ Ираклія, царя карталинскаго и кахетинскаго, принять русское подданство. За этотъ важный дипломатическій подвигъ онъ получилъ, 28-го іюня 1783 года, въ чинѣ генералъ-поручика, владимірскую ленту. За два года передъ тѣмъ, по порученію Г. А. Потемкина, онъ трудился надъ составленіемъ проекта о заселеніи Кавказскаго края, требовавшаго, за отбытіемъ его правителя, Ивана Варѳоломеевича Якобія, энергичныхъ и безотлагательныхъ мѣръ для своего благоустройства. Въ сентябрѣ 1782 года, П. С. Потемкинъ былъ назначенъ начальникомъ обоихъ кавказскихъ корпусовъ. На линію онъ прибылъ внезапно, и 26-го октября находился уже въ крѣпости Георгіевской. Въ началѣ декабря, посѣтилъ Астрахань, ввѣренную его управленію, черезъ недѣлю (16-го числа) возвратился на Кавказъ для обозрѣнія линіи, на которой привелъ въ лучшій порядокъ запущенныя крѣпости, обративъ особенное вниманіе на Екатериноградскую, которую впослѣдствіи совершенно перестроилъ, предназначая ее для преобразованія въ главный городъ Кавказскаго намѣстничества. Въ 1783 году, онъ привелъ въ покорность Россіи многія горскія племена и дѣятельно занимался заселеніемъ

прибрежьевъ Кумы, Калауса, Егорлыка и другихъ ручьевъ Ставропольской губерніи, — однодворцами и крестьянами изъ внутреннихъ губерній Россіи. Глухая до того времени степь начала оживляться; какъ изъ земли выростали села и деревни, жители которыхъ охотно занялись хлѣбопашествомъ и садоводствомъ на обширныхъ пространствахъ земли плодородной, сторицею вознаграждающей и самый слабый трудъ человѣка. Но водвореніе русскихъ поселенцевъ въ новомъ полудикомъ краю сопровождалось немаловажными затрудненіями. Несмотря на охранительные редуты, партіи кабардинцевъ и закубанцевъ частыми набѣгами тревожили мирныхъ поселянъ, угоняя у нихъ скотъ и даже захватывая въ плѣнъ цѣлыя ихъ семьи. Съ другой стороны ихъ часто грабили сосѣди, калмыки. Исправляя по возможности это зло, Потемкинъ неутомимо продолжалъ начатое дѣло, и къ концу 1784 года окончилъ свой «Проектъ объ открытіи на Кавказѣ самостоятельнаго управленія». Въ декабрѣ привезъ его въ С.-Петербургъ для доклада императрицѣ, чрезъ Г. А. Потемкина, бывшаго уже тогда, въ чинѣ генералъ-фельдмаршала, президентомъ военной коллегіи, шефомъ кавалергардскаго полка, генералъ-губернаторомъ Екатеринославскимъ и Таврическимъ.

Въ бытность свою въ Петербургѣ до августа 1785 года, П. С. Потемкинъ женился на одной изъ первыхъ красавицъ сѣверной столицы — Прасковіи Андреевнѣ Закревской, дочери роднаго племянника графовъ Разумовскихъ и супруги его, рожденной княжны Одоевской. Новобрачному было уже сорокъ два года, новобрачной — двадцать два; но онъ былъ еще очень молодъ для своего чина генералъ-поручика [1]), а она получила въ день помолвки фрейлинскій знакъ и ввела мужа въ родство со многими аристократическими фамиліями. Замѣтимъ, что необыкновенная красота, любезность, умъ и граціозность Закревской обратили на нее особенное (до времени самое платоническое) вниманіе князя Григорія Александровича Потемкина и самое сватовство его троюроднаго брата не обошлось безъ его содѣйствія, въ которомъ страсть къ юной красавицѣ была едва ли не главною причиною. Первый сынъ Потемкиныхъ, родившійся въ 1786 году, былъ нареченъ Григоріемъ, въ честь ихъ могучаго покровителя [2]).

5-го мая 1785 года, послѣдовалъ высочайшій указъ правительствующему сенату объ учрежденіи кавказскаго намѣстничества изъ двухъ областей, Кавказской и Астраханской, съ возложеніемъ этого важнаго порученія на правящаго должность генералъ-губернатора

---

[1]) А не генералъ-аншефа какъ показано у Карабанова («Русская Старина» 1871 годъ. Томъ IV, стр. 390).

[2]) Графъ Григорій Павловичъ Потемкинъ былъ убитъ подъ Бородинымъ 26-го августа 1812 года.

Саратовскаго (съ 1784 г.) и Кавказскаго—Потемкина. Къ Кавказской области были причислены уѣзды: Екатериноградскій, Кизлярскій, Моздокскій, Георгіевскій, Александровскій и Ставропольскій; къ Астраханской: Астраханскій, Красноярскій, Енотаевскій и Черноярскій. Екатериноградъ назначенъ городомъ губернскимъ, Астрахань, впредь до высочайшаго соизволенія — областнымъ.

Въ концѣ августа 1785 года, П. С. Потемкинъ, прибывъ на кавказскую линію, былъ встрѣченъ какъ настоящій правитель Кавказа и государевъ намѣстникъ, облеченный полномочіями, которыя могли потягаться съ деспотическими правами турецкихъ сераскировъ. Полный его титулъ, который прописывали на подаваемыхъ ему прошеніяхъ, былъ слѣдующій: «высокородный и высокопревосходительный господинъ, генералъ-губернаторъ Саратовскій и Кавказскій, генералъ-поручикъ, командующій корпусомъ расположеннымъ отъ Дагестана на Кавказскихъ горахъ и по новой линіи до Дона на Каспійскомъ морѣ всѣми плавающими судами, ея императорскаго величества дѣйствительный камергеръ, с.-петербургскаго драгунскаго полка шефъ и разныхъ орденовъ кавалеръ» [1]).

Эта должность требовала отъ Потемкина въ равной степени какъ военныхъ, такъ, административныхъ и дипломатическихъ способностей. Частыя набѣги горцевъ, между которыми въ исходѣ 1784 года появился проповѣдникъ мюридизма, страшный Шихъ-Мансуръ, кровавыя междоусобія въ Персіи и Грузіи, требовали ежеминутной готовности къ огражденію Кавказа оружіемъ, происки и подстрекательства Турціи, малодушіе и, подъ часъ вѣроломство, мелкихъ князей, принявшихъ подданство Россіи—заставляли пускаться въ ухищренія дипломатическія; въ то же время надлежало неусыпно заботиться о гражданскомъ благоустройствѣ края. Эта троякая, крайне сложная, задача была разрѣшена Потемкинымъ вполнѣ успѣшно и дѣятельность его на Кавказѣ съ 1782 по 1787 годъ дала ему полное право занять нѣсколько блестящихъ страницъ въ тамошнихъ лѣтописяхъ.

За этотъ пятилѣтній періодъ времени, помимо заселенія обширныхъ земельныхъ пространствъ между Дономъ, Терекомъ и Кубанью—опредѣлены съ точностью границы нашего подкавказья. Изъ бывшихъ крѣпостей созданы города: Екатериноградъ, Ставрополь, Георгіевскъ и Александровскъ. Городамъ Кизляру, Моздоку, Екатеринограду и нѣкоторымъ другимъ исходатайствовано право пользоваться общимъ городовымъ положеніемъ 21 апрѣля 1785 года. Въ кавказскую губернію приглашены колонисты изъ намѣстничества саратовскаго; поселенцамъ армянамъ предостав-

---

[1]) «Русскій Архивъ» 1873 годъ, № 5 стр. 761, неправильно придаетъ къ этому титулу и графское достоинство: Потемкинъ получилъ графство 1-го января 1795 года.

лены многія льготы, способствовавшія развитію торговли и промышленности въ Кавказскомъ краѣ. Устроены почтовыя дороги и станціи отъ линіи до Царицына и Черкаска. Для развитія винодѣлія, шелководства, овцеводства и другихъ отраслей мѣстной промышленности, приглашены были, на весьма выгодныхъ для нихъ условіяхъ, многіе иностранцы. Для лучшей защиты городовъ и деревень, по линіи отъ Моздока до средняго Егорлыка, Потемкинъ возъимѣлъ и осуществилъ мысль устройства первыхъ военныхъ поселеній, имѣвшую несравненно болѣе смысла и полезнаго примѣненія къ дѣлу, нежели возникая черезъ тридцать лѣтъ на сѣверѣ и на югѣ Россіи—Аракчеевская. Для лучшаго примиренія горцовъ съ Россіею, Потемкинъ исходатайствовалъ у императрицы высочайшее повелѣніе объ обращеніи Большой и Малой Кабарды въ поселенное войско съ производствомъ жалованья и чиновъ желающимъ поступить въ нашу службу. Плодомъ изученія кавказскаго края Потемкинымъ было составленное имъ «Описаніе кавказскихъ народовъ» до нынѣ не напечатанное и, по всей вѣроятности, утраченное.

Но весь вышеприведенный списокъ полезныхъ трудовъ и подвиговъ на пользу отечества Потемкинъ запятналъ поступкомъ, достойнымъ временъ варварства, или недавней пугачовщины, при уничтоженіи которой онъ игралъ такую похвальную, блестящую роль.

Со времени убіенія Надиръ-Шаха (въ 1747 году) Персія была раздираема непрырывными междоусобіями. Преемникъ этого тирана, Али-Шахъ, начавшій свое царствованіе убіеніемъ Риза-Кули и тринадцати сыновей и внуковъ Надира, былъ самъ свергнутъ своимъ братомъ Ибрагимъ-ханомъ, который приказалъ выколоть ему глаза. По убіеніи Ибрагимъ-хана, былъ провозглашенъ шахомъ сынъ Риза Кули, въ теченіи друхъ лѣтъ трижды свергаемый и возводимый на престолъ. За тѣмъ, въ теченіе десяти лѣтъ, Персія была федеративною республикою, въ которой правители областей были самостоятельными царьками. Наконецъ, шахомъ Западной Персіи былъ провозглашенъ Керимъ-ханъ, мирно царствовавшій до 1779 года. Послѣ него, быстро смѣняя другъ друга, лишаемые зрѣнія, или жизни, на престолѣ промелькнули пять шаховъ. Послѣднимъ въ 1785 году былъ Джафаръ-ханъ, свергнутый съ престола Ага-Магометомъ. Двое изъ братьевъ послѣдняго, спасаясь отъ его преслѣдованій, бѣжали—одинъ—Сали-ханъ—въ Астрахань, другой—моремъ, къ берегамъ Кизляра. Потемкинъ, ссылаясь на пріязненныя отношенія Россіи къ Персіи, отказалъ несчастному бѣглецу въ пріютѣ. Изгнанникъ, преслѣдуемый по пятамъ кораблями шаха, рѣшился, не смотря на отказъ, приблизиться къ Кизлярскому порту. Комендантъ Кизряра выслалъ ему на встрѣчу лодки съ воинскими командами. Радостно привѣтство-

вали ихъ бѣглецы-персіяне, предполагая въ нихъ своихъ спасителей... но они жестоко ошиблись! Изверги, къ стыду Россіи носившіе военный мундиръ, взойдя на корабль—перерѣзали, передушили всю свиту персидскаго принца, и его самого утопили и овладѣли всѣми его сокровищами, изъ которыхъ львиная часть досталась на долю П. С. Потемкина [1]).

Разбой, грабежъ и насиліе, сто лѣтъ тому назадъ допускались въ войскахъ всей Европы при овладѣніи непріятельскими городами и крѣпостями. Полководцы вѣка Екатерины: Румянцевъ, Потемкинъ, Суворовъ—дозволяли своимъ солдатикамъ и «чудобогатырямъ»—подымать на царапъ [2]) турецкіе города и крѣпости. Но рѣзать людей отдающихся подъ защиту Россіи—низость, срамъ и позоръ всецѣло принадлежащіе П. С. Потемкину. Какъ видно, общеніе его съ кавказскими горцами развило въ немъ хищническіе инстинкты, которые превзошли и самыхъ дикарей... Самый вороватый и хищный черкесъ постыдится посягнуть на жизнь человѣка отдающагося подъ его защиту.

Это-ли гнусное, вопіющее дѣло, или славолюбіе, побудили Потемкина, въ 1787 году, вскорѣ по объявленіи манифеста о войнѣ съ оттоманскою портою, отпроситься въ дѣйствующую армію подъ Очаковъ [3]). Все завѣдываніе военными дѣлами края онъ поручилъ генералъ-аншефу Павлу Абрамовичу Тэкелію, а гражданскую часть—правителю кавказскаго намѣстничества статскому совѣтнику Ларіону Спиридоновичу Алексѣеву. Въ 1788 году Потемкинъ сложилъ съ себя званіе саратовскаго генералъ-губернатора, сохраняя вѣдѣніе надъ губерніею кавказской до 1791 года.

Подвиги Потемкина въ дѣйствующей арміи, подъ начальствомъ его знаменитаго родственника, Григорія Александровича, были щедро вознаграждены: 26-го ноября 1789 года, онъ удостоился получить орденъ св. Георгія 3-й степени; на штурмѣ Измаила онъ командовалъ правымъ флангомъ и заслужилъ похвалы Суворова (11-го декабря 1790 года); 25-го марта 1791 года, получилъ Георгіевскую звѣзду 2-й степени. За исключеніемъ похвалы Суворова, обѣ эти награды, въ справедливости ихъ назначенія, подлежатъ нѣкоторому сомнѣнію. Тутъ весьма важную роль играли не столько

---

[1]) Masson. Memoires sécrets sur la Russie. 1802. T. III. p. 8.

[2]) А не «на царя» какъ вообще неправильно пишутъ. Эту поправку, на основаніи документальныхъ данныхъ, слышали мы отъ В. В. Крестовскаго.

[3]) Я. К. Гротъ въ своей любопытной статьѣ «П. С. Потемкинъ во время пугачевщины» («Русская Старина» 1870 года, изданіе третье, томъ II, стр. 489) говоритъ по поводу убіенія персидскаго принца: «обстоятельство это, сопряженное, сколько извѣстно, съ погибелью принца, искавшаго убѣжища у русскихъ, и съ завладѣніемъ его сокровищами, еще не разъяснено» (?!). А между тѣмъ, вѣдь послѣ этого прошло почти столѣтіе.

заслуги и подвиги Павла Сергѣевича, сколько прелести его супруги, Прасковьи Андреевны, сводившей съ ума князя Таврическаго, милостивца и благодѣтеля супруговъ Потемкиныхъ.

Осенью 1789 года, главная квартира свѣтлѣйшаго, въ Яссахъ, была совершеннымъ подобіемъ древней Капуи во время пребыванія въ ней Аннибала, или персидской сатрапіи. При князѣ находился цѣлый гаремъ «полковыхъ дамъ» знатнѣйшихъ фамилій въ качествѣ пріятныхъ собесѣдницъ его свѣтлости, дѣлившихъ съ нимъ досуги, въ то время, какъ ихъ мужья дѣлили съ нимъ труды и опасности. Въ числѣ этихъ дамъ находились—графиня Самойлова, княгиня Екатерина Ѳедоровна Долгорукая, рожденная Барятинская, княгиня Прасковья Юрьевна Гагарина, рожденная княжна Трубецкая и, наконецъ, султанша-валиде этого военно-походнаго гарема — Прасковья Андреевна Потемкина.

Пятидесятилѣтній троюродный деверь пылалъ къ ней страстью двадцатилѣтняго юноши; не довольствуясь ежедневнымъ лицезрѣніемъ красавицы, онъ писалъ къ ней самыя нѣжныя посланія на розовыхъ и голубыхъ листочкахъ золотообрѣзной почтовой бумаги, ведя свою корреспонденцію съ марта 1789 до января 1790 года [1]. Нельзя безъ улыбки читать этихъ нѣжныхъ посланій, въ которыхъ герой Очакова воркуетъ какъ голубокъ, уносясь въ міръ фантазій. Хотя въ большинствѣ писемъ онъ и титулуетъ Прасковью Андреевну «дочкою», а себя «отцомъ» и «роднымъ батюшкою», но по самому ихъ содержанію не трудно догадаться, что его отношенія къ женѣ троюроднаго брата были отнюдь не родственныя и всего менѣе — отеческія. «Нѣтъ минуты, чтобы ты, моя небесная красота, выходила у меня изъ мысли; сердце мое чувствуетъ, какъ ты въ немъ присутствуешь». «Цѣлую отъ души ручки и ножки твои прекрасныя, моя радость». «...Тогда только существую, какъ вижу тебя, а мысля о тебѣ всегда заочно, тѣмъ только и покоенъ». «Жизнь ты моя, тобою моя жизнь мнѣ пріятна, безцѣнный ангелъ, которымъ сердце мое наполнено, я не могу нарадоваться тобою» и т. д. Такъ писалъ князь Таврическій, забывая въ этомъ идиллическомъ бреду и турокъ, и войну, и чуть ли не весь Божій міръ. Эта старческая страсть вовлекла его во всевозможныя сумасбродства. Для забавы своей «ненаглядной Пашеньки» князь устроивалъ балы, гулянья, домашніе спектакли, качался съ нею на качеляхъ, наряжалъ ее въ парчи, въ бархаты, украшалъ брильянтами и разными драгоцѣнностями, фантазировалъ о постройкѣ ей какого-то чудеснаго дворца, на который не задумался бы, конечно, истратить милліоны. Въ свою очередь, Павелъ Сергѣевичъ съ большимъ тактомъ игралъ роль Амфитріона, не дер-

---

[1]) Они были напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1875 года, томъ XIII, стр. 163—171.

завшаго противорѣчить Таврическому Юпитеру, да и никто изъ мужей своихъ женъ не дерзалъ предъявлять на нихъ своихъ правъ предъ его свѣтлостью: почести и повышенія по службѣ были имъ щедрою наградой за безчестіе. Къ тому же, свѣтлѣйшій, нѣжный и любезный съ женами, бывалъ крутъ и безжалостно грубъ съ мужьями, напоминая имъ при случаѣ о неправо заслуженныхъ наградахъ.

Смерть князя Таврическаго, 5-го октября 1791 года, лишила его троюроднаго брата могущественнаго покровителя. На другой же день П. С. Потемкинъ изъ Яссъ писалъ императрицѣ:

«Богу угодно было наказать всѣхъ, принадлежащихъ князю Григорію Александровичу Потемкину-Таврическому, взятіемъ его отъ сей жизни. Я, будучи болѣе тридцати лѣтъ къ нему привязанъ, и почитая въ немъ нетолько старшаго по фамиліи, но какъ отца, орошая горестными слезами столь чувствительную для себя утрату, дерзаю пасть къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества и всеподданнѣйше просить, яко мать и благотворительницу того, кого мы оплакиваемъ, да удостоите въ память его имени, которое я ношу, принять меня подъ сѣнь собственнаго вашего монаршаго благоволенія».

Не увѣренный въ расположеніи и покровительствѣ императрицы, особенно при вліяніи Зубовыхъ, враждебныхъ Потемкинымъ, Павелъ Сергѣевичъ намѣревался перейти на службу иностранной державы, именно Австріи. Однако же передумалъ и, по окончаніи военныхъ дѣйствій, возвратился изъ Молдавіи въ Петербургъ, гдѣ поспѣшилъ протѣсниться въ пріемную Платона Зубова. Эти искательства расположенія новаго любимца Екатерины увѣнчались успѣхомъ, хотя и не особенно скорымъ. Три года Потемкинъ не получалъ назначенія, соотвѣтствовавшаго его званію и способностямъ, наконецъ, въ 1794 году, принялъ участіе въ войнѣ съ польскими мятежниками, поступивъ подъ непосредственное начальство Суворова, котораго былъ сподвижникомъ двадцать лѣтъ тому назадъ при уничтоженіи пугачевщины. Отдавая справедливость дарованіямъ Потемкина, герой Рымника и Измаила отзывался о немъ съ самой лестной стороны, доставляя ему случаи отличиться.

Имѣя тогда пятьдесятъ одинъ годъ, вступая въ возрастъ старческій, и въ виду случайностей войны, Павелъ Сергѣевичъ въ бытность свою при дѣйствующей арміи, въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій, написалъ слѣдующее духовное завѣщаніе въ первый разъ появляющееся здѣсь въ печати:

«Въ польской войнѣ противу вѣроломно поднявшихъ на насъ оружіе поляковъ, приближаясь къ Бресту и Кобрину, гдѣ всѣ силы войскъ литовскихъ съ присоединеніемъ набранныхъ обывателей, и готовясь съ ними сразиться, чиню на всякій случай сіе завѣщаніе, дабы онымъ (если бы въ первомъ, или послѣдующихъ сраженіяхъ, а равно и во всякомъ случаѣ, когда всевышнимъ предѣ-

ломъ суждено будетъ прервать жизнь мою) предупредить всякій споръ и безпокойство, оставляю жену мою, Прасковью Андреевну, урожденную Закревскую, въ полномъ владѣніи и управленіи остающагося моего имѣнія и чтобы дѣти мои и ея, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку прапорщики Григорій и Сергѣй [1]) Потемкины, какъ при воспитаніи по малолѣтству ихъ, были въ точномъ ея попеченіи, такъ и по совершеннолѣтіи оставались во всю жизнь ихъ матери и моей жены зависимы и по долгу сыновнему и по имѣнію отъ меня остающемуся.

«А поелику имѣніе мое состоитъ разнаго рода и притомъ долженъ я знатную сумму, того для полагаю правила, какъ ради уплаты долговъ моихъ, такъ и управленія и потомъ о раздѣлѣ между дѣтей моихъ имѣнія.

«Главное имѣніе мое, Глушковская суконная фабрика, купленная мною у Матвѣевыхъ и по имянному ея императорскаго величества указу въ 1792 году за мною утвержденная. Поставка сукна съ оной фабрики, по указу правительствующаго сената, должна быть ежегодно четыреста семьдесятъ семь тысячъ девятьсотъ семь аршинъ и по умноженію сего количества привести въ полное теченіе не могъ и не имѣлъ капитала, да останется оная такъ, какъ и прочее мое имѣніе, во всю жизнь моей жены въ полномъ ея владѣніи, а послѣ жизни ея раздѣлить дѣтямъ пополамъ.

«Второе, утвержденное мнѣ отъ родной сестры моей, Пелагеи Сергѣевны Потемкиной, по избранію ею въ силу законовъ меня наслѣдникомъ, село Орля, состоящее въ Калужскомъ намѣстничествѣ Перемышльской округи, которымъ селомъ я владѣю и оное заложено для нуждъ моихъ въ 8-лѣтній государственный банкъ въ четырнадцати тысячахъ рублей, въ число которое уплачено съ процентами четыре тысячи рублей и оной оставшей долгъ отъ имѣнія моего выплачивать, а въ замѣну за сію деревню и по долгу, что имѣніе сіе ей принадлежало и по долгу родственному, производить помянутой моей сестрѣ во всю жизнь ея по тысячи восьми сотъ рублей, владѣть симъ селомъ во всю жизнь моей женѣ, а по ней да будетъ оное село принадлежать большему моему сыну Григорію.

«Третіе имѣніе мое, село Покровское, Потемкино то-жъ, состоящее въ Тульскомъ намѣстничествѣ Крапивенской округи, которымъ я владѣю и которое такъ же для нуждъ моихъ заложено въ 8-лѣтній государственный банкъ и уже мною три тысячи рублей съ процентами заплачено; но какъ оное село состояло подъ именемъ покойнаго моего брата генерала кригсъ-коммиссара и кавалера Михаила Сергѣевича Потемкина. такъ и другіе деревни, кои проданы и деньги уже подъ моимъ имянемъ и что помянутое село принадлежитъ мнѣ, о томъ доказательствомъ имѣется дѣло въ санктпетербургскомъ совѣстномъ судѣ,—симъ селомъ, такъ и прочимъ имѣніемъ владѣть моей женѣ, а послѣ ея да будетъ оное меньшему сыну моему, Сергѣю.

«Четвертое, имѣется у меня земля въ Саратовской губерніи Камышинской округи на устьѣ Еруслана, впадающей въ Волгу, на которой поселено до сорока душъ, да будетъ послѣ жены моей большему сыну Григорію.

«Пятое—отданные мнѣ по силѣ всемилостивѣйшаго ея императорскаго величества рескрипта о раздачѣ земель въ Астраханской области, по указу намѣстническаго правленія; но какъ настоящій генералъ-губернаторъ Иванъ Василье-

[1]) Графъ Сергѣй Павловичъ Потемкинъ родился 25-го декабря 1787 года, умеръ 25-го февраля 1868 года.

вичъ Гудовичъ, не любя меня, поставилъ препоны, ходатайство о сей землѣ предоставляю моей женѣ и прошу попечителей и ежели оное достанется, раздѣлить послѣ жены моей обоимъ сынамъ моимъ по ровну.

«Долгу на мнѣ имѣющагося казеннаго пятьдесятъ пять тысячъ рублей, а именно: за село Орлю въ 8-лѣтній банкъ десять тысячъ рублей; за село Покровское въ тотъ же банкъ восемь тысячъ рублей, с.-петербургскаго воспитательнаго дому въ опекунскій совѣтъ двадцать восемь тысячъ рублей съ закладомъ долгу купленнаго женою моею, да за село Веселое изъ деревень фабрики въ Московской совѣтъ воспитательнаго дому девять тысячъ рублей и оный долгъ постепенно выплачивать изъ доходовъ фабрики и деревень моихъ.

«Партикулярнаго долгу имѣю на себѣ болѣе ста тысячъ рублей, которому есть реестръ за моею рукою; по какъ я имѣю нѣкоторый капиталъ взятый за проданные деревни, отъ отца моего доставшіяся, и нынѣ имѣющійся въ сохранной казнѣ С.-Петербургскаго воспитательнаго дома сорокъ тысячъ рублей, да по закладнымъ должны мнѣ: Андрей Родіоновичъ Кошелевъ двадцать тысячъ рублей и господинъ полковникъ Мерлинъ десять тысячъ рублей; обратить оный капиталъ на расплату долговъ.

«Всѣ вещи бриліантовыя и жемчуги у жены моей имѣющіеся, сколько ихъ есть, оставляю въ полную ей собственность.

«Бриліантовый мой большой перстень продать на заплату долговъ.

«Большой серебряный сервизъ продать на заплату долговъ.

«Серебряный сервизъ дорожный и серебряный сервизъ у жены моей оставляю ей по жизнь.

«Фарфоровый мой сервизъ послѣ жены моей да будетъ меньшому моему сыну Сергѣю.

«Десертный нарядный сервизъ большому моему сыну Григорію; ему же шпага съ бриліантами пожалованная мнѣ за спасеніе Казани, а меньшому сыну золотая шпага и табакерка съ портретомъ ея императорскаго величества.

«Людямъ при мнѣ бывшимъ, Глѣбову и Козлову, дать по сту рублей; лакеямъ по двадцати пяти; нижнимъ по десяти рублей.

«Управленіе дѣлъ въ помощь женѣ моей прошу и поручаю свойственника моего Николая Михайловича Яковлева и не сомнѣваюсь, что онъ трудъ сей приметъ.

«Попечителемъ дѣлъ жены и дѣтей быть покорнѣйше прошу давняго друга моего Александра Николаевича Самойлова, образъ мыслей его, связь дружбы съ юныхъ лѣтъ насъ соединявшей и нѣкоторые опыты моихъ ему услугъ, удостовѣряютъ меня, что онъ трудъ сей и попеченіе на себя приметъ.

«Равнымъ образомъ прошу попечителемъ быть графа Николая Петровича Шереметева, откровенность его ко мнѣ обнадеживаетъ меня въ дружбѣ его тѣмъ болѣе, что расположеніе его честности мнѣ извѣстно; оставя, такимъ образомъ дѣла, поручаю въ прочемъ благости всемогущаго Бога жену и дѣтей моихъ и сіе завѣщаніе писалъ и подписалъ своей рукою (Подписано): Арміи генералъ-поручикъ, дѣйствительный камергеръ и кавалеръ, Павелъ Потемкинъ. Сентября 1-го 1794 года. Что сіе завѣщаніе писано и подписано рукою генерала-поручика и кавалера Павла Сергѣевича Потемкина въ томъ засвидѣтельствовали генералъ-маіоры Ислентьевъ и Шевичъ».

Въ дополненіе къ этому духовному завѣщанію, Потемкинъ, черезъ три дня, написалъ женѣ своей Прасковьѣ Андреевнѣ слѣдующее:

«1794 года, сентября 4 дня, м. Кобринъ.

«Парашенька, мой сердечный другъ! Въ послѣдній разъ называя тебя симъ именемъ столь дражайшимъ сердцу моему, принимаю перо не рукою дрожащею, но съ трепетаніемъ сердца, тебя обожающаго. Письмо сіе не иначе къ тебѣ дойдетъ, какъ уже бездушное тѣло раздѣлится съ тѣмъ чувствомъ, которое меня одушевляло, исчезнутъ тѣ чувства сердца моего, коимъ ты владѣла. Я пишу къ тебѣ, моя голубушка, въ полномъ воображеніи всѣхъ тѣхъ временъ, въ кои былъ тобою плѣненъ и потомъ тѣхъ, въ которые священный узлъ брака насъ соединялъ съ тобою. Представляя его какъ нѣжный сонъ, коего мечта исчезаетъ; но что можетъ быть пріятнѣе сего воображенія, можетъ быть послѣднее (послѣдняго?) въ моей жизни.

«Парашенька, другъ души моей, въ сію минуту, когда готовлюсь на жестокое сраженіе и готовлю мое письмо тѣмъ, что сердце мое послѣднее тебѣ дѣлаетъ изрѣченіе, увѣряю тебя самимъ Богомъ, предъ коимъ я предстану, что ты мнѣ во всякое время была милѣе и дороже жизни моей и ежели похочешь изслѣдовать, найдешь, что привязанность моя къ тебѣ была безконечна, любовь нѣжная и неимѣющая примѣра, съ тѣхъ самыхъ поръ какъ ты, или красота твоя меня плѣнила, сердце мое всегда было тобою наполнено, и съ тѣхъ поръ какъ Богу угодно было насъ соединить, ты обладала и сердцемъ и душой моей, ежели чрезъ всѣ тѣ годы, кои соединяли насъ, сдѣлалъ когда либо предъ тобою проступокъ, хотя увѣряю, что сердце мое не причаствовало, прошу, моя голубушка, простить.

«Я оставляю духовное завѣщаніе, въ которомъ оставляю тебѣ во всю жизнь полное господство всего моего имѣнія (полное). Сей долгъ исполнилъ я сердца тебѣ принадлежащаго. Оставляю письмо на имя Всемилостивѣйшей Государыни, осмѣлился я просить тебѣ, моя душа, покровительства и дѣтямъ. Просилъ Александра Николаевича Самойлова, чтобъ онъ попечителемъ былъ; графа Николая Петровича Шереметева, чтобъ онъ былъ помощникъ, и Николая Михайловича Яковлева, чтобъ управленію помогалъ. Исполнивъ, такимъ образомъ, мой долгъ, прямо по чувствамъ сердца моего, заклинаюсь предъ самимъ Богомъ, что дружба моя, привязанность и нѣжность къ тебѣ не имѣли предѣловъ, и что всякое тебѣ утѣшеніе желалъ бы я доставить, пожертвуя собою. Здѣсь, со слезами предъ самимъ Богомъ, на колѣняхъ молю, чтобъ подалъ онъ тебѣ и дѣтямъ нашимъ всякую милость. Поручаю тебя, моя голубушка, и дѣтей въ милость божію и благословляю ихъ отъ всего сердца; я несумнѣваюсь въ твоей къ нимъ любви, но прошу тебя иногда ласкать ихъ въ память мужа и друга твоего. Вѣрь мнѣ, душа моя, Парашенька, что вся душа моя, къ тебѣ принадлежала; прижимаю тебя мысленно къ сердцу моему, помни, что ты имѣла во мнѣ нѣжнаго друга и что я прямо(й) тебѣ былъ другъ. Павелъ Потемкинъ».

Мрачныя предчувствія, подъ гнетомъ которыхъ были написаны и духовное завѣщаніе и это нѣжное письмо, обманули Потемкина: онъ остался цѣлъ и невредимъ во все продолженіе кампаніи, принимая участіе въ самыхъ жаркихъ дѣлахъ съ польскими мятежниками: судьба берегла его жизнь, готовя ему наказаніе за преступленіе, совершонное десять лѣтъ тому назадъ. Побѣды Суворова и Ферзена предвѣщали близкое окончаніе войны: 28-го сентября Ферзенъ разбилъ на голову Фадея Костюшко при Могеевицахъ и взялъ его въ плѣнъ, а 14-го октября присоединился въ Станиславовѣ къ корпусу Суворова. 24-го октября, Суворовъ овладѣлъ Пра-

гою; 29-го торжественно вступилъ въ Варшаву. Давно желанный чинъ генералъ-фельдмаршала былъ наградою герою; съ равномѣрною щедростью были вознаграждены и всѣ его сподвижники и въ томъ числѣ Потемкинъ, уже получившій за ратные свои подвиги чинъ генералъ-аншефа; 1-го января 1795 года, онъ былъ возведенъ въ графское достоинство Россійской имперіи...

Но заслуги Потемкина и его подвиги въ западномъ краѣ не отклонили отъ него грозы, которая быстро приближалась съ юговостока.

Преемникъ его по намѣстничеству кавказскому, Иванъ Васильевичъ Гудовичъ [1]), старшій его лишь двумя годами, но значительно опередившій по службѣ, андреевскій кавалеръ (со 2-го сентября 1793 года), Гудовичъ—о нелюбви и недоброжелательствѣ котораго къ себѣ Потемкинъ упоминалъ въ духовномъ завѣщаніи, безъ сомнѣнія, первый поднялъ старый, забытый вопросъ объ умерщвленіи бѣглаго персидскаго принца въ виду Кизлярской гавани, въ 1786 году. По словамъ Массона [2]), изслѣдованіе этого кроваваго дѣла сочли нужнымъ начать въ виду того, что Россія, ведя тогда войну съ Персіею, приняла на себя защиту правъ Сали-Хана, брата убитаго принца, проживавшаго въ Астрахани, до той поры совершенно забытымъ. Это изслѣдованіе было тѣмъ опаснѣе для графа Потемкина, что Валеріанъ Зубовъ, начальствовавшій нашими войсками отправленными въ Персію, непосредственно сносился съ императрицею и могъ чрезъ Гудовича имѣть самыя вѣрныя свѣдѣнія о разбойничьемъ поступкѣ Потемкина въ 1786 году.

Призывъ Павла Сергѣевича къ отвѣту и отданіе его подъ судъ послѣдовало въ началѣ января 1796 года, въ бытность его въ Москвѣ. Уклоняясь отъ прямыхъ отвѣтовъ, онъ, въ свое оправданіе написалъ стихотвореніе «Гласъ невинности», на которое были написаны въ стихахъ же, три язвительные отвѣта... Затѣмъ, Потемкинъ внезапно заболѣлъ какою-то изнурительною болѣзнью и столь внезапно, что въ Москвѣ, а вскорѣ и въ Петербургѣ, разнеслась молва, что графъ отравился. Это было въ февралѣ 1796 года. Приводимъ изъ «Записокъ» Болотова [3]) выдержки, относящіяся къ обстоятельствамъ болѣзни и смерти Потемкина:

«(Февраль) Потемкинъ все еще былъ боленъ очень въ Москвѣ и отлынивалъ отъ суда. Говорили всѣ, что онъ опился ядомъ и

---

[1]) Родился въ 1741 году, скончался въ январѣ 1820 года въ званіи графа, и въ чинѣ генералъ-фельдмаршала.

[2]) Memoires sécrets sur la Russie. 1802. T. III, p. 11.

[3]) Рукопись 1796 года; Часть I. Памятникъ протекшихъ временъ, или краткія историческія записки о бывшихъ происшествіяхъ и носившихся въ народѣ слухахъ («Русская Старина», 1870 года, изданіе третье, томъ II. стр. 489—490).

медленно скончаетъ и умираетъ. О возраженіяхъ сочиненныхъ на его стихи. «Гласъ невинности», говорили, что было ихъ три: одно сочинено Державинымъ и умѣренно, а оба другія ужасно ѣдки и дерзки».

Считая слухи о самоотравленіи графа Потемкина вымышленными, императрица заподозрила его въ притворствѣ. Желая убѣдиться въ истиннѣ она, особымъ указомъ московскому главнокомандующему генералъ-аншефу Измайлову, повелѣла развѣдать и донести ей о состояніи здоровья графа. Исполнивъ возложенное на него порученіе, Измайловъ отъ 20-го марта, отвѣчалъ слѣдующимъ донесеніемъ:

«Всемилостивѣйшая Государыня.

«Имевъ щастие получить высочащее вашего величества повелѣніее о графе потемкине, на что всеподаннѣйше вашему величеству доношу; сначала у него была жестокая горячка и доктора все неимели въ жизни его надежды тогда я самъ у него былъ и виделъ его всамомъ худомъ положеніи. Спуждою разуметь можно было что онъ говоритъ: докторъ которой его лечитъ у меня часто биваетъ и сегодня у меня былъ и я у него спрашивалъ, онъ увѣрительно мне сказалъ, надежда худа чтобъ онъ выздоровелъ; слабость въ немъ превеличайшая; уверительно вамъ доношу что это справедливо.

«Всемилостивешая Государыня
«вашего императорскаго величества
«всеподданнейши
«Михаила Измайловъ.

1796 году.
Марта 20 дня.
Москва.

(№ 578: получено 28-го марта.)

Черезъ десять дней по полученіи въ Петербургѣ этого донесенія, именно 7-го апрѣля 1796 года, графъ Потемкинъ скончался. О смерти его въ рукописи Болотова есть слѣдующая замѣтка:

«7-го апрѣля. Наконецъ рѣшилась судьба сего знаменитаго человѣка! и весь этотъ громкій судъ надъ нимъ прежде кончился начала его—его смертію! Онъ умеръ отъ своей болѣзни, такъ какъ ожидали того всѣ въ Москвѣ, и вся его непомѣрная алчность къ богатству легла съ нимъ во гробъ».

Скоропостижная смерть или самоубійство Потемкина ввергло его вдову въ самое отчаянное положеніе, о которомъ самое точное понятіе могутъ дать нижеслѣдующіе документы, написанные ею черезъ два мѣсяца по кончинѣ мужа:

Письмо къ Дмитрію Прокофьевичу Трощинскому [1]).

«Милостивый Государь мой
«Дмитрій Прокопьевичъ!

«Покойный мужъ мой графъ Павелъ Сергѣевичъ въ прошломъ (?) 1794 году, среди самой войны въ бывшей Польше у Бржеста и Кобрина сдѣлалъ духов-

[1]) Печатаемъ съ соблюденіемъ орѳографіи подлинниковъ

ную завѣщавъ въ оной всё его благопріобрѣтенное движимое и недвижимое имѣніе мнѣ по смерть мою, а по мнѣ дѣтямъ нашимъ. Сія духовная тогда же узаконеннымъ порядкомъ въ главномъ дежурствѣ засвидѣтельствована, что изволите увидѣть изъ препровождаемаго при семъ съ оной списка. Сверхъ того изготовилъ на всевысочайшее Ея императорскаго величества имя всеподданнѣйшее его прошеніе о семъ сдѣланномъ имъ завѣщаніи и оба акта сіи при письмѣ своемъ ко мнѣ доставилъ. Кончина его, послѣдовавшая въ нынѣшнемъ году, ввергнула меня въ горестнѣйшее положеніе, въ которомъ находясь не могла я предпринимать до нынѣ ничего, тѣмъ болѣе, что вдругъ послѣ его кончины, къ усугубленію горести моей, забираны были оставшіе по немъ письменныя дѣла, и въ то же время главнокомандующій въ Москвѣ [1]) взялъ у меня и означенное всеподданнѣйшее прошеніе и представилъ оное Ея императорскому величеству; а нынѣ собравъ мои силы пріѣхала сюда и осмѣливаюсь повергнуть себя и дѣтей моихъ предъ Высочайшіе стопы чадолюбивой матери отечества и испрашивать Всемилостивѣйшаго утвержденія помянутой духовной, а такъ же и объ опредѣленіи къ распоряженію дѣлъ моихъ, тѣхъ особъ коихъ покойный мужъ мой назначилъ, о чемъ прилагая при семъ всеподданнѣйшее мое прошеніе, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь мой, понести оное Ея императорскому величеству и тѣмъ обязать пребывающую съ всегдашнимъ почтеніемъ, милостивый государь мой, ваша покорная слуга (подписано) графиня Прасковья Потемкина. Мая 8 дня 1796 года».

Къ письму приложено было прошеніе на высочайшее имя отъ того же числа съ помѣтою о полученіи «12 мая 1796 года».

«Всемилостивѣйшая Государыня!

«Обременена будучи горестію послѣ кончины мужа и благодѣтеля, не могла я въ то самое время представить Вашему императорскому величеству оставшихся у меня бумагъ, которыя свидѣтельствуютъ вѣрное и усердное служеніе мужа моего Вашему императорскому величеству и оправдываютъ его въ извѣстномъ дѣлѣ [2]). Но нынѣ собравъ силы мои, пріѣхала въ Санктпетербургъ, дабы самой имѣть щастіе оныя бумаги поднести Вашему величеству и повергнуть какъ себя, такъ и двухъ сыновей моихъ къ священнымъ стопамъ Вашего императорскаго величества, о чемъ и дала я знать генералу-прокурору графу Самойлову, который на другой день объявилъ мнѣ высочайшее повелѣніе Вашего императорскаго величества, чтобъ означенныя бумаги вручила я ему, графу Самойлову, что и исполнила, запечатавъ оныя въ пакетѣ собственною моею печатью.

«Всемилостивѣйшая Государыня! упадая къ освященнымъ стопамъ Вашего императорскаго величества осмѣливаюсь испрашивать Высочайшаго покрова мнѣ и дѣтямъ моимъ въ нынѣшнемъ горестномъ положеніи нужнаго и при этомъ о всемилостивѣйшемъ утвержденіи духовной сдѣланной покойнымъ мужемъ моимъ при жизни его въ 1794 году и засвидѣтельствованной узаконеннымъ порядкомъ, о которой всеподданнѣйшее прошеніе мужа моего, послѣ его кончины, главнокомандующій въ Москвѣ у меня взялъ и представилъ Вашему

---

[1]) Князь Александръ Александровичъ Прозоровскій (1734—1809).
[2]) Въ убіеніи и ограбленіи персидскаго принца въ кизлярской бухтѣ.

величеству, такъ же и объ опредѣленіи къ пособію въ распоряженіи дѣлъ моихъ, тѣхъ особъ, коихъ покойный мужъ мой назначилъ.

«Всемилостивѣйшая Государыня! Вашего императорскаго величества вѣрноподданнѣйшая графиня Прасковья Потемкина».

День въ день черезъ полгода по написаніи ею этого прошенія послѣдовало восшествіе на престолъ императора Павла I, прекратившаго наши военныя дѣйствія въ Персіи и вмѣстѣ съ ними, разумѣется, и изслѣдованіе объ умерщвленіи принца персидскаго въ 1786 году: оно было предано волѣ Божіей и донынѣ осталось не разъясненнымъ. Рѣшеніе покойной императрицы на просьбу графини Потемкиной точно также не могло быть въ ущербъ ея наслѣдственныхъ правъ, такъ какъ и самоубійство ея покойнаго мужа не было доказано судебно-медицинскимъ слѣдствіемъ.

Вступивъ во владѣніе имуществомъ послѣ своего покойнаго мужа, графиня Потемкина не заботилась уплатою нѣкоторыхъ его долговъ, и, наконецъ, довела заимодавцевъ до того, что они подали коллективное прошеніе на высочайшее имя. Графиня, съ своей стороны, обратилась къ императору съ тѣмъ же; но ея прошеніе, написанное какимъ-нибудь ловкимъ дѣльцомъ, витіевато— и безтолково, побудило государя сдѣлать просительницѣ, чрезъ генералъ-прокурора Лопухина, запросъ: въ чемъ собственно заключается цѣль ея прошенія? На это графиня отвѣчала слѣдующее:

«Цѣль всеподданнѣйшаго прошенія моего заключается въ слѣдующемъ:

«I. Чтобы выплату долговъ покойнаго мужа моего поручить разсмотрѣнію кураторовъ, которыми прошу я тайнаго совѣтника сенатора Петра Петровича Тарбѣева и гофмейстера Дмитрія Львовича Нарышкина.

«II. Чтобъ не исключить отъ разсмотрѣнія сихъ кураторовъ и тѣхъ долговъ, по коимъ претендатели подавали прошеніе (sic) къ самому Государю Императору, обойдя и избѣгая всѣ правительства гдѣ бы искъ свой предъявить долженствовали, въ числѣ коихъ находятся и такія претензіи которыя за давнимъ пропущеніемъ сроковъ и по другимъ законнымъ причинамъ подлежатъ не малому сомнѣнію.

«III. А поелику для выплаты справедливыхъ долговъ мужа моего прошу уже я въ Государственномъ вспомогательномъ банкѣ о выдачѣ мнѣ подъ залогъ имѣнія билетовъ, да и въ правительствующемъ сенатѣ о продажѣ другаго имѣнія; то, чтобы за таковымъ распоряженіемъ моимъ, всѣ требованіи кредиторовъ производимы были къ господамъ кураторамъ и никакіе бы взысканіи до меня не относились; ибо я, собственно сама, не только никому должною не состою, но еще и мужнихъ долговъ послѣ кончины его уплатила отъ себя до 60,000 рублей.

«(Подписано): Графиня Потемкина.

«(Помѣты — сверху, карандашемъ: «приказано дать опекуновъ»; съ боку, чернилами: «По сему высочайшій рескриптъ данъ генералу-прокурору Лопухину 9 сентября—798 года».)

Намъ неизвѣстно содержаніе этого указа, даннаго, можетъ быть, и въ благопріятномъ смыслѣ для графини, но не оградившемъ ея,

однако, отъ крайне непріятнаго столкновенія съ низшей властью. Черезъ два дня по поданіи вышеприведеннаго разъясненія, она писала слѣдующее:

«Милостивый Государь мой

«Дмитрій Николаевичъ!

«Я въ отчаяніи. Ко мнѣ въ домъ, какъ къ преступницѣ, поставленъ караулъ; но на какой конецъ, и что изъ этого будетъ, ничего не знаю. Вразсужденіи сего рѣшилась я паки утруждать Его императорское величество просьбою, которую посылая при семъ, покорнѣйше прошу Вашего Превосходительства войтить въ мое положеніе и представить ее Государю, употребивъ возможное вамъ ходатайство, дабы полиція отъ таковыхъ со мною поступковъ удержалась. Симъ меня наичувствительнѣйше обяжете и я потщусь засвидѣтельствовать вашему превосходительству достодолжную признательную мою благодарность Въ протчемъ имѣю честь быть

«вашего превосходительства
«Милостиваго Государя моего
«Покорная къ услугамъ
«Графиня Потемкина.

Сентября 11 дня
1798 г. С. П. б.
(Помѣта сверху: сентября 12, 1798 г.)

Дѣло окончательно разрѣшилось въ пользу безпокойной и настойчивой просительницы, и она уже не тревожимая болѣе ни высшими, ни низшими властями—успокоилась.

Сыновья ея, въ началѣ царствованія Александра I, служили офицерами въ лейбъ-гвардіи преображенскомъ полку (изъ нихъ графъ Григорій Павловичъ, какъ мы уже говорили выше, былъ убитъ подъ Бородинымъ, 26-го августа 1812 года); сама графиня Прасковья Андреевна проживала попеременно въ Москвѣ и въ Петербургѣ, пользуясь родовымъ и благопріобрѣтеннымъ (и неправо нажитымъ) имуществомъ покойнаго своего супруга. Достойно вниманія, что въ 1798 году на сценѣ петербургскаго театра былъ игранъ и появился въ печати «Магометъ» Вольтера, переведенный графомъ П. С. Потемкинымъ. Это было его послѣднее посмертное произведеніе, свидѣтельствовавшее о его любви къ литературѣ.

Эту любовь наслѣдовалъ отъ графа его младшій сынъ, Сергій Павловичъ, біографія котораго послужила намъ предметомъ обширной самостоятельной статьи. Съ юныхъ лѣтъ и до самой своей кончины страстный театралъ, графъ Сергій Павловичъ перевелъ и отдалъ для представленія на сценѣ въ 1810 году (24-го октября) «Гоѳолію» Рамна (въ сотрудничествѣ съ П. Ѳ. Шапошниковымъ), и вновь перевелъ «Магомета» Вольтера, вѣроятно находя переводъ своего отца невѣрнымъ, или устарѣлымъ. Любовь графа С. П. Потемкина къ театру, вмѣстѣ съ его расточительностью и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, была одною изъ главныхъ причинъ частыхъ

его ссоръ и распрей съ родительницею, графинею Прасковьею Андреевною. Графиня, бывшая красавица блестящаго двора Екатерины, кумиръ князя Таврическаго, участница въ его празднествахъ и домашнихъ спектакляхъ, по мѣрѣ приближенія своего къ зрѣлымъ годамъ, погружалась постепенно въ мрачное раздумье о быломъ, можетъ быть и не безъ раскаянія; отгоняя отъ себя веселье и развлеченіе, она, сама того не замѣчая, отъ набожности перешла къ ханжеству и суевѣрію. Окончательному перелому въ характерѣ графини, главнымъ образомъ, содѣйствовала смерть старшаго ея сына, убитаго подъ Бородинымъ. Богатый ея домъ въ Петербургѣ превратился въ пристанище обоего пола святошъ, юродивыхъ, пустосвятовъ и вѣчныхъ странниковъ, которые — вмѣсто святаго города Іерусалима, скитаются только по знатнымъ и купеческимъ домамъ, морочa суевѣровъ и побираясь ихъ даяніями... Но толпа мелкихъ попрошаекъ разступилась и стушевалась предъ появившимся въ домѣ графини Потемкиной знаменитымъ «предсказателемъ» монахомъ Авелемъ.

Сынъ крестьянина деревни Акуловой (Тульской губерніи, Алексинскаго уѣзда), Авель родился въ 1757 году. Кромѣ хлѣбопашества занимался и коновальнымъ мастерствомъ, но, какъ сказано въ рукописномъ житіи этого пустосвята [1]), было у него «большое вниманіе о божествѣ и о божественныхъ судьбахъ». На девятнадцатомъ году онъ, изъ родной деревни, ушелъ странствовать и послѣ восьмилѣтняго бродяжничества, попалъ на Валаамъ, былъ принятъ въ тамошній монастырь, черезъ годъ ушелъ въ одинъ изъ тамошнихъ скитовъ, гдѣ «отъ высшихъ силъ получилъ даръ прорицанія судебъ будущаго». 1-го октября 1785 года, имѣлъ онъ какое-то чудное видѣніе, послѣ котораго началъ «писать и сказывать, что кому велѣно». А велѣно ему было, между прочимъ, оставить Валаамскій монастырь и опять пуститься странствовать. На это душеспасительное занятіе Авель употребилъ девять лѣтъ и въ 1794 году пришелъ, наконецъ, на Волгу, въ Никольскій Бабайковскій монастырь (Костромской губерніи). Здѣсь онъ написалъ какую-то мудрую, премудрую книгу, съ предсказаніями о царской фамиліи. Эту книгу онъ показалъ монаху Аркадію, а тотъ настоятелю, игумену Саввѣ. Послѣдній, собравъ совѣтъ братіи, рѣшилъ отправить и книгу, и ея автора въ костромскую консисторію. Тамошній архіерей Павелъ, разсмотрѣвъ сочиненіе Авеля, объявилъ ему: «сія твоя книга написана подъ смертною казнію!» Авеля, съ его книжкой при рапортѣ препроводили въ губернское правленіе. Отсюда рукой подать въ острогъ, а изъ острога признали не лишнимъ отправить пророка подъ военнымъ карауломъ въ Петербургъ.

[1]) «Русская Старина» 1875 года. Томъ XII, стр. 414 — 435 (біографическія свѣдѣнія, отрывки изъ сочиненій и писемъ); тамъ же стр. 815—819.

Здѣсь его сдали гг. Макарову и Крюкову, представившихъ его графу Самойлову. Послѣднiй, найдя въ книжкѣ предсказанiе о близкой скоропостижной кончинѣ Екатерины II, встревожился и призвавъ къ себѣ Авеля... «удари его трикраты по лицу». Послѣднiй, на вопросъ, кто научилъ его написать такую книгу? смиренно отвѣчалъ, что даръ прозорливости получилъ отъ Бога. Принимая его за юродиваго, графъ приказалъ посадить его въ секретную; однако же доложилъ о немъ императрицѣ. По ея повелѣнiю Авель былъ посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Это происходило въ концѣ февраля и въ первыхъ числахъ марта 1796 года, т. е. именно въ то время, когда графъ П. С. Потемкинъ былъ отданъ подъ судъ. Это совпаденiе способствовало можетъ быть особенной благосклонности его вдовы къ прозорливому Авелю.

Въ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ приказано было содержать его пожизненно, Авель пробылъ десять мѣсяцевъ. По кончинѣ императрицы, въ ноябрѣ, таинственная книга нашего русскаго Нострадамуса, въ числѣ другихъ секретныхъ бумагъ, была представлена княземъ Куракинымъ императору Павлу I-му. Склонный ко всему чудесному и сверхъестественному, государь приказалъ освободить Авеля, привезти въ Петербургъ и представить его величеству.

Принявъ предсказателя въ своемъ кабинетѣ, Павелъ Петровичъ привѣтствовалъ его словами:

— «Владыко отче, благослови меня и весь домъ мой, дабы ваше благословенiе было намъ во благо».

Авель благословилъ во имя Господне и на вопросъ государя, желаетъ ли остаться монахомъ, или избрать другой родъ жизни, отвѣчалъ, что предпочитаетъ монашество.

Поговоривъ еще нѣсколько времени съ Авелемъ, императоръ спросилъ его, что съ нимъ случится? Далъ ли предсказатель прямой отвѣтъ, или уклонился отъ него, но Павелъ Петровичъ милостиво отпустилъ, повелѣвъ включить Авеля въ число братiй Александро-Невской лавры. Отсюда, черезъ годъ (въ 1798 году), онъ опять ушелъ на Валаамъ съ разрѣшенiя государя. Здѣсь онъ опять написалъ какiя-то таинственныя пророчества и передалъ ихъ игумену Назарiю. Повторилось то же, что было въ Костромѣ: книгу препроводили въ Петербургъ, къ митрополиту, который передалъ ее въ секретную экспедицiю, Макарову. По докладу императору Павлу, послѣдовало его повелѣнiе: Авеля взять изъ Валаамскаго монастыря и посадить въ Петропавловскую крѣпость, въ которой предсказатель пробылъ съ мая 1800 года, по мартъ 1801 года. Императоръ Александръ приказалъ перевести его въ Соловецкiй монастырь на житье. Здѣсь Авель опять принялся за сочиненiе пророческой книги и въ маѣ 1802 года, по высочайшему повелѣнiю, былъ заключенъ въ тамошнюю тюрьму за предсказанiе

о взятіи Москвы. Въ этой тюрьмѣ онъ провелъ десять лѣтъ и десять мѣсяцевъ (съ мая 1802 года до марта 1813 года), хотя высочайшее повелѣніе объ освобожденіи его послѣдовало еще 1-го октября 1812 года. Это замедленіе произошло по личному недоброжелательству къ Авелю Соловецкаго архимандрита Иларіона, человѣка жестокаго и безжалостнаго. Выпущенный изъ заключенія, Авель отправился въ Петербургъ, гдѣ представился князю А. Н. Голицыну и митрополиту. Князь, поклонникъ мистицизма, съ уваженіемъ принялъ прорицателя; спрашивалъ его о грядущихъ судьбахъ Россіи и нѣкоторыми изъ предсказаній былъ приведенъ въ ужасъ. Существуетъ преданіе, будто бы Авель предрекъ кончину Александра I-го и мятежъ 14-го декабря. Послѣ того, лѣтъ шесть Авель странствовалъ по разнымъ обителямъ, по долгу проживая въ Москвѣ, гдѣ у него явились тысячи поклонниковъ, въ особенности поклонницъ изъ всѣхъ сословій. Энгельгардтъ говоритъ въ своихъ «Запискахъ» (изд. 1868 года. Москва, стр. 217—218): «Многіе изъ моихъ знакомыхъ его видѣли и съ нимъ говорили: онъ былъ человѣкъ простой, безъ малѣйшаго свѣдѣнія и угрюмый: многія барыни почитая его святымъ, ѣздили къ нему, спрашивали о женихахъ своихъ дочерей; онъ имъ отвѣчалъ, что онъ не провидецъ, и что онъ тогда только предсказывалъ, когда вдохновенно было велѣно ему что говорить. Съ 1820 года уже болѣе никто не видѣлъ его и неизвѣстно куда онъ дѣвался.»

Графиня Потемкина сблизилась съ Авелемъ въ Петербургѣ въ 1815 году, и онъ пользовался пріязнью Прасковьи Андреевны до самой ея кончины, послѣдовавшей въ 1816 году. Онъ для нея сочинялъ мистическіе трактаты, велъ устныя бесѣды и переписку. Но, приближаясь къ шестому десятку лѣтъ своего «житія», прорицатель отъ роли пророка разыгрывалъ другую, менѣе опасную, но болѣе прибыльную—роль русскаго Тартюфа. Соловки и Петропавловская крѣпость научили его уму-разуму, какъ явствуетъ изъ слѣдующаго письма его къ графинѣ Потемкиной:

«Я отъ васъ получилъ недавно два письма и пишите вы въ нихъ: сказать вамъ отъ пророчества то и то. Знаете ли что я вамъ скажу? Мнѣ запрещено пророчествовать имяннымъ указомъ. Такъ сказано: ежели монахъ Авель, станетъ пророчествовать вслухъ людямъ, или кому писать на хартіяхъ, то брать тѣхъ людей подъ секретъ и самого монаха Авеля, и держать ихъ въ тюрьмахъ, или въ острогахъ подъ крѣпкими стражами; видите, Прасковья Андреевна, каково наше пророчество или прозорливость — въ тюрьмахъ-то лучше быть, или на волѣ; размысли убо»...

Разставшись съ графинею въ Петербургѣ, Авель отправился на ея глушковскую суконную фабрику, подъ Москвою, и прожилъ тамъ два мѣсяца, въ качествѣ ревизора. Въ письмахъ своихъ отдавая графинѣ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ, онъ ходатайствовалъ объ

увеличеніи жалованья управляющему Ковалеву, рабочимъ, да ужъ кстати и себѣ выпрашивалъ малую толику собираясь на Аѳонъ.

Сынъ Потемкиной, Сергій Павловичъ, никогда съ нею не ладилъ и велъ образъ жизни далеко не соотвѣтственный ея желаніямъ: безумно сорилъ деньгами, намѣревался жениться на актрисѣ [1]). Графиня жаловалась Авелю, который старался смягчить ея гнѣвъ на сына и примирить ихъ. Но когда послѣдній затѣялъ съ матерью чуть не тяжбу, по поводу опеки назначенной надъ фабрикою, тотъ же Авель сталъ разжигать досаду матери, наушничая и ябедничая ей на графа Сергія Павловича. Пересыпая письмо свое выдержками изъ псалмовъ и молитвъ, прорицатель отзывался о немъ: «хощу написать вамъ о вашемъ сынѣ, какъ онъ есть житіемъ лживый и неправедный и едва въ немъ есть часть добрыхъ дѣлъ»... «онъ нынѣ оказался лживый и льстивый, неправильный и непослушный»... «при томъ же онъ еще нерадивъ и непослушенъ и житіемъ развратенъ и я его нынѣ нашелъ хвальшивая (sic) монета а не истовая и онъ, я думаю, товарищъ развратникамъ и причастникъ самыхъ распутныхъ людей и протчая таковая и протчая»... Далѣе онъ жаловался, что графъ «для гордости и тщеславія» держитъ по найму дрожки и карету, платя за нихъ ежедневно двадцать пять рублей!!! Родительницѣ же, буде его назначатъ опекуномъ, обѣщаетъ платить ежегодно шестьдесятъ тысячъ... Письмо заключается благословеніемъ графини и всѣхъ христіанъ. Оно было написано мѣсяца за три до кончины графини. Впрочемъ негодованіе Авеля имѣло самыя уважительныя причины: молодой графъ постоянно совѣтовалъ своей матери прогнать этого пустосвята, и однажды въ Москвѣ (какъ мы это слышали въ юности, отъ самого графа Сергія Павловича) онъ, подъ горячій часъ, отпотчивалъ прорицателя бамбуковой тростью. Пополняемъ этотъ пробѣлъ въ біографіи Авеля, или, какъ ее озаглавилъ ея авторъ: «Житіи и страданіяхъ отца и монаха Авеля».

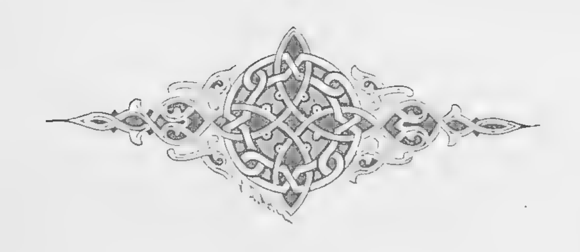
Послѣ смерти графини, поживъ семь лѣтъ въ Москвѣ и побродяжничавъ по Россіи, въ сентябрѣ 1823 года, Авель подалъ прошеніе (впослѣдствіи митрополиту) Филарету, о своемъ опредѣленіи въ Серпуховскій Высотскій монастырь, на что Филаретъ соизволилъ 24-го октября того же года. Но страсть къ бродяжничеству не угасла въ старикѣ, и 3-го іюня 1826 года онъ самовольно ушелъ изъ монастыря на свою родину, въ деревню Акулову, въ 30-ти верстахъ отъ Серпухова. Оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода князь Петръ Сергѣевичъ Мещерскій входилъ о томъ съ докладомъ къ государю Николаю Павловичу. На этотъ разъ неугомонному «бѣ-

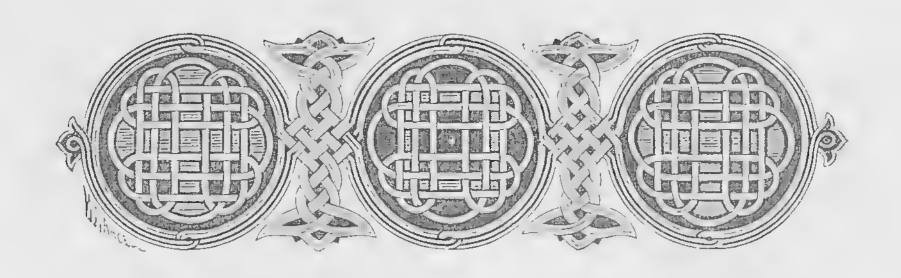
---

[1]) Это была Марія Ивановна Валберхова, отказавшая ему на отрѣзъ. Никакія искательства не могли поколебать ея безукоризненной, чистѣйшей нравственности.

гуну» пришлось окончательно прекратить свои скитанія: по высочайшему повелѣнію онъ «для смиренія» былъ заточенъ въ страшный Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, предъ которымъ и Шлиссельбургъ и Соловки и самая Петропавловская крѣпость могли ему показаться пріятными. Здѣсь онъ умеръ въ исходѣ января 1841 года, восьмидесяти трехъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ отъ роду.

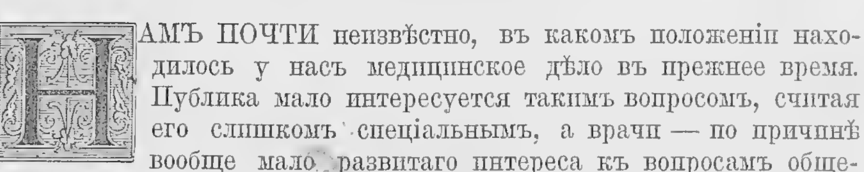
П. Каратыгинъ.

МЕДИЦИНСКОЕ ДѢЛО ВЪ РОССІИ ВЪ ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ XVII СТОЛѢТІЯ.

(Историко-библіографическій этюдъ.)

НАМЪ ПОЧТИ неизвѣстно, въ какомъ положеніи находилось у насъ медицинское дѣло въ прежнее время. Публика мало интересуется такимъ вопросомъ, считая его слишкомъ спеціальнымъ, а врачи — по причинѣ вообще мало развитаго интереса къ вопросамъ общественной медицины. А между тѣмъ имѣющійся историческій матеріалъ, относящійся къ этой области, представляетъ не малый интересъ и для публики, и для врачей. Большой, напримѣръ, интересъ имѣютъ данныя, касающіеся общественнаго положенія врачей, ихъ правъ и обязанностей и общей юридической постановки всего врачебнаго дѣла, или вопросъ объ организаціи врачебнаго дѣла въ нашей арміи еще въ прошломъ столѣтіи. Должно пожалѣть о томъ, что далеко еще не весь имѣющійся матеріалъ, въ этой области, разработанъ.

До сихъ поръ исторія медицины въ Россіи извѣстна только по сочиненію, написанному Рихтеромъ, и изданному сперва въ 1814 году, а потомъ въ 1820. Затѣмъ періодически появлялись отдѣльныя монографіи по тому или другому вопросу (Хмырова и друг.), но такіе отдѣльные попытки, обязанныя своимъ появленіемъ слу-случайности, мало подвигаютъ впередъ изученіе исторіи русской медицины.

Рихтеру не были извѣстны дѣла аптекарскаго приказа, учрежденнаго въ царствованіе Михаила Θеодоровича, такъ какъ онъ по-

лагалъ дѣла эти утраченными во время пожара 1812 года. Однако документы эти оказались цѣлыми и по инициативѣ нынѣшняго директора медицинскаго департамента, Н. Е. Мамонова, приведены въ хронологическій порядокъ, снабжены подробной описью и изданы въ полномъ видѣ въ «Сборникѣ сочиненій по судебной медицинѣ, психіатріи и т. п.», подъ заглавіемъ «Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи». Документы эти касаются многихъ неизвѣстныхъ до сихъ поръ сторонъ нашей медицины въ XVII столѣтіи, до 1702 года: о докторахъ, лѣкаряхъ, аптекаряхъ, о лекарствахъ, выписываемыхъ изъ заграницы, о лекарственныхъ травахъ, собираемыхъ въ Россіи, о врачебной помощи во время войны и т. п., о положеніи врачей и т. п.

Въ настоящей статьѣ дѣлается опытъ разработки и обобщенія имѣющагося матеріала. Главнымъ источникомъ для этого служатъ, какъ уже сказано, дѣла аптекарскаго приказа съ 1629 по 1645 годъ. При означенныхъ дѣлахъ находится, за тотъ же періодъ времени, опись такъ называемыхъ «столпцовъ», т. е. самыхъ документовъ подлинныхъ, относящихся до того или другаго вопроса. Приказы отдавались въ формѣ такъ называемыхъ «памятей»; напримѣръ «память окольничему князю и дьякамъ» (такимъ-то), или «бояршну» такому-то. Затѣмъ слѣдовало содержаніе самаго требованія: отпустить того-то, столько-то, и т. п.

Мы не можемъ слѣдить въ подробности за содержаніемъ этихъ приказовъ, а потому и ограничимся только указаніемъ, въ главныхъ чертахъ, на общую постановку медицинскаго дѣла въ Россіи, въ ту пору.

Откуда брались у насъ доктора и что это такое были за «доктора»? Врачей въ нашемъ смыслѣ, современномъ, конечно, не было; но были представители врачебной профессіи, сообразно тогдашнему пониманію этой профессіи; но и эти представители были почти исключительно иностранцы, или же русскіе, обучавшіеся «аптекарскому и лѣкарскому дѣлу» у этихъ же иностранцевъ. Лѣкарями снабжали насъ больше всего нѣмцы, а частью и англичане. Такъ, въ 1644 году, идетъ переписка о какомъ то «иноземцѣ французскія земли аптекарѣ Филиппѣ Бріотѣ», который долженствовалъ прибыть «отъ англійскаго короля Карліуса», при чемъ спрашивалось: «и въ той королевской грамотѣ объявилось-ли что онъ Филиппъ аптекарскому и лѣкарскому дѣлу навыченъ?» (№ описи 173). Ясно, что мало-мальски строгаго разграниченія по существу между аптекарскимъ и лекарскимъ дѣломъ не существовало. Однако, нельзя сказать, чтобъ такого разграниченія обязанностей, не существовало вовсе. По поводу того же Филиппа Бріота идетъ запросъ: «Коль давно отворяетъ жильную (т. е. дѣлаетъ кровопусканіе) и для чего отворяетъ — то дѣло лѣкарское, а не аптекарское». Дѣло было существенно важное: отворяетъ «жильную» или

не отворяетъ? тотъ, кто отворяетъ, тотъ и «довольствовался» больше (о чемъ будетъ рѣчь ниже). Поручено было доктору Артемію Дію новаго аптекаря Филиппа «про всякіе аптекарскіе чины и про лѣкарское ученіе допрашивати». Изъ переписки явствуетъ, что докторъ Артемій Дій остался доволенъ познаніями Филиппа Бріота, такъ какъ оный Бріотъ «не мало лѣтъ учился лечебнымъ мудростямъ и ученьемъ своимъ досталъ аптекарства и лѣкарства», и «государь сеи выписки слушавъ велѣлъ ему быти въ лѣкаряхъ, потому что аптекари жильной не отворяютъ, отворяютъ жилы лѣкаря, а не аптекаря, а буде въ лѣкарехъ служити не похочетъ и ему служити службу или ѣхать въ свою землю». Лѣкарскаго же «корму и жалованья» ему, Бріоту, давать не велѣно было. Филиппъ же Бріотъ просилъ государя «годовое жалованье и мѣсячной и конской кормъ и питье давать» и не въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ его предшественнику, иначе де ему «передъ своею братьею быть въ позорѣ». Кончили, однако, этотъ торгъ тѣмъ, послѣ длительнаго разбирательства, что «указалъ государь дать ему волю».

Въ другихъ мѣстахъ упоминается о врачахъ, выписанныхъ изъ «галанскіе, гольстенскіе, англицкіе» и даже «персидскіе» земли. Но въ большинствѣ это были нѣмцы, которые шли къ намъ, какъ это видно изъ многихъ мѣстъ, на условіяхъ весьма для нихъ льготныхъ.

Дѣти состоявшихъ уже у насъ на службѣ лекарей иногда отправлялись «за море въ галанскую землю учитца доктурству», но не всегда приходилось имъ пользоваться плодами своего ученья. Такъ, напримѣръ, какой-то Валентинъ сынъ Бимовъ, «будучи въ разныхъ школахъ выучился разнымъ языкамъ и грамотѣ и доктурству достаточно» и, возвратившись изъ заграницы, былъ по обычаю отосланъ въ аптекарскій приказъ. Государь почему-то не пожелалъ имѣть его врачемъ и далъ такую резолюцію: «въ дохтурѣхъ не быть, а велѣлъ ему служити свою государеву службу, и буде служить не захочетъ, и ему дать волю гдѣ хочетъ».

Выше поименованный Артемій Дій также отправилъ «въ наученье дохтурству за море дву сынишковъ своихъ».

Врачи состояли въ вѣдѣніи аптекарскаго приказа на ряду съ аптекарями, окулистами, и представителями такихъ профессій, которыя, повидимому, никакого отношенія къ врачебному дѣлу имѣть не могли, каковы: алхимисты, «часовыхъ дѣлъ мастера», «оловенишники», которые выдѣлывали лембики, тутъ же и переводчики, и такъ называемые «помясы» или «травники», такъ назывались особые люди, которые посылались для сбора цѣлебныхъ травъ, кореньевъ и цвѣтовъ, обыкновенно на цѣлое лѣто, иногда пѣшкомъ, а иногда на лошади; содержаніе они получали изъ аптекарскаго приказа.

«Алхимисты», повидимому, занимались больше слесарнымъ дѣломъ, а чѣмъ занимались, у какого дѣла состояли окулисты—въ

разсматриваемомъ матеріалѣ нѣтъ указаній. Вѣрно то, что это не были наши окулисты.

До какой степени былъ разнообразенъ кругъ занятій аптекарскаго приказа видно изъ многихъ приказовъ, отдаваемыхъ государемъ: вылудить посуду, чистить и дѣлать тазы, печки, паять и лудить трубы, «сковородки», тутъ же собирались и хранились лекарства, здѣсь же готовились разные составы и проч.

При поступленіи на службы всѣ чины (въ томъ числѣ и «дохтуры» и «оловенишники») аптекарскаго приказа давали клятвенныя записи, «по которымъ цѣловали крестъ на вѣрность государю», нѣчто аналогичное нашей присягѣ врачей. Въ документахъ находимъ нѣсколько варіантовъ такихъ записей, изъ которыхъ характеристики ради, сдѣлаемъ нѣсколько выдержекъ. Вотъ напримѣръ, въ клятвенной записи, относящейся къ первой трети XVII вѣка, какія обязательства принималъ на себя чинъ аптекарскаго приказа, помимо общихъ обязанностей вѣрноподданства: «и въ ѣствѣ и въ питьѣ и въ лѣкарствахъ во всякихъ и въ иномъ ни въ чемъ лиха ни какова не учинити и не испортить ни которыми дѣлы и и ни которою хитростью и зелья лихова и коренья не довати и съ лихимъ ни съ какимъ злымъ умышленіемъ и съ порчею къ нимъ государемъ не приходити и въ своемъ лѣкарствѣ и въ составѣхъ и въ лечебныхъ ни въ чемъ никакого злаго зелья и коренья не примѣшати и къ ихъ государскому здоровью, а съ инымъ ни съ кѣмъ не посылати также мнѣ и надъ товарищи своими во всякихъ составахъ и во всякихъ мѣрахъ которыя для ихъ государскаго здоровья учнутъ составливать смотрѣти накрѣпко, чтобъ они въ составѣхъ никакаго дурна не чинили и зелья лихова вмѣсто добраго и составу нечистаго моміи (?) и инаго ни какаго злаго яду змiина и иныхъ ядовитыхъ звѣрей и гадовъ и птицъ и всякихъ злыхъ и нечистыхъ составовъ, которыя могутъ здоровье повредити и испоганить, не примѣшати» и пр.

Любопытно сопоставить это клятвенное обѣщаніе XVII столѣтія съ тѣмъ «факультетскимъ обѣщаніемъ», какое даютъ наши врачи, выступая на поприще практической дѣятельности. Факультетское обѣщаніе имѣетъ смыслъ по стольку, по скольку дѣйствительно, нравственно-обязательно обѣщаніе всякаго общественнаго дѣятеля—быть на высотѣ своего долга. Все же, что касается собственно врачебнаго дѣла, всѣ эти обѣщанія «во всякое время помогать» «продолжать изучать врачебную науку», «ни чѣмъ не помрачать чести своего сословія», несмотря на всю кажущуюся глубину и важность такихъ обѣщаній, при настоящемъ положеніи общественной жизни—суть не болѣе, какъ звукъ, пышная фраза; точно нарочно: человѣкъ клянется дѣлать то, чего не въ силахъ будетъ сдѣлать! Жизнь складывается такъ, что наши врачи и volens, и nolens, ежеминутно помрачаютъ честь своего сословія, боль-

нымъ, особенно бѣднымъ, неохотно помогаютъ, врачебную науку изучаютъ тоже не особенно охотно, семейныхъ тайнъ не хранятъ и проч. Наша присяга, въ томъ видѣ, какъ она издревле формулирована, для нашего времени составляетъ анахронизмъ и клятвенныя записи, даваемыя врачами въ XVII столѣтіи, гораздо въ большей мѣрѣ соотвѣтствовали тогдашней дѣйствительности.

Какъ велика была свѣдущность врачей XVII столѣтія ясно видно изъ многихъ дѣлъ аптекарскаго приказа, хотя и не видать, какой собственно «лѣкарской мудрости» учились они «за моремъ». Первое и существенное отличіе «доктура» и «лѣкаря» отъ аптекаря и прочихъ чиновъ приказа,—это умѣнье «отворять жильные», изъ-за чего и случалось не мало препирательствъ между тогдашними лекарями; затѣмъ составлять разнообразнѣйшіе и сложнѣйшіе «составы» противъ всякихъ болѣзней. Сложность и замысловатость такихъ «составовъ» доходили до ужасныхъ размѣровъ, и въ изобрѣтеніи ихъ, повидимому, принимали близкое участіе, а, можетъ быть, были и главными указчиками, и самъ государь, и тѣ, кто пользовался ими. Напримѣръ «про государевъ мыльной составъ надобно масла гвоздичнаго 3 золотника, масла анисоваго — 6 золотниковъ; водки гуляфныя свѣжія полтора фунта» и пр. Или кто нибудь изъ бояръ обращался къ государю съ такой просьбой: «пожалуй меня холопа своего вели государь мнѣ дать для моей головной болѣзни изъ своей государевой аптеки своихъ государевыхъ маслъ: коришкова, гвоздикова, мускатова, анисова, кардамонова, свороборинова, инперикова, романова, кронвобендикова, кишнядова, да водокъ: свороборинной, будвишной, кроповы, мятовыя, финиковой» и проч. и все это отъ головной боли; дозы пріемовъ авторомъ не обозначены. Или: «я холопъ твой боленъ рукою не владѣю... пожалуй мнѣ ½ ф. перцу дикаго, 4 горсти крапивныхъ сѣмянъ, ½ ф. бобовъ масличныхъ, 12 золот. масла кролова, 9 золот. масла тимекъ».

Вольныхъ аптекъ, конечно, не существовало, и вольной продажи лекарствъ и снадобій, по крайней мѣрѣ, продажи открытой, не было, а весь и всяческій лечебный арсеналъ сосредоточивался въ государевой аптекѣ, что состояла при аптекарскомъ приказѣ. Арсеналъ этотъ былъ чрезвычайно сложный. Лекарства и разныя снадобья получались частью изъ за-моря, «изъ свейской земли, изъ Стеколны» т. е. изъ Стокгольма, «изъ аглицкой земли», черезъ Архангельскъ, частью собирались и заготовлялись дома, преимущественно травы, ягоды, медъ, масло и пр. Московскія села, между прочимъ, несли и эту повинность доставленія разныхъ продуктовъ для государевой аптеки; наприм. «шишокъ осокорныхъ» полъ осьмины; или: «велѣно собрать съ московскихъ огородниковъ осьмину цвѣта кубышекъ бѣлыхъ», или «вѣлѣно собрать съ московскихъ огородниковъ осьмину цвѣту бобоваго», и т. п. Каковъ именно былъ сос-

тавъ государевой аптеки, каковъ былъ именно каталогъ тогдашней material medical, видно изъ подробной росписи лекарствъ, привезенныхъ изъ Гамбурга, въ 1645 году, докторомъ Венделиномъ Сибилистомъ. Роспись эта весьма любопытна. На первомъ мѣстѣ стоитъ «мелисовый сахаръ» и «водка шкорбутика». Затѣмъ 18 сортовъ масла, различныхъ наименованій: «масло сабина», «масло прикумъ», «масло копарорумъ» и т. п.; 5 сортовъ мазей: «мазь помада», «мазь чѣмъ глисты морить» и т. п.; 5 сортовъ пластырей, между прочимъ пластыри и до нынѣ употребляющіеся и въ нашихъ аптечныхъ каталогахъ состоящіе, каковы: «пластырь діамоніако», «пластырь церашомъ» (спускъ), «пластырь діахиломъ» (Emploif. dyachilon); 3 сорта пороха, также для разныхъ составовъ и мазей и съ замысловатыми названіями: «порохъ изъ другихъ каменья», «порохъ летифекантисъ халени»; много сортовъ кореньевъ разныхъ растеній; разныя ягоды; «электуаріумы» (нынѣшнія electuaria кашки); «троцисей» т. е. наши frochicti, особый видъ лекарственныхъ лепешечекъ, пынѣ почти оставленный! Въ той же аптекѣ находились: разнаго рода травы, листья растеній, кора (между прочимъ гранатоваго дерева, и нынѣ употребляемаго), тутъ же и «микстура seinpeef», и «духъ изъ ягоды самбуци» (нынѣ еще употребляется), и «воску бѣлаго» 8 ф., и «бумаги маклатуръ» и всевозможные «сиропы и конфекціи». Номенклатура всѣхъ этихъ средствъ по нашимъ документамъ смѣшанная: смѣсь напримѣръ русскихъ корней съ латинскими и греческими окончаніями, или же названія искаженныя литинскія; напримѣръ «робсамбуци» (Roob—густой сиропъ, flores sambuci—цвѣты бузины); «бакаромъ» (bacca—ягода); «а лумно» (alumen—квасцы); «кора сытронова» (лимонная корка) и т. п.

Кромѣ этихъ средствъ, вывозимыхъ изъ заграницы въ готовомъ уже видѣ (робы, frochisci и пр.), государева аптека снабжалась большимъ количествомъ такихъ предметовъ, которые въ наше время не имѣютъ никакого почти отношенія къ аптечному дѣлу, каковы: патока бѣлая, дрожжи пивныя, водка рѣдечная, хрѣновая, гумефная, «вино двойное доброе», романея, кинорея, мортазея, водка коришлева; разнаго рода уксусъ; ягоды, медъ, соль и пр. Особенно велико было разнообразіе водокъ, которыя очень не рѣдко требовались для царскаго обихода; напримѣръ «велено дати про государя въ бальзамъ 2 кружки вина тронова»; «про государя въ масло изъ червей 2 кружки романеи доброй»; «велети имъ дати про государя въ составъ въ пластырь кружку мармозей»; «велено имъ дати въ бальзамъ 5 кружекъ ренскова» и пр. Здѣсь же хранился и янтарь, назначаемый для приготовленія мѵра.

Такимъ образомъ, въ итогѣ квалифицируя всѣ эти средства по роду ихъ происхожденія, съ одной стороны, и по лечебному ихъ назначенію, съ другой, мы видимъ, что средства эти почти всѣ

растительнаго происхожденія; форма ихъ приготовленія довольно сложная и характерная для того времени (а среди такъ называемаго простонародья и до сихъ поръ); это именно излюбленные мази, пластыря, составы, декокты и т. п.

По способу дѣйствія, это по преимуществу потогонныя, отвлекающія, частью слабительныя; такъ называемыхъ возбуждающихъ (excifantia analeptica), если не считать водокъ, почти нѣтъ и еще менѣе наркотическихъ (narcotica). Изъ послѣднихъ упоминается только объ одномъ опіѣ: «лауданумъ опіа» (Loudanum siedenhamii), его было привезено изъ за границы 12 золотниковъ: или «опіемъ табайкомъ».

Этимъ, разумѣется, не исчерпывается все содержаніе лечебной (фармацевтической) медицины XVII столѣтія. То, что разсмотрѣно нами, составляло, такъ сказать, оффиціальную materiam medicam, соотвѣтствовало оффиціальной формакопеѣ, придворной. На ряду съ этой фармокопеей, нѣмецкаго происхожденія, существовала и развилась другая формакопея и медицина, народная, еще болѣе разнообразная по содержанію и не менѣе замысловатая по формамъ приготовленія лекарствъ, конечно, говоря относительно. Но здѣсь мы не имѣемъ въ виду касаться этой народной медицины.

Господствующее названіе для всякаго рода лекарственныхъ композицій было «составъ»; подъ это понятіе подводились и пластыря и мази, чрезвычайной иногда сложности, напримѣръ «въ мазь діалтея (radix altheae) 2 фунта воску», или «въ пластырь съ тифтикомъ 4 кружки уксусу ренскова», и пр. Примѣръ сложности указанъ нами выше: если для леченія больной руки потребовалось 1/2 ф. перцу дикаго, 4 горсти крапивныхъ сѣмянъ, 1/2 ф. бобковъ масличныхъ, 12 зотот. масла кропова, 9 золот. масла тимекъ...

Простотѣ средствъ и ихъ индифферентности, относительно дѣйствія на организмъ, благодаря грубости формы, съ какой онѣ употреблялись, соотвѣтствовали и дозы, которыя опредѣлялись фунтами, золотниками, «гривенками»; напримѣръ «велѣти имъ дати въ аптекарской приказъ въ пластыри чемъ луда воску добраго да три гривенки патоки чистой».

Назначеніе всѣхъ этихъ средствъ, доставляемыхъ въ аптекарскій приказъ, было неисключительно только лечебное. Подъ 1630 годомъ находимъ «память» завѣдующему приказомъ, отпустить масла и для смазыванья государевыхъ пищалей и это, конечно, примѣръ не единственный.

Какъ велико было искусство тогдашнихъ лекарей, каковы были ихъ діагностическія способности и терапія,—отвѣтомъ на эти вопросы служитъ обильный матеріалъ, на которомъ, къ сожалѣнію, не имѣемъ возможности останавливаться въ подробностяхъ. Разумѣется, о какой либо спеціализаціи знанія и рѣчи не было. Но можно было бы думать о выдѣленіи особаго класса хирурговъ, аналогично

тому, что было на западѣ, въ ту же историческую эпоху. Тогдашніе хирурги собственно и не признавались врачами; хирургіей занимались цирюльники, костоправы, странствующіе монахи; такіе хирурги, хотя и были въ презрѣніи, тѣмъ не менѣе спеціализировались въ своей области, методы и пріемы ихъ передавались наслѣдственно, что̀ составляло иногда фамильный секретъ, и должно сказать, что современная хирургія нѣкоторыми своими методами обязана именно этимъ средневѣковымъ хирургамъ. У насъ, конечно, еще и въ XVII столѣтіи, были свои костоправы, но они не выдѣлялись въ особый цехъ, какъ это случилось на западѣ, въ послѣдствіи, и о нихъ мы не находимъ никакихъ упоминаній въ оффиціальныхъ актахъ. Точно также не было и ничего подобнаго нынѣшнему институту военныхъ врачей. Упоминается въ одномъ мѣстѣ о «полковыхъ лѣкаряхъ», говорится о томъ, что такіе лекаря наѣзжали къ намъ на службу въ войска, «изъ англійскіе земли». А что лекаря точно назначались въ походъ, явствуетъ изъ тѣхъ росписей лекарствъ, «сказокъ», какія отпускались «въ походъ», при чемъ прямо указывалось, что лекарю такому-то въ походъ отпущено то-то и то-то «для лечбы». Курьезнымъ образчикомъ хирургическихъ свѣдѣній и пріемовъ того времени служитъ слѣдующее мѣсто: «по государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳедоровича указу и по присылкѣ королевича доктура, аптекарскова приказу доктуры Вендилинусъ Сибилистъ, Еганъ Бѣловъ, Артманъ Граманъ, ѣздили на посольскій дворъ и досматривали у умершаво королевича кравчево раны и тотъ кравчей раненъ изъ пищали рана подъ самымъ правомъ глазомъ и онѣ доктуры въ ту рану щупомъ щупали а пульки не дощупались потому что рана глубока а то подлинно что пулька въ головѣ» Здѣсь уже первые зачатки судебно-медицинской экспертизы, но такіе, когда еще могли довольствоваться и такимъ заключеніемъ: «а то подлинно что пулька въ головѣ».

Въ другомъ листѣ, подъ № 133, находимъ описаніе такого хирургическаго случая: «раненъ изъ пищали въ правую руку въ ладонь на вылетъ и руку пулькою рвало середней перстъ оторвало виситъ на кожѣ и у перстовъ у всѣхъ жилы (сухожилія) портило и рана больна и государь бы его (раненаго) пожаловалъ велѣлъ ему дати лѣкаря».

Большой интересъ, какъ мы сказали, представляютъ документы, свидѣтельствующіе о томъ, какъ врачи XVII столѣтія распознавали и лечили болѣзни.

Въ 1643 г. докторъ Еганусъ ѣздилъ къ Григорью Горихвостову «и смотрѣлъ, болѣзнь у него въ животѣ отъ слизкихъ мокротъ глиста большая въ кишкахъ а чаемъ излѣчить потому что онъ (т. е. докторъ) такимъ болѣзнемъ преже всего многимъ пособлялъ только вскорѣ Григорью помочь нельзя потому что у нево

та болѣзнь застарѣла». Здѣсь и распознаваніе и предсказанье. Въ другомъ мѣстѣ—подробное описаніе, отчего бываетъ глистная болѣзнь, въ чемъ она состоитъ и какъ ее надо лечить: «зачинается она отъ худой нутреной мокроты и растетъ (т. е. глиста) подле самыхъ кишокъ и бываетъ безъ мало что не противъ кишокъ длиной а шириною на перстъ и кормитца отъ того что человѣкъ пьетъ и ѣстъ и для того что она возлѣ самыхъ кишокъ близко бываетъ запретъ тѣ жилы у человѣка отъ которыхъ жилъ печень силы и кровь къ себѣ принимаетъ и отъ того бываетъ тѣмъ людямъ что они тощи и безъ сильны хотя много пьютъ и ѣдятъ»; «у кого такая болѣзнь бываетъ внутре да съ утра не поѣстъ ничего и та глиста совьетца съ кишками вмѣсте отъ того бываютъ нутреные вѣтры и рвоны и ворчаны внутре и вступитъ та глиста для свово корму подъ сердцо» и пр. «и ту глисту надобно лекарствами преже утомить и обезсилить, чтобъ она въ клубъ вмѣстилась а отъ кишокъ бы отстала и въ тѣ поры мочно ее лекарствами на низъ согнати». И первое такое лекарство — «пругацея (purgantia) т. е. слабительное.

Въ общихъ чертахъ симптоматологія страданія совершенно соотвѣтствуетъ дѣйствительности, равно какъ и анатомическое описаніе паразита. Рѣчь идетъ очевидно о ленточныхъ глистахъ.

Въ другомъ мѣстѣ находимъ свѣдѣнія о томъ, какъ лѣчили рожу: «сказка и вымыселъ всѣхъ... ровъ (вѣроятно докторовъ?) о болѣзни именуется рожа». А больной былъ на этотъ разъ никто иной, какъ самъ «государь царь великій князь Михаилъ Федоровичъ». Леченіе такое: «первая статья мазать виннымъ духомъ съ канфорою на день по трижды», т. е. тоже, что дѣлается и теперь, спустя болѣе, чѣмъ два столѣтія. «А послѣ того принять камени поту противу 12 зеренъ перцовыхъ въ составленной водкѣ которую для того составили чтобъ рѣская жаркая кровь раздѣлилась и не стояла бъ на одномъ мѣстѣ. А послѣ того надо отворить жильную руду для того чтобъ вывесть всякій жаръ изъ головы и крови продухъ дать а буде крови продуху не дать и та тяжкая жаркая кровь станетъ садится на какомъ мѣстѣ нибудь гдѣ природа укажетъ и отъ того бываютъ пухоты (т. е. опухоль) и язвы а жильную руду можно отворить изыскать день добрый».

Итакъ леченіе потогонное, не такъ еще давно оставленное и у насъ; самый опасный симптомъ—это «рѣская жаркая кровь» т. е. лихорадочное состояніе, что совершенно совпадаетъ и съ современными взглядами на рожу. А какъ понизить температуру? особенно «жаръ изъ головы»? Лучше всего пустить кровь, а буде кровь гдѣ застоится, тамъ бываютъ «пухоты», т. е. отеки. Такой взглядъ среди врачей на большинство болѣзней, сущность которыхъ сводилась на дурные соки, дурную кровь, былъ господствующимъ даже

и въ гораздо болѣе позднее время, и заграницей, и у насъ, у насъ чуть чуть не до половины настоящаго столѣтія (школа «гуморальныхъ» патологовъ).

Доктора вкупе собравшись (консиліумъ) такой составъ составили «про государево здоровье»: «Камени безусо (?) противъ 12 зеренъ соли корольковые противъ 7 зеренъ водки гладышевы 9 золотн. да цвѣту дерева самбуцыя 2 горсти мочено и варено въ уксусѣ ренскомъ своροборинномъ уксусу положено полъ фунта а въ тотъ составъ процыдя сквозь бумагу положено 4 золотн. сахару мелково не скоромново 2 золотника». Здѣсь указанъ и способъ приготовленія лекарства, «состава».

Разсуждали врачи также и о діэтѣ, какую долженъ былъ государь имѣть, и о времени принятія лекарства: «до вечернево кушанья часа за два». «Послѣ жильнаго отворенья добро кушать рыба свѣжая окуни пѣскиши щуки и раки добрѣ здорово. А та рыба ѣсть въ ухѣ варя или жаря а жареную рыбу поливать сокомъ лимоннымъ. А рѣдьки и хрѣну не ѣсть и пить ренское вино прямое доброе да церковное вино доброе и пиво доброе и квасъ доброй житной. А не пити вина горячево ни водки ни меду ни романеи».

«И тое руду при бояринѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ Шереметевѣ Иванъ Ѳедоровичъ Большой Срѣшневъ выкопавъ въ саду противъ комнатъ ямку положилъ въ землю». Такой почетъ, ясно, оказанъ былъ только «государевой рудѣ».

Въ одномъ мѣстѣ есть, повидимому, указанія на дифтеритъ, хотя болѣзнь и называется ангиной (жабой): «у котораго де человѣка горло и груди пухнутъ и будетъ де въ тѣхъ пухлыхъ мѣстахъ жаръ объявится; а зачинается де та немочь отъ дурныхъ вѣтровъ и отъ жаркихъ мокротъ и отъ ѣствъ которые человѣку не въ требу и отъ жаркіе крови которые бываютъ на человѣкѣ. И только де отъ такіе болѣзни пособи человѣку вскорѣ не будетъ и отъ такихъ де болѣзней многіе люди задыхаются». Но противъ такого предположенія говоритъ то, что та же болѣзнь, съ вышеописанными признаками, отождествляется, повидимому, съ сибирской язвой, и въ пользу послѣдняго мнѣнія гораздо больше основаній: «бываетъ тая же немочь людямъ отъ мертвой де животины которая помираетъ отъ повѣтрія какъ де тое животину станутъ одирать и отъ тово стерва или отъ кожи паръ попадетъ въ человѣка и съ того помираютъ». Здѣсь же указаны и терапія и мѣры предохранительныя, строгое проведеніе которыхъ на практикѣ составляетъ все еще pia desideria и для нашего времени: «а коли де бываетъ повѣтріе на скотъ на лошади или на коровы и мертвой де скотъ надобно закопывать въ землю совсѣмъ а только де въ землю не закапывать или станутъ кожи одирать и отъ того де бываетъ повѣтріе на люди».

Замѣчательно, что относительно происхожденія сибирской язвы еще въ 1643 году высказывалось такое мнѣніе, которое и теперь имѣетъ свое право гражданства: «а бываетъ де такое лихое повѣтріе на скотъ отъ тумановъ коли весна бываетъ мочливая (мокрая) а послѣ тово туманы великіе и жары и тѣ де туманы падутъ на траву а дождемъ ихъ не смоетъ и трава съ того станетъ отравна (отравлена) и отъ тово де скотъ и помираетъ». Конечно, теперь толкованіе этого факта иное, но важна идея.

А лечили ту болѣзнь у людей такъ: «подъ языкомъ жильную отворить (поводомъ для выбора такого мѣста служило, вѣроятно, опуханіе шейныхъ и подчелюстныхъ железъ) да сдѣлать водки которая холодитъ (леченіе противовоспалительное, и теперь практикуемое) и тою водкою въ ротѣ полоскать, а не глотать и плевать вонъ. А наружно мазать мазьми и пластыри прикладывать которые къ тому годны будутъ и только немочь продлитца (т. е. спустя нѣкоторое время, или, если болѣзнь затянется) надобно давать лѣкарства чтобъ потѣть и отъ тово бываетъ «облегченье». Особенно поучителенъ совѣтъ «не плевать вонъ», что составленное съ названіемъ болѣзни «повѣтріемъ», а такіе времена — «тяжкими», — говоритъ въ пользу того, что здѣсь рѣчь идетъ навѣрное о сибиркѣ, и, очень вѣроятно, о дифтеритѣ, и во всякомъ случаѣ — о болѣзни эпидемической.

Въ «столпцѣ» 238 помѣщена «роспись лѣкарствамъ», которые отпущены къ королевичу Волдемару Христіанусовичу и отъ какихъ болѣзней тѣ лѣкарства годны»:

«духу винново (спиртъ) скляница и то годно мазать по суставамъ отъ лому»;

«патоки своробаринной да водки гуляфной, а тѣмъ годно отъ жару въ ротѣ полоскать»;

«отпущено пяти статей лѣкарствъ а тѣ лѣкарства годны къ ранамъ и къ болячкамъ»;

«тотъ составъ 23 статей годенъ ко всякимъ немощамъ».

Государевой аптекой пользовались и князья, и бояре, близкіе къ особѣ государя, и жившіе въ Москвѣ посольства, но каждый разъ по особому государеву приказу, на каждый случай въ аптекарскій приказъ давалась «память». Въ 1645 году «крымскіе гонцы» просили государя «прислать къ нимъ лѣкаря кому у ногъ лечить озноба» (отмороженіе).

На обязательности же врачей лежало пользованіе и княжескихъ лошадей. Въ 237 «столпцѣ» помѣщенъ цѣлый списокъ лекарствъ, понадобившихся для княжескихъ лошадей: 2 фунта бобковаго масла, 1 фунтъ орѣховъ чернильныхъ, 1 фунтъ камфоры, 1 фунтъ квасцовъ и проч., въ такихъ же размѣрахъ.

Врачи не оставались совершенно безконтрольны въ своемъ лечебномъ дѣлѣ. Ихъ контролировали или свои же товарищи, кото-

рые должны были давать по тому или другому поводу «особыя сказки», или же прямо «допрашивали» въ приказѣ. Такъ, однажды «по приказу боярина Ѳедора Ивановича Шереметева оптекарскаго приказу доктора допрашиваны отъ какіе болѣзни тѣ лѣкарства годны» (которые отправлялись «къ королевичу Волдемару»). Въ другой разъ тотъ же бояринъ «велѣлъ допросить доктуровъ какую сырую траву кладутъ въ питье отъ которой травы холодитъ».

Впрочемъ, въ большинствѣ такія «допрашиванья» имѣли значеніе простыхъ справокъ.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ объ экономическомъ положеніи врачей. Вотъ подробныя «роспись обтѣкарскаго приказу дохтуромъ и обтѣкаремъ и лѣкаремъ. Дохтуръ Артемій Дей 250 (руб.); дохтуръ Валентинъ Бинсъ 200; обтѣкарь Ондрей Ивановъ 70; окулистъ Давыдъ Брунъ 55; лѣкари по 50 рублевъ человѣку. Переводчики по 40 рублевъ человѣку». Это въ 1631 году и здѣсь, какъ отмѣчено это выше, «лѣкаря» и по содержанію и во всемъ прочемъ поставлены ниже «дохтуровъ» и ближе къ аптекаремъ, хотя опять напомнимъ, что различіе это весьма мало имѣетъ общаго съ различіемъ, существующимъ въ наши дни между этими профессіями. Одно изъ существенныхъ различій, какъ выше указано, было то, что одни «пускали жильные», а другіе — нѣтъ.

Иногда «лѣкаря» и аптекаря получали вмѣсто денежнаго оклада «поденной кормъ». Такъ, напримѣръ, приказано было «лѣкарю Алферью давати въ обмѣну корму съ кормоваго дворца въ день по 4 блюда съ сытново дворца въ день по 2 чарки вина по 2 крушки меду по 2 крушки квасу житнова да съ хлѣбново дворца по полу колача толчонова».

Или же содержаніе выдавалось натурою, въ сыромъ, такъ сказать, видѣ: въ видѣ барановъ, яловицъ и пр.

Или же взамѣнъ денежнаго оклада, или въ пополненье жалованья «помѣстный окладъ»: напримѣръ, дохтуру Кошпару Давыдову кромѣ двадцати рублей «на мѣсяцъ» «учиненъ» былъ еще «подмосковной помѣстной окладъ сто четвертей». Вообще въ этомъ отношеніи не было правила, нашихъ штатовъ. Врачи не рѣдко «докучали» государю своими челобитными то о подводахъ, то о кормовыхъ и проч. и вообще слѣдили другъ за другомъ въ этомъ отношеніи, какъ бы что не перепало кому лишнее.

Мы не имѣемъ возможности вдаваться въ частности и подробности медицинскаго дѣла въ Россіи въ первой половинѣ XVII столѣтія, хотя бы многія изъ нихъ и оказались весьма поучительными, и потому, ограничиваясь указаніемъ на наиболѣе характерныя особенности, позволимъ себѣ все вышеизложенное резюмировать такъ:

Въ первой половинѣ XVII столѣтія аптекарскій приказъ аналогично другимъ приказамъ, служилъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ

сосредоточивалась врачебная администрація, находившаяся вовсе не въ компетентныхъ рукахъ, а въ рукахъ бояръ — окольничихъ и дьяковъ. Всѣ распоряженія дѣлались отъ имени государя. Отсюда производился вызовъ и наемъ иноземныхъ лекарей; здѣсь уплачивалось имъ содержаніе; здѣсь же находился складъ, такъ сказать, аптекарскихъ товаровъ и самая аптека; аптекарскій приказъ, именемъ государя, командировалъ врачей для той или другой надобности; напримѣръ, для освидѣтельствованія мертваго тѣла, для подачи пособія; въ походъ.

Около особы государя, въ аптекарскомъ приказѣ, сосредоточивалась вся тогдашняя оффиціальная медицина въ лицѣ ея представителей—лекарей и аптекарей, съ цѣлымъ арсеналомъ разнообразныхъ медикаментовъ, которые частью выписывались изъ заграницы, частью собирались и готовились у себя дома, что составляло родъ особой повинности для дворцовыхъ крестьянъ. Услугами этой оффиціальной медицины пользовались самъ государь и окружающій его персоналъ бояръ.

На ряду съ этой оффиціальной медициной существовала другая, болѣе самостоятельная и гораздо болѣе популярная, медицина народная, о характерѣ которой извѣстно намъ по другимъ источникамъ.

Врачей въ нашемъ смыслѣ слова не было, ни въ смыслѣ представительства науки, ни въ строгомъ смыслѣ профессіональности труда, ибо не было собственно ни науки, ни средствъ образованія. «Лѣкарскою мудростью» занимались и иностранцы, къ намъ наѣзжавшіе и болѣе или менѣе причастные къ врачебному дѣлу, или тѣ же иностранцы, но круглые невѣжды въ этомъ дѣлѣ, завѣдомо эксплуатировавшіе чужое довѣріе. Общественное и экономическое положеніе такихъ «лѣкарей» не можетъ быть названо завиднымъ: дозволить имъ «отворять жильные» или не дозволить, дать то или другое жалованье, тотъ или другой «кормъ»,—все это было исключительно дѣломъ государевой воли и произвола аптекарскаго приказа, т. е. въ концѣ концовъ того или другаго окольничаго или дьяка.

Что же касается внутренняго содержанія тогдашней медицины, ея теоретической подкладки, и практическаго примѣненія, съ другой стороны, то нельзя сказать, чтобъ въ основѣ этого содержанія не лежало нѣкоторыхъ теорій, взглядовъ, сопутствующихъ развитію тогдашней медицины на западѣ, и имѣющихъ свои корни въ болѣе глубокой древности. Во взглядахъ тогдашнихъ врачей видимъ отголосокъ господствовавшаго ученія о «крозохъ», съ примѣсью массы, на нашъ взглядъ, нелѣпыхъ и курьезныхъ предразсудковъ. Однако, какъ мы видѣли, въ описаніи симптомовъ разныхъ болѣзней, и въ самой методикѣ наблюденій, тогдашнимъ врачамъ нельзя отказать въ наблюдательности. Фактъ большею частью подмѣчался вѣрно, а толковали ложно.

Сообразно взглядамъ на происхожденіе и сущность болѣзней вырабатывалось и леченіе. Разъ въ основѣ болѣзни лежала порченая кровь, или избытокъ какой-то «слизи» и «мокроты» надо было или удалить порченую кровь или очистить ее, что достигалось кровопусканіями larga manu и потогонными, по преимуществу. Діэтетикѣ придавалось, повидимому, немалое значеніе, но понималась она исключительно въ смыслѣ ограниченія или видоизмѣненія пищи и питья, но никогда это ограниченіе не доходило до тѣхъ предѣловъ голоданія, которыя внесли въ русскую врачебную практику впослѣдствіи врачи-нѣмцы.

М. О. Перфильевъ.

ЖЕНЩИНА ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

ПОЛОЖЕНІЕ женщины въ обществѣ—лучшая мѣрка для оцѣнки степени его нравственнаго развитія. Чѣмъ больше гарантированы въ немъ ея права, чѣмъ больше имѣетъ она возможности дѣйствовать на него своимъ нравственнымъ вліяніемъ, какъ представительница любви, стыдливости и непосредственнаго чувства, тѣмъ выше стоитъ, по характеру своему, самое общество, предоставившее ей такое положеніе. Гдѣ женщина унижена и порабощена, тамъ общество нетолько не можетъ жить всестороннею, умственно и нравственно совершенною жизнью, но даже его односторонняя жизнь получаетъ превратное направленіе: не полное становится въ то же время неправильнымъ. Довольно было только гарема и многоженства, чтобы убить въ корнѣ, подавить въ зародышѣ, цивилизацію древнихъ народовъ востока. Гдѣ бракъ не имѣлъ характера нравственнаго учрежденія, тамъ не могло быть и рѣчи о благородномъ отношеніи половъ, о возвышающемъ и освѣщающемъ человѣка чувствѣ любви. Гдѣ не было матери въ настоящемъ значеніи слова съ благотворнымъ вліяніемъ въ семьѣ, тамъ не могло быть и семьи, а слѣдовательно, и воспитанія въ дѣтяхъ, будущихъ гражданахъ, тѣхъ нравственныхъ началъ, безъ развитія которыхъ въ обществѣ немыслимо благосостояніе государства. Неограниченное господство чувственности, доходящее иногда до полнаго цинизма, грубость характера общественной жизни, крайняя слабость нравственнаго начала въ семьѣ, вражда, интриги, и нерѣдко кровавыя преступле-

нія между членами семьи—вотъ обыкновенныя явленія, сопровождающія не нормальное общественное положеніе женщины—повсемѣстный печальный результатъ ея рабства. Эстетическая сторона общественной жизни, при такомъ положеніи дѣла, страдаетъ не меньше нравственной. Общество, которое лишило бы женщину принадлежащаго ей мѣста и значенія, обезобразило бы многія стороны своей собственной жизни. Общественная жизнь неизбѣжно потеряла бы, въ этомъ случаѣ, ту прелесть, тотъ характеръ изящества, который всюду вноситъ съ собою женщина, какъ существо по преимуществу одаренное инстинктомъ изящнаго. Въ виду такого значенія ея въ семействѣ и обществѣ, изученіе ея семейнаго и общественнаго положенія, въ данную эпоху, и въ данной странѣ, лучше, нежели что нибудь другое, знакомитъ насъ съ извѣстнымъ вѣкомъ и характеромъ жизни того или другого народа.

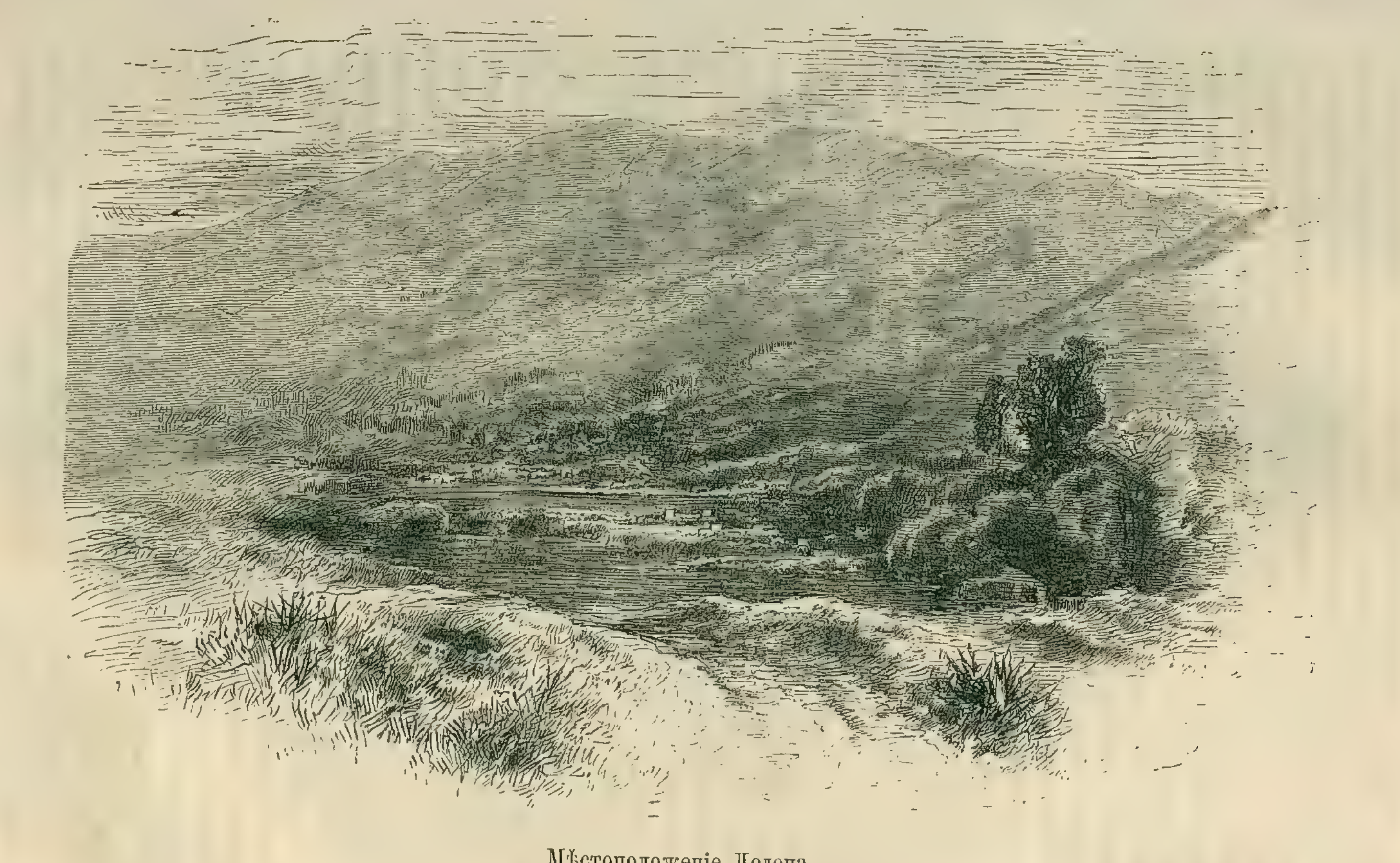
Мы избрали предметомъ настоящаго очерка положеніе женщины у народа, составляющаго первое звено въ исторіи цивилизаціи. Первые моменты въ развитіи историческаго явленія всегда представляютъ особенный интересъ. А древніе греки и въ этомъ вопросѣ — въ вопросѣ о правахъ и положеніи женщины, начинаютъ новую эпоху въ исторіи человѣчества. Думаемъ поэтому, что если читатель спеціалистъ не найдетъ въ предлагаемой статьѣ чего нибудь для себя новаго, то читатель, незнакомый спеціально, но, тѣмъ не менѣе, интересующійся античнымъ міромъ, прочтетъ не безъ интереса историческій очеркъ постепеннаго развитія правъ женщины у одного изъ величайшихъ народовъ міра [1]).

Если мы обратимъ вниманіе на характеръ греческой жизни, вообще на то, къ чему древній грекъ стремился, что онъ любилъ и чѣмъ наслаждался, то можемъ подумать, что женщина должна была занимать, въ древней Греціи, высокое положеніе и пользоваться тѣми же, если еще не бо̀льшими, правами, какими она пользуется въ новомъ европейскомъ обществѣ. Народъ нетолько любилъ, а боготворилъ красоту; эстетически утонченныя наслажденія составляли для древняго грека такую сторону жизни, безъ которой онъ рѣшительно не умѣлъ себѣ ее представить. Казалось бы, что при такомъ положеніи дѣла, женщина должна была явиться

[1]) Главнымъ источникомъ для настоящей статьи служило сочиненіе m-lle Clarisse Bader: La femme greque (Paris, 1872. 2 vol.—Ouvrage couronné par l'academie française). Къ существовеннымъ достоинствамъ его, по моему мнѣнію, относится, прежде всего, полнота, съ которою въ немъ разсмотрѣнъ предметъ, равно какъ и добросовѣстное изученіе источниковъ. Замѣтные же недостатки его составляютъ, во-первыхъ, реторизмъ изложенія—недостатокъ, общій многимъ французскимъ сочиненіямъ, а во-вторыхъ, взглядъ автора на греческую миѳологію. Авторъ сочиненія La femme greque всюду видитъ въ греческихъ миѳахъ только символы и не находитъ ни малѣйшихъ слѣдовъ историческаго элемента.

царицей въ древне-греческомъ обществѣ, по крайней мѣрѣ, получить руководящую роль во всемъ, что касается изящества въ жизни. Если мы прибавимъ къ этому, что древній грекъ жилъ по преимуществу общественной жизнью, слѣдовательно, проводилъ время бо́льшею частью внѣ дома, и что поэтому всѣ заботы о хозяйствѣ и семьѣ лежали исключительно на женщинѣ, то мы, конечно, вправѣ ожидать, что мужская половина греческаго общества должна была оказывать женщинѣ высокое уваженіе въ силу тѣхъ важныхъ обязанностей, которыя на ней лежали. Не такъ, однако, это было на самомъ дѣлѣ. Положеніе женщины въ древней Греціи, за исключеніемъ развѣ одной Спарты, вообще не могло назваться удовлетворительнымъ. Человѣкъ древняго міра жилъ исключительно идеей гражданина и неумѣлъ еще возвыситься до признанія безусловнаго значенія человѣческой личности. Естественно поэтому, что смотря на себя только какъ на часть цѣлаго, какъ на извѣстную силу или рабочую единицу въ государствѣ, грекъ не могъ дать у себя привилегированнаго положенія женщинѣ, не принимающей вообще непосредственнаго участія въ сферѣ гражданской жизни. Ничто не дѣлается вдругъ. Греческій міръ и безъ того уже далеко оставилъ за собою востокъ, между прочимъ, и въ томъ, что касалось общественнаго положенія женской половины человѣческаго рода. Ни рабства женщины, ни полигаміи, съ которыми мы встрѣчаемся на востокѣ, въ древней Греціи не существовало; съ этой стороны положеніе женщины въ Греціи было несравненно лучше. Но возвыситься до признанія въ личности женщины полныхъ человѣческихъ правъ, предоставить ей одинаковую съ мужчиной степень участія въ пользованіи духовными благами жизни, древній грекъ, смотрѣвшій на человѣческую личность исключительно съ гражданской, такъ сказать, точки зрѣнія, еще не могъ. Дѣйствительное возвышеніе женщины и настоящее развитіе ея правъ впервые начинается только съ христіанствомъ.

Чтобы представить, по возможности, полную картину исторіи женщины въ древней Греціи, необходимо начать съ самаго ранняго періода — съ гомерической эпохи. Но еще прежде, чѣмъ мы коснемся этой чисто исторической стороны предмета, я считаю не лишнимъ остановиться на тѣхъ миѳахъ древней Эллады, въ которыхъ, такъ или иначе, въ той или другой формѣ, выступаетъ на сцену женщина. Собственно, въ историческомъ отношеніи, источникъ подобнаго рода, конечно, не можетъ сообщать ничего, такъ какъ миѳы—не исторія. Но если миѳологія не сообщаетъ намъ положительныхъ фактовъ, то она, въ данномъ случаѣ, можетъ превосходно познакомить насъ со взглядомъ древняго грека на личность женщины, вообще, на его понятія о ней, на ту идею, которую онъ о ней имѣлъ. Не трудно представить, что еслибы жен-

Мѣстоположеніе Додона.

щина стояла, говоря вообще, не высоко въ понятіяхъ древняго грека, то естественно, что и въ миѳахъ его она непремѣнно должна была бы являться чѣмъ-то приниженнѣе всего, загнаннымъ и, естественно рабой. Если же женщина была для древняго грека существомъ съ извѣстными умственными и нравственными совершенствами, достойной подругой мужчины, то, естественно, что и образы эллинской миѳологіи — всѣ эти богини и нимфы, которыми она переполнена, должны были служить выраженіемъ подобнаго взгляда. Съ этой точки зрѣнія, миѳы, по отношенію къ данному вопросу, имѣютъ, можетъ быть, не меньше важное значеніе, чѣмъ и самая исторія.

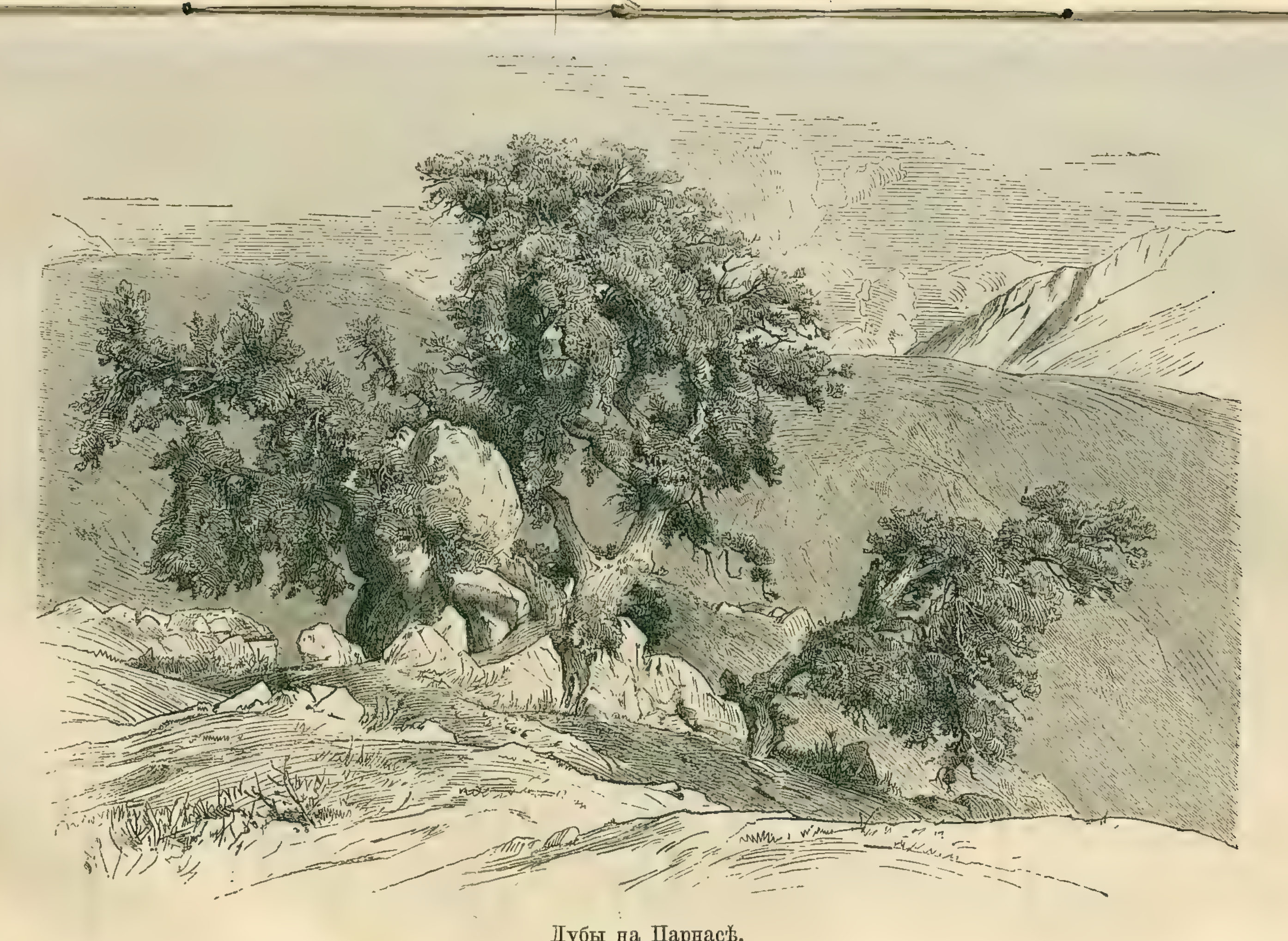
Если мы разсмотримъ, хотя бѣгло религіозную догматику эллиновъ, то увидимъ, что женщина играетъ въ эллинскомъ богословіи чрезвычайно важную роль. На ряду съ личностями боговъ, вездѣ является обожествленіе женскаго начала въ типахъ богинь, которыя имѣютъ свои храмы, свой культъ, своихъ жрицъ. Эти послѣднія играютъ такую важную роль, что являются иногда истолковательницами воли боговъ, даже самаго Зевса. Такъ въ прорицалищѣ Додоны жрицы Пеліады прислушавались къ таинственному шелесту дуба, къ журчанію волнъ, къ звукамъ металла и, узнавая этимъ способомъ волю божества, давали людямъ совѣты и прорицанія. Искусство земледѣлія, составляющее первое условіе не только благосостоянія, а самого существованія человѣка—находитъ у грековъ свою представительницу и покровительницу въ женщинѣ, въ богинѣ. Поклоненіе Деметрѣ (мать земли — Церера римлянъ) было одно изъ самыхъ распространенныхъ въ древней Греціи: ей были посвящены самыя возвышенныя по значенію и самыя мистическія по характеру въ ряду греческихъ таинствъ—элевзинскія. Миѳологія эллиновъ, поставивъ главою Олимпа и верховнымъ правителемъ міра «отца боговъ и людей» — Зевса, поставила рядомъ съ нимъ и женщину,—царицу неба и вселенной, его жену и сестру—богиню Геру. Въ мрачномъ, подземномъ царствѣ похищенной Плутономъ дочери Деметры Персефоны (Прозерпина) три женщины правятъ жизнью и судьбою людей. Это знаменитыя Парки, изъ которыхъ одной принадлежитъ даже право перерѣзывать нить человѣческой жизни, посылать людямъ смерть. Грекъ олицетворяетъ одно изъ высочайшихъ и благороднѣйшихъ преимуществъ человѣческой природы, мудрость — въ образѣ богини, въ личности женщины. Паллада—Аѳина (Минерва римлянъ) представляетъ въ сонмѣ греческихъ божествъ идеально совершенный умъ, соединенный съ идеальной нравственной чистотой. Грекъ населяетъ морскія глубины представительницами женскаго начала—нимфами, нереидами, создаетъ личности Амфитриды и сестры ея Ѳетиды, точно также какъ нимфъ рѣкъ и источниковъ. Населивъ женскими божествами воды морей и рѣкъ, а равно и вершины

Венера Капитолійская.

Олимпа — древній грекъ не забылъ отвести женщинѣ мѣсто и на небѣ. Онъ создаетъ одинъ изъ самыхъ поэтическихъ миѳовъ своихъ о богинѣ зари прекрасно—кудрявой (ἐϋπλόκαμος) Эосъ. Блистательная дочь утра, закрывъ лицо свое топазовымъ покрываломъ, покидаетъ волны океана, и запрягаетъ своими нѣжными розовыми пальцами быстрыхъ скакуновъ, которые мчатъ вихремъ ея колесницу; взошедши затѣмъ на золотой тронъ, она поднимается къ небу, и приноситъ съ собою богамъ и людямъ тотъ свѣтъ, который служитъ сигналомъ для пробужденія жизни. Богини, которыя представляли прелесть общественной жизни, которыя соединяли узами супружества мужчину и женщину и гражданъ въ общихъ удовольствіяхъ—Граціи служатъ обыкновенными спутницами богини красоты и любви. Афродита (Венера римлянъ), олицетворяя собою это начало красоты и любви, покоряетъ своей власти всѣхъ—и боговъ, и смертныхъ; въ то же время она сама является слишкомъ склонною къ увлеченіямъ, слишкомъ доступной и для боговъ, и для смертныхъ. Афродита представляетъ въ этомъ отношеніи рѣзкую противуположность строго - цѣломудренной, недоступной Палладѣ. Цѣломудріе и дѣвственность имѣютъ въ греческой миѳологіи еще двухъ представительницъ въ богиняхъ — Гестіѣ (Веста) и Артемидѣ (Діана). Наконецъ, грекъ олицетворилъ способности и склонность къ наукамъ и искусствамъ въ девяти богиняхъ, которымъ даетъ имя Музъ. Эти девять сестеръ, эти дѣвственныя дочери неба, дочери «отца боговъ и людей»—представляютъ собою величайшихъ благодѣтельницъ человѣчества. Онѣ обладаютъ тайною — успокоивать сердца людей и отгонять отъ нихъ всякое зло. Въ Дельфахъ у подножія горы Парнаса находилось святилище того бога, у котораго музы были помощницами. Жрицы играютъ важную роль въ святилищѣ Аполлона. Всѣмъ извѣстна роль пиѳіи, получавшей отъ этого бога непосредственныя откровенія, на основаніи которыхъ жрецы составляли потомъ отвѣты вопрошавшимъ. Вообще, значеніе жрицъ въ эту эпоху было очень велико. Онѣ приносили жертвы богамъ, онѣ пророчествовали, онѣ совершали богослуженіе. Это были вполнѣ женщины и по наружности, и по душѣ. Характеръ, съ которымъ онѣ являются у Гомера, не можетъ однако не обратить на себя вниманія своею исключительностью. Поэтъ постоянно изображаетъ ихъ хромыми, косыми и т. п. Ни одной изъ нихъ мы не видимъ у него въ блескѣ молодости и красоты; это глубокія, покрытыя морщинами старухи. Онѣ являются умилостивительницами и предстательницами передъ божествомъ за людей, но точно также низводятъ своими молитвами на смертныхъ міщеніе боговъ, особенно же въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчаютъ въ людяхъ жестокосердіе и нераскаянность.

Мы сдѣлали бѣглый обзоръ греческихъ миѳовъ, въ которыхъ такъ или иначе, въ той или другой, хотя бы чисто фантастической

Дубы на Парнасѣ.

формѣ, является личность женщины. Читатель видѣлъ какое высокое мѣсто отвелъ ей древній грекъ въ своей миѳологіи, какую важную далъ онъ ей во многихъ случаяхъ роль. Гера раздѣляетъ отчасти съ своимъ міродержавнымъ супругомъ управленіе міромъ; Царки рѣшаютъ судьбу людей; Паллада-Аѳина олицетворяетъ въ своей личности высочайшее преимущество человѣческой природы—мудрость; Музы сообщаютъ человѣку практически полезныя и въ то же время возвышающія и облагороживающія его природу знанія, а обязанныя имъ своимъ бытіемъ искусства украшаютъ его жизнь. Не создалъ бы грекъ всѣхъ этихъ грандіозныхъ типовъ различныхъ богинь, еслибы онъ относился къ личности женщины слегка или свысока. Представивъ въ общихъ чертахъ греческую женщину, какою она является намъ въ миѳахъ, мы должны перейти теперь въ область дѣйствительности, въ область положительныхъ фактовъ. Мы видѣли гречанку-богиню; посмотримъ на бытъ и характеръ гречанки-женщины.

Источниками, откуда мы заимствуемъ свѣдѣнія о семьѣ и домашней жизни эллиновъ въ эпоху троянской войны и раньше, служатъ Гомеръ и Гезіодъ. Особенно важенъ въ этомъ отношеніи гомерическій эпосъ. Гомеръ является въ изображеніи частнаго быта эллиновъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ — неподражаемымъ живописцемъ-художникомъ, такъ что, соединяя въ одно цѣлое разныя мѣста его обѣихъ поэмъ, мы можемъ составить себѣ полное понятіе о характерѣ и образѣ жизни современной ему семьи у эллинскихъ племенъ, а слѣдовательно и о положеніи женщины въ то время.

Первое, что останавливаетъ на себѣ наше вниманіе въ характерѣ греческой семьи героическаго вѣка, это тотъ характеръ патріархальности, которымъ вообще отличается домашній бытъ у народовъ, только что начинающихъ свою историческую жизнь. Бытъ этотъ отчасти напоминаетъ ту первобытную эпоху, когда одна семья, родоначальница «избраннаго народа» жила подъ управленіемъ своего вождя, подъ непосредственнымъ начальствомъ и покровительствомъ Бога.

У Гомера мы находимъ весьма рельефное изображеніе дѣвочки-гречанки въ эпоху самаго ранняго ея дѣтства. Нѣтъ, конечно, нужды говорить, что черты, которыми онъ рисуетъ эту юную начинающуюся жизнь, столько же принадлежатъ гречанкѣ, сколько дѣтскому возрасту вообще. Ребенокъ съ трудомъ держится на ногахъ; онъ не можетъ еще долго стоять. Дѣвочка инстинктивно ищетъ свою мать; она бѣжитъ вслѣдъ за нею, хватаясь за полу ея туники; она обращается къ матери съ глазами полными слезъ, и этимъ нѣмымъ языкомъ проситъ ее взять къ себѣ на руки [1]).

---

[1]) Иліада, XVI.

Танцовщица.

Малютка-дѣвочка становится взрослою дѣвицей. Ея положеніе въ домѣ таково, что она составляетъ гордость семьи. Отецъ, мать и братья относятся къ ней съ одинаковою любовью. Послѣдніе почтительно прислуживаютъ ей. Что касается ея удовольствій и занятій, то Гомеръ ничего не говоритъ о ея пѣсняхъ и пѣніи, но за то упоминаетъ о совершенствѣ, съ какимъ она танцовала. Не трудно, конечно, угадать, что въ этотъ періодъ жизни дѣвушки, приготовленіе ея къ ея будущимъ обязанностямъ и вообще къ дѣйствительной жизни должно было составлять предметъ особенныхъ попеченій семьи. Такъ это и было въ дѣйствительности, причемъ, по духу греческаго воспитанія вообще, заботы о физическомъ развитіи дѣвушки играли чрезвычайно важную роль. На ея обязанности лежали, между прочимъ, мытье на рѣкѣ своего платья, а также одеждъ, принадлежавшихъ ея отцу и матери.

Общество мужчинъ и участіе ихъ въ играхъ и бесѣдахъ молодой дѣвушки въ эту эпоху не считалось неприличнымъ. Лучшей гарантіей для нея въ это время были съ одной стороны чувство естественной женской стыдливости, а съ другой—то уваженіе, которымъ она пользовалась въ обществѣ. Но, вообще въ этотъ періодъ жизни греческой женщины, въ эпоху ея дѣвичества, самый трудъ по характеру своему мало отличался отъ удовольствія. Но, вотъ въ жизни дѣвушки наступаетъ новая эпоха. Она должна сдѣлаться супругою. Какъ древній грекъ смотрѣлъ на женщину въ этомъ ея положеніи, какъ онъ понималъ идеалъ жены вообще? Гезіодъ даетъ мужчинѣ совѣтъ брать себѣ женою дѣвушку молодую и цѣломудренную, которой онъ могъ бы разъяснить значеніе важныхъ лежащихъ на ней обязанностей. Необходимо чтобы дѣвическая чистота служила для мужчины ручательствомъ, что она останется также чистою и тогда, когда сдѣлается женою. Такую жену Гомеръ называетъ даромъ боговъ.

На основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ Гомера, можно заключать, что взрослая дочь была продаваема у эллиновъ отцемъ ея будущему мужу. Но въ другомъ мѣстѣ мы находимъ у поэта, что дѣвушка сама при выходѣ въ замужество получаетъ приданое отъ родителей, равнымъ образомъ и ея обрученный приноситъ ей дары, заключающіеся въ стадахъ, драгоцѣнныхъ одеждахъ и дорогихъ вещахъ. Едва ли, однако же, подаркамъ, которые дѣлалъ женихъ отцу невѣсты, можно придавать значеніе платы или выкупной суммы. Это были не больше какъ установленные обычаемъ дары, въ родѣ тѣхъ, какіе дѣлаетъ женихъ и у насъ въ крестьянскихъ семьяхъ. Вообще, въ героическія времена о выдачѣ дѣвушки въ замужество заботились ея родители, права которыхъ въ этомъ случаѣ были неограниченны. Дочь была обязана имъ безусловнымъ повиновеніемъ, даже когда родители приказывали ей выйдти за мужъ за человѣка, котораго она совершенно не знала; тѣмъ не

менѣе, если мы обратили вниманіе на то, какъ старались искатели выиграть во мнѣніи дѣвушки, возбудить ея расположенность къ себѣ и привлечь на свою сторону ея близкихъ, то мы можемъ не безъ основанія предполагать, что она пользовалась извѣстною свободою въ выборѣ мужа. Общимъ правиломъ впрочемъ было то, что ея судьбою въ этомъ случаѣ располагалъ отецъ, и даже иногда предлагалъ ее тому, за кѣмъ желалъ ее видѣть замужемъ.

Въ эти времена, когда отецъ былъ въ одно время и верховнымъ жрецомъ и главою семьи, отправленіе невѣсты въ домъ ея мужа составляло, какъ кажется, существенную часть брачной церемоніи. Гомеръ и Гезіодъ сообщаютъ намъ подробности этого торжественнаго обряда. Брачныя пѣсни и звуки флейты и лиры сопровождали веселый поѣздъ. При ослѣпительномъ блескѣ факеловъ, которые несли рабы, двигалась колесница новобрачныхъ, которыхъ окружали прекрасныя женщины, и сопровождали хоры молодежи. Новобрачный или его отецъ устраивалъ пиръ для сосѣдей и друзей фамиліи. На брачномъ пиршествѣ раздавались пѣсни пѣвца, которыя онъ сопровождалъ игрою на лирѣ; онъ же управлялъ танцами, оживлявшими пиршество.

Характеръ, съ которымъ является эллинская семья героическихъ временъ, во многихъ случаяхъ представляетъ намъ черты библейскихъ нравовъ. И въ пѣсняхъ Гомера мы находимъ точно также трудолюбивую жену и мать семейства гречанку, нѣжно привязанную къ своему мужу и относящуюся къ нему съ уваженіемъ, какъ встрѣчаемъ въ библіи въ роли жены и матери съ тѣми же качествами еврейку въ семействахъ патріарховъ. Раздѣляя съ мужемъ своимъ заботы по управленію домомъ, гречанка подаетъ своимъ личнымъ домашнимъ трудомъ примѣръ трудолюбія. Даже званіе царицы не избавляетъ ее отъ обязанности—распредѣлять между служанками работы и служить для нихъ образцомъ дѣятельности. Соткавъ изъ приготовленной ею же самой пряжи ткань или покрывало, она вышиваетъ на немъ узорчатыя изображенія разнаго рода предметовъ, касающихся войны. Въ то же время она не считаетъ для себя унизительнымъ—самой заниматься приготовленіемъ на кухнѣ; съ помощію служанокъ она готовитъ обѣдъ для своего мужа или чужестранца, котораго онъ принимаетъ у себя въ домѣ. Царица поручаетъ служанкамъ приготовить постель для чужестранца, который гоститъ у нихъ въ домѣ: на нихъ обязанности лежало приготовить для него пурпуровыя ткани, ковры, теплыя покрывала. Но она завѣдуетъ сама приготовленіемъ ложа для своего мужа. Гречанка-супруга пользуется полною свободою бесѣды съ чужестранцами. Но, являясь въ общество, она покрываетъ свою голову блестящимъ покрываломъ, скрывающимъ ее головное убранство. Жена, обладающая добрыми нравственными качествами, поселяетъ довѣріе къ себѣ и

уваженіе въ мужѣ. Онъ гордится своею подругой, онъ счастливъ счастьемъ, которое она ему съ собой приноситъ и оказываетъ ей то же уваженіе, которое оказываютъ ей всѣ. Когда наступаетъ война, грекъ вооружается для защиты своего родного очага, и самое тяжелое, что ему представляется, въ случаѣ если онъ будетъ побѣжденъ, это то, что его жена сдѣлается плѣнницей и добычей побѣдителя. Отправляясь въ дальнее путешествіе, грекъ больше всего сѣтуетъ о разлукѣ съ женой, а возвращаясь подъ домашній кровъ, онъ не помнитъ себя отъ радости при свиданіи съ нею. Смерть жены до того иногда приводила грека въ отчаяніе, что жизнь окончательно становилась для него тягостью. На сколько можно судить на основаніи поэмъ Гомера, древній грекъ никогда не разрывалъ брачныхъ узъ и не отвергалъ жены даже въ томъ случаѣ, если она была виновна. Онъ не имѣлъ обычая вводить въ домъ соперницы для своей жены. Несмотря на то, что законъ разрѣшалъ ему многоженство, умѣлъ приносить въ жертву сердечныя привязанности, чувства уваженія къ своему первому брачному союзу. У него есть плѣнницы—наложницы, но жену онъ имѣетъ только одну.

Съ такими чертами—какъ видитъ читатель—привлекательными и достойными уваженія является гречанка древнѣйшаго періода у Гомера. Иными глами смотрѣлъ на женщину поэтъ, жившій нѣсколько позже Гомера—Гезіодъ. Послѣдній былъ очень далекъ отъ роли панегириста прекраснаго пола. Насколько благородны черты женщины у автора Иліады и Одиссеи, настолько онѣ непривлекательны у автора «Ѳеогеніи» и «Работъ и дней».

Гречанка-мать находила и въ своихъ дѣтяхъ то чувство нѣжности и уваженія, которыя питалъ къ ней ея мужъ. Однако имя и званіе матери далеко не пользовались у грековъ тѣмъ глубокимъ уваженіемъ, не представляли того характера святыни какой они имѣли у евреевъ.

Мы представили общія черты быта и положенія греческой женщины въ героическій вѣкъ, какою она является у Гомера. Остановимся теперь на нѣкоторыхъ, болѣе выдающихся женскихъ личностяхъ его обѣихъ поэмъ и всмотримся въ ихъ характеристическія черты.

Первая женщина, которая останавливаетъ на себѣ наше вниманіе между героинями Иліады—это та знаменитая, классическая красавица, которая, полюбивъ чужестранца—троянскаго царевича Париса, погубила своими ласками и поцѣлуями несчастную Трою: Елена въ нѣкоторомъ отношеніи можетъ быть названа творцомъ Иліады, такъ какъ безъ ея измѣны и бѣгства не было бы войны, а слѣдовательно и поэмы, заключающей въ себѣ описаніе войны. Какъ ни противорѣчивы дошедшія до насъ разсказы о ней, наибольшая часть преданій сходится въ томъ, что увезенная Парисомъ, она перешла потомъ въ объятія брата его Деифоба, а по раз-

Снаряженіе невѣсты къ свадьбѣ.

рушеніи Трои была взята обратно Менелаемъ. Слава красавицы Елены была такъ велика, что ей воздавали въ Лаконіи божескія почести. Поэты и художники прославили ее какъ совершеннѣйшій идеалъ женской красоты, а трагики избирали нерѣдко ея судьбу предметовъ своихъ произведеній. Что же это за личность? Жизнь Елены слишкомъ хорошо характеризуетъ ее, такъ что всякія объясненія совершенно излишни. Это—идеалъ совершенной красавицы, это легко отдающаяся страсти вѣроломная женщина, которая въ увлеченіяхъ любви поспоритъ съ самою богиней любви — Афродитой. Разсматривая личность Елены въ Иліадѣ, нельзя не обратить вниманія на то, какъ относится къ этой личности самъ поэтъ. На всѣ ея дѣйствія и ея жизнь онъ смотритъ исключительно съ точки зрѣнія чистой нравственности. Поэтъ не пытается оправдать ее горячностью темперамента или неодолимою силою страсти, какъ это сдѣлали бы многіе поэты нашего времени. Онъ не видитъ въ измѣнѣ Елены самоотверженія, высочайшаго доказательства безпредѣльной любви къ возлюбленному. Онъ изображаетъ измѣну просто, въ ея нравственной наготѣ, не ставитъ ее на пьедесталъ и не думаетъ придавать ей эффектныхъ или трогательныхъ драматическихъ положеній. Поэтъ не думаетъ оправдывать спартанской царицы и ея красотой, возвышавшей ее надъ всѣми женщинами міра и приближавшей ее къ безсмертнымъ богинямъ. Въ чемъ же заключается эта увлекательная сила Елены, чѣмъ именно виновная женщина возбуждаетъ къ себѣ участіе? Конечно, не своимъ преступленіемъ, а раскаяніемъ. Угрызенія совѣсти сопровождаютъ ее въ ея новое жилище. Ее преслѣдуетъ мысль объ оскорбленномъ ею мужѣ, покинутой дочери, опозоренныхъ ея поступками братьяхъ, наконецъ, объ отечествѣ, которому она измѣнила. Но этимъ еще не оканчивается ея внутреннее наказаніе. Она не можетъ не терзаться мыслію, что она виновница бѣдствій войны, виновница кровопролитія. Она видитъ трупъ лучшаго изъ своихъ друзей—Гектора, и въ ея душѣ рождается сожалѣніе о томъ, что она не умерла прежде своего преступленія.

Въ новой семьѣ она слышитъ постояннныя упреки своей матери, братьевъ и сестеръ. Правда, ее извиняетъ Пріамъ, ее охраняетъ Гекторъ; но тѣмъ мучительнѣе должны были быть для нея и снисходительность перваго и благородство втораго. Она не можетъ не сознавать, и слѣдовательно, не терзаться въ глубинѣ души мыслью, что она навлекла своимъ поступкомъ несчастіе и на нихъ, такъ горячо преданныхъ ей друзей. Когда ей приходится съ ними говорить, она постоянно говоритъ съ ними съ робостью, съ чувствомъ грусти и глубокимъ уваженіемъ.

Но если передъ лицомъ воплощенной добродѣтели она приходитъ въ смущеніе и краснѣетъ за самое себя, то она становится какъ будто другою женщиной, въ то время, когда говоритъ съ ви-

новникомъ своего несчастнаго увлеченія. Она не имѣетъ даже горькаго утѣшенія любоваться достоинствами въ томъ человѣкѣ, ради котораго она потеряла свое собственное и погубила свою жизнь; сознаніе ничтожества ея втораго мужа—можетъ быть самая мучительная изъ всѣхъ ея казней. Какъ энергически выражаетъ она ему свое негодованіе и свой гнѣвъ, желая ему наказанія, которое онъ заслужилъ. Съ какою гордостью царицы она посылаетъ его на поле битвы, чтобы онъ возстановилъ тамъ свою потерянную честь.

Греческая мать съ дѣтьми.

Отъ спартанской царицы, красавицы мы должны бы перейти теперь къ личностямъ Гекубы и Андромахи, но хотя послѣдняя изъ двухъ и гречанка по рожденію—по положенію своему обѣ онѣ принадлежатъ Троѣ, а не Греціи. Оставляя по этому въ сторонѣ личности, которыя гораздо больше принадлежатъ Иліадѣ, нежели греческой жизни—мы переходимъ къ типамъ Одиссеи.

Представляя частную домашнюю жизнь грековъ древнѣйшаго періода, Одиссея даетъ намъ галлерею женщинъ если не болѣе прекрасную, то во всякомъ случаѣ болѣе богатую сравнительно съ Иліадой.

Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ Пенелопа, столько же добродѣтельная, сколько и прекрасная собою супруга Одиссея. Идеально-благородная жена и мать, она служитъ символомъ глубокаго благоразумія. Но, это качество не исключаетъ въ ней ни чувствительности, ни сильныхъ движеній души. Съ достоинствомъ и спокойствіемъ самообладанія царица отвергаетъ мольбы искателей ея руки и не менѣе спокойно упрекаетъ ихъ въ томъ, что они не соблюдаютъ должнаго отношенія къ дому ея отсутствующаго супруга. Но когда она узнаетъ, что они имѣютъ намѣреніе даже противъ жизни ея сына, тогда съ величественнымъ выраженіемъ гнѣва, она обращается къ начальнику заговора, и требуетъ, чтобы онъ

самъ лично помѣшалъ исполненію преступнаго намѣренія. Отличаясь добротою къ домашней прислугѣ, Пенелопа является заботливой матерью относительно молодой рабыни и въ то же время показываетъ себя, какъ будто чѣмъ-то въ родѣ дочери относительно рабыни-старухи. Но, какъ скоро ея свита, по ея мнѣнію, не оказываетъ ей должнаго уваженія, царица строго напоминаетъ своимъ прислужницамъ о ихъ обязанностяхъ, соразмѣряя строгость выговора съ возрастомъ каждой. Повинуясь своему сыну, Пенелопа, слѣдуетъ, какъ кажется, въ этомъ случаѣ общему греческому обычаю, т. е. держитъ себя такъ, какъ держали себя обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ вдовы. Но, какъ скоро Телемакъ позволяетъ оскорбить во дворцѣ Одиссея одного изъ чужестранцевъ, котораго царица, постигнутая горемъ, не могла принять лично, она вступаетъ въ права матери и выражаетъ публично молодому наслѣднику престола порицаніе его дѣйствій. Но, что особенно придаетъ достоинство Пенелопѣ это — ея благородный, твердый характеръ. Самая любовь ея къ мужу основывается на томъ уваженіи, которое онъ ей внушаетъ. Среди глубокихъ страданій она гордится славою подвиговъ и именемъ того, кого считаетъ навѣкъ для себя потеряннымъ. И въ какой трогательно-наивной формѣ выражается ея любовь къ бѣдному изгнаннику! Судя по оригинальности тѣхъ, чуть не дѣтскихъ хитростей, къ которымъ она прибѣгаетъ, чтобы отклонить настойчивыя притязанія искателей ея руки, можно подумать, что она совершенно спокойна, и не имѣетъ понятія о внутренней, душевной борьбѣ. Между тѣмъ, страданія ея такъ велики, что она призываетъ въ иныя минуты смерть.

Ни одинъ женскій типъ у Гомера ни одна героиня обѣихъ его поэмъ не отличается такой глубокой мудростью, какою обладаетъ вѣрная жена Одиссея, благородная царица Итакъ. Никогда поэтъ не влагалъ въ сердце женщины столько любви, не надѣлялъ ее такимъ героизмомъ и самоотверженіемъ, какимъ онъ надѣлилъ Пенелопу!

Но, вотъ передъ нами новыя героини Одиссеи—царица Феаковъ Арета и царевна Навзикая. Первая представляетъ собою типъ глубокаго нравственнаго вліянія въ семьѣ, и это вліяніе ея переходитъ далеко за предѣлы домашняго очага; оно отзывается не менѣе сильно и въ средѣ ея народа. Пользуясь безграничнымъ уваженіемъ своего мужа, какъ можетъ быть не пользовалась никогда ни одна женщина въ мірѣ, глубоко чтимая своимъ народомъ, который видитъ въ ней непогрѣшимаго судью, она смотритъ на царскій престолъ, какъ на средство защищать права справедливости и человѣчества и развивать и поддерживать въ окружающихъ ея любовь къ прекрасному и доброму. Пользуясь такимъ высокимъ уваженіемъ и въ своей семьѣ, и среди своего народа, феакійская царица никогда не выходитъ изъ обыкновенной сферы дѣятельности

Развалины Трои.

женщины, никогда не бросается въ политику и не является на общественной аренѣ. Сфера ея власти и вліянія—ея домашній очагъ, гдѣ она занимается работами вмѣстѣ съ рабынями. Высокое положеніе и санъ царицы не мѣшаютъ ей назначать своей дочери занятія, которыя, по обыкновеннымъ понятіямъ, считаются приличными только для послѣднихъ въ домѣ служанокъ. Дѣти Ареты оказываютъ матери то уваженіе, которое оказываетъ ей ея мужъ и ея народъ. Не вліяніе ли матери воспитало главнымъ образомъ добродѣтельныя чувства въ душѣ Навзикаи? И не служитъ ли скромность дочери отраженіемъ достоинства и благородства характера матери? Ея наружность приводитъ поэту на память стройность пальмы, красоту богини, а ея чистота поражаетъ до того, что герой склоняетъ передъ дѣвой свое суровое чело. При появленіи ея на сцену, вы тотчасъ видите наивное только-что начинающее жить дитя, которое разливаетъ вокругъ себя радость своей цѣломудренной наивностью, и которое отдается съ одинаковымъ увлеченіемъ работѣ также, какъ и играмъ. Но пусть какое нибудь тяжелое несчастіе раскроетъ въ ея глазахъ истинный смыслъ жизни—она мгновенно преобразуется въ женщину, которой участіе и состраданіе всегда будутъ облегчать страданія тысячи несчастныхъ. Едва только молодая царевна почувствовала, что ея обыкновенная дружеская расположенность къ чужестранцу можетъ превратиться въ болѣе нѣжное чувство, она не смѣетъ больше открыто выражать ему той симпатіи, которую онъ въ ней пробудилъ. Она мгновенно сходитъ со сцены, и появляется снова только для того, чтобы робко сказать чужестранцу послѣднее «прости». Чужестранецъ въ свою очередь разстается съ прекрасной царевной, даже не догадываясь о томъ, что она полюбила его и что она мечтала о союзѣ съ нимъ. Разставаясь съ нею на вѣкъ, онъ проситъ ее сохранить о немъ воспоминаніе. Навзикая олицетворяетъ собою типъ дѣвушки древняго періода греческой жизни: многія черты ея живо напоминаютъ дочерей библейскихъ патріарховъ.

Подлѣ Навзикаи мы видимъ личность Евриклеи: рядомъ съ молодой, еще незнакомой съ житейскими бурями жизнью, поэтъ изображаетъ намъ пожилую женщину, надъ которой пронеслась уже не одна гроза и которая закалилась среди несчастій. Обѣ женщины всегда являются на помощь страданію; но первая спѣшитъ помочь страдальцу въ горѣ, котораго еще не знаетъ, а только угадываетъ, вторая облегчаетъ страданія, знакомыя ей по опыту, потому что она переносила ихъ сама. Старая рабыня, она принята за свою преданность въ число членовъ семьи, которой служила; но она больше, чѣмъ просто преданная женщина; это — кормилица, т. е., по понятіямъ древнихъ, вторая мать. Евриклея видѣла три поколѣнія своихъ владыкъ. Другъ Лаэрта, она вскормила его сына и внука. Къ обоимъ послѣднимъ она обращается не иначе, какъ

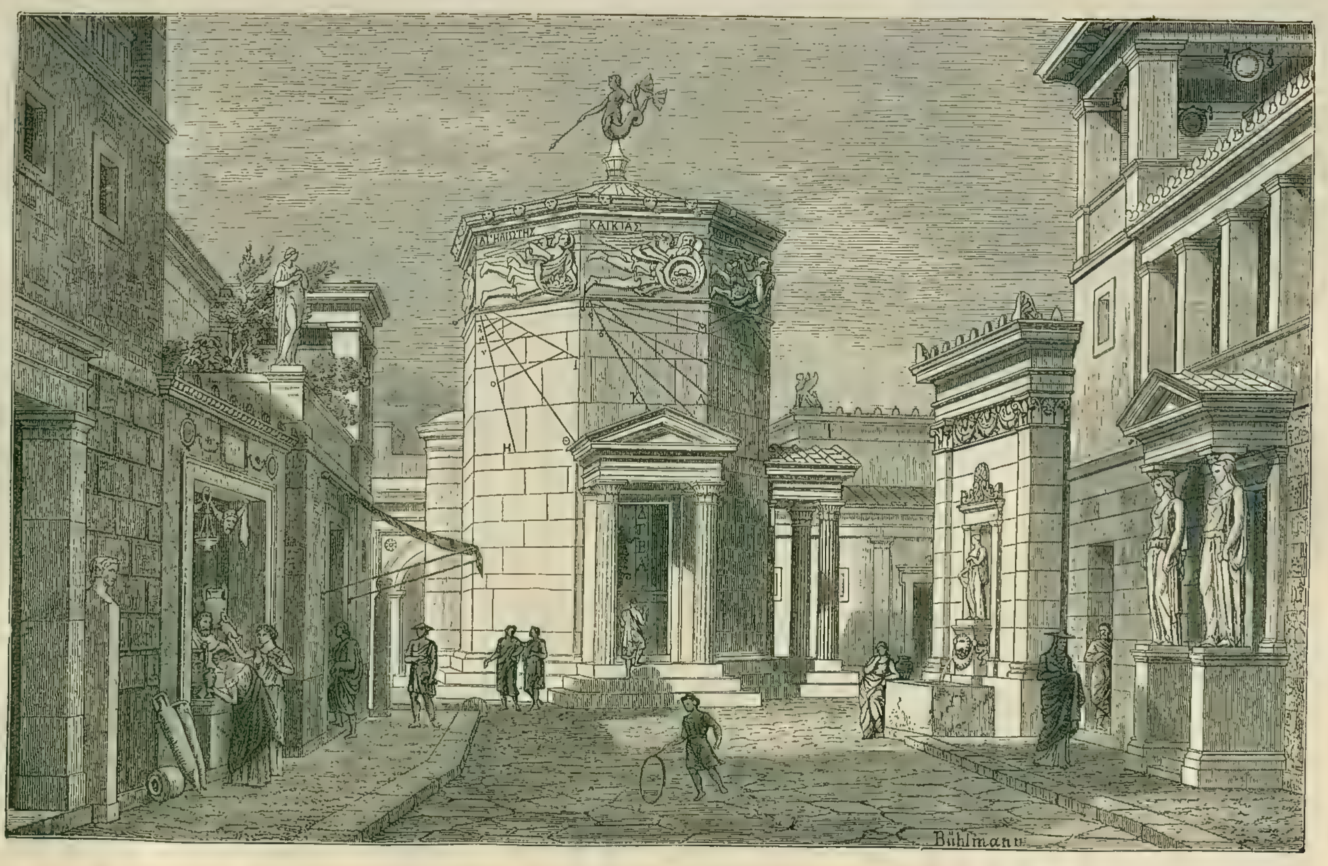

Видъ Аѳинъ съ мѣловыхъ скалъ Пирея.

съ ласковымъ и дружескимъ: «дитя мое»; она называетъ даже царицу своею дочерью. У нея нѣтъ другихъ печалей и радостей, кромѣ печалей и радостей ея владыкъ; и она стремится всѣми силами облегчить для нихъ тяжесть первыхъ. Ее также тревожитъ кратковременное путешествіе Телемака, какъ и продолжительное отсутствіе Улисса, и, несмотря на это, она находитъ въ себѣ довольно силы, чтобы утѣшать Пенелопу въ ея разлукѣ съ сыномъ, а равно и уменьшать тяжесть мукъ Лаэрта, не допуская чрезмѣрнаго усиленія его страданій. Евриклея помогаетъ царицѣ въ управленіи домомъ и воспитаніи сына; наконецъ, она раздѣляетъ съ нею попеченія о чужестранцѣ, котораго несчастія напоминаютъ ей несчастія Улисса. Когда она узнала своего царя, какому она предается восторгу, и чего ей стоило то, что она не могла раздѣлить своего счастія съ своею повелительницею! Тѣмъ не менѣе, характеръ Евриклеи пламенный, даже мстительный. Когда она трепетала за судьбу героя, она сомнѣвалась въ божественномъ правосудіи. Узнавши Улисса, она представляетъ ему для наказанія виновныхъ женщинъ; а передъ трупами перебитыхъ Одиссеемъ жениховъ Пенелопы, она радуется, что преступленіе ихъ отмщено. Чтобы извинить ей въ этомъ случаѣ ея чувства, надобно вспомнить о страданіяхъ, перенесенныхъ ею въ теченіе двадцати лѣтъ, объ измѣнахъ рабовъ, наконецъ, о той горечи, которая должна была накопиться въ ея сердцѣ вслѣдствіе обидъ со стороны искателей руки Пенелопы. Надобно вспомнить, что честная вѣрная рабыня, въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ, была свидѣтельницею расхищенія имущества и безславія дому своихъ владыкъ.

Мы представили общія черты нѣкоторыхъ героинь гомерическихъ поэмъ. Мы останавливались на личностяхъ Елены, Пенелопы, Ареты, Навзикаи, Евриклеи. Мы видѣли нѣкоторыхъ греческихъ богинь, положеніе гречанки въ героическій вѣкъ, наконецъ, женскіе типы Иліады и Одиссеи. Но, чтобы познакомиться всесторонне съ тѣмъ, чѣмъ была женщина въ древней Греціи, необходимо остановиться еще на болѣе рельефныхъ женскихъ типахъ греческаго искусства, а также на нѣкоторыхъ особенныхъ родахъ дѣятельности и положенія древней гречанки. Къ этой задачѣ мы теперь и приступаемъ; мы начнемъ съ богинь, такъ какъ онѣ являются намъ въ томъ видѣ, какъ онѣ явились въ произведеніяхъ греческаго искусства.

Въ Алтисѣ, священной горѣ въ Олимпіи, заключавшей въ себѣ храмъ Зевса, находился также и храмъ Геры. Богиня была представлена сидящею на тронѣ, а владыка Олимпа стоялъ подлѣ нея. Рѣзьба и украшенія въ храмѣ богини, какъ и въ храмѣ Зевса, блистали роскошью: здѣсь не было ничего кромѣ золота и слоновой кости. Шестнадцать женщинъ знатнаго происхожденія, избранныхъ изъ числа восьми елейскихъ трибъ, занимались приготовленіемъ по-

Улица въ Аѳинахъ.

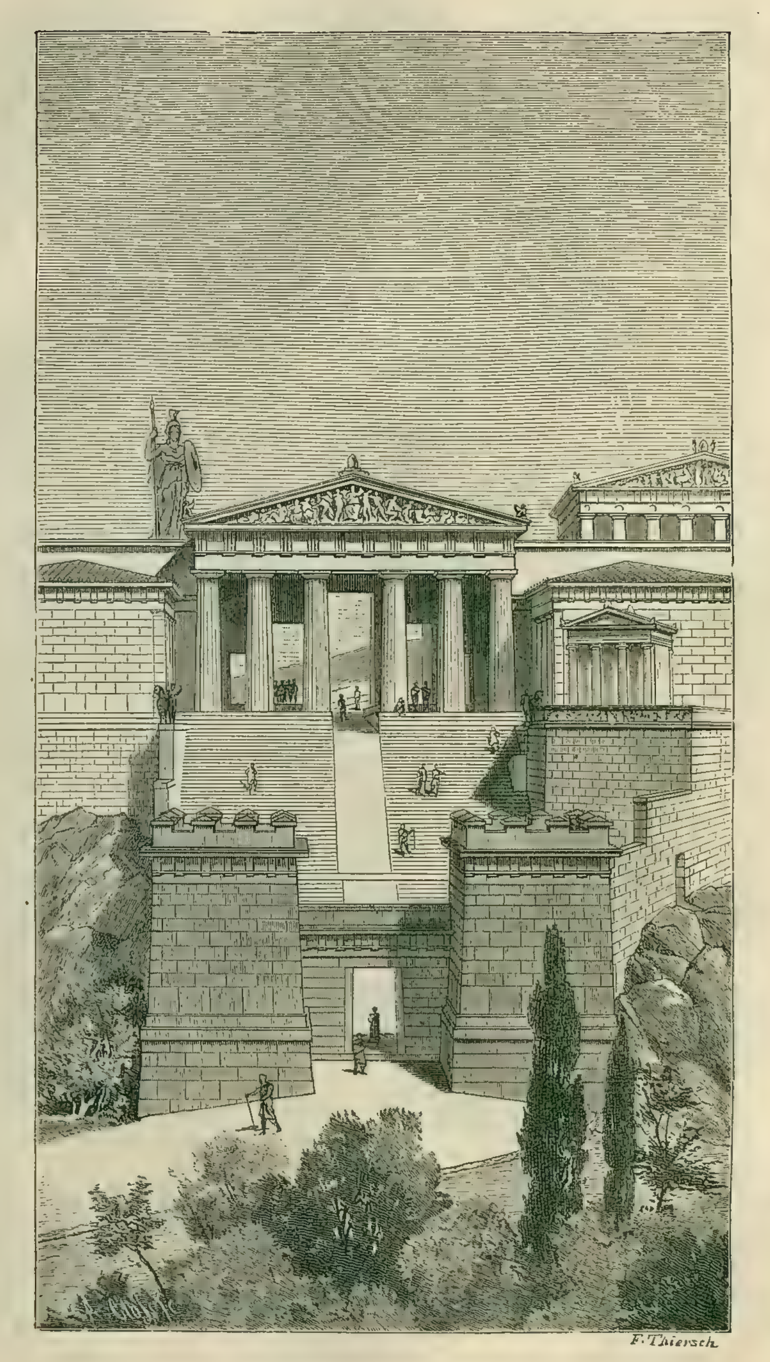
крывала, которое приносилось Герѣ черезъ каждыя пять лѣтъ. На праздникѣ богини онѣ шли впереди процессіи, управляя двумя хорами, которые распѣвали гимны въ честь царицы небесъ. Онѣ были также предсѣдательницами на устроенныхъ въ честь ея играхъ: игры, какъ извѣстно, отправлялись молодыми дѣвушками, которыя съ распущенными волосами, снявъ платье и обнаживъ правое плечо, состязались между собою въ бѣгѣ на олимпійскомъ ристалищѣ. Онѣ раздѣлялись сообразно возрасту на три группы: самыя младшія открывали бѣгъ, а послѣдними состязались старшія. Побѣдительницы получали вмѣстѣ съ масляничнымъ вѣнкомъ, порцію мяса отъ принесенной въ жертву коровы, и имѣли право выставлять свои портреты въ храмѣ богини.

Игры, на которыхъ предсѣдательствовали элеянки, представляли въ сжатомъ объемѣ состязанія олимпійскихъ игръ, тѣхъ игръ, на которыхъ чествованіе олимпійскаго Зевса соединяло между собою каждые четыре года всѣ эллинскія племена, и сближало ихъ частные культы, тѣхъ игръ, на которыхъ греки соперничали въ красотѣ, ловкости и отвагѣ.

Замужнія женщины не имѣли права не только принимать участія, но даже присутствовать при элейскихъ состязаніяхъ дѣвицъ. Женщина, которая осмѣлилась бы перейти черезъ Алфей во время этихъ празднествъ, была бы немедленно свергнута съ высоты Типеума. Одна женщина едва не сдѣлалась жертвою строгости этого закона. Это была Ференика, дочь Діагора, того знаменитаго атлета, котораго побѣды воспѣлъ Пиндаръ въ одной изъ самыхъ знаменитыхъ своихъ одъ. Вдова и мать Ференика желала видѣть состязаніе своего сына въ бѣгѣ. Она уже заняла мѣсто между зрителями, когда судьи увидѣвъ ее воскликнули: «что ты тамъ дѣлаешь? твой полъ запрещаетъ тебѣ проникать въ этотъ кругъ». «Моя слава открываетъ его для меня, отвѣчала женщина съ благородною гордостью: дочь и сестра побѣдителей на олимпійскихъ играхъ, я имѣла честь послать туда моего сына».

Обычаи дорянъ, предоставлявшихъ дѣвушкѣ гораздо больше свободы, чѣмъ замужней женщинѣ, позволяли молодымъ дѣвицамъ присутствовать на олимпійскихъ играхъ. Имъ предоставлялось даже право состязанія на играхъ въ бѣгѣ; но позволеніе это, по всей вѣроятности, ограничивалось правомъ бѣга на колесницахъ.

Въ священномъ лѣсу между статуями побѣдителей находилась группа Цинпски, сестры спартанскаго царя Агезилая, которая была представлена на колесницѣ, управляемой оруженосцемъ. Въ этомъ же самомъ мѣстѣ находились надписи въ честь лакедемонской царевны. Циниска была первая женщина, явившаяся, по внушенію своего царственнаго брата, соискательницей преміи на олимпійскихъ играхъ. Циниска получила въ награду вѣнокъ, назначенный для побѣдителей, скромную вѣточку дикой оливы въ рощѣ Ялтисѣ,

Пропилеи въ Аѳинахъ.

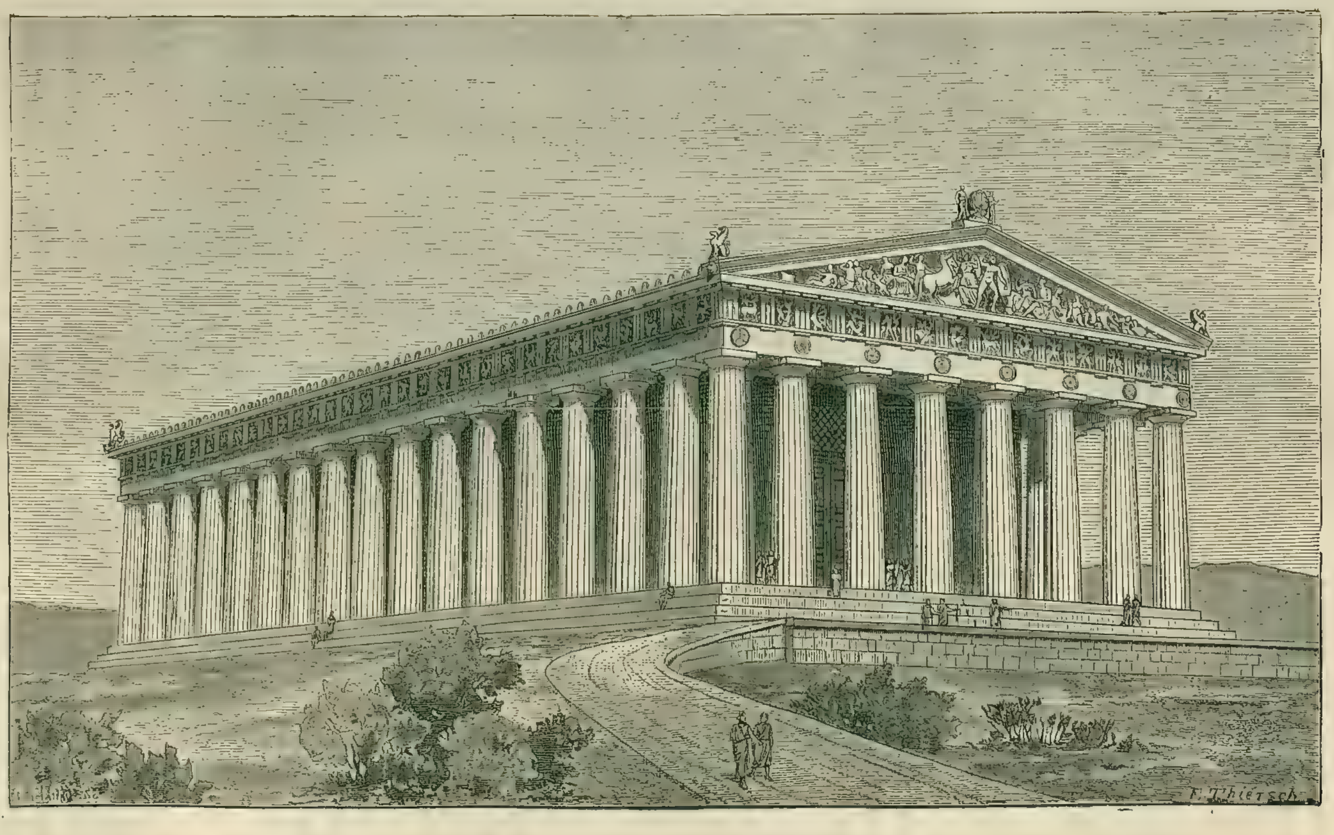
которая въ глазахъ эллина была завиднѣе царскаго вѣнца. Павзаній нигдѣ не упоминаетъ, чтобы у спартанцевъ поэты воспѣвали царей; но онъ свидѣтельствуетъ, что сестра Агезилая была предметомъ пѣснопѣній. Въ самой Спартѣ героинѣ воздвигнутъ былъ памятникъ. Женщина, которой имя такимъ образомъ было спасено отъ забвенія, принесла въ даръ олимпійскому Зевсу бронзовыхъ коней въ натуральную величину. Другія женщины также послѣдовали примѣру Цинискп. Соотечественница ея Эврилеонисъ получила награду на олимпійскихъ играхъ и статую въ Спартѣ. Македонянки особенно часто одерживали побѣды на эллинскихъ состязаніяхъ.

Въ Олимпіи культъ Геры былъ отодвинутъ на задній планъ богослуженіемъ Зевса. Иначе было въ Самосѣ и Аргосѣ, гдѣ находилось два святилища богини.

Островъ Самосъ, одна изъ колоній, возникшихъ вслѣдствіе переселенія дорянъ, которые, вытѣснивъ народы Пелепонеса, принудили многихъ изъ нихъ перенести свою дѣятельность на острова Архипелага и берега малой Азіи. Самосъ—родина богини; здѣсь же находился и самый знаменитый ея храмъ. Храмъ воздвигнутъ былъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она родилась. Здѣсь совершалось одно изъ самыхъ торжественныхъ въ честь ея празднествъ: это было празднество женщинъ по преимуществу. На этомъ праздникѣ молодыя дѣвушки и женщины, украшенныя браслетами и съ діадемами на головахъ занимали въ процессіи мѣста впереди воиновъ. Въ день этого великаго торжества въ честь богини, идеальной представительницы своего пола, женщина являлась царицей, и самые герои должны были уступать свое мѣсто дѣвушкѣ, супругѣ. Мужчины благоговѣйно снимаютъ вооруженіе при входѣ во храмъ. И они обязаны участвовать въ служеніи супругѣ «отца боговъ и людей». Если владыка вселенной, Зевсъ—покровитель замужнихъ женщинъ, то богиня брака Гера—покровительствуетъ мужчинъ. Самосскій храмъ былъ самый обширный изъ всѣхъ извѣстныхъ во времена Геродота, и его богатства соотвѣтствовали его обширности. Треножники, вазы, зеркала, всѣ эти предметы, сдѣланные изъ золота и серебра, украшали жертвенникъ; статуи и мѣдные сосуды, картины, украшавшія стѣны храма, все это, взятое вмѣстѣ, дѣлало изъ этого святилища богини чудо Самоса.

Но не здѣсь, не въ этомъ храмѣ, можемъ мы встрѣтить Геру Гомера. Грубо обтесанная небольшая балка, служившая первоначально кумиромъ богини, смѣнилась статуей, доказывающей стремленіе культуры—придать богинѣ болѣе человѣческія формы.

Мы видѣли святилище, органъ, такъ сказать, культа верховной богини эллиновъ—ея самосскій храмъ. Аргоя, по другимъ преданіямъ, былъ также колыбелью супруги Зевса. У подошвы горы Эвбеи мы видимъ зданіе, воздвигнутое въ честь царицы небесъ.

Пареенонъ во время Перикла.

Передъ зданіемъ возвышаются статуи женщинъ и героевъ. Женщины эти — служительницы храма. Жрица Геры была, кажется, верховною жрицею города. Она приносила богинѣ таинственныя жертвы. На празднествѣ Геры, когда молодые аргивяне, покрытые блестящимъ вооруженіемъ, которое они должны сложить съ себя, прежде чѣмъ приступятъ къ жертвеннику, сопровождаютъ гекатомбу, направляющуюся къ храму—жрица ѣдетъ позади процессіи на колесницѣ, запряженной бѣлыми быками. Верховной жрицѣ Геры еще при жизни воздвигали статую, на которой, по смерти ея, начертывалось ея имя и сообщалось—сколько именно времени провела она въ священномъ служеніи. Ниже колоннъ храма находились скульптурныя изображенія—на одной сторонѣ рожденія Зевса и борьбы титановъ съ богами, а на другой—троянская война и побѣдоносное вступленіе грековъ въ Иліонъ. Послѣдній сюжетъ представлялъ очевидно богатый матеріалъ для прославленія Геры—той богини, которой греки обязаны были главнымъ образомъ успѣхомъ противъ Трои.

Но, вотъ передъ нами внутренность святилища. Колоссальная статуя царицы небесъ изъ золота и слоновой кости покоится на золотомъ тронѣ. На ея діадемѣ блистаютъ граціи. Въ одной рукѣ она держитъ гранату, а въ другой—скипетръ. Ея плащъ украшенъ гирляндами изъ виноградныхъ вѣтвей, а подъ ногами ея простирается львиная кожа. Величественная красота этой статуи свидѣтельствуетъ о вѣкѣ Перикла. Это—произведеніе соперника Фидія Поликлета, для котораго источникомъ вдохновенія также безъ сомнѣнія служила Иліада. Но художникъ представилъ въ этой статуѣ не гнѣвную супругу Зевса: это верховное могущество, воплощенное въ образѣ женщины. Какъ во времена Агамемнона владычица неба царствуетъ въ Аргосѣ; но этотъ городъ потерялъ уже то первенствующее значеніе, которое приписывается ему въ Иліадѣ: это первенство, принадлежавшее нѣкоторое время Спартѣ, перешло теперь къ другому городу. Аѳины сдѣлались сердцемъ, головою, рукою Греціи. Аѳины—просвѣщаютъ, оживляютъ, охраняютъ, наконецъ—порабощаютъ Грецію. И это понятно, покровительница Аѳинъ—Паллада-Аѳина, богиня мудрости, одушевляющая народъ воинственнымъ духомъ и сообщающая характеръ благородства всѣмъ его дѣйствіямъ.

Аѳинскій акрополь (крѣпость) былъ центромъ культа богини, которой имя было также именемъ города. Акрополь это—собственно городъ, древнѣйшая его часть. Съ расширеніемъ столицы, когда ея улицы заняли равнину, Акрополь сдѣлался исключительно святилищемъ боговъ, правильнѣе—святилищемъ богини. Въ этой части города, гдѣ возвышались храмы Паллады-Аѳины находились также статуи великихъ людей, которыхъ вдохновляла богиня мужества и мудрости.

Венера Милосская.

Широкая лѣстница, высѣченная въ скалѣ и покрытая пентеликійскимъ мраморомъ ведетъ въ цитадель. На обширной площадкѣ, прерывающей ступени лѣстницы, находятся пропилеи — величественное мраморное сооруженіе, которое образуетъ входъ въ Акрополь и котораго лѣвое крыло представляетъ коллекцію живописныхъ изображеній. Между этими картинами особенное вниманіе обращаютъ на себя двѣ. Одна представляетъ намъ Діомеда, уносящаго изъ Иліона Палладіумъ, статую Паллады изъ оливковаго дерева, упавшую, по преданію, съ неба. Вторая, произведеніе кисти Полигнота, изображаетъ самую привлекательную изъ гомерическихъ героинь—Навзикаю, которую окружаютъ на берегу рѣки ея подруги и великій герой Греціи.

Впереди пропилей, направо, возвышается небольшой памятникъ іоническаго стиля, построенный вѣроятно ранѣе эпохи Перикла. Это—храмъ безкрылой богини побѣды. Со стороны храма побѣды открывается видъ моря... Саламинъ долженъ былъ самъ собою приходить на память каждому греку, которому дорогà была слава его родины.

Но вотъ колоссальная статуя Аѳины Промахосъ, побѣдительницы на мараѳонскихъ поляхъ, подвизавшейся за героевъ въ бою и одушевлявшей ихъ мужествомъ. Бронзовая статуя богини, произведеніе молодости Фидія, представляетъ колоссальные размѣры: высота ея восходитъ до восьмидесяти футовъ. Богиня одѣта въ длинный хитонъ и покрыта пеплосомъ. Она опирается на копье, которое держитъ въ поднятой вверхъ правой рукѣ; въ лѣвой—у нея щитъ. Гордая и спокойная она представляется неодолимою защитницею крѣпости и столицы.

Парѳенонъ, главное святилище дѣвственной богини—самое благородное выраженіе религіознаго чувства грековъ. Занимая самое высокое мѣсто Акрополя, Парѳенонъ утверждается на основаніи трехъ высокихъ ступеней. Это — обширный прямоугольный полихромъ, окруженный перистилемъ изъ сорока восьми дорическихъ колоннъ, изъ которыхъ восемь расположены по обѣимъ сторонамъ фасада. Посрединѣ фронтона мы видимъ изображеніе богини мудрости (барельефъ), выходящей во всеоружіи изъ головы Зевса. На главномъ фронтонѣ такимъ образомъ—исторія рожденія великой богини; на западной сторонѣ храма, зритель видитъ символическую исторію того, какъ верховная богиня мудрости сдѣлалась царицею Аттики. Она мчится на колесницѣ и божественная колесница вмѣстѣ съ богиней привозитъ въ Аттику цивилизацію. Внутренность перистиля заключаетъ въ себѣ выраженіе признательности аѳинянъ къ ихъ великой покровительницѣ. Здѣсь мы можемъ познакомиться съ самымъ торжественнымъ праздпествомъ аѳинянъ — панаѳенеями. Празднество это, совершалось ежегодно въ мѣсяцѣ гекатомбеонѣ, въ лѣтнее солнцестояніе, но черезъ каждые

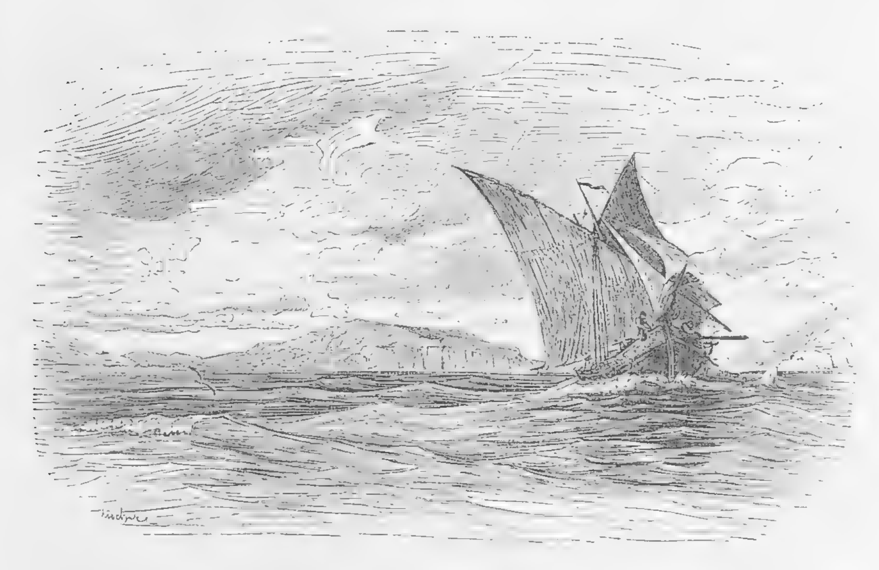
Греческія женщины за домашними работами.

пять лѣтъ оно праздновалось съ особенною торжественностью, и тогда праздникъ получалъ названіе великаго панаѳейскаго праздника. Соединеніе бѣга лошадей и колесницъ, гимнастическихъ игръ, состязаній въ музыкѣ и поэзіи—таковы были составныя части празднованія великихъ и малыхъ панаѳенеевъ. Но что придавало особенный блескъ великимъ панаѳенеямъ, это торжественное несеніе пеплоса богини, который приготовляли для ея статуи аѳинскія дѣвицы. Прибывъ въ Элевзисъ, кортежъ, сопровождаемый поставленнымъ на колеса кораблемъ, для котораго пеплосъ служилъ покрываломъ и который тащили матросы, направлялся къ Акрополю. Достигнувъ храма Апполона пиѳійскаго, покровъ, назначенный для богини, отвязывали, и процессія, входя въ крѣпость, вносила пеплосъ въ храмъ Аѳины.

Для насъ сохранилась картина великихъ панаѳенеевъ на фризѣ Парѳенона, которая, хотя воспроизводитъ предметъ въ извѣстной степени свободно, но, во всякомъ случаѣ даетъ намъ понятіе объ общей идеѣ праздника. Надъ входомъ въ срединѣ изображенія помѣщаются приготовленія къ празднеству. Налѣво приближаются, одна за другою, двѣ молодыя дѣвушки, несущія на головахъ корзины, заключающія въ себѣ разнаго рода таинственные предметы. Великая жрица одною рукою снимаетъ ношу съ головы первой дѣвушки, а другая передаетъ или получаетъ отъ нея какое-то веретено или перстень. Направо одинъ изъ Періэргидовъ — фамилія, которая пользовалась привилегіею облачать статую богини—складываетъ съ помощью дитяти прежній пеплосъ палладіума. Направо и налѣво отъ этихъ сценъ, двѣнадцать сидящихъ и два стоящихъ божества провожаютъ глазами процессію... Аѳиняне, принимавшіе участіе въ этомъ торжествѣ должны были быть одѣты въ бѣлое, а иностранцы въ красное платье. Высокопоставленныя лица — жрецы и начальники города, открываютъ процессію, и ведутъ между собою бесѣду, не замѣчая присутствія безсмертныхъ. Двое изъ нихъ, изъ которыхъ одинъ держитъ свертокъ, обращаются къ кортежамъ молодыхъ аѳинянъ, и дѣлаютъ имъ какія-то указанія, которыя тѣ принимаютъ почтительно и скромно. Опустивъ внизъ глаза приближаются прекрасныя и дѣвственныя аѳинянки, стыдливо закутавшись въ свои длинные хитоны и пеплосы—одна съ канделябрами, другая съ корзиной; остальныя держатъ сосуды съ приношеніями. Дочери метиковъ или иностранцевъ, получившихъ въ Аѳинахъ права гражданства, сопровождаютъ также процессію; но такъ какъ это торжество чисто національное, то иностранцы играютъ здѣсь нѣсколько даже унизительную роль, что выражается въ тѣхъ эмблемахъ рабства, которыя они несутъ. Молодые люди и жертвоприносители, состоящіе подъ начальствомъ распорядителей празднества, сопровождаютъ быковъ, которыхъ прислали аттическія колоніи. Престарѣлые таллофоры идутъ

въ процессiи, имѣя въ рукахъ вѣтви оливы. Метики идутъ на другой сторонѣ фриза, и кажутся обремененными тяжестью сосудовъ и мѣховъ, содержащихъ въ себѣ священное масло, извѣстное количество котораго долженъ будетъ получить каждый побѣдитель на панаѳинейскихъ играхъ вмѣстѣ съ масличною вѣтвью. За метиками слѣдуютъ музыканты: одни изъ нихъ играютъ на флейтѣ, другіе на лирѣ, третьи кажется рецитируютъ стихи Гомера, относящіеся къ Палладѣ-Аѳинѣ. Въ концѣ кортежа художникъ помѣстилъ колесницы и блестящихъ наѣздниковъ, которые должны состязаться на панаѳинейскомъ праздникѣ.

На этомъ праздникѣ приносили молитвы за аѳинскую республику и ея вѣрную союзницу на мараѳонскомъ полѣ — Платею.

Итака.

Если гражданинъ ознаменовалъ себя какимъ нибудь особенно полезнымъ дѣломъ на службу отечеству, то во время совершенія панаѳиней его увѣнчивали за заслуги. И не одно благочестіе, не одинъ патріотизмъ, характеризовалъ великое національное торжество аѳинской республики, съ нимъ соединялись также дѣла благотворительности. Впродолженіе панаѳинейскаго праздника рабы были свободны; мясо жертвенныхъ животныхъ, закланныхъ во время жертвоприношеній на праздникѣ, раздѣлялось народу.

Но вотъ мы входимъ внутрь святилища. Вниманіе наше прежде всего останавливаетъ колоссальная статуя Аѳины, высотою около сорока семи футовъ. Самая статуя сдѣлана изъ слоновой кости, а драпировка ея изъ золота. Аѳина представлена въ стоячемъ положеніи. На хитонѣ ея блистаетъ эгида, среди которой виднѣется го-

лова Медузы. Ея каска оканчивается на верху сфинксомъ,—символомъ божественной проницательности; на той и на другой сторонѣ находится грифъ—миѳическое существо съ туловищемъ льва и хвостомъ и крыльями орла. Это — символъ верховной мудрости богини, величія ея божественнаго ума.

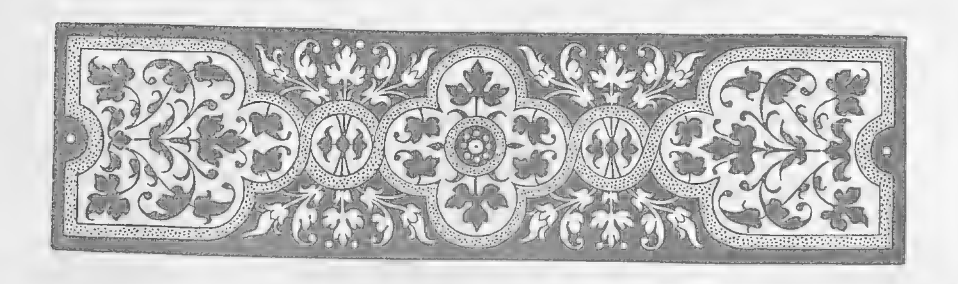
Въ одной рукѣ богиня держитъ побѣду, въ другой — копье. У ногъ Аѳины находится щитъ, на внутренней сторонѣ котораго изображена борьба титановъ съ богами, а на наружной—битва аѳинянъ съ амазонками. Любопытенъ анекдотъ, относящійся къ исторіи этого щита. Аѳиняне, гордясь произведеніемъ Фидія, хотѣли всецѣло усвоить его себѣ, и въ этихъ видахъ запретили художнику обозначать на этомъ произведеніи свое имя. Художникъ отвѣчалъ на это запрещеніе тѣмъ, что помѣстилъ между аѳинскими воинами изображеніе своей собственной личности. Заканчивая характеристику статуи Фидиаса, мы прибавимъ только, что во всѣхъ чертахъ богини господствуетъ строгая спокойная красота. Какое глубокое благоговѣніе должно было внушать аѳинянамъ такое высокое произведеніе искусства, предметомъ котораго было ихъ національное родное имъ божество!

Другой храмъ, причислявшійся обыкновенно къ чудесамъ міра былъ воздвигнутъ въ честь Артемиды (Діаны) въ городѣ Ефесѣ. Всѣ города малой Азіи принимали участіе въ его построеніи, при которомъ художникъ Херзифронъ впервые опредѣлилъ правила іоническаго ордена. Послѣ пожара, истребившаго это дивное произведеніе искусства, храмъ былъ отстроенъ снова; но на этотъ разъ жители Ефеса заявили желаніе, чтобы онъ былъ возобновленъ исключительно на ихъ счетъ, а женщины ефесскія принесли въ даръ святилищу всѣ свои драгоцѣнности.

Изображеніе богини, находящееся въ этомъ святилищѣ, представляетъ еще вполнѣ первобытную форму. Но настоящимъ идеаломъ Артемиды, по крайней мѣрѣ такимъ, какимъ представляетъ его наша фантазія, служитъ несравненная дорическая Diane á la Biche. Судя по положенію тѣла богини мы должны думать, что она мчится быстрой и спокойной рысью съ горы. Ея короткая спартанская туника, ея подвязанный поясомъ плащъ, прекрасно обрисовываютъ ея гибкую высокую талію. Руки и ноги, совершенно обнаженныя, показываютъ силу и гибкость ея членовъ. Ноги украшены изящными сандаліями, а формы статуи, запечатлѣнныя характеромъ силы, показываютъ, что мы видимъ передъ собою богиню - охотницу.

Дмитрій Лебедевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ТОРКВАТО ТАССО И ЕГО ВѢКЪ [1].

IV.

«Освобожденный Іерусалимъ», самое замѣчательное изъ произведеній Тассо, пользуется широкой извѣстностью; эта поэма переведена не только на всѣ европейскіе языки, но и на нѣкоторые азіатскіе: существуютъ арабскій, турецкій и, говорятъ, даже китайскій переводы. Не менѣе популярна и личность поэта: его судьбой интересовались не только ученые различныхъ націй, но и весьма многіе изъ великихъ поэтовъ. Шлегель и Кинэ, Фойгтъ и Фосколо останавливали на немъ свое вниманіе; его судьбѣ посвящены нѣкоторыя стихотворенія Леопарди и Байрона; Гете сдѣлалъ его жизнь сюжетомъ драмы. Дѣйствительно, Тассо интересенъ не только какъ поэтъ; его судьба полна драматизма, контрастъ между его идеалами и стремленіями съ одной стороны, дѣйствительностью и общественнымъ положеніемъ съ другой производитъ трагическое впечатлѣніе. Личность Тассо интересна и въ историческомъ отношеніи: по своей умственной и общественной жизни онъ служитъ наилучшимъ представителемъ культурнаго движенія въ XVI вѣкѣ въ Италіи.

Драматизмъ, заключавшійся въ характерѣ и положеніи Тассо, не чуждъ былъ и самому умственному движенію этой эпохи. Контрасты между средневѣковымъ и вновь вызваннымъ къ жизни классическимъ міросозерцаніемъ становились все глубже и глубже,

---

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XIII, стр. 187—203.

на историческую сцену только-что выступила новая сила, реформаціонное движеніе, которое, проникнувъ въ Италію, усложняло разладъ; подъ его вліяніемъ голоса представителей старой церкви, уже давно требовавшіе реформъ, усилились; съ другой стороны, гуманизъ углублялся: крайности и увлеченія оставлены, но лежащій въ его основаніи духъ изслѣдованія и критики существующаго усилился. Чекки въ немногихъ словахъ даетъ яркую картину эпохи. «Въ XVI столѣтіи теряются мало-по-малу избранные умы, украшеніе искусствъ и наукъ, литературы и политики. Въ Италіи наступаетъ чужеземное господство и вмѣстѣ съ нимъ чуждые нравы и обычаи, повсюду обнаруживается начало общаго упадка, но итальянская мысль крѣпнетъ подъ ударами несчастія. Макіавелли съ исторіей въ рукахъ старается изслѣдовать причины бѣдствій, отвергая правила господствующей политики, онъ доказываетъ необходимость сосредоточенія всѣхъ силъ въ національной идеѣ и съ помощію политической науки устанавливаетъ законы, по которымъ развиваются народы и націи. Философія перестаетъ быть только литературнымъ досугомъ: вопросъ о свободной волѣ отнимаетъ сонъ у Піетро Помпонаци; Кампанелла, непоколебимо претерпѣвъ сорокачасовую пытку, укрѣпляется истинною своего ученія; Джіордано Бруно послѣ многодневнаго размышленія предпочитаетъ костеръ отреченію; Галилей соглашается скорѣе подвергнуться процессу и пыткѣ, нежели объявить свою аксіому гипотезой... Такимъ образомъ многіе жертвуютъ своимъ временемъ и жизнью за свободу мысли, тогда какъ большая часть сгораетъ жаждою чувственныхъ наслажденій. Въ виду столь значительныхъ фактовъ, приверженцы прошлаго вооружаются на бой, однако побѣда не на ихъ сторонѣ: они принуждены уступить болѣе могущественной силѣ. Римъ, введя инквизицію для подавленія свободы слова и совѣсти, справедливыми упреками приведенъ въ безпокойство и старается исправить свое поведеніе. Рядъ папъ, заслуживающихъ всякой похвалы чистотою своего характера и достоинствомъ ученія, принимаетъ на себя эту тяжелую задачу; однако успокоить возростающее со дня на день столкновеніе, оказалось невозможнымъ. Община вѣрующихъ распадается; церковь и реформа вступаютъ между собою въ борьбу, между тѣмъ какъ свобода мысли, развиваясь собственною силою, вызываетъ разъединеніе и споры между старымъ и новымъ духовенствомъ и разрываетъ замкнутые ряды протестантовъ. Въ философіи разумъ начинаетъ нападать на вѣру и низвергать съ недьестала всякій авторитетъ. Кто не можетъ освободиться отъ Платона и Аристотеля, тотъ излагаетъ ихъ на свой ладъ; иные бѣгутъ отъ ихъ имени или смотрятъ на нихъ съ презрѣніемъ; одинъ продаетъ старый хламъ за новые товары, другой придаетъ только античную окраску своимъ идеямъ. Въ поведеніи людей тоже противорѣчіе: великіе папы въ порывѣ страстей безчестятъ себя гру-

бымъ звѣрствомъ; талантливые князья пускаются на смѣшныя, дѣтскія продѣлки; смѣлые философы предаются фривольнымъ забавамъ. Въ такомъ комфликтѣ развиваются лучшіе характеры, пробуждается самосознаніе. Мышленіе не выноситъ болѣе никакой узды, не можетъ признать никакихъ границъ, ни на землѣ, ни на небѣ. Истина безконечна, кто не можетъ воспрепятствовать разуму изслѣдовать ее такъ, какъ кажется ему наиболѣе цѣлесообразнымъ? Кто имѣетъ право въ угоду догмамъ или теоріямъ ломать истину? Съ какимъ удивленіемъ смотрятъ люди, привыкшіе пригонять истину къ Прокустову ложу авторитета, на безконечное небо Галилея; они чувствуютъ, что совѣсть преступила всѣ преграды и стремится къ Богу! Самыя смѣлыя пугаются величія внутренняго развитія; душа воспитанная въ тѣсныхъ школьныхъ комнатахъ, должна бороться, чтобы стряхнуть съ себя старыя привычки; рѣшительно стремится она къ абсолютной свободѣ мысли, какъ къ праву, неразрывно связанному съ нравственнымъ сознаніемъ. Ничто не можетъ быть священнѣе этого права, ни вѣра, ни жизнь» (6—8).

Въ такую эпоху родился (11 марта 1544 года) и жилъ Тассо. Его отецъ Бернардо Тассо провелъ большую часть жизни при различныхъ дворахъ, то въ качествѣ совѣтника государя, то въ дипломатической службѣ, посвящая свои досуги литературнымъ занятіямъ. Но его честный, неподкупный характеръ, не позволявшій ему ни рекомендовать князьямъ политику Макіавелли, ни самому ею руководствоваться, не доставилъ ему богатства и почестей: значительную часть своей жизни онъ провелъ бѣднымъ изгнанникомъ, въ разлукѣ съ семьей. Торквато было 8 лѣтъ, когда отца его постигло это несчастіе; онъ остался на рукахъ матери, которая и руководила его воспитаніемъ. Мальчикъ отличался необыкновенными способностями, четырехъ лѣтъ онъ изучалъ грамматику, а семи считался лучшимъ риторомъ іезуитской школы въ Неаполѣ, гдѣ учился также и классическимъ языкамъ. Іезуитская школа не осталась безъ вліянія на характеръ Тассо: въ ней впервые встрѣтился онъ съ внѣшними препятствіями, мѣшавшими развитію его внутреннихъ силъ; впервые здѣсь было затронуто его самолюбіе, сдѣлавшееся впослѣдствіи крайне болѣзненнымъ. Его любознательность, усердно поощряемая матерью, въ школѣ не только не находила удовлетворенія, но и не встрѣчала сочувствія, такъ какъ воспитательнымъ методомъ іезуитовъ была суровая дисциплина, имѣвшая цѣлью убить всякій критицизмъ; педагоги старались внушить ученику недовѣріе къ собственнымъ силамъ, чтобы тѣмъ сдѣлать его болѣе послушнымъ авторитету. Религіознымъ чувствомъ, которое внушила ему мать, іезуиты воспользовались для развитія въ немъ особеннаго самолюбія: въ видѣ исключенія, онъ еще ребенкомъ былъ допущенъ къ причащенію, что привлекло общее вниманіе. Тассо самъ разказывалъ впослѣдствіи свои впечатлѣнія отъ этого торжества. Хотя зна-

ченія происходившаго вокругъ него онъ еще не понималъ, однако первое таинство подѣйствовало на него весьма сильно. «Это льстило моему самолюбію, говоритъ онъ, и я палъ на колѣни, проникнутый неяснымъ для меня удивленіемъ къ новому, необыкновенному таинству» (40).

Послѣ смерти матери, Тарквато переселился вмѣстѣ съ возвращеннымъ изъ ссылки отцемъ въ Римъ и продолжалъ подъ его руководствомъ изучать Гомера и Виргилія. Вліяніе отца, проникнутаго уваженіемъ къ наукѣ и древности, парализовало на время слѣды іезуитской школы: онъ одобрялъ страсть сына къ научнымъ занятіямъ и старался изгладить въ немъ наружную религіозность; «церковь, по его словамъ, это убѣжище слабыхъ душъ, которыя неспособны заниматься науками» (50). Знакомство съ придворной жизнью, которая произвела на Торквато чрезвычайно сильное впечатлѣніе, убѣдило его окончательно въ справедливости словъ отца: Тассо рѣшилъ, что ко двору, а не въ монастырь долженъ стремиться ученый, желающій достигнуть славы и пользоваться ея плодами. Онъ прибылъ впервые ко двору Гвидобальда Урбинскаго 13 лѣтъ, и блескъ этого государя на столько ослѣпилъ мальчика, что онъ только послѣ цѣлаго ряда горькихъ опытовъ пересталъ считать княжескій дворецъ единственнымъ мѣстомъ, возможнымъ для существованія поэта и философа...

Въ Урбинѣ господствовали обычаи XIV и XV вѣка; здѣсь собирали всѣ выдающіяся произведенія науки и искусства; при дворѣ толпились знаменитости ученаго и художественнаго міра; бесѣды и удовольствія блистали ученостью и остроуміемъ—на всемъ лежалъ классическій отпечатокъ. Но характеръ времени нѣсколько измѣнился: въ придворной жизни появились новые элементы, которые не играли роли въ предшествующую эпоху и плохо ладили съ гуманическимъ язычествомъ. «Усердно занимались, пишетъ Чекки, гимнастикой, военными упражненіями, математикой и стратегіей; на обѣдахъ и въ общественныхъ собраніяхъ читали творенія святыхъ отцевъ и Тита Ливія, занимались философскими диспутами, благочестивыми упражненіями и пѣніемъ любовныхъ пѣсенъ» (53). Тассо воспламенился желаніемъ сдѣлаться настоящимъ придворнымъ кавалеромъ и ревностно началъ упражняться во всѣхъ нужныхъ для этого наукахъ и искусствахъ. Руководителемъ его въ этомъ дѣлѣ былъ Федериго Командино, истинный ученый и философъ, жаркій поклонникъ древности; но чуждый недостатковъ предшествующихъ гуманистовъ, Командино не могъ преподать своему воспитаннику правилъ, необходимыхъ для жизни при дворѣ. Онъ исключительно былъ занятъ философскимъ размышленіемъ о законахъ вселенной и вовсе не думалъ о личной выгодѣ. «Наука была идеаломъ этого человѣка, говоритъ Чекки: онъ слышитъ и видитъ только ее, говоритъ только о ней и представляетъ ее соз-

дательницей и убѣжищемъ блаженства» (56). Тассо, съ интересомъ занимаясь наукой, не раздѣлялъ убѣжденій своего наставника; поэзія дѣлила его симпатіи съ наукой, а честолюбіе влекло его къ придворной жизни. Въ Урбино происходили горячіе споры о преимуществахъ классической и романтической поэзіи: одни восторгались только Гомеромъ и Виргиліемъ, другіе—исключительно Аріосто. Будучи пока безмолвнымъ слушателемъ, Тассо находилъ прелесть въ обоихъ направленіяхъ и считалъ возможнымъ примирить ихъ; съ такою цѣлью онъ задумалъ Ринальдо. Въ этомъ произведеніи на сцену появляются дамы и рыцари; герой поэмы—идеалъ придворнаго, какъ онъ носился въ воображеніи поэта; это не классическій герой и не средневѣковой рыцарь, богатый фантастическими приключеніями; два стимула руководятъ его дѣятельностью — честолюбіе и любовь къ дамѣ; добродѣтель награждается бракомъ съ возлюбленной. Но, не смотря на новизны, поэма носитъ слѣды сильнаго классическаго вліянія: весь матеріалъ заимствованъ изъ классическихъ авторовъ; окраска и образы взяты у Виргилія, встрѣчаются даже цѣлые стихи изъ Энеиды; въ отдѣльныхъ эпизодахъ видно вліяніе Ливія—словомъ древность владѣетъ еще душой Тассо.

Между тѣмъ годы ученія молодого поэта продолжались, хотя его способности и успѣхи доставили уже извѣстность его имени. Будучи избранъ секретаремъ венеціанской академіи, онъ оставилъ урбинскій дворъ и переселился въ Венецію. Члены академіи приняли его съ большимъ радушіемъ и не только допускали до участія въ диспутахъ, но съ интересомъ выслушивали его мнѣнія; его голосъ началъ пріобрѣтать вѣсъ; многіе уже видѣли въ немъ «задатки великаго человѣка». Но успѣхъ не ослѣплялъ Тассо: онъ продолжалъ изучать классиковъ и вполнѣ освоился съ Аристотелемъ, Платономъ и ихъ толкователями, въ то же время самъ началъ писать комментаріи къ «Божественной комедіи» съ исторической и критико-эстетической точки зрѣнія. Такимъ образомъ идеалы Тассо опредѣлялись, его вкусы и наклонности выяснялись: въ области духовной жизни онъ стремился къ примиренію древности съ средними вѣками; наилучшимъ общественнымъ положеніемъ онъ считалъ придворную жизнь ученаго и поэта. Но отецъ Тассо, на себѣ испытавшій всю тяжесть подобнаго положенія, желалъ доставить сыну болѣе прочную и спокойную дѣятельность; по его настояніямъ, Торквато поступилъ въ падуанскій университетъ для изученія юриспруденціи; но, изучая право, онъ не отдавалъ ему всего времени и всего интереса, продолжалъ заниматься поэзіей и философіей и принималъ живое участіе въ спорахъ объ этихъ предметахъ. Въ это время былъ изданъ Ринальдо, который имѣлъ большой успѣхъ среди ученыхъ; пріемъ книги рѣшилъ судьбу поэта: онъ оставилъ юриспруденцію и посвятилъ себя исключительно искусству и философіи. Кромѣ того, благодаря своему произведенію, Тассо получилъ

отъ кардинала Чези приглашеніе перейти въ болонскій университетъ, о процвѣтаніи котораго особенно заботился папа Пій IV. Здѣсь онъ занялъ положеніе не ученика-студента, а скорѣе равноправнаго товарища тамошнихъ ученыхъ, принималъ участіе въ ихъ философскихъ и литературныхъ спорахъ и не стѣснялся рѣзко выражать несогласіе съ ихъ воззрѣніями. Между тѣмъ Тассо продолжалъ изучать классиковъ и результаты этого изученія изложилъ въ «Разсужденіяхъ о героическомъ эпосѣ (Discorsi sul Poema eroico)», изданныхъ нѣсколько позже; въ то же время онъ для оправданія своихъ теорій задумалъ собственную поэму «Гоффредо». Но его успѣхи возбуждали зависть противниковъ, а сатирическія выходки вызвали со стороны ихъ преслѣдованія, результатомъ которыхъ было бѣгство Тассо въ Мантую, откуда онъ переходилъ отъ одного мецената къ другому, пока Гонзанга не пригласилъ его въ Падую, чтобы поставить во главѣ придворной академіи degli Eterei. Стѣсненный въ средствахъ къ существованію, Тассо принялъ приглашеніе и на новомъ мѣстѣ продолжалъ заниматься изученіемъ греческой философіи въ ея новѣйшихъ представителяхъ—Платонѣ и Аристотелѣ. Но однообразіе ученой жизни не удовлетворяло его; впечатлѣнія урбинскаго двора были слишкомъ живы въ поэтѣ, и онъ стремился къ почестямъ и славѣ, которую думалъ найти исключительно при дворѣ какого нибудь князя; поэтому какъ только было сдѣлано приглашеніе отъ лица Альфонса II Феррарскаго, Тассо точтасъ переселился къ его двору.

V.

Переѣздъ въ Феррару заключаетъ собою первый періодъ жизни Тассо, его «годы ученья». При дворѣ Альфонса II онъ прожилъ свои лучшіе дни, создалъ свое великое произведеніе; здѣсь же испыталъ онъ перемѣну счастья и положенія: изъ общаго любимца онъ сдѣлался предметомъ злобы придворныхъ и подвергся немилости и даже заключенію со стороны бывшаго покровителя. Тотъ Тассо, котораго считали первымъ поэтомъ, лучшимъ украшеніемъ двора, былъ объявленъ впослѣдствіи жалкимъ безумцемъ, котораго опасно держать на свободѣ; представитель науки и поэзіи, трактаты и поэмы котораго пользовались всеобщей извѣстностью въ Италіи, лишенъ меценатомъ свободы и необходимыхъ удобствъ—явленіе, совершенно невозможное въ XIV и XV столѣтіяхъ и весьма частое въ XVI вѣкѣ. Въ роли и положеніи гуманизма произошла значительная перемѣна: измѣнилось настроеніе общества съ одной стороны, и характеръ гуманистовъ съ другой. Альфонъ Феррарскій не похожъ на Альфонса Неаполитанскаго, а Тассо на Поджіо или Фильельеро.

Увлеченіе высшихъ слоевъ общества наукой и искусствомъ и почтительное покровительство ученымъ и художникамъ было въ XIV и XV вѣкѣ въ большинствѣ случаевъ вполнѣ искренне. Книги, картины и статуи служили не только предметомъ забавы, но и серьезнаго изученія. Научный интересъ при сравнительно спокойной политической жизни на время заслонилъ собою массу другихъ. Но итальянскія войны и реформаціонное движеніе вызвали къ жизни другіе интересы, и гуманисту пришлось поступиться своимъ мѣстомъ въ пользу воина и священника. Покровительство наукамъ и искусствамъ стало только традиціонною модою; занятія ими— однимъ изъ многихъ средствъ для развлеченія; ученые и поэты сравнялись съ обыкновенными придворными: ихъ прежняя самостоятельность и свобода мысли были утрачены. Безпрекословный авторитетъ имѣли только фавориты государей, хотя гуманисты все еще стремились къ придворной жизни. Превосходную иллюстрацію такой перемѣны представляетъ дворъ, гдѣ поселился Тассо. Феррара славилась своимъ меценатствомъ; при ея дворѣ жилъ Аріосто, ея князь покровительствовалъ Тассо и цѣлой толпѣ второстепенныхъ поэтовъ и художниковъ; но для Альфонса II поэзія и искусство были только одною изъ многихъ забавъ, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. «Цѣлаго года недоставало для задуманныхъ праздниковъ, говоритъ Чекки. Перемѣна временъ года давала поводъ измышлять новыя удовольствія: весною охотились на лисицъ и утокъ въ большомъ паркѣ; въ жаркое время отправлялись въ роскошную виллу Бельригуардо, гдѣ предавались различнаго рода удовольствіямъ, въ родѣ охоты, кавалькадъ, каруселей и концертовъ: осень проводили въ Мезолѣ, занимаясь рыбной ловлей на морѣ и охотою за кабанами; вечеръ посвящали театру, пѣнію и музыкѣ... Въ промежуткахъ занимались учеными и преимущественно философскими спорами. При всѣхъ этихъ удовольствіяхъ имѣли еще время ежедневно посѣщать церковную мессу и нѣсколько разъ въ день совершать домашнія молитвы» (85—86). Любовь къ славѣ, служившая самымъ сильнымъ побужденіемъ къ меценатству, не чужда Альфонсу, но онъ думаетъ скорѣе всего прославиться военными подвигами и репутаціей хорошаго государя; для этой цѣли онъ желаетъ войны и, при всей жестокости, старается казаться кроткимъ, справедливымъ и милостивымъ. Правда, онъ считаетъ не лишнимъ пригласить къ своему двору знаменитаго поэта или ученаго, но не приписываетъ этому большаго значенія; представитель науки и поэзіи не высоко цѣнится княземъ, который даритъ по 15,000 дукатовъ прислугѣ и отказываетъ въ новомъ платьѣ Тассо. О прежней свободѣ мысли теперь нельзя было и думать. Прежде покровительство Альфонса Неаполитанскаго позволяло Валлѣ громить папу, смѣяться надъ инквизиціей и свободно излагать свои философскія воззрѣнія, теперь Альфонсъ

Феррарскій заявляетъ, что онъ охотнѣе умретъ между зараженными чумою, нежели среди еретиковъ, и изгоняетъ за ересь свою мать, пользовавшуюся общей любовью и уваженіемъ въ Феррарѣ. Новыя потребности и новое общественное настроеніе измѣнило и характеръ гуманистовъ: при прежнемъ честолюбіи они сдѣлались разборчивѣе въ средствахъ для достиженія славы; къ своимъ дѣйствіямъ они начали относиться осмотрительнѣе; что признавали они нравственнымъ на словахъ, то становилось обязательнымъ для нихъ въ жизни. Ихъ убѣжденія стали глубже, и разъ признанная истина пріобрѣтала въ нихъ искреннихъ поборниковъ. Отсюда двоякій трагизмъ ихъ положенія. Съ одной стороны ихъ тяготило придворное положеніе, ложность котораго они сознавали и отъ котораго не могли отдѣлаться, съ другой, и главнымъ образомъ, ихъ не удовлетворялъ болѣе прежній индифферентизмъ и скептицизмъ, къ которому привели неудачныя попытки примиренія античной цивилизаціи съ средневѣковымъ католицизмомъ. Отсутствіе твердыхъ нравственныхъ началъ и опредѣленнаго религіознаго міросозерцанія сдѣлалось особенно невыносимымъ при возбужденіи религіознаго чувства, характеризующаго XVI столѣтіе. Представители умственной жизни въ Италіи раздѣляютъ чувства Лютера къ современному католицизму, но цѣлая масса препятствій не позволяютъ имъ сдѣлаться его послѣдователями. Характерно въ этомъ отношеніи показаніе Гуичардини, современника Тассо. «Никому такъ не противны, какъ мнѣ, говоритъ онъ, честолюбіе, жадность и распутство священниковъ; каждый изъ этихъ пороковъ и самъ по себѣ ненавистенъ, но каждый изъ нихъ и всѣ они вмѣстѣ менѣе всего приличны людямъ, которые причисляютъ себя къ сословію, непосредственно зависящему отъ Бога... Мое положеніе при многихъ папахъ вынуждало меня ради собственной выгоды желать ихъ величія, но безъ этого я любилъ бы Мартина Лютера, какъ самого себя, не для того, чтобы освободиться отъ законовъ, которые возлагаетъ на насъ христіанство, какъ оно обыкновенно понимается и объясняется, но чтобы видѣть поставленной въ надлежащія границы эту толпу негодяевъ, такъ, чтобы они принуждены были жить или безъ пороковъ, или безъ власти» [1]. Папство еще слишкомъ сильно съ Италіи; Лютеръ считается еретикомъ; его ученіе знаютъ мало и понимаютъ превратно. Кромѣ того, для Италіи не имѣетъ силы множество условій, содѣйствовавшихъ реформаціи на сѣверѣ; для гуманистовъ есть и особенныя причины нерасположенія къ Лютеру, какъ показываетъ это примѣръ Эразма. Поэтому они мечтаютъ о перерожденіи католицизма, но эти мечты и въ XVI вѣкѣ разбиваются о дѣйствительность.

[1]) Burckhardt, II; 336.

Тѣми же самыми недостатками страдалъ и Торквато Тассо. Мысль примирить древность съ результатами средневѣковой цивилизаціи явилась у него довольно рано. Сначала онъ попытался сдѣлать это въ области поэзіи, соглашая Аріосто съ Виргиліемъ, комментируя Данте съ точки зрѣнія Аристотеля. Въ это время существовалъ еще цѣлый рядъ людей, твердо державшихся формы гуманистическаго направленія, но утратившихъ его духъ. Это были своего рода схоластики, непризнававшіе иной поэзіи, кромѣ латинской, рабски подражавшіе древнимъ, заимствуя у нихъ нетолько языкъ, но и содержаніе. Тассо еще въ Болоньѣ боролся противъ такого направленія; онъ упрекалъ кардинала Чези, восторгавшагося посредственными итальянскими сонетами, за его отсталость, за презрѣніе къ родному языку. Его Discorsi sul Poema eroico имѣютъ цѣлью доказать необходимость иныхъ поэтическихъ произведеній, написанныхъ не въ подражаніе древнимъ, но въ духѣ ихъ. Онъ считаетъ возможной, кромѣ того, поэзію электическую. «Вѣдь, вы не отрицаете, говоритъ онъ противникамъ, совершенныхъ красотъ въ поэтическихъ произведеніяхъ и Гомера и Аріосто? Развѣ вы можете также утверждать, что эти поэты чужды недостатковъ? Итакъ избѣгнемъ этихъ недостатковъ и соединимъ красоты, тогда получимъ совершенное поэтическое произведеніе» (78). Въ «Освобожденномъ Іерусалимѣ» Тассо удалось до извѣстной степени достигнуть желанной цѣли; гораздо болѣе трудностей представляла та же задача примиренія противоположностей въ области философіи, религіи и морали. Въ древней философіи онъ пытался прежде всего согласить идеализмъ Платона съ эмпиризмомъ Аристотеля. По его мнѣнію, обѣ системы не есть нѣчто совершенно противоположное—это только стороны единаго духа, два проявленія мысли, которыя въ жизни тѣсно связаны между собою; только два пути одной дѣятельности. Ихъ взаимное отношеніе Тассо опредѣляетъ такимъ сравненіемъ: «когда человѣческій духъ не въ состояніи проникнуть въ глубь вопроса, то онъ, подобно пчелѣ, летаетъ, высасывая медъ, только по цвѣточнымъ вѣнчикамъ и предоставляетъ фантазіи создавать свои образныя представленія и придавать имъ подъ руководствомъ разума болѣе или менѣе реальную окраску» (77). Итакъ, древняя философія представляетъ собою результатъ всей дѣятельности человѣческаго духа, въ какомъ же отношеніи къ ней должна стоять религія и мораль? Этотъ вопросъ былъ крайне важенъ для Тассо. Его дѣтская, наивная вѣра, выражавшаяся въ безсознательномъ благоговѣніи передъ церковью и ея обрядами, пошатнулась уже подъ вліяніемъ отца; философскіе диспуты въ Падуѣ и Болоньѣ еще болѣе усилили колебанія. Чисто внѣшнее примиреніе языческихъ и христіанскихъ авторитетовъ для него немыслимо: «смѣшеніе священнаго и языческаго, замѣчаетъ онъ въ комментаріяхъ къ Данте, противно не только религіи, но и ци-

вилизаціи» (61); философская мысль, воспитанная на Аристотелѣ и Платонѣ, точно также не могла вполнѣ приспособиться и къ католицизму; результатомъ этого было сомнѣніе «въ великихъ таинствахъ вѣры: созданія и безсмертія души», по выраженію его біографа. Особенно важную роль въ этомъ процессѣ игралъ Падуанскій философъ Федериго Пендазіо. Въ это время въ Падуѣ существовало два философскихъ направленія: одно, съ Александромъ Пикколомини во главѣ, пыталось обосновать христіанство на Аристотелѣ, другое, въ борьбѣ съ первымъ, развило матеріалистическое ученіе, шедшее въ разрѣзъ съ христіанствомъ: представитель этой школы Пендазіо отрицалъ безсмертіе души. Талантливый и краснорѣчивый, онъ производилъ особенно сильное впечатлѣніе критикою своихъ противниковъ; увлекательное изложеніе доставило ему значительное количество послѣдователей, къ числу которыхъ принадлежалъ 16-тилѣтній Тассо. Но разрывъ молодаго поэта съ прошлымъ не былъ полнымъ: подчиняя свою мысль Пендазіо, Тассо сохранилъ религіозное чувство; отсюда происходила неизбѣжность внутренней борьбы. «Онъ мыслитъ о Богѣ, пишетъ Чекки, точно такъ же, какъ привыкъ мыслить объ идеяхъ Платона, объ атомахъ Демокрита, о духѣ Анаксагора. Аристотель возбуждаетъ въ немъ сомнѣніе въ истинѣ вѣры; природа души, мировой порядокъ— вопросы нерѣшенные, сомнительные; но его сердце чуждо наплыву столькихъ отрицаній; Тассо приходитъ въ себя и страхъ передъ адскими муками приводитъ его въ содроганіе: ему слышатся трубы ангеловъ въ день страшнаго суда; онъ видитъ на облакахъ Господа и слышитъ слова его — идите, проклятые, въ огнь вѣчный! Въ ужасѣ ищетъ онъ убѣжища иногда у друга, а чаще у священника; но едва опустится на колѣни, какъ имъ овладѣваетъ стыдъ и страхъ, и онъ не рѣшается открыть всю истину; то ужасъ нападаетъ на него, такъ какъ онъ профанировалъ самое святое дѣло, и только та мысль успокоиваетъ его, что Господь даруетъ прощеніе даже тѣмъ, которые не вѣровали въ него, если только въ основаніи ихъ невѣрія не лежала закоснѣлость и злоба, — въ это онъ вѣровалъ наиболѣе твердо» (65—66).

Утѣшительная мысль о милосердіи Божіи давала Тассо успокоеніе при счастливыхъ житейскихъ обстоятельствахъ. Остановившись на этой мысли, онъ усвоилъ себѣ классическое міросозерцаніе, чуждое всякаго мистицизма и аскетизма. Честолюбіе, поощряемое успѣхомъ первыхъ произведеній, рисовало ему привлекательныя картины будущаго; онъ чувствовалъ свои силы и вѣрилъ въ свою звѣзду. «Если до сихъ поръ я былъ невысокимъ заброшеннымъ деревцемъ, писалъ онъ еще въ Падуѣ, которое били ливни, пригибала къ землѣ безславная рука, то теперь, избранный между прекрасными молодыми лавровыми деревцами, я ожидаю только теплыхъ лучей солнца и свѣжаго росистаго воздуха, который далъ

бы деревцу дозрѣть и сдѣлалъ бы сладкими его прелестные, но еще не зрѣлые плоды; я надѣюсь, что тогда потечетъ изъ деревца драгоцѣнный медъ, который будетъ сохраняться на Парнасѣ для будущихъ поколѣній» (77). Тассо чувствуетъ себя въ силахъ доказать, «что онъ способенъ со славою возвыситься до небесъ». Съ такимъ намѣреніемъ онъ прибылъ въ Фаррару.

Двадцати одного года Торквато сдѣлался придворнымъ поэтомъ. Блестящая молва, ходившая о немъ по Италіи, возбуждала его дѣятельность и препятствовала ему углубиться въ самопознаніе, остановиться на выработкѣ твердыхъ убѣжденій, такъ какъ въ его міросозерцаніи находилось еще много непримиренныхъ контрастовъ. Придворная жизнь слишкомъ сильно увлекла юнаго поэта и мѣшала ему быть философомъ. Дружественный пріемъ, встрѣченный имъ въ Феррарѣ, сулилъ ему много хорошаго. Одновременно съ нимъ прибыла туда невѣста герцога—Варвара Австрійская; весь дворъ былъ занятъ празднествами и балами, данными въ честь ея прибытія; кардиналъ д'Эсте, главное лицо у герцога, завѣдывалъ устройствомъ торжествъ; но, не смотря на это, пріѣздъ Тассо не остался незамѣченнымъ, о немъ заговорили при дворѣ и въ городѣ, самъ кардиналъ устроилъ ему блестящій пріемъ и просилъ, какъ особенной чести, позволенія помѣстить поэта на время въ своемъ дворцѣ; настоящій же тріумфъ для Тассо наступилъ по окончаніи придворныхъ праздниковъ. «Всѣ дамы желали съ нимъ познакомиться, разсказываетъ его біографъ; принцесы Лукреція и Элеонора, сестры герцога, были въ восторгѣ отъ того, что представилась возможность бесѣдовать съ нимъ; самъ герцогъ удостоивалъ его особеннаго вниманія. Тассо кажется, что онъ въ раю и окруженъ ангелами; онъ находитъ все прекраснымъ» (96). Особенно большой успѣхъ имѣлъ онъ у дамъ. Тассо вѣжливъ со всѣми, влюбленъ или показываетъ себя неравнодушнымъ къ красавицамъ, пишетъ цѣлую массу разныхъ сонетовъ, мадригаловъ и эпиталамъ, въ которыхъ воспѣваетъ красоту молодыхъ и льститъ вліятельнымъ дамамъ пожилыхъ лѣтъ. За нимъ ухаживаютъ молодыя фрейлины, въ мелкихъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ обыкновенно опредѣленному лицу, онъ разсказываетъ, какъ гулялъ въ темной аллеѣ съ одной, тайно пожималъ руку другой, вспоминаетъ, какъ однажды, коснувшись рукой плеча красавицы, получилъ на свое извиненіе такой отвѣтъ: «вы оскорбили меня не тѣмъ, что протянули ко мнѣ руку, а тѣмъ, что отняли ее»; онъ часто воспѣваетъ, какъ «напечатлѣлъ горячій поцѣлуй на милое, прекрасное лицо, какъ билось при этомъ отъ восторга его сердце» и т. п.—словомъ, успѣхъ въ этой сферѣ былъ полный. Отъ придворныхъ дамъ не отставали и принцесы. «Разговоръ съ Тассо, говоритъ Чекки, былъ для нихъ необыкновенно пріятенъ, ему было позволено входить, когда угодно въ ихъ комнаты, и чѣмъ чаще онъ являлся, тѣмъ

любезнѣе его принимали; мало этого, онѣ формально добивались его благоволенія, оказывали ему исключительное вниманіе и устроили такъ, что онъ первый изъ всѣхъ приглашался къ герцогскому столу» (103).

Успѣхи первыхъ шаговъ придворной жизни придавали новыя силы Тассо. «Это были лучшіе дни его жизни», говоритъ Чекки. Онъ читалъ принцесамъ свои произведенія, развивалъ передъ ними свои воззрѣнія на Гомера и героическій эпосъ вообще, комментировалъ Виргилія и излагалъ свои жизненные идеалы; въ то же время онъ создавалъ Goffredo и продолжалъ принимать участіе въ академическихъ диспутахъ. Одновременно съ успѣхами росло и честолюбіе. Особенно оскорбляла его слава Пиньи, ничтожнаго поэта, но секретаря герцога. Тассо не желаетъ вступать съ нимъ въ открытую борьбу и направлять противъ него свои произведенія, онъ дѣйствуетъ другимъ путемъ: вызывая Пинью на отвлеченные, философскіе споры въ присутствіи придворныхъ, онъ старается побѣдить его и такимъ образомъ унизить въ глазахъ придворнаго общества. Но все это были мелкія терніи на веселомъ пути, усыпанномъ въ это время одними розами. Слава Тассо распространилась за предѣлами Италіи: французскій король Карлъ IX пожелалъ лично съ нимъ познакомиться и вызвалъ его для этой цѣли къ своему двору. Лестный пріемъ въ Парижѣ усилилъ самомнѣніе молодаго поэта: съ первыхъ шаговъ онъ рѣшился выступить ходатаемъ передъ королемъ за одного французскаго писателя, осужденнаго за какое-то преступленіе на смертную казнь. «Государь, сказалъ онъ Карлу, прикажите умертвить того, который доказалъ своими дурными поступками, что человѣческія слабости сильнѣе философскихъ доктринъ» (125). Помилованіе осужденнаго дало Тассо поводъ думать, что его голосъ имѣетъ такую же силу, какою пользовались гуманисты въ XIV и XV столѣтіи, и онъ принялъ на себя роль проповѣдника добродѣтели и руководителя высшей политикой. Онъ не стѣснялся высказывать свои общія политическія воззрѣнія, въ темныхъ краскахъ изображать положеніе дѣлъ во Франціи и открыто порицать политику короля.

Политическія воззрѣнія Тассо представляютъ также смѣшеніе противоположныхъ тенденцій. Разсуждая вообще, онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія, враждебной макіавеллизму; по его мнѣнію, нравственный порядокъ долженъ служить основаніемъ всякой политики, а честный характеръ быть первымъ свойствомъ государственнаго человѣка. Точно также онъ далекъ отъ мечтаній первыхъ гуманистовъ возстановить на почвѣ средневѣковой Италіи политическую организацію императорскаго или республиканскаго Рима. При политическихъ мѣропріятіяхъ, по его мнѣнію, должно постоянно имѣть въ виду особенности народнаго характера, духовныя и физическія его свойства, зависящія отъ климатическихъ и историческихъ усло-

вій. Въ «Разсужденіи о возстаніи во Франціи» онъ старается изобразить положеніе этого государства и народный характеръ французовъ «съ точностью современнаго антрополога», по выраженію Чекки. Но тѣмъ не менѣе его практическіе совѣты то носятъ на себѣ отвлеченный характеръ ироничной морали въ родѣ того, что князьямъ приличны милосердіе и справедливость, то обнаруживаютъ иногда легкій оттѣнокъ макіавеллизма. «Гизы и наварцы, говоритъ онъ, держатся за религію изъ политическихъ соображеній, что, какъ мы видимъ, бываетъ часто и съ кардиналами. Отчего же и королю не воспользоваться такимъ примѣромъ?» (133). Совѣты, предложенные французскому королю, ясно показываютъ, что Тассо плохо понималъ политическое и религіозное положеніе тогдашней Европы. Онъ требуетъ отъ Франціи, чтобы она въ качествѣ великой державы стала во главѣ католической лиги противъ еретиковъ-протестантовъ, правительство должно предоставить всѣ должности и вручить всѣ дѣла католикамъ-гизамъ, но не прибѣгать къ насиліямъ противъ наварцевъ, и тогда уничтоженіе ереси неизбѣжно. Если протестанты до сихъ поръ держатся, то это происходитъ вслѣдствіе дурнаго положенія народа, алчности чиновниковъ, слабости, безхарактерности и расточительности короля, который, кромѣ того, не умѣетъ заботиться и объ интересахъ религіи. «Если мнѣ скажутъ, продолжаетъ Тассо, что король въ послѣдніе годы обнаруживаетъ ревность къ вѣрѣ, ведетъ лучшій образъ жизни, подвергаетъ себя посту и бичеваніямъ, въ одеждѣ кающагося принимаетъ участіе въ процессіяхъ и т. п., то я долженъ возразить, что неприлично королю обнаруживать свое религіозное усердіе такимъ образомъ, какъ это дѣлаютъ частные люди. По моему мнѣнію, король тяжко грѣшитъ, тратя время на такое благочестіе вмѣсто того, чтобы употребить его на дѣла, достойныя высокаго сана, на изданіе хорошихъ и полезныхъ законовъ» (132). Біографы Тассо приходятъ въ недоумѣніе, почему онъ принялъ такъ близко къ сердцу интересы католицизма; одни видятъ въ немъ уже въ это время искренняго католика, другіе считаютъ это лицемѣріемъ, макіавеллизмомъ—и то, и другое одинаково сомнительно. Тассо, подобно своимъ соотечественникамъ, чуждъ религіознаго одушевленія, охватившаго тогда Европу, поэтому онъ не понимаетъ протестантизма, считаетъ его ересью, мятежемъ; но и папство представляется ему въ ложномъ свѣтѣ: онъ забываетъ о его насиліяхъ, нетерпимости и видитъ въ немъ только свѣтлыя стороны, ту обстановку, среди которой жили и дѣйствовали его Goffredo и другіе идеальные рыцари и дамы, плѣнявшіе его воображеніе. Въ католицизмѣ онъ защищалъ не дѣйствительность, а свою фантазію, и въ этомъ смыслѣ былъ совершенно искрененъ.

Политическіе совѣты, щедро раздаваемые Тассо, оказали вліяніе только на него самого—онъ принужденъ былъ покинуть Францію.

«Король и кардиналъ Луиджи хотѣли меня отвратить отъ вѣры во Христа», объяснялъ онъ причину своего удаленія, но дѣло было гораздо проще. Тассо не расчелъ своихъ средствъ и думалъ, что репутація поэта нетолько позволяла, но даже требовала отъ него свободнаго выраженія того, что казалось ему истиннымъ и справедливымъ; неудача во Франціи не возбудила въ немъ никакихъ сомнѣній, и онъ вернулся въ Феррару съ твердой вѣрой въ свои силы и вліяніе, но разочарованіе было уже близко.

При дворѣ Альфонса, Тассо нашелъ прежнее радушіе; герцогъ часто приглашалъ его къ своему столу, охотно и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ, и поэтъ, довольный своимъ положеніемъ, усердно работалъ надъ «Освобожденнымъ Іерусалимомъ», желая посвященіемъ поэмы обезсмертить покровителя. Но надъ его головою начали въ это время собираться мало-по-малу тучи, которыя впослѣдствіи разразились грозою, вполнѣ достаточною для того, чтобы сокрушить поэта, имѣвшаго несчастіе жить въ переходную эпоху. Успѣхи Тассо возбудили зависть въ придворныхъ, которые мало-по-малу вооружили противъ него и герцога. Правда, такая гроза не была особенно сильна, хотя Чекки считаетъ эти интриги главною причиной гибели поэта; но дѣло въ томъ, что у него не было внутри себя опоры, необходимой для того, чтобы выдержать какую нибудь борьбу. Тассо былъ лишенъ внутренняго «царствія Божія», которое могло бы замѣнить ету неудавшуюся придворную жизнь, и въ этомъ причина всѣхъ его несчастій.

Первый чувствительный ударъ Тассо получилъ отъ придворныхъ по слѣдующему случаю: Онъ написалъ надгробное слово въ честь умершей въ это время Варвары Австрійской и предварительно прочиталъ его въ кружкѣ знакомыхъ; такъ какъ въ этой рѣчи не оказалось «приступа», то ее подвергли жестокой критикѣ; послѣ долгаго спора Тассо уступилъ и прибавилъ введеніе, тѣмъ не менѣе его произведеніе не было одобрено въ придворныхъ кружкахъ. Но пока благоволилъ герцогъ, поэтъ не особенно страдалъ отъ вражды придворныхъ; онъ продолжалъ писать сонеты и идилліи въ родѣ Аминты, Олинто и Софроніи, въ которыхъ повѣствовалъ исторію своего сердца и только изрѣдка мстилъ своимъ противникамъ намеками на ихъ пороки и слабости. Успѣхъ Аминты доставилъ ему особенное утѣшеніе: герцогиня Урбинская просила Альфонса отпустить къ ней автора, чтобы послушать поэму въ его чтеніи. Честолюбіе Тассо получило удовлетвореніе, успѣхъ поощрялъ къ дальнѣйшимъ трудамъ. Недовольствуясь славою эпическаго и лирическаго поэта, онъ задумалъ испытать свои силы въ драматургіи; твердо держась своего постояннаго пріема примирять классическое съ современнымъ, онъ началъ съ тщательнаго изученія теоріи и образцевъ греческой драмы; но правила Аристотеля и совершенство великихъ трагиковъ не привели его къ слѣпому подра-

жанію древнимъ: онъ былъ убѣжденъ, что въ пониманіи и изображеніи человѣческихъ дѣйствій должна существовать разница, происшедшая отъ измѣненія культуры и жизни, онъ понималъ, что классическая трагедія со всѣми деталями немыслима въ обществѣ съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ, сознавалъ причины ея невозможности, но создать новую драму у него не хватило таланта. Трагедія Torrismondo оказалась на столько слабою, что это призналъ самъ авторъ. Неудовлетворительная въ художественномъ отношеніи, эта драматическая попытка весьма интересна въ біографическомъ: изъ весьма обильныхъ монологовъ, составляющихъ лучшія мѣста трагедіи, особенно сильно написаны тѣ, въ которыхъ рѣчь идетъ о самоубійствѣ. Тассо занималъ вопросъ, имѣетъ ли право человѣкъ произвольно покончить съ жизнію? и онъ пришелъ къ оправданію самоубійства, какъ единственнаго исхода при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Несомнѣнно, что внутренній міръ поэта исчезалъ понемногу уже въ то время, когда его внѣшняя обстановка и положеніе при дворѣ были еще сносны. Между тѣмъ, количество враговъ возростало и нападенія усиливались. Схоластики гуманизма нанесли ему новый ударъ, поводъ къ которому былъ данъ «Освобожденнымъ Іерусалимомъ». Окончивъ свое произведеніе, Тассо, въ виду нѣкоторыхъ нововведеній, не рѣшился выпустить его безъ предварительнаго просмотра со стороны тогдашнихъ ученыхъ и литературныхъ знаменитостей. Онъ рѣшился отступить отъ классическихъ образцевъ, но авторитетъ Аристотелевой піитики сохранилъ для него всю свою силу. «Я глубоко уважаю Виргилія, но моя цѣль—удовлетвореніе современной публики, пишетъ онъ къ предсѣдателю образовавшейся для просмотра поэмы коммисіи. Несущественные промахи и ошибки могутъ всегда встрѣтиться, и мнѣ хотѣлось бы ихъ знать; вообще же я убѣжденъ, что въ моемъ сочиненіи нѣтъ ничего, что противорѣчило бы правиламъ Аристотеля; поэтому я требую, чтобы вопросы, не касающіеся ни единства, ни общаго содержанія, ни существенныхъ сторонъ поэтическаго искусства, обсуждались болѣе на основаніи требованій разума, чѣмъ по какому нибудь образцу» (167). Но коммисія смотрѣла на дѣло иначе: одни изъ ея членовъ, ссылаясь на Виргилія, требовали усиленія эпическаго элемента; другіе, аристотельянцы, желали исключить изъ поэмы нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, «потому что ихъ нѣжные аффекты не соотвѣтствуютъ идеалу гордаго героизма; иные, выходя изъ церковной точки зрѣнія, требовали исключенія тѣхъ или другихъ эпизодовъ, какъ оскорбляющихъ религіозное чувство. Тассо сначала хотѣлъ уступчивостью примирить критиковъ, но это только возбуждало и усиливало ихъ притязанія: они стали смотрѣть на себя, какъ на инквизиціонный трибуналъ, диктовали автору свои вставки, грозили ему за непослушаніе карою папы. Испуганный Тассо согласился напечатать поэму въ томъ

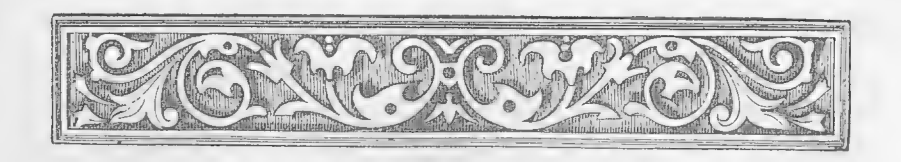
видѣ, какъ угодно было критикамъ, съ условіемъ, чтобы подлинная рукопись была напечатана, хотя бы для потомства.

Отношеніе критиковъ къ поэмѣ нанесло тяжелый ударъ самолюбію автора; единственное утѣшеніе онъ находилъ въ благосклонности герцога и въ симпатіи его сестры—Элеоноры. Но скоро врагамъ удалось лишить его и этой поддержки; постоянное нашептываніе придворныхъ возъимѣло свое дѣйствіе: герцогъ приказалъ вскрывать переписку Тассо и слѣдить за его дѣйствіями и словами. Горькое чувство, вызванное въ поэтѣ такимъ недовѣріемъ, проявлялось въ жалобахъ и упрекахъ, иногда довольно рѣзкихъ; ихъ передавали Альфонсу, и отношенія обострялись все болѣе и болѣе; только посредничество Элеоноры, питавшей къ Тассо дружеское, а можетъ быть, и болѣе сильное чувство, отстраняло разрывъ: она умѣла успокоивать друга и сдерживать брата; но вскорѣ и она отвернулась отъ поэта. Въ Феррару пріѣхала герцогиня Сантивале; много наслышавшись о Тассо, она отнеслась къ нему съ особенною внимательностью, на которую тотъ отвѣчалъ пламенными сонетами. Элеонора обидилась и лишила автора своей дружбы и покровительства. Пребываніе при дворѣ сдѣлалось нестерпимымъ, и Тассо рѣшился покинуть Феррару.

М. Корелинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

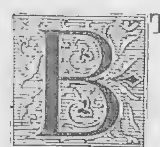

БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНІЕ МЫСЛИ [1].

III.

Греческія легенды. — Миѳъ Прометея, какъ первое поэтическое олицетвореніе борьбы мысли съ насиліемъ. — Трагедія Эсхилла.—Культъ человѣчества въ Греціи.—Гомерическій эпосъ и его значеніе.—Судьба лирическихъ поэтовъ.—Алкей и Сафо. — Телезилла. — Архилохъ и его ямбы. — Пеня за патріотическую трагедію.—Протесты Эсхилла противъ народныхъ вѣрованій.—Гуманизмъ Софокла и Еврипида.—Комедіи Аристофана.—Судьба историковъ.—Борьба за философскія убѣжденія. — Пиѳагорейцы. — Дорійская и іонійская школы. —Атеизмъ философовъ.—За что̀ отравили Сократа.—Софисты.—Ученіе Платона и Аристотеля.—Ораторы и законодатели.—Роль Александріи въ исторіи цивилизаціи. — Аполлоній Тіанскій. — Памфлеты и романы. — Византійская литература и духовное краснорѣчіе.

Ъ МАЛЕНЬКОЙ странѣ, на юго-восточной оконечности Европы, немногочисленное племя жило въ дикомъ состояніи въ то время, когда азіатскія царства блестѣли роскошью, славились могуществомъ. Въ какую эпоху эта отрасль аріевъ, переправившись черезъ Геллеспонтъ, поселилась въ Элладѣ? объ этомъ молчатъ преданія. Да и черезъ Геллеспонтъ ли еще перешло это племя? Въ доисторическія времена Понтъ составлялъ съ Каспіемъ одно внутреннее море; потомъ, когда отъ Каспійскаго отдѣлилось Черное море, воды его прорвались далѣе къ западу и образовали сперва Мраморное море, потомъ Дарданельскій проливъ, соединившись съ Средиземнымъ моремъ, которое, получивъ вдругъ такое приращеніе воды, въ свою

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XII, стр. 439.

очередь, прорвалось въ океанъ между Европою и Африкой, у Геркулесовыхъ столбовъ. Этотъ геологическій переворотъ произвелъ, конечно, потопъ въ земляхъ, прилежащихъ къ этимъ морямъ и проливамъ. Въ Элладѣ потопъ этотъ былъ названъ Девкаліоновымъ, но легенда о Девкаліонѣ и Пиррѣ—уже греческая, а пелазги, почитаемые первыми обитателями Греціи, не походили ни по нравамъ, ни по своимъ преданіямъ на переселенцевъ изъ Индіи или Персіи. Жители Аркадіи, по словамъ ихъ легендъ, обитали въ этой странѣ еще въ то время, когда не было луны; отъ этого ихъ и прозвали «проселенитами». Религія пелазговъ состояла въ обожаніи матери-земли (Деметеръ), научившей своего сына, Триптолема, воздѣлывать землю. Уже въ послѣдствіи греки дали богинѣ дочь, которую похищаетъ подземный богъ всякую зиму и всякое лѣто возвращаетъ матери. И въ первобытной греческой религіи не было ни жрецовъ, ни храмовъ — они явились, когда поэты размножили число боговъ, олицетворивъ силы природы, человѣческія страсти, причисливъ къ богамъ людей, оказавшихъ услуги своимъ собратамъ, отличавшихся подвигами, сдѣлавшихъ разныя изобрѣтенія. Въ Элладѣ воздвигали храмы, какъ у насъ ставятъ памятники, въ честь выдающихся личностей. Но глубокоразвитый эллинъ никогда не вѣрилъ въ своихъ боговъ, созданіе своихъ поэтовъ. Онъ только не смѣялся надъ ними изъ уваженія къ древнимъ преданіямъ. Въ воспитаніи грековъ, которое ставятъ образцомъ даже нашему времени, религіи нетолько не учили, но объ ней никогда не говорилось ни слова. Вѣрить или нѣтъ—предоставлялось уму и совѣсти каждаго. Самое древнее и самое главное религіозное преданіе Греціи—миѳъ Прометея, похитившаго у Зевса огонь безсмертія, то-есть огонь ума, познаній, заступившагося за человѣчество, которое хотѣлъ истребить олимпійскій деспотъ. Этотъ миѳъ страшной борьбы свободноразумной воли противъ тиранства, величія души и энергіи противъ грубой физической силы высказался въ такой высокой, поэтической формѣ, что Прометей явился протестомъ всего человѣчества противъ стихійной силы, олицетворенной въ олимпійскомъ богѣ. Главная мысль легенды та, что никакія физическія мученія не побѣдятъ нравственнаго убѣжденія, что самое могущественное насиліе рано или поздно будетъ ниспровергнуто. Поэты всѣхъ вѣковъ и народовъ воспроизводили этотъ образцовый типъ греческаго творчества, но ни у кого изъ нихъ онъ не достигалъ такого величія, какъ у Эсхилла въ его трагедіи «Скованный Прометей». Типъ этотъ очерченъ такъ полно и ярко у греческаго трагика, такими рельефными чертами, какихъ немного и въ современныхъ драмахъ. Кромѣ главной мысли трагедіи, явно доказывающей превосходство разума надъ силою, безсиліе власти передъ волею, побѣду идеи надъ произволомъ — пьеса указываетъ на могущество просвѣщенія и науки, открывающей людямъ тайны неба. Кромѣ

того, въ трагедіи проведена глубокими чертами идея о служеніи человѣчеству. Мысль, что онъ страдаетъ за людей нетолько облегчаетъ страданія Прометея, но даетъ ему силу бороться съ Зевсомъ, олицетвореніемъ тиранства. Это первая, рѣзко очерченная борьба за существовованіе мысли — и потому мы передадимъ подробнѣе содержаніе безсмертной трагедіи Эсхилла.

Гефестъ (Вулканъ), въ сопровожденіи Власти и Силы, приковываетъ Прометея къ Кавказской скалѣ «Онъ похитилъ огонь — орудіе всѣхъ искусствъ, говоритъ Власть, онъ передалъ огонь смертнымъ, и за такое преступленіе долженъ переносить жесточайшія мученія. Пусть научится покоряться волѣ Зевса». Гефестъ, хоть ему и непріятно поступать такъ съ богомъ, да еще со своимъ родственникомъ, приковываетъ одну руку Прометея за другою, прокалываетъ ноги и вбиваетъ въ грудь желѣзный гвоздь. Онъ говоритъ, что сердце Зевса непреклонно, и что новый повелитель всегда бываетъ жестокъ. «Вотъ, что пріобрѣлъ ты за свое человѣколюбіе!» прибавляетъ онъ въ то время, когда Власть оскорбляетъ Прометея насмѣшками: «Теперь ты можешь гордиться похищеніемъ божественныхъ сокровищъ для передачи ихъ однодневнымъ смертнымъ. Кто изъ нихъ облегчитъ твои мученія? Тебя называютъ Прометеемъ (предвидящимъ, благоразумнымъ) и очень ошибаются. Тебѣ самому нуженъ Прометей, чтобы избавить тебя отъ этого ужаснаго положенія». Страдалецъ не отвѣчаетъ ни слова и когда остается одинъ, призываетъ природу въ свидѣтели, какимъ мученіямъ подвергаютъ его боги — такого же бога, какъ и они сами. «Но, прибавляетъ онъ, нельзя мнѣ бороться съ силою необходимости—она непобѣдима—покорюсь приговору судьбы». Хоръ нимфъ, океанидъ, является къ Прометею; изъ глубины морскихъ водъ услышали онѣ удары молотка Гефеста и, возмущенныя страшною казнью, поспѣшили, босыя и полуодѣтыя, утѣшить мученика. Онѣ обвиняютъ Зевса. Прометей говоритъ, что владыка боговъ долженъ будетъ прибѣгнуть къ нему, чтобы узнать о врагѣ, который свергнетъ его съ престола. Но какія бы ни были угрозы или ласки, Прометей будетъ хранить тайну. Несмотря на то, что онъ помогалъ Зевсу въ борьбѣ съ Сатурномъ, когда Зевсъ побѣдилъ—вотъ какъ вознаградилъ онъ Прометея. «Недовѣрять даже друзьямъ своимъ — обыкновенная болѣзнь тирановъ». Чтобы упрочить свое владычество, Зевсъ задумалъ истребить людей. Но Прометей вступился за нихъ, далъ имъ огонь, просвѣтилъ и укрѣпилъ ихъ. Состраданіе къ людямъ причина того, что съ нимъ поступаютъ теперь безъ сострадания. Онъ погубилъ себя, чтобы помочь людямъ. Является старикъ Океанъ. Онъ совѣтуетъ не раздражать Зевса, не осыпать его бранью и покориться ему — за что обѣщаетъ выпросить освобожденіе Прометею. Но тотъ съ гордостью отвергаетъ прощеніе, а когда Океанъ удаляется, говоритъ, что онъ молчитъ

не изъ гордости, не изъ упорства, а потому, что жестоко оскорбленъ. Приходитъ Нимфа Іо, преслѣдуемая Зевсомъ. Она спрашиваетъ у Прометея, знающаго будущее, чѣмъ кончится ея бѣдствіе. Онъ предсказываетъ, что она успокоится въ Нильской дельтѣ, и одинъ изъ ея потомковъ освободитъ его. «Придетъ пора и Зевсъ найдетъ владыку надъ собою». Зевсъ караулитъ каждое слово Прометея и посылаетъ къ нему Гермеса съ вопросомъ: кто будущій побѣдитель боговъ? Прометей отвѣчаетъ только, что онъ видѣлъ уже двухъ, низвергнутыхъ съ Олимпа владыкъ и увидитъ еще третьяго. Но онъ не хочетъ назвать его. «Лучше я буду рабомъ моей скалы, чѣмъ ревностнымъ слугою Зевса». Гермесъ грозитъ ему тѣмъ, что орелъ Зевса будетъ прилетать рвать куски мяса Прометея и питаться его печенью. Прометей отвѣчаетъ, что его, все-таки, не можетъ убить Зевсъ. Напрасно раздаются вокругъ громы, отъ которыхъ дрожитъ земля, напрасно молнія поражаетъ Прометея. Онъ обращается только къ святой матери землѣ, къ эфиру, къ свѣту, чтобы они засвидѣтельствовали, какую обиду терпитъ онъ. Трагедія оканчивается; тайна Прометея остается не открытою. Эсхиллъ предвидѣлъ, что боги Греціи, какъ и всѣ созданія человѣческой фантазіи, недолговѣчны.

Греція первая ввела въ свои религіозныя постановленія культъ человѣчества и, въ краткую эпоху ея процвѣтанія, онъ достигъ высшей степени развитія во всемъ — въ правленіи, въ искусствѣ, въ общественной жизни, въ литературѣ. Первобытная форма правленія у грековъ была монархическая. Но власть царей ихъ далеко не походила на неограниченное самовластіе владыкъ Ниневіи и Вавилона. Греческіе цари въ военное время предводительствовали войскомъ, въ мирное—были судьями и рѣшали споры своихъ подданныхъ, постановляли приговоры за нарушеніе общественныхъ законовъ. Образъ жизни ихъ былъ совершенно патріархальный. Царскія дочери ходили на рѣку мыть бѣлье. Съ теченіемъ времени, республиканская форма правленія, вполнѣ отвѣчавшая духу древней Греціи, болѣе всего способствовала развитію ихъ умственной жизни. Только одна Спарта сохранила древнихъ царей, но она же поставила закономъ незнаніе наукъ и пренебреженіе всѣми удобствами жизни. Печальная необходимость сдѣлала Спарту военною державою, и только чудеса храбрости спасли ее отъ мессенцевъ, потомъ отъ возстанія рабовъ-илотовъ. Но спартанскіе цари, изо всѣхъ гражданъ, пользовавшихся по закону величайшею свободою, были менѣе всѣхъ свободны, находясь подъ постояннымъ наблюденіемъ совѣта эфоровъ. Семейные нравы древней Греціи были самые чистые и основаны на взаимномъ уваженіи. Жена имѣла равныя права съ мужемъ, а мать, по смерти мужа, считалась главою семейства. Отношенія матери къ дѣтямъ были самыя трогательныя. Улиссъ въ царствѣ тѣней, встрѣчаясь съ тѣнью ма-

тери, спрашиваетъ ее, отчего она умерла? «Оттого, что потеряла тебя», отвѣчаетъ она. Въ общественной жизни важнымъ установленіемъ были олимпійскія игры. Культурная исторія Греціи невелика. Она продолжается отъ Гомера до Александра Македонскаго. Но въ это короткое время маленькая Греція создала много геніальныхъ произведеній. Ея литература—прототипъ всѣхъ европейскихъ литературъ. Ея писатели, поэты, философы, ближе другихъ подходили къ идеалу высокаго, прекраснаго. Ея ваятели и зодчіе оставили неподражаемые образцы искусства. Ея вліяніе на общественную жизнь всего образованнаго міра такъ велико, что отражается на всѣхъ явленіяхъ современной жизни. Ея поэзія началась задолго до Гомера, хотя орфическія поэмы, элегіи Лина не дошли до насъ, но гомерическій эпосъ, положившій начало греческой литературѣ, блеститъ такимъ свѣтомъ, съ которымъ не можетъ сравниться ни одно изъ первобытныхъ произведеній другихъ народовъ. И между тѣмъ, самая личность Гомера не имѣетъ достаточныхъ историческихъ основаній. Былъ ли онъ творецъ или только составитель Иліады и Одиссеи? Первое изданіе этихъ поэмъ было сдѣлано по рукописи V вѣка, составленной по редакціи, принятой Аристархомъ, знаменитымъ граматикомъ александрійской школы, жившимъ во II вѣкѣ до Р. Х. Ему обязаны критическимъ исправленіемъ текста поэмъ, раздѣленіемъ ихъ на пѣсни. Ранѣе Аристарха, Пизистратъ, тиранъ аѳинскій, за 600 лѣтъ до нашей эры, собралъ, записалъ и соединилъ въ одно цѣлое отдѣльные рапсоды поэмъ, въ теченіи четырехъ столѣтій передававшихся только изустно и сохранявшихся въ памяти рапсодовъ. Какимъ же измѣненіямъ должны были подвергнуться эти поэмы въ теченіи такого долгаго времени, если отъ Пизистрата до критиковъ александрійской школы имѣлось девять различныхъ редакцій поэмъ? Въ гомерическомъ эпосѣ нѣтъ даже намека на существованіе письменъ. Когда греческіе вожди бросаютъ жребій, чтобы узнать, кто изъ нихъ будетъ сражаться противъ Гектора, они не пишутъ свои имена, а дѣлаютъ знаки на жребіяхъ, брошенныхъ въ шлемъ герольдомъ и Аяксъ самъ узнаетъ свой знакъ. Греки не умѣли писать и при Ликургѣ; законы его передавались изустно. На первыхъ монетахъ въ VII вѣкѣ до Р. Х. не было никакихъ надписей. Финикійская азбука, состоявшая только изъ 16-ти буквъ, не могла передать всѣхъ звуковъ эллинскаго языка и ее постоянно пополняли до IV вѣка. Но если Гомеръ и не авторъ всѣхъ пѣсенъ поэмъ—ему принадлежатъ въ нихъ несомнѣнно лучшія мѣста; всѣ несообразности, противорѣчія и слабыя мѣста можно отнести къ вставкамъ «діаскевастовъ» (устроителей) поэмы, передававшихъ слѣдующимъ вѣкамъ рапсоды поэмъ.

Содержаніе Иліады—борьба грековъ противъ троянцевъ, борьба не за идею, а за матеріальное преобладаніе, за личные интересы.

Главная мысль ея—прославленіе Ахиллеса, а вовсе не гнѣвъ его, о которомъ говорится въ первомъ стихѣ и не упоминается вовсе при дальнѣйшемъ развитіи поэмы. Въ ней — вся жизнь древняго эллинскаго міра, его вѣрованія, нравы, законы, обычаи, искусства, промыслы, его внѣшніе, военные подвиги. Въ «Одиссеѣ»—вся ихъ внутренняя, домашняя жизнь. Нравы эти — патріархальны, герои гомеровскихъ поэмъ грубы, но въ нихъ преобладаютъ гуманныя чувства; гуманизмъ видѣнъ и въ богахъ, которыхъ волнуютъ въ «Иліадѣ» тѣ же страсти, какъ и людей. Только въ «Одиссеѣ» боги теряютъ свой антропорфическій характеръ и руководствуются нравственными побужденіями и благоволеніемъ къ смертнымъ, награжденіемъ ихъ за добрыя дѣла, наказаніемъ за дурныя. Характеры героевъ Гомера до того вѣрны, картины до того поэтичны, что его не даромъ считаютъ поэтомъ не одной Греціи, но всего образованнаго міра. А между тѣмъ легенда и его заставляетъ бродить слѣпымъ бѣднякомъ по долинамъ Эллады, добывая себѣ средства къ жизни—прославленіемъ въ пѣсняхъ національныхъ героевъ. Судьба поэтовъ съ самыхъ древнихъ временъ была борьбою за существованіе.

Изъ другихъ поэтовъ Греціи Аполлоній Родосскій долженъ былъ бѣжать изъ Александріи отъ преслѣдованій своего учителя Каллимаха, завидовавшаго успѣхамъ своего ученика. Теогнидъ изъ Мегары, изгнанный изъ отечества тиранами за то, что не хотѣлъ подчиниться ихъ волѣ, жилъ въ Ѳивахъ и въ Спартѣ, но вездѣ тосковалъ по родинѣ, моля Зевса—отомстить за него. Огромное вліяніе патріотической мысли, выраженной въ звучныхъ стихахъ, высказалось въ пѣсняхъ Тиртея, хромого учителя, отправленнаго аѳинянами полководцемъ въ Спарту, просившую помощи въ войнѣ съ мессенцами. Тиртей побѣдилъ враговъ, благодаря своимъ пѣснямъ, одушевлявшимъ спартанцевъ. Между греческими лириками были и философы, какъ Ксенофанъ Колофонскій, изгнанный изъ отечества за безбожіе; онъ долго странствовалъ по Сициліи, распѣвая свои философскія поэмы по образцу рапсодовъ, писалъ много, но до насъ дошли только отрывки, изъ которыхъ однако видно, что онъ былъ противникомъ Ѳалеса, Пиѳагора, Гомера и Гезіода, миѳологической поэзіи, народныхъ вѣрованій, космогоніи, іонійской философіи и религіозныхъ таинствъ. Онъ велъ упорную борьбу противъ антропоморфизма. «Гомеръ и Гезіодъ, говорилъ онъ, приписали богамъ все, что безчестно между людьми: кражу, прелюбодѣйство, вѣроломство. Люди сами создали боговъ и придали имъ свои чувства, свои страсти, свой видъ. Еслибы у быковъ и лошадей были руки — они рисовали бы быковъ и лошадей, чтобы представить бога и придали бы ему такое тѣло, какъ у нихъ самихъ». Въ элегіяхъ Мимнерма, умершаго старикомъ изъ любви къ аулетридѣ (флейщицѣ) высказываются горькія сожалѣнія о потерѣ молодости.

Аристократъ Алкей, во имя интересовъ своей партіи, возставалъ противъ всѣхъ тирановъ, властвовавшихъ въ Митиленѣ, но жилъ только для наслажденій, равнодушный къ нуждамъ народа, взявъ девизомъ слова спартанца Аристодема: «Человѣкъ — деньги, ибо бѣдный не считается ни храбрымъ, ни достойнымъ уваженія». Изгнанный Питтакомъ, какъ человѣкъ политически вредный, Алкей осмѣялъ его въ своихъ стихахъ и даже пошелъ противъ него съ отрядомъ войскъ, разсчитывая низвергнуть тирана, но тотъ разбилъ враговъ и, взявъ въ плѣнъ поэта, простилъ его. Алкей, которому надоѣло вести скитальческую жизнь, пересталъ заниматься политикой и провелъ конецъ жизни въ родномъ городѣ, пользуясь дружбой Питтака. Алкей любилъ лезбосскую поэтессу Сафо, вмѣстѣ съ нимъ возстававшую противъ Питтака. Принужденная бѣжать въ Сицилію, она и тамъ писала вдохновенныя оды, доставившія ей громкую славу. Изгнаніе ея было однако не продолжительно. Она также скоро перестала бороться съ властителемъ Митиленъ, но въ ней долго жила еще борьба съ чувствомъ, съ любовью къ своимъ подругамъ, пылкою и чувственною. Въ наше время это чувство кажется страннымъ, но еслибы мы стали мѣрить на свой масштабъ всѣ вѣка и народы, не нашлось бы ничего, что подходило бы подъ уровень нашихъ понятій. Смерть Сафо отъ любви къ Фаону не имѣетъ ни малѣйшаго историческаго основанія. Броситься съ Левкадской скалы могла какая нибудь другая Сафо, такъ какъ это имя было весьма распространено въ Лесбосѣ. Двойственность этой натуры, обладавшей огромнымъ лирическимъ талантомъ и въ то же время отличавшейся порочною жизнью и неестественною страстью, заставила многихъ критиковъ утверждать, что были двѣ Сафо: одна эресская гетера, влюбленная въ Фаона и въ своихъ подругъ, а другая митиленская поэтесса, въ честь которой чеканили монету съ ея изображеніемъ. Сто лѣтъ послѣ Сафо жила Телезилла, прославившаяся не только какъ поэтесса, но и какъ героиня. Когда спартанцы, подъ предводительствомъ царя Клеомена, подступили къ Аргосу, родинѣ Телезиллы, и граждане не рѣшались защищать города, она убѣдила женщинъ и дѣвушекъ выйти на защиту Аргоса. Надѣвъ шлемъ и обнаживъ мечъ, она стала въ главѣ защитницъ города. Тогда спартанцы остановились, собрали военный совѣтъ и отступили отъ Аргоса, сказавъ: «Если мы одержимъ побѣду, это не дастъ намъ славы, если же будетъ побѣждены — это покроетъ насъ большимъ стыдомъ». Телезиллѣ воздвигли статую передъ храмомъ Афродиты: героиня держала въ одной рукѣ шлемъ, въ другой свитки своихъ стихотвореній, изъ которыхъ до насъ дошло только нѣсколько стиховъ. Коринна изъ Танагра боролась не противъ враговъ, а съ величайшимъ лирическимъ поэтомъ Пиндаромъ и пять разъ одержала надъ нимъ побѣду. Много замѣчательныхъ лирическихъ произведеній погибло во время гоненій, не

разъ воздвигаемыхъ византійскимъ духовенствомъ противъ языческихъ писателей. При первыхъ византійскихъ императорахъ попы сожгли большое число стихотвореній Алкея, Мимнерма, Анакреона, Сафо, Эринны, Менандра и друг. Но болѣе всего возбуждали къ себѣ вражду конечно сатирическіе поэты. Поэтическое дарованіе изобрѣтателя ямба Архилоха развилось отъ оскорбленнаго самолюбія. Ликамбъ обѣщалъ отдать за него дочь, но обманулъ—и Архилохъ написалъ на него такой ругательный ямбъ, что семья Ликамба повѣсилась съ отчаянія. Рѣзкіе стихи поэта возбудили противъ него множество враговъ. Они изгнали его и онъ удалился на островъ Тазосъ. Другіе говорятъ, впрочемъ, что его изгнали за непристойныя стихотворенія. Онъ умеръ въ бѣдности, но презирая богатство. Архилохъ былъ такъ же воиномъ, но не отличался храбростью и однажды въ сраженіи бѣжалъ постыдно, бросивъ свой щитъ и написавъ на этотъ случай стихотвореніе, въ которомъ говоритъ: «Пусть врагъ украшается моимъ безпорочнымъ щитомъ! Не желая таскать его, я бросилъ въ кустарникъ и этимъ избѣгнулъ смерти. Найду другой и не хуже». За эти стихи его изгнали и изъ Спарты, куда онъ вздумалъ явиться.

Лучшему лирическому поэту Греціи Анакреону не пришлось бороться ни съ людьми, ни съ обстоятельствами, хотя и онъ принужденъ былъ бѣжать изъ своей родины, вмѣстѣ съ многими изъ согражданъ, вслѣдствіе возмущенія, возникшаго на Теосѣ. Ивикъ изъ Регіона писалъ въ элегическомъ родѣ. Онъ былъ убитъ разбойниками, и журавли, бывшіе свидѣтелями преступленія, обличили убійцъ. Главный предметъ греческой лирики—внѣшняя природа, пластическая красота. Любовь къ отечеству, гражданская доблесть почти вовсе не воспѣваются греческими поэтами; до государства имъ не было никакого дѣла. Они подчинялись равнодушно всякой незаконной власти. Высшимъ и полнѣйшимъ выраженіемъ эллинскаго міросозерцанія явилась древняя трагедія, изображавшая идеалы человѣчества въ его борьбѣ съ судьбою. Сначала дѣйствіе трагедіи разсказывалось однимъ лицомъ, потомъ двумя и болѣе. Хоръ былъ судьею между ними. Такимъ образомъ дѣйствіе, расказываемое въ эпической поэзіи—въ трагедіи воспроизводилось передъ глазами зрителей. Народъ съ жадностью обратился къ этого рода зрѣлищамъ, развившимся прежде всего въ Аѳинахъ. Но законодатель города Солонъ, опасаясь дурного вліянія трагедіи на нравственность, запретилъ спектакли и они возобновились только при Пизистратѣ. Въ это время славился уже Фринихъ, выводившій на сцену событія, волновавшія и трогавшія аѳинянъ. Когда персы взяли Милетъ, Фринихъ написалъ трагедію: «Взятіе Милета Даріемъ». Аѳиняне, пораженные потерею города, бывшаго ихъ союзникомъ, проливали слезы при представленіи этой пьесы. Аѳинскія власти наложили на поэта пеню въ тысячу драхмъ за то, что онъ напомнилъ имъ о

постигшемъ ихъ несчастіи и запретили впредь играть эту трагедію. Знаменитый Эсхиллъ рано началъ писать трагедіи и одержалъ побѣду надъ Фринихомъ и Херилломъ, авторомъ сатирическихъ драмъ. Но, любя родину, онъ оставилъ литературу при нашествіи персовъ, вступилъ въ ряды войска и сражался вмѣстѣ со своимъ отцомъ и братомъ при Мараѳонѣ, Саламинѣ, Платеѣ. Въ двухъ послѣднихъ битвахъ онъ раздѣлялъ съ Ѳемистокломъ начальство надъ отрядами. Отъ этого трагедіи его проникнуты воинственныхъ духомъ. Эсхиллъ гордился болѣе военною славою, чѣмъ поэтическимъ дарованіемъ. Онъ написалъ до 70 трагедій и былъ увѣнчанъ тридцать разъ. Но на послѣднемъ состязаніи бо̀льшую награду присудили его сопернику, молодому Софоклу. Оскорбленный въ своемъ самолюбіи, старый поэтъ покинулъ родину и удалился къ тирану сиракузскому Гіерону. По другому преданію Эсхилла, изгнали изъ отечества за то, что онъ вывелъ на сцену элевзинскія таинства. Народъ едва не растерзалъ его за такое оскорбленіе святыни. Дѣйствительно, трудно было Эсхиллу въ своихъ трагедіяхъ не затрогивать народныя вѣрованія, подавлявшія всякую свободу мышленія и воли человѣка идеею неизбѣжной судьбы, тяготѣвшей надъ всѣми дѣйствіями людей и боговъ. Въ его трагедіяхъ хоръ почти всегда протестуетъ противъ силы и не поклоняется успѣху, но представляетъ голосъ совѣсти, общественнаго мнѣнія. Въ нѣкоторыхъ трагедіяхъ хоръ даже обѣщаетъ другую, болѣе справедливую развязку событія, нежели ту, которую увидитъ зритель, угрожаетъ даже карою во имя вѣчной справедливости—какъ въ трагедіи «Агамемнонъ». Понятно, что противорѣчія общепринятымъ религіознымъ убѣжденіямъ и миѳамъ возбуждали противъ оскорбителя святыни непримиримыя гоненія жрецовъ. Софоклъ пользовался еще бо̀льшимъ уваженіемъ у своихъ согражданъ, хотя дарованіемъ былъ ниже Эсхилла. На постановку пьесъ Софокла аѳиняне издержали больше, чѣмъ на всю пелопонезскую войну; въ память его приносили ежегодныя жертвы, хотя онъ, какъ гражданинъ, не отличался стойкостью характера. Избранный стратегомъ послѣ громаднаго успѣха его Антигоны, онъ отправился съ войскомъ усмирять непокорныхъ самосцевъ, но былъ разбитъ ихъ предводителемъ, философомъ Мелиссомъ. Онъ содѣйствовалъ захвату власти въ Аѳинахъ совѣтомъ четырехсотъ, а потомъ предложилъ низвергнуть его. Въ семейной жизни ему пришлось вести борьбу противъ своего сына, обвинявшаго поэта въ слабоуміи и требовавшаго надъ нимъ опеки. Вмѣсто защиты Софоклъ прочелъ въ судѣ сцену изъ «Эдипа въ Колоннѣ», и судьи отвергли искъ. Поэтъ умеръ на 91-мъ году. Въ его трагедіяхъ также какъ у Эсхилла идея гуманности и справедливости борется противъ религіознаго фанатизма. Въ «Эдипѣ въ Колоннѣ» слѣпой царь изгнанникъ, невольный мужъ своей матери, считаетъ себя невиннымъ и приписываетъ всѣ свои преступленія

волѣ боговъ, прямо обвиняя ихъ и называя Зевса и Аполлона виновниками своихъ злодѣяній и несчастій. Идея «Антигоны» состоитъ въ столкновеніи между религіознымъ и государственнымъ началомъ. Антигона погибаетъ за то, что не хочетъ признать политической власти, Креонтъ—за то, что нарушаетъ семейныя права. Неудачна была также семейная жизнь и третьяго греческаго трагика Еврипида. Онъ былъ женатъ два раза и оба весьма несчастливо. Это было причиною его ненависти къ женщинамъ, не разъ высказывавшейся въ его трагедіяхъ. Онъ не занимался общественными дѣлами и велъ тихую жизнь, а подъ старость переселился ко двору македонскаго царя Архелая. Но тутъ встрѣтили его не только злоба и недоброжелательство, но даже насильственная смерть, и, если справедливо преданіе, что Эсхилъ умеръ отъ упавшей ему на голову черепахи, то участь Еврипида была не менѣе печальна. Ненавидимый македонскими царедворцами, онъ былъ растерзанъ охотничьими собаками, натравленными на него сановниками Архелая. Царь воздвигъ ему великолѣпный памятникъ. Народъ не любилъ его какъ писателя, находя что въ его трагедіяхъ слишкомъ много философіи. Его обвиняли также въ равнодушіи къ политическимъ событіямъ своей родины, такъ какъ онъ не занималъ никакой общественной должности. Аристофанъ прямо упрекаетъ его въ праздности. Но поэтъ служилъ родинѣ, если не дѣломъ, то словомъ. Въ стихахъ своихъ онъ восхваляетъ миръ, совѣтуетъ аѳинянамъ заключить союзъ съ Аргосомъ, упрекаетъ народъ за его ошибки и увлеченія. Еврипидъ сблизилъ трагедію съ дѣйствительной жизнью, по страстямъ и чувствамъ, хотя по цвѣтистымъ фразамъ и риторическимъ украшеніямъ въ немъ видѣнъ скорѣе софистъ и ораторъ, чѣмъ поэтъ. Главныя тэмы его трагедій—патологическое состояніе духа: безуміе, горе, ненависть, мщеніе. Герои его—люди, какими они бываютъ на самомъ дѣлѣ, тогда какъ Софоклъ выводилъ на сцену людей—какими они должны быть. Еврипидъ стоялъ на сторонѣ демократіи, домогавшейся принять участіе въ правленіи и развивалъ познанія въ массѣ народа. Но для того, чтобы его протесты противъ общественныхъ мнѣній не возбудили противъ него гоненія, онъ вкладывалъ свои смѣлыя по тому времени мысли въ уста миѳическихъ героевъ. Поэтъ утверждаетъ, что всѣ люди равны по рожденію и возстаетъ противъ несправедливости сословныхъ различій и власти богатства. Онъ осуждаетъ даже пиры, оживленные музыкой. «Музыка должна услаждать горе, въ радости она роскошь»—говоритъ онъ въ своей «Медеѣ». Въ философіи онъ держался принциповъ Анаксагора: божество есть ничто иное какъ законы природы или мыслящая сила; по смерти нѣтъ никакого личнаго существованія. Онъ не видитъ надъ жизнью господства судьбы и всемогущаго божественнаго разума. Зевесъ для него—только одно имя, представленіе эѳира. «Пусть люди не надѣются на милосер-

діе божества, говоритъ онъ: оно было бы не разумнѣе людей, если бы замѣнило прощеніемъ справедливость».

Атеизмъ, въ которомъ обвинялъ Еврипида Аристофанъ, еще сильнѣе высказывается въ произведеніяхъ самого представителя политической и общественной комедіи. Съ первой своей пьесы «Вавилоняне», Аристофанъ осмѣялъ демагога Клеона, захватившаго власть въ Аѳинахъ, послѣ смерти Перикла. Клеонъ обвинялъ его за это въ томъ, что писатель присвоилъ себѣ незаконно права аѳинскаго гражданина. Аристофанъ опровергъ это обвиненіе и отмстилъ правителю страны тѣмъ, что предалъ его позору въ другой пьесѣ «Всадники». Это не только рѣзкая сатира, но и грубый памфлетъ, не щадящій интригановъ и эксплуататоровъ родины, но задѣвавшій и добрыхъ гражданъ. Комедіи Аристофана, вмѣстѣ съ трибуною ораторовъ, замѣняли въ Греціи свободную, сатирическую печать нашего времени; это—живая картина Греціи въ эпоху пелопонезской войны. Печальнѣе всего у Аристофана—его злыя насмѣшки надъ такими людьми, какъ Еврипидъ или Сократъ. Обвиненія послѣдняго въ безбожіи, высказанныя въ комедіи «Облако», могли имѣть вліяніе на общественное мнѣніе, а слѣдовательно и на приговоръ судей, казнившихъ философа, хотя и черезъ 24 года послѣ представленія комедіи. Что же заставило Аристофана вооружиться противъ величайшаго изъ моралистовъ Греціи? Въ то время въ Аѳинахъ между философами и писателями комедій была открытая вражда: философы обвиняли комедіи—и не безъ основанія—въ цинизмѣ и безнравственности; за то на сценѣ осмѣивались софизмы и діалектика философскихъ парадоксовъ. Но насмѣшки надъ Сократомъ, Эсхилломъ, Еврипидомъ, далеко не такъ сильны, какъ надъ богами въ «Птицахъ», «Лягушкахъ». Вообще господство сатирической комедіи на сценѣ было непродолжительно. Евполидъ, котораго Квинтиліанъ ставитъ на ряду съ Аристофаномъ, былъ убитъ въ сраженіи противъ спартанцевъ и вслѣдствіе его смерти аѳиняне издали законъ, запрещавшій писателямъ носить оружіе. Въ IV вѣкѣ до Р. Х., вслѣдствіе паденія демократіи, на сценѣ было снова запрещено осмѣивать современниковъ, хотя незадолго до того времени зрители выгнали изъ театра комика Кратина за то, что его пьеса была недостаточно смѣшна и дерзка. Менандру пришлось бороться съ пристрастіемъ судей, лишавшихъ его наградъ за комедіи. Зависть и ослѣпленіе аѳинянъ мѣшали имъ видѣть и оцѣнить заслуги писателя. Цари Египта и Македоніи приглашали его къ своему двору. Птоломей болѣе другихъ настаивалъ на этомъ. Но Менандръ предпочелъ блеску и великолѣпію египетскаго двора—мирную жизнь въ родномъ городѣ близь своей Гликеріи. Владыки далекихъ и чужихъ земель восхищались его комедіями, вѣтреннымъ жителямъ Аттики онѣ не нравились, потому что писатель никогда не позволялъ себѣ грубыхъ выходокъ и рѣзкихъ насмѣшекъ въ своихъ пьесахъ.

Греческимъ историкамъ приходилось еще болѣе чѣмъ поэтамъ бороться съ людьми и обстоятельствами. Отецъ исторіи, Геродотъ, долженъ былъ бѣжать изъ своей родины Галикарнаса отъ преслѣдованій тирана Лигдамиса. Принявъ участіе въ заговорѣ противъ тирана, Геродотъ вернулся въ Галикарнасъ, но, изгнавъ Лигдамиса, вскорѣ самъ долженъ былъ удалиться изъ родного города и уже болѣе не возвращался въ него. Послѣ долгихъ странствованій, онъ избралъ своимъ пребываніемъ Туріумъ, греческую колонію, основанную въ Италіи близъ Сибариса. Здѣсь онъ написалъ свою исторію, въ которой освѣтилъ событія основною и вѣрною мыслью— борьбою востока съ западомъ, цивилизаціи съ варварствомъ, Дарія и Ксеркса противъ грековъ. Ѳукидидъ, едва не погибшій въ молодости отъ чумы, былъ изгнанъ изъ родины по интригамъ демагога Клеона и двадцать лѣтъ провелъ въ изгнаніи. Получивъ возможность вернуться въ Аѳины, вслѣдствіе декрета объ амнистіи, онъ былъ убитъ разбойниками на пути въ этотъ городъ. Третій знаменитый историкъ Греціи, Ксенофонтъ, красавецъ собою, въ шестнадцать лѣтъ былъ любимымъ ученикомъ Сократа. Вмѣстѣ съ учителемъ онъ участвовалъ въ сраженіи при Деліумѣ, гдѣ философъ спасъ ему жизнь, вынеся его раненаго на своихъ плечахъ изъ жаркой битвы. Во время пелопонезской войны онъ былъ взятъ въ плѣнъ беотійцами, потомъ поступилъ на службу Кира младшаго, намѣстника Малой Азіи. И когда Киръ погибъ въ сраженіи, Ксенофонтъ пробился съ греческимъ отрядомъ отъ береговъ Тигра къ Понту Эвксинскому, описавъ это отступленіе въ своей исторіи. Въ Греціи онъ сдѣлался приверженцемъ Агезилая, царя спартанскаго и послѣдовалъ за нимъ въ азіатскую экспедицію. Оскорбленные этимъ аѳиняне осудили его на изгнаніе, продолжавшееся около тридцати лѣтъ. Но Ксенофонтъ не перенесъ равнодушно и спокойно, какъ Ѳукидидъ, приговоръ своихъ согражданъ и сражался противъ нихъ въ битвѣ при Коронеѣ. Спартанцы наградили его приверженность богатымъ помѣстьемъ близъ Олимпіи, но историку не пришлось кончить дни въ этомъ мирномъ убѣжищѣ. Въ глубокой старости онъ принужденъ былъ бѣжать изъ свего дома, вслѣдствіе вторженія элійцевъ въ эту страну и поселился въ Коринѳѣ, хотя аѳиняне отмѣнили декретъ, осуждавшій его на изгнаніе. Филиппъ Сиракузскій написалъ исторію Сициліи, гдѣ самъ игралъ большую роль, какъ приверженецъ тирана Діонисія и самъ убилъ себя, чтобы не попасться въ руки возмутившихся сицилійцевъ. Полибій былъ свидѣтелемъ паденія свободы Греціи. Онъ былъ врагомъ Македоніи, но когда Римъ объявилъ войну царю Македоніи Персею, Полибій принялъ его сторону, видя, что господство римлянъ грозитъ еще большею опасностью Греціи. Послѣ побѣды римлянъ, Полибій былъ изгнанъ изъ отечества и провелъ семнадцать лѣтъ въ Римѣ. Во время послѣдней борьбы, онъ совѣ-

товалъ согражданамъ покориться Риму и оказалъ большія услуги родинѣ, смягчивъ гнѣвъ побѣдителей и отстоявъ въ городахъ Греціи по крайней мѣрѣ муниципальную автономію.

Всего болѣе боролись за свои идеи и ученіе—философы, начиная съ Пиѳагора, уведеннаго плѣнникомъ въ Вавилонъ изъ Египта, завоеваннаго Камбизомъ. Тамъ онъ изучилъ Зороастра и усвоилъ себѣ его главныя мысли. Получивъ право гражданства въ Кротонѣ, онъ основалъ тамъ школу. Когда же кротонцы взяли Сибарисъ, Пиѳагоръ основался въ этомъ городѣ, проповѣдуя тамъ свое ученіе, бывшее нравственнымъ и религіознымъ подготовленіемъ къ жизни гражданина. Но школа Пиѳагора существовала не долго. Основанная на развалинахъ Сибариса, разрушенная кротонцами за его приверженность къ демократіи, она черезъ 20 лѣтъ была сожжена этими же кротонцами за то, что держалась аристократической партіи. Часть пиѳагорейцевъ погибла въ народномъ возстаніи. Стараго учителя пощадили, но, лишившись всего, онъ принужденъ былъ въ восемдесятъ лѣтъ скитаться изгнаникомъ. Во многихъ городахъ ему отказывали въ убѣжищѣ и оскорбляли его. Тарентъ пріютилъ его и онъ умеръ тамъ въ неизвѣстности, забытый всѣми. Греки не любили его за то, что пиѳагорейцы составляли отдѣльную касту въ обществѣ, считая всѣхъ остальныхъ людей ниже себя. Пиѳагоръ держался въ философіи дорійскаго начала, основаннаго на неподвижности древнихъ обычаевъ, не признававшаго личной свободы, приносившаго все въ жертву общинѣ. Совершенно противоположнаго, іонійскаго начала, стремившагося къ развитію усовершенствованія, держались Ѳалесъ, приписывавшій рожденіе всѣхъ веществъ водѣ, и Анаксимандръ, говорившій, что солнечная теплота произвела изъ тинистой земли всѣхъ животныхъ и человѣка, возникшаго первоначально въ формѣ рыбы. Гераклитъ эфесскій, одинъ изъ первыхъ пессимистовъ и мизантроповъ, видѣлъ во всемъ одно дурное, отыскивалъ людскіе пороки и несовершенства. Жертва несправедливости своихъ согражданъ, онъ удалился въ уединеніе, въ горы, гдѣ питался одними растеніями и умеръ отъ голода. Онъ отвергаетъ всякіе авторитеты и признаетъ только самосознаніе собственнаго мышленія. Весь міръ, по его понятіямъ, не что иное, какъ борьба противоположныхъ началъ. Изъ іонійской школы развилась элеатская. Одинъ изъ ея представителей Ксенофанъ Колофонскій былъ изгнанъ изъ Эллады 25-ти лѣтъ и провелъ въ изгнаніи 67 лѣтъ. Это былъ первый раціоналистъ древности, отрицавшій всѣ преданія, но чувствовавшій въ то же время разладъ съ самимъ собою. Парменидъ, не смотря на знатное происхожденіе и богатство, отказался отъ общественной дѣятельности и предпочелъ уединенную жизнь. Онъ училъ, что все полно вмѣстѣ свѣта и темной ночи. Вмѣстѣ съ Зенономъ онъ составилъ законы для своей родины, а когда тиранъ Неархъ присвоилъ себѣ

власть надъ Элеею, Зенонъ возсталъ противъ притѣснителя народной свободы, и схваченный имъ умеръ въ пыткѣ, не назвавъ своихъ сообщниковъ. Преданіе говоритъ, даже, что по примѣру гетеры Леены, онъ, чтобы не выдать соумышленниковъ, откусилъ себѣ языкъ и выплюнулъ его въ лицо тирана. Анаксагоръ, признававшій бога, отдѣльнаго отъ міра, не видѣлъ разницы между душою и разумомъ. Онъ былъ осужденъ за оскорбленіе народныхъ вѣрованій, за то, что утверждалъ, будто солнце и свѣтила вовсе не небесные боги, а простыя каменныя массы, свѣтящіяся вслѣдствіе вращенія эѳира. Периклъ спасъ философа отъ смертной казни и его приговорили только къ изгнанію. Онъ умеръ въ Лампсакѣ, окруженный всеобщимъ уваженіемъ, высказавъ результатъ своихъ философскихъ изслѣдованій въ афоризмѣ: «ничего нельзя узнать, ничему нельзя научиться, ни въ чемъ нельзя удостовѣриться, чувства ограничены, разумъ слабъ, жизнь коротка». Протагора аѳиняне изгнали изъ отечества и сожгли на площади его сочиненія, а тѣхъ у кого были съ нихъ копіи, обязали, подъ страхомъ наказанія, представить въ судъ эти копіи—и все за то, что онъ высказалъ мысль, что касательно вопроса существуетъ богъ или нѣтъ— множество причинъ мѣшаютъ намъ узнать это навѣрное. Къ числу этихъ причинъ принадлежитъ, между прочимъ, краткость нашей жизни и темнота самаго вопроса. Участь другого философа Діагора, прозваннаго атеистомъ, была еще печальнѣе. Онъ долженъ былъ бѣжать изъ Аѳинъ за то, что явно отрицалъ существованіе боговъ, разбивалъ ихъ изображенія, смѣялся надъ религіозными обрядами и таинствами. Сочиненія его были запрещены, правительство обѣщало даже одинъ талантъ за его голову и два тому, кто представитъ его живого. Это постановленіе было вырѣзано на бронзовомъ столбѣ. Гонимый изъ города въ городъ, Діагоръ не могъ найти убѣжища въ цѣлой Греціи и утонулъ, переправляясь въ Малую Азію. Послѣдніе два примѣра могли бы послужить урокомъ Сократу, если бы этотъ великій гражданинъ и мыслитель могъ поступиться своими убѣжденіями въ угоду мнѣніямъ правительства. Но онъ всегда отличался твердостью и неустрашимостью. Въ войнѣ онъ спокойно переносилъ голодъ и лишенія, дрался храбро, спасъ жизнь Алкивіаду. Въ мирное время онъ оказалъ еще болѣе замѣчательные примѣры мужества, одинаково давалъ отпоръ и произволу тирановъ, и увлеченіямъ необузданной толпы. Тридцать тирановъ приказали ему и еще четыремъ аѳинянамъ схватить и привести Леона, бѣжавшаго въ Саламинъ. Сократъ наотрѣзъ отказался исполнить это требованіе, говоря: «правительство, не смотря на все свое могущество, не можетъ заставить меня поступить несправедливо». Его казнили бы за это неповиновеніе, если бы вскорѣ само правительство не было низвергнуто. Въ другой разъ Сократъ далъ такой же мужественный отпоръ большинству аѳинской черни.

Послѣ битвы при Аргинузахъ, начальникъ аѳинскаго флота оставилъ непогребенными тѣла убитыхъ, потому что буря не позволяла выйти на берегъ. Враги начальниковъ, желая погубить ихъ, отдали за это подъ судъ и предложили, въ народномъ собраніи, на голосованіе вопросъ: законно ли поступили подсудимые, оставивъ тѣла безъ погребенія. Въ случаѣ отрицательнаго вопроса, виновныхъ, по рѣшенію сената, должно было присудить къ смертной казни. Сократъ и другіе пританы (члены городского управленія) отказались пустить такой вопросъ на голоса. Народъ взволновался и требовалъ, чтобы самихъ притановъ, за сопротивленіе его волѣ, предали суду. Пританы рѣшились уступить. Одинъ Сократъ, какъ предсѣдатель, твердо отказался допустить несправедливость и, безъ его согласія, вопросъ не могъ быть пущенъ на голоса.

Сократъ посвятилъ тридцать послѣднихъ лѣтъ своей жизни исключительно воспитанію юношества и обученію народа особымъ философскимъ методомъ, состоящимъ въ томъ, что онъ не читалъ лекцій, не составлялъ систематическихъ руководствъ, а только разговаривалъ со своими слушателями. Діалектическими изслѣдованіями онъ разрѣшалъ вопросы, касающіеся человѣка и основныхъ принциповъ нравственности. Онъ не бралъ никакой платы за свое ученіе и допускалъ всѣхъ бесѣдовать съ нимъ, вездѣ, гдѣ придется: на торговыхъ площадяхъ, публичныхъ гуляньяхъ, въ школахъ, въ гимназіяхъ, гдѣ занимались тѣлесными упражненіями. Со всѣхъ концовъ Греціи сбирались на эти бесѣды, и онъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что дѣло его—обученіе и воспитаніе—призваніе божественное, религіозное поклонничество. Онъ училъ преимущественно добру и говорилъ «я знаю, что ничего не знаю», объясняя эти слова такъ: «прежде всего познай, какую пользу могутъ принести человѣчеству твои способности; познай свое незнаніе, чтобы умъ твой былъ свободенъ отъ самообольщенія въ знаніи, безъ знанія на самомъ дѣлѣ, мѣшающаго людямъ быть истинно мудрыми, то есть стремиться къ дѣйствительному ученію». Сократъ былъ религіозный миссіонеръ, воспитывавшій умы для жизненной философіи, «обличающій и убѣждающій богъ, сошедшій съ неба на землю для того, чтобы испытывать и убѣждать не твердыхъ по уму людей», какъ говоритъ Платонъ. И такого человѣка обвинили въ томъ, что онъ не почитаетъ боговъ и развращаетъ юношество. Подобное обвиненіе влекло за собою наказаніе—смертную казнь. Утверждали, что онъ учитъ молодыхъ людей презрительно обходиться съ родителями, внушая такія гибельныя правила: «если кто въ чемъ нуждается, то не отъ родныхъ долженъ ждать помощи, а отъ тѣхъ, кто способенъ оказать такую помощь; кто боленъ — долженъ просить совѣта у врача, а не у отца; не должно уважать тѣхъ, кто поступаетъ не честно». Въ числѣ «гибельныхъ правилъ» приводили и мысль Гезіода, часто повторяемую Сократомъ «не должно прези-

рать никакую работу, надо презирать одну лишь праздность». Стало быть — говорили обвинители—человѣкъ можетъ дѣлать все, что ему угодно—лишь бы это было ему выгодно. Такъ искажали самыя простыя мысли въ IV вѣкѣ до Р. X., хотя въ то время, для подобнаго искаженія, еще не была изобрѣтена цензура.

Сократа судили люди болѣе озлобленные на философа за то, что онъ не признавалъ ихъ умными людьми, называя ихъ знаніе—ложнымъ самообольщеніемъ. Въ защитительной рѣчи обвиненный прямо сказалъ своимъ судьямъ: «вы ждете, что я буду умолять васъ пощадить мою жизнь, но я былъ бы виновенъ, еслибы пытался такими мольбами склонить васъ на мою сторону. Вы клялись не гнуть законовъ туда, куда клонится ваше пристрастіе—и вашъ долгъ исполнить это». Такимъ языкомъ никто не говорилъ съ аѳинскими судьями. Подсудимый ставилъ себя выше ихъ власти, училъ ихъ самихъ признавать божественное призваніе въ томъ, въ чемъ его обвиняли. И они осудили его на смерть большинствомъ всего пяти голосовъ. Въ заключительной рѣчи философъ сказалъ своимъ судьямъ: «вы осудили меня потому, что я не хотѣлъ говорить того, что вамъ было бы пріятно слушать. Но я гнушался сдѣлать или сказать что̀-либо недостойное свободнаго человѣка и теперь не раскаяваюсь, что защищалъ себя такимъ образомъ... Вы жестоко ошибаетесь, полагая, что казня людей, запугаете и удержите другихъ отъ обличенія васъ». И онъ умеръ спокойно, на семидесятомъ году, бесѣдуя о безсмертіи души, не вспоминая о своихъ судьяхъ, пославшихъ ему чашу съ ядомъ въ темницу, гдѣ его держали еще мѣсяцъ по произнесеніи смертнаго приговора. Убійство этого мученика своихъ убѣжденій, павшаго въ борьбѣ за свои педагогическія и философскія идеи—представляетъ въ древнемъ мірѣ самый выдающійся фактъ въ исторіи этой борьбы. Сократъ первый изъ философовъ поставилъ самымъ важнымъ предметомъ для изученія человѣчества — самого человѣка, изслѣдовалъ природу его, создалъ науку о воспитаніи, образованіи характера, доказалъ обществу, ослѣпленному увѣренностью въ своемъ знаніи, что знаніе это не дѣйствительное. Значеніе его, какъ практическаго моралиста, было причиною почета, какимъ пользуется его имя въ исторіи. Принципъ Сократа — способствованіе счастію человѣчества, основанный на гуманности, то есть, чувствѣ человѣческаго достоинства, представляетъ самую возвышенную идею нравственности, какая только была доступна древней мысли. Одной изъ главныхъ заслугъ Сократа была также его борьба съ софистами, многочисленнымъ классомъ философовъ, основавшихъ свое ученіе только на кажущейся и относительной истинѣ и пришедшихъ поэтому къ убѣжденію, что можно доказать истину всего, что угодно. Аѳиняне были въ восторгѣ отъ этого искусства — все опровергнуть и все доказать, отъ этой философіи, перешедшей въ нравственность, поли-

тику, даже въ религію. Добро и зло, ложь и правда, польза и вредъ сдѣлались шатки и относительны. Платонъ приписываетъ софистамъ упадокъ Греціи, но они перенесли только въ науку теорію, господствовавшую въ политикѣ и основанную на правѣ сильнаго. Софисты учили богатыхъ людей — обходить законы, а народъ—неуважать эти законы. Въ Аѳинахъ скоро не стали признавать ни добра, ни истины, но Сократъ обнаружилъ всѣ крайности и преувеличенія софистовъ, представилъ ихъ шутами и невѣждами и аѳиняне стали смѣяться надъ ними.

Со смертью Сократа началось гоненіе на философовъ и послѣдователь его Платонъ долженъ былъ удалиться въ Мегару, откуда предпринялъ ученое путешествіе, едва не окончившееся погибелью философа. Тиранъ сиракузскій Діонисій-старшій хотѣлъ убить его. Аристоменъ и Діонъ съ трудомъ спасли философа, но онъ всетаки былъ проданъ въ рабство на островъ Эгину, откуда его выкупилъ киренеянинъ Анниxересъ и отпустилъ въ Аѳины. Тамъ онъ началъ читать лекціи въ академіи, въ сѣверномъ предмѣстьѣ города, доставившія вскорѣ философу такую славу, что его прозвали «божественнымъ». Діонисій-младшій снова привлекъ его въ Сиракузы, но и этотъ тиранъ былъ не лучше своего отца и Платонъ не провелъ двухъ лѣтъ въ Сициліи. Тирану жаль было разстаться съ Платономъ и онъ еще разъ привлекъ восьмидесятилѣтняго старика въ Сиракузы—обѣщаніемъ исправиться. И на этотъ разъ философъ едва могъ спастить отъ тирана, не сдержавшаго клятвъ. Съ тѣхъ поръ онъ не покидалъ Аѳинъ, гдѣ умеръ, окруженный всеобщимъ почетомъ. Въ своихъ сочиненіяхъ Платонъ излагаетъ основы нравственной философіи и соціологіи. Въ своей «Республикѣ», которую правильно было бы назвать «Общественнымъ договоромъ», онъ отъискиваетъ истинныя начала справедливости для того, чтобы всѣ люди были счастливы. «Народы будутъ счастливы только когда цари будутъ философами или философы — царями». Цѣль другого сочиненія «Законы»—сдѣлать счастливымъ государство, не расширеніемъ его власти, не богатствомъ или силою оружія, а удаленіемъ зла или подвигами добра. Философъ старается смягчить рабство, эту язву древняго міра, перешедшую въ Европу съ востока и совѣтуетъ хорошо обходиться съ рабами не только для нихъ, но и для самого себя.

Третій великій мыслитель Греціи—Аристотель также испыталъ въ жизни гоненія и несправедливость. Посвятивъ четыре года воспитанію Александра Македонскаго, онъ продолжалъ переписываться со своимъ ученикомъ до его смерти, живя въ Аѳинахъ и открывъ свою школу въ лицеѣ. Но по смерти Александра, аѳиняне, ненавидѣвшіе своего побѣдителя, захотѣли отомстить его учителю и обвинили его какъ Сократа въ безбожіи. Видя неизбѣжность осужденія, Аристотель бѣжалъ изъ города, «чтобы избавить аѳинянъ отъ вторич-

наго преступленія противъ философіи». Ареопагъ заочно приговорилъ его къ смерти, но онъ умеръ въ Халкидѣ объ болѣзни желудка. Какъ философъ Аристотель былъ противникомъ Платона, признававшаго идеи или общія начала, изъ которыхъ выводились частности (методъ дедуктивный), тогда какъ Аристотель наоборотъ принимаетъ систему индукціи, восходящей отъ частности къ общимъ началамъ. По теоріи Платона философія раждается изъ вѣры въ минувшее, Аристотель говоритъ, что одинъ разумъ можетъ произвести ее изъ существующихъ фактовъ. Первый — идеалистъ, послѣдній—матеріалистъ. Аристотель врядъ ли вѣрилъ въ безсмертіе души, но онъ былъ первымъ энциклопедистомъ и величайшимъ ученымъ своего времени. Его «Политика» — есть наука о благѣ людей, дополненіе къ нравственности. Сочиненіе это лучше и практичнѣе утопической «Республики» Платона. Въ исторіи образованія выше Сократа и Платона стоитъ Аристотель. Его вліяніе на умственное развитіе не только древняго, но и новаго міра—огромно. Онъ былъ авторитетомъ многихъ народовъ и вѣковъ. Въ средніе вѣка его положенія были евангеліемъ науки. Логическое построеніе его системы мышленія поражало своею точностью. Отцы церкви изучали его также ревностно, какъ язычники. Но въ XIII вѣкѣ папы приказали жечь сочиненія философа, не изучать ихъ болѣе, а тѣмъ кто читалъ ихъ—позабыть все, чему изъ нихъ научились. Это, конечно, еще болѣе содѣйствовало распространенію его ученія, и духъ времени побѣдилъ даже предписанія религіи. Арабы перевели и коментировали всего Аристотеля. Папа Урбанъ V приказалъ перевести его, и творенія Стагирита сдѣлались для науки такимъ же авторитетомъ, какъ библія для религіи. Схоластики запрещали даже думать иначе чѣмъ философъ; сомнѣніе въ немъ считалось ересью, несогласіе съ нимъ — преступленіемъ. Петръ Рамусъ за то, что опровергалъ Аристотеля былъ присужденъ Францискомъ I, какъ «дерзкій и наглый клеветникъ» не преподавать въ школахъ и не писать противъ философа. Заранѣе обреченный на смерть за противодѣйствіе общественному мнѣнію, Рамусъ былъ убитъ въ Варѳоломеевскую ночь. Парламентскимъ эдиктомъ Людовика XIII, въ 1629 году, было запрещено подъ смертною казнью опровергать философію Аристотеля. Протестантизмъ поклонялся ему также какъ и католицизмъ. Меланхтонъ ввелъ ученіе Аристотеля въ лютеранскія школы; его же приняли и іезуиты, со свойственною имъ ловкостью употребившіе это ученіе противъ Декарта и свободныхъ мыслителей. Только въ XVIII вѣкѣ энциклопедисты окончательно опровергли это ученіе и оно осталось теперь въ однѣхъ католическихъ семинаріяхъ.

Представители другихъ философскихъ школъ, эпикурейской, цинической, скептической и стоической не вели упорной и продолжительной борьбы за свои идеи. Школы эти возникали и падали

при небольшомъ числѣ приверженцевъ и равнодушіи массы. Онѣ не имѣли большого вліянія на развитіе человѣчества. Ораторское искусство, развившееся въ Греціи вмѣстѣ съ философіей, также не оставило прочныхъ слѣдовъ въ ходѣ прогресса. Антифонъ осужденный на смерть за то, что не успѣлъ заключить мира со Спартою, Исократъ, уморившій себя голодомъ, чтобы не пережить погибели свободы отечества, Гиперидъ, убитый по приказанію Антипатра, были явленіями единичными, исключительными, какъ и величайшій изъ ораторовъ Демосѳенъ, принявшій ядъ послѣ неудачныхъ попытокъ возстановить независимость родины. Изъ законодателей оставили прочные слѣды — въ Спартѣ побубаснословный Ликургъ, въ Аѳинахъ—одинъ изъ семи мудрецовъ Солонъ. Цивилизація Греціи, погибшая подъ мечомъ Александра Македонскаго, возникла въ основанномъ имъ городѣ, въ дельтѣ Нила. Здѣсь, въ музеѣ и библіотекѣ, хранились драгоцѣнныя сокровища древней науки и литературы, въ числѣ до 500,000 свитковъ и здѣсь же погибли они, при осадѣ города Юліемъ Цезаремъ въ 47 году до Р. Х. Онъ зажегъ корабли въ пристани—и пламя перешло на библіотеку. Другая часть этихъ сокровищъ, хранившаяся въ Серапіонѣ, была истреблена въ 391 году по Р. Х. кровожаднымъ изувѣромъ александрійскимъ патріархомъ Ѳеофиломъ, напавшимъ съ фанатизированною имъ толпою на Серапіонъ и раззорившимъ его послѣ отчаянной борьбы съ язычниками, предводимыми философомъ Олимпіемъ. Омаръ, овладѣвшій Александріей въ 641 году, никакъ не могъ найти въ городѣ, уже раззоренномъ продолжительными войнами и грабежами, столько книгъ, чтобы топить ими въ теченіи полугода 4,000 александрійскихъ бань, какъ объ этомъ говорятъ историки.

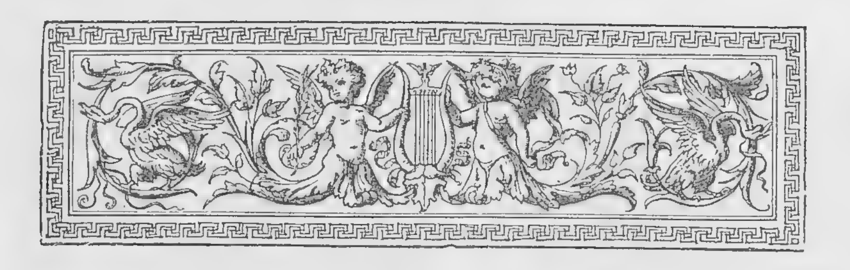
Философія также процвѣтала въ городѣ Александріи, въ школахъ неоплатониковъ и гностиковъ, и величайшимъ мыслителемъ I вѣка нашей эры не напрасно считаютъ Аполлонія Тіанскаго, аскета, реформатора, пророка и даже чудотворца, потому что легенды всегда соединяли съ даромъ предсказывать будущее и даръ творить чудеса. Онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на современниковъ, но не своими сочиненіями, а жизнью, полною добра и самоотверженія. Его прославляли поэты, историки, философы. Александръ Северъ объявилъ его богомъ и поставилъ между Орфеемъ и Іисусомъ. Язычество въ борьбѣ съ христіанствомъ возвело въ идеалъ этого уроженца маленькаго городка Каппадокіи, и воздвигло ему храмы. Гіераклъ, правитель Александріи, въ своемъ сочиненіи «Правдивое слово» упрекаетъ христіанъ въ легкомысліи за то, что они признали богомъ Іисуса, совершившаго немногія чудеса, тогда какъ язычника Аполлонія, сдѣлавшаго несравненно болѣе, признаютъ не богомъ, а только богоугоднымъ мужемъ. «Дѣла Іисуса, говоритъ Гіераклъ, возвеличили Петръ и Павелъ и нѣко-

торые имъ подобные люди, обманщики, невѣжды и чародѣи: дѣла же Аполлонія описали Микилъ Эгійскій, Дамисъ, философъ, сопутствовавшій ему, и Филостратъ аѳинскій, люди отлично образованные, уважавшіе истину». Онъ излечивалъ отъ болѣзней, говоритъ Вопискъ, возвращалъ жизнь мертвымъ, совершилъ и сказалъ многое, что превышаетъ способности людей. Даже между христіанами встрѣчались лица, увлекавшіяся имъ, какъ Сидоній Аполинарій, историкъ Евсевій. Жизнь Аполлонія, разсказанная Филостратомъ, жившимъ во II вѣкѣ по Р. Х., полна фантастическихъ сказокъ. Тутъ есть и бесѣды на языкѣ животныхъ и изгнаніе демоновъ изъ людей и воскрешеніе мертвыхъ и вознесеніе на небо, но все, что касается до ученія человѣка, заключавшаго въ себѣ все интеллигентное развитіе своей эпохи—не подвержено сомнѣнію. Онъ рѣшалъ самые запутанные философскіе вопросы, юридическія дѣла, давалъ политическіе совѣты, его мнѣнія считались авторитетомъ. Философія его состояла въ познаваніи людей и бога. Угодить богу можно только добрыми дѣлами; порочные не приблизятся къ нему, какія бы жертвы ни приносили. Между богомъ и людьми невозможно никакое общеніе. Аполлоній не употреблялъ въ пищу животныхъ, пилъ одну воду и изъ плодовъ и овощей предпочиталъ тѣ, которые производитъ сама природа, безъ помощи человѣческаго труда. Въ высшей степени воздержный и цѣломудренный, онъ былъ сострадателенъ къ несчастнымъ и отпустилъ на волю своихъ рабовъ — фактъ изумительный въ древнемъ мірѣ. Равнодушный къ гоненіямъ враговъ, презирающій опасности, спокойный въ цѣпяхъ и темницѣ и передъ судомъ Домиціана, онъ былъ олицетвореніемъ истиннаго мудреца. Поученія его отличались простотою, краткостью, серьезностью. Онъ говорилъ, что готовъ умереть за сознательно избранный имъ родъ жизни. «За гражданскую свободу предписываетъ умереть законъ; за людей, близкихъ сердцу заставляетъ умереть природа, а мудрецъ долженъ быть готовъ умереть за то, къ чему не принуждаютъ ни законы, ни природа». Когда его спрашивали въ темницѣ: не страдаютъ ли его ноги отъ тяжелыхъ цѣпей, онъ отвѣчалъ: «не знаю, потому что умъ мой, занятый другимъ, не чувствуетъ скорби, или подавляетъ ее». О Домиціанѣ онъ говорилъ: «чѣмъ ближе мы узнаемъ тирана, тѣмъ болѣе нужно презирать его». Величавая личность мудреца не даетъ, однако, основы противопоставлять его основателю христіанства, какъ дѣлаютъ многіе коментаторы. Христіанство въ эту эпоху было слишкомъ незначительнымъ явленіемъ и на него не обращали вниманія ученые и философы; новой религіи они въ немъ не видѣли, а ждали обновленія человѣчества отъ той же философіи. Но ученіе Аполлонія было только видоизмѣненіемъ древняго пиѳагореизма и потому старанія его приверженцевъ—создать изъ своего учителя основателя новаго вѣрованія были безплодны.

Въ 529 году Юстиніанъ закрылъ всѣ школы и запретилъ преподаваніе философіи. Гоненіе на философовъ въ эту эпоху уже не было новостью. Еще прежде Каракалла, отнявъ всѣ права у Александріи, истребилъ множество философовъ, а одна изъ замѣчательныхъ послѣдовательницъ науки, красавица Ипатія, читавшая публичныя лекціи математики и философіи, была растерзана фанатическою чернью по наущенію епископа Кирилла. Въ Александріи же развился особый родъ литературы—эротическія сказки, превратившіяся въ Византіи въ романы, служившіе первообразами средневѣковыхъ романовъ. Лукіанъ былъ первымъ греческимъ юмористомъ и написалъ первый памфлетъ противъ языческой религіи—«Разговоры боговъ», полный остроумія и злой насмѣшки, также какъ его «Разговоры философовъ», злая сатира не на однихъ ученыхъ, но на богачей и властителей. Византійская литература была бо̀льшею частью подражательною и въ ней незамѣтно никакой борьбы за идеи или убѣжденія. Передъ своимъ окончательнымъ паденіемъ, греческая цивилизація блеснула яркимъ свѣтомъ только въ одной спеціальной отрасли, не имѣвшей большого вліянія на общество—въ духовномъ краснорѣчіи. Проповѣдники громили пороки современнаго имъ общества во имя новой религіи, но это не мѣшало, однако, византійскимъ императорамъ поступать деспотически съ свѣтилами христіанской церкви. Такъ, архіепископа Іоанна Златоуста схватили тайно ночью и отправили въ ссылку за то, что онъ возставалъ противъ позорной жизни императрицы Евдокіи. Святитель умеръ въ изгнаніи, отъ лишеній и болѣзней, называя императрицу Іезавелью и Иродіадою. Григорій Богословъ всю жизнь боролся противъ разныхъ ересей, что подвергало его большимъ опасностямъ. Однажды, въ ночь на пасху, толпа фанатиковъ, ворвавшись въ церковь, гдѣ онъ служилъ, изранила его, перебила камнями духовенство и повлекла епископа на судъ, едва успѣвшій оправдать святителя. Избранный архіепископомъ, онъ не былъ утвержденъ императоромъ и умеръ въ уединеніи. Но исторія борьбы за религіозныя убѣжденія, представляющая множество поучительныхъ фактовъ, не входитъ въ рамку нашего очерка. Взглянемъ теперь за какія идеи боролась литература покорителей Греціи, владыкъ всего древняго міра—римлянъ.

Вл. Зотовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

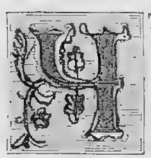

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

КРИТИКА

Архивъ

Архивъ князя Воронцова. Книги 24, 25, 26. Москва. 1882 г.

ЧѢМЪ далѣе подвигается изданіе «Архива князя Воронцова», тѣмъ болѣе выказывается разнообразіе и богатство историческаго матеріала, сохранившагося въ этомъ частномъ архивѣ. Для исторіи Россіи въ прошломъ столѣтіи, это изданіе получило важное значеніе. Но оно сохранится за нимъ и для XIX вѣка, если въ слѣдующихъ томахъ будутъ обнародованы бумаги фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова, который, по своему положенію государственнаго человѣка при трехъ царствованіяхъ, обогатилъ свой фамильный архивъ многоцѣннымъ матеріаломъ. Изъ означенныхъ трехъ книгъ «Архива», послѣдняя вышла уже послѣ кончины князя Семена Михаиловича Воронцова, послѣдовавшей 6-го мая 1882 года. Ему принадлежитъ починъ изданія своего фамильнаго архива; имъ даны были необходимыя на то средства, такъ что онъ оставилъ послѣ себя въ нашей исторической литературѣ слѣдъ, который будетъ служить лучшимъ украшеніемъ памяти о немъ. Были опасенія, что съ кончиною князя Семена Михаиловича Воронцова должно прекратиться изданіе фамильнаго архива, но, повидимому, эти опасенія были преждевременны. Родъ князей Воронцовыхъ въ мужскомъ колѣнѣ пресѣкся, но наслѣдники ихъ, вѣроятно, продолжатъ это общеполезное, замѣчательное собраніе историческихъ документовъ.

Въ 24-й книгѣ заключаются бумаги разнаго содержанія, какъ напр.: записка для памяти объ управленіи Россіею, графа Андрея Ивановича Остермана; автобіографическая записка Бирона; замѣчанія и памятная записка канцлера Бестужева по дѣлу Лестока; о положеніи матери и брата Екатерины Великой въ семилѣтнюю войну; письмо Д. В. Волкова о русской торговлѣ при Елисаветѣ Петровнѣ; послѣдніе дни этой императрицы; письма графа П. В. Завадовскаго къ графу Семену Романовичу Ворон-

цову; письмо къ нему же изъ Калькутты въ 1797 году, перваго русскаго санскритолога Герасима Лебедева (въ 1785 году отправившагося въ Мадрасъ, а въ 1787 г. въ Калькутту, гдѣ онъ на своемъ театрѣ давалъ представленія своихъ пьесъ, переведенныхъ имъ на бенгальскій языкъ); письмо къ нему же полковника Бушуева о графѣ Бобринскомъ; письмо къ нему же графа П. А. Зубова о капитанѣ-лейтенантѣ С. И. Великомъ, съ «семи лѣтъ воспитаннымъ въ комнатѣ у Екатерины Второй», съ похвалою служившемъ во всю шведскую войну и отправленнымъ съ другими морскими офицерами въ Англію для дальнѣйшаго своего образованія; письма курскаго купца Голикова къ графу Александру Романовичу Воронцову; двѣ записки Суворова о своей службѣ, а также письма его къ разнымъ лицамъ изъ италіянскаго похода; автобіографическія бумаги В. В. Пассека; письмо Костюшки къ императору Павлу Петровичу и многія другія.

Въ 25-й книгѣ напечатаны въ числѣ другихъ: записка Бюшинга подъ заглавіемъ: «Основательно изслѣдованныя и изысканныя причины перемѣнъ правленія въ домѣ Романовыхъ», составленная имъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ во время пребыванія въ Петербургѣ съ 1761 по 1765 годъ; донесенія, съ 1740 по 1748 годъ, на французскомъ языкѣ, о событіяхъ царствованія Ивана VI, регентства герцога курляндскаго, принцессы Анны Леопольдовны и о переворотѣ, предшествовавшемъ вступленію на престолъ императрицы Елисаветы Петровны; донесенія, въ 1748 и 1749 годахъ, на французскомъ же языкѣ (повидимому, королю прусскому) объ арестѣ и осужденіи графа Лестока; бумаги относительно бѣгства заграницу секретаря Д. В. Волкова, именно инструкція о поимкѣ его; указъ сенату о сооруженіи Зимняго дворца; карточный счетъ Ивану Ивановичу Шувалову, изъ котораго видно, что онъ проигралъ графу Роману Ларіоновичу Воронцову 7,668 рублей, а выигралъ 3.270 рублей.; письмо Неплюева къ графу Михаилу Ларіоновичу Воронцову изъ Оренбурга, отъ 27-го января 1754 года, съ извѣстіемъ, что караванъ, отправленный имъ, въ 1750 г., изъ Оренбурга въ Индію съ товарами, благополучно возвратился оттуда; письма принцессы Ангальтъ—Цербтсткой (матери Екатерины II) изъ Парижа къ императрицѣ Елисаветѣ, писанныя въ апрѣлѣ и маѣ 1760 года, передъ кончиною, въ которыхъ она просила императрицу не гнѣваться на нее; донесенія о переворотѣ въ Петербургѣ 28-го іюня 1762 года, а также два письма Екатерины II къ Станиславу Понятовскому, отъ 2-го и 9-го августа 1762 года, о томъ же событіи; вопросы Екатерины Второй, писанныя собственною рукою, по дѣламъ внѣшней политики и отвѣты, данные канцлеромъ графомъ М. Л. Воронцовымъ 30-го іюня 1762 года, т. е. чрезъ день послѣ переворота; нѣсколько отрывковъ изъ записокъ короля Станислава Понятовскаго; стихи Вольтера съ намекомъ на возможность брака императрицы Екатерины съ Станиславомъ Понятовскимъ; письма объ Екатеринѣ Великой; 13 писемъ ея къ графинѣ Александрѣ Васильевнѣ Браницкой, съ 1782 по 1791 годъ; письма объ убійствѣ короля шведскаго Густава III. Очень многіе документы и письма обнародованы на французскомъ языкѣ, на которомъ они были писаны.

Въ 26-й книжкѣ напечатаны: докладъ неизвѣстнаго лица, отъ 7-го февраля 1763 года, императрицѣ Екитеринѣ II объ учрежденіи совѣта, съ примѣчаніемъ на проектъ манифеста; различныя бумаги графа П. В. Завадовскаго; бумаги графа Никиты Ивановича Панина и въ томъ числѣ его письма къ графу М. Л. Воронцову съ 1747 по 1760 годъ, письма послѣдняго

къ первому и письма графа Н. И. Панина къ императрицѣ Екатеринѣ; записка на французскомъ языкѣ о кончинѣ Вольтера, секретаря его Ваніера; размышленія, относящіяся къ овладѣнію Дарданельскими укрѣпленіями; дѣло о разводѣ въ 1779 году генералъ-поручика Сиверса съ его женою Елисаветою; краткое изъясненіе о вольности французскаго дворянства и о пользѣ третьяго чина; разсужденіе о третьемъ чинѣ; о вывозѣ русскаго серебра въ Пруссію въ 1784 году; письма Потемкина къ Суворову въ 1789 и 1790 годахъ; стихи на екатерининскія учрежденія; подлинныя донесенія императрицѣ Екатеринѣ графа Захара Григорьевича Чернышева объ открытіи Московской губерніи; письмо архіепископа казанскаго Амвросія о новокрещенскихъ школахъ; рапортъ генералъ-аншефа Гудовича въ 1791 году Екатеринѣ Великой съ описаніемъ Кавказа; интересная переписка въ 1790 году саксонскаго резидента въ Петербургѣ Гельбига съ Лоссомъ; записка на французскомъ языкѣ о мартинистахъ, поданная въ 1811 году графомъ Ростопчинымъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ и многія другія.

Представивъ краткое содержаніе трехъ книжекъ «Архива князя Воронцова», мы сдѣлаемъ изъ нихъ извлеченія, по которымъ читатели въ состояніи будутъ лучше судить объ интересѣ этого историческаго сборника. Такъ, напримѣръ, къ характеристикѣ нашихъ дипломатовъ, можетъ служить любопытный фактъ, сообщенный въ письмѣ изъ Дрездена, отъ 18-го марта 1753 года, графомъ М. П. Бестужевымъ-Рюминымъ вице-канцлеру, графу М. Л. Воронцову, что графъ Кейзерлингъ, бывшій много лѣтъ русскимъ посланникомъ при польскомъ дворѣ, состоялъ въ то же время въ польскомъ подданствѣ и имѣлъ отъ короля польскаго два староства, одно въ Литвѣ, другое въ Пруссахъ, которыя приносили ему ежегоднаго дохода болѣе 8,000 талеровъ, и сверхъ того, пользовался отъ саксонскаго двора пенсіономъ въ 4,000 талеровъ. Секретаремъ посольства при немъ былъ также иностранный подданный, родомъ пруссакъ.

Изъ писемъ графа П. В. Завадовскаго къ графу Семену Романовичу Воронцову, интересны особенно два, изъ которыхъ въ одномъ онъ сообщаетъ своему искреннему другу о началѣ своего придворнаго случая, а въ другомъ о его прекращеніи. Извѣстно, что Завадовскій фаворитомъ былъ съ января 1776 года по іюль 1777 года. Вотъ что писалъ Завадовскій, 3-го января 1776 года, изъ Петербурга: «Порадуйся мой любезный графъ, что на меня проглянуло небо, и что уже со вчерашняго дня генералъ-адъютантомъ вашъ искренній другъ и преданнѣйшій слуга Завадовскій». Графъ Воронцовъ не воспользовался возвышеніемъ своего друга, но вышелъ въ отставку и по болѣзни уѣхалъ въ Италію. Завадовскій продолжалъ ему писать туда. Въ письмѣ, отъ 5-го марта 1777 года, онъ сообщалъ, между прочимъ: «Мнѣ совѣстно, что я не со всякою почтою пишу къ тебѣ. Я тебѣ сказалъ въ предъидущемъ письмѣ, что не отъ лѣни моей сіе происходитъ. Я живу, покоряя разсудокъ уваженію, не мѣря себя съ тѣми, кои меня выше, но сравнивая себя съ таковыми, которыхъ я счастьемъ превзошелъ несравненно». Отъ 16-го марта 1777 года, Завадовскій писалъ: «Новостей ты не хочешь; повѣрь, что я ихъ меньше всѣхъ знаю, и послѣдній въ городѣ свѣдаю, ежели бы что и было. Ты знаешь, что я любилъ упражняться моимъ дѣломъ, но здѣсь я не имѣю никакого. И такъ всегда одинъ, время иногда провождаю, читая книги». Затѣмъ Завадовскій просилъ Воронцова возвратиться въ Россію и въ этомъ мѣстѣ его письма рукою императрицы Ека-

терины прибавлено: «И я прошу, возвратитеся скарѣя». Слѣдовательно, она прочитывала письма, которыя отправляли ея фавориты. Въ томъ же письмѣ Завадовскій, приглашая Воронцова отвѣчать императрицѣ на ея приведенную приписку, выражается о ней: «Мы любимъ хвалу и въ оной не знаемъ излишества» и подчеркнулъ эту фразу. Отъ 8-го іюля 1777 года, Завадовскій писалъ Воронцову: «Собылось со мною все, что ты думалъ; оправдались твои предреченія; я столько несчастливъ, сколько истинны твои заключенія. Горька моя участь, ибо сердце въ мукахъ и любить не можетъ перестать. Сенюша, тебя стыжусь, а все прочее на свѣтѣ не дастъ мнѣ забвенія. Среди надежды, среди полныхъ чувствъ страсти, мой счастливый жребій преломился, какъ вѣтеръ, какъ сонъ, коихъ нельзя остановить: исчезла ко мнѣ любовь. Послѣдній я узналъ мою участь и не прежде, какъ уже совершилась. Угождая волѣ, которой повинуюсь, доколѣ существую, я ѣду въ деревню малороссійскую; ты меня въ ней найдешь по твоему предвѣщанію. Мой отпускъ хотя съ тѣмъ опредѣленъ, дабы чрезъ шесть недѣль возвратиться, но могу ли я чему-нибудь уже вѣрить! Заклинаю тебя дружбою и любовію, не огорчайся и не обвиняй ее тяжкимъ образомъ. Представь человѣчество и страсть, и, забывая все прочее, люби и будь привязанъ, по крайней мѣрѣ, за то, что она вѣчно мила моему сердцу. Я не чувствую обиды, люблю одинаково, и будеб страсть облегчилася, вмѣстѣ съ оною, теперь дѣйствующая, останется во мнѣ благодарность. Я просилъ Алексашу, чтобы онъ обстоятельно описалъ тебѣ мое состояніе. Рыданіемъ и возмущеніемъ духа платя горькую дань чувствительному моему сердцу, я столько ослабѣлъ, что не въ состояніи о себѣ говорить, и для тебя и ради себя убѣгаю проходить воспоминаніемъ мою долю, которая столь живо еще мнѣ чувства поражаетъ. Жалость и отчаяніе исторгали изъ меня жизнь; спасеніемъ оной не своему разсудку, но долженъ попеченію моихъ пріятелей, между коими твое мѣсто занималъ равно тебѣ и мнѣ любезный твой братъ. Еще не скажу, чтобы я былъ въ силахъ бороться съ печалію. Ѣду въ лѣсъ и пустыню не умерщвлять, но питать оную... Я теперь сажусь въ твою коляску, оставляя городъ и чертоги, гдѣ толико былъ счастливъ и злополученъ, и гдѣ сраженъ я на подобіе агнца, который закалается въ ту пору, когда ласкаясь лижетъ руку».

Въ письмѣ Петра Ивановича Измайлова къ графу Семену Романовичу Воронцову, разсказывается призывъ его къ императору Павлу Петровичу по его воцареніи. При возшествіи на престолъ Екатерины II, онъ былъ капитаномъ преображенскаго полка и, по привязанности къ императору Петру III, удалился въ Москву, гдѣ и прожилъ 35 лѣтъ. Тамъ онъ получилъ письмо отъ императора Павла, отъ 19-го ноября 1796 г., съ знаками ордена св. Анны. Измайловъ явился въ Петербургъ и на вахтъ-парадѣ былъ представленъ императору, который обласкалъ его и сказалъ: «здѣсь тебѣ, Петръ Ивановичъ, холодно; поди вверхъ и у меня всегда будь и кушай». Послѣ обѣда императоръ подошелъ къ нему и сказалъ: «наклонись!» и надѣлъ на него александровскую ленту, присовокупивъ: «эта у тебя была дорожная, а эта городская». Измайловъ возразилъ: «Государь, вы меня воскресили; но я уже не въ состояніи всѣ оныя милости вамъ заслужить». «Ты, Петръ Ивановичъ, тому заслужилъ, кто мнѣ всего дороже», отвѣчалъ императоръ Павелъ.

Изъ писемъ матери Екатерины Великой, вдовствовавшей принцессы Ангальтъ-Цербтсткой, любопытно письмо къ ея дочери, отъ 19-го (30-го) апрѣля

1760 года, въ которомъ она, между прочимъ, сообщаетъ: «Либо примѣръ ея императорскаго величества, или политика есть тому причиною, дражайшая моя дочь, что вы ко мнѣ не пишете, и, повидимому, не много старанія о моихъ дѣлахъ прилагаете!.. Желала бы я, чтобы вы сами могли видѣть все то, что я претерпѣваю, и тогда бы, конечно, не дожидались того, чтобы я васъ просила; но единственное сожалѣніе побудило бы васъ болѣе нежели мои письма. И если бы знали все то, что со мною случилось, и извѣстны были вамъ всѣ тѣ обстоятельства, въ коихъ я находилась, то бы состояніе мое подаваемыми отъ васъ утѣшеніями могло часто быть облегчаемо. Но теперь, когда уже медики предали меня шарлатанамъ, и я одержима крайнею болѣзнію, не остается мнѣ болѣе желать, какъ только бы чрезъ васъ пріобрѣсти себѣ опять милость ея императорскаго величества, а до того времени не можетъ духъ мой быть спокоенъ, ибо чрезъ то всѣ мои желанія исполнились бы, и вы учинились бы достойнѣйшею благословенія, которое чаятельно даю я вамъ въ послѣдній разъ, желая притомъ всегдашняго вамъ здравія и постояннаго благополучія. Почитайте и будьте завсегда вѣрны и преданы ея императорскому величеству и великому князю, вашему супругу и наблюдайте всѣ ваши обязанности; вспоминайте иногда и о матери вашей, которая васъ сердечно любила и которая при концѣ своей жизни сожалѣетъ только о томъ, что не могла съ вами видѣться и при васъ умереть».

Два письма императрицы Екатерины Второй, на французскомъ языкѣ, къ графу Станиславу Понятовскому уже были обнародованы въ 1862 году въ Лейпцигѣ, но въ Россіи они появились въ печати въ первый разъ въ «Архивѣ князя Воронцова». Первое письмо отъ 2-го августа 1762 г., слѣдовательно, съ небольшимъ чрезъ мѣсяцъ послѣ іюнскаго переворота, начинается слѣдующими словами: «Я немедленно посылаю графа Кейзерлинга посломъ въ Польшу, чтобы сдѣлать васъ королемъ послѣ кончины нынѣ царствующаго, и если онъ не въ состояніи будетъ добиться вашего избранія, то я желаю, чтобы королемъ былъ князь Адамъ (Чарторыйскій, дядя Понятовскаго). Всѣ умы еще въ броженіи. Прошу васъ воздержаться и не пріѣзжать сюда, изъ опасенія еще болѣе его увеличить». Затѣмъ императрица пишетъ, что заговоръ о возведеніи ея на престолъ былъ задуманъ за полгода, что императоръ Петръ III намѣревался перемѣнить религію, жениться на княжнѣ Елисаветѣ Романовнѣ Воронцовой, что, въ день празднованія мира, императоръ, оскорбивъ ее публично за обѣдомъ словами, вечеромъ приказалъ ее арестовать. Съ этого дня, по словамъ Екатерины II, она стала уступать тѣмъ предложеніямъ, которыя ей уже дѣлаемы были съ кончины Елисаветы Петровны. Тайна заговора была въ рукахъ трехъ братьевъ Орловыхъ, которымъ, пишетъ императрица, «я очень обязана и весь Петербургъ тому свидѣтель». Она описываетъ всѣ подробности переворота. Въ концѣ своего письма императрица слѣдующимъ образомъ описываетъ Понятовскому свое затруднительное положеніе: «Я получила ваше письмо. Правильная корреспонденція будетъ имѣть тысячи неудобствъ; я должна соблюдать двадцать тысячъ осторожностей и не имѣю времени писать вредныя любовныя записки. Я въ большомъ затрудненіи... Я не могу вамъ всего этого разсказать, но это истина. Я сдѣлаю все для васъ и для вашего семейства; будьте въ томъ крѣпко увѣрены. Я обязана соблюдать тысячи приличій и быть крайне осторожна, но съ тѣмъ вмѣстѣ я чувствую все бремя правленія. Знайте, что все совершилось во имя принципа ненависти къ ино-

странцамъ, что самъ Петръ III признанъ иноземцемъ. Прощайте, въ мірѣ бываютъ очень странныя положенія».

Чрезъ недѣлю, 9-го августа, императрица писала Понятовскому: «Я не могу сообщить вамъ всю правду; перепискою съ вами я подвергаюсь тысячи опасностямъ. Ваше послѣднее письмо, на которое я отвѣчаю, было, можетъ быть, перехвачено. За мною строго наблюдаютъ. Я не должна внушать подозрѣніе; необходимо идти по прямому пути. Я не могу писать вамъ; будьте спокойны. Передавать всѣ внутреннія (государственныя) тайны—будетъ болтливостью; я этого никакъ не могу. Не мучьтесь; я поддержу вашу фамилію. Впрочемъ, я не желаю вовсе приласкивать васъ. Меня вынудятъ сдѣлать еще не мало странныхъ вещей и притомъ самымъ естественнымъ образомъ. Если я соглашусь на то, — я буду боготворима, если же нѣтъ, то, право, я не знаю, что можетъ еще случиться. Если вамъ скажутъ, что среди войскъ происходятъ новыя движенія, то знайте, что это слѣдствіе излишка любви ихъ ко мнѣ, которая становится уже мнѣ въ тягость. Войска опасаются, чтобы со мною чего-либо не приключилось; каждый выходъ мой изъ комнатъ сопровождается привѣтствіями. Вообще, это восторгъ, походящій на энтузіазмъ временъ Кромвеля... У меня нѣтъ вашего шифра, такъ какъ нѣтъ къ нему ключа, который затерялся въ критическія времена. Кланяйтесь вашему семейству и пишите ко мнѣ какъ можно только для васъ рѣже, или лучше вовсе не пишите, безъ надобности, особенно же безъ іероглифовъ».

Великолѣпіе русскаго двора при Екатеринѣ Великой, по словамъ сочинителя «Историческихъ чертъ и извѣстій, касающихся до жизни и правленія императрицы Екатерины II», сообщенныхъ въ «Архивѣ князя Воронцова»,—доходило до такой степени, что эта государыня даже иногда употребляла въ игрѣ, на мѣсто марокъ, брилліанты. Эти марки находились въ маленькихъ золотыхъ ящикахъ и были выдаваемы золотыми ложечками. По окончаніи игры, всякій игравшій получалъ свой выигрышъ и оставлялъ у себя свои призы. Такая вечерняя партія стоила императрицѣ не болѣе 40,000 рублей. Къ такимъ партіямъ приглашались всегда люди, состоявшіе въ милости и которымъ подарокъ, въ 10,000 или 20,000 рублей, по словамъ автора, ничего не значилъ. Любимцы императрицы Екатерины II стоили ей съ 1784 года, по весьма умѣренному и не точно сдѣланному исчисленію, до восьмидесяти двухъ или трехъ милліоновъ рублей. Князь Потемкинъ, до 1791 года, требовалъ невѣроятно большія суммы и получалъ ихъ. Императрица обогатила еще трехъ другихъ любимцевъ съ ихъ фамиліями, изъ которыхъ послѣдній, князь Зубовъ, стоилъ болѣе всѣхъ. Въ придворномъ хозяйствѣ въ Петербургѣ господствовала большая расточительность. О ней можно сдѣлать себѣ понятіе по слѣдующимъ расходамъ: въ ежегодно подаваемыхъ счетахъ выставлялось, что 28,000 р. употреблено на зелень, 18,000 р. на древесный уголь и 144,000 на масло, сливки и молоко. На хозяйство великаго князя Александра Павловича ежегодно показывалось 350 пудовъ сахара, 195 пуд. обыкновеннаго кофея и 95 пуд. лучшаго. Парадная карета великаго князя Александра Павловича стоила 58,000 рублей. На бѣлье и платье новорожденнаго великаго князя Александра Павловича назначено было 25,000 руб. Съ другой стороны недостатокъ въ деньгахъ доходилъ до того, что въ Петергофскомъ маскарадѣ 1791 года парадная лѣстница во дворцѣ не была освѣщена, а императорскіе пажи получили новую парадную одежду только

въ день св. Екатерины въ 1792 году, проносивъ ее 43 года. Одежда эта до того износилась, что на кафтанѣ на ладонь не было порожняго мѣста, гдѣ бы не было заплаты. Въ это время состояло 60 пажей и 11 камеръ-пажей и одежда каждому обошлась императрицѣ въ 700 руб., а всѣмъ въ 49,700 руб.

Переписка саксонскаго резидента въ Петербургѣ, Гельбига, съ Лоссомъ, въ числѣ 29 писемъ, заключаетъ въ себѣ много интересныхъ подробностей о событіяхъ въ Петербургѣ и при дворѣ въ 1790 году. Такъ, Гельбигъ пишетъ, что во время двухдневнаго сраженія при Красной Горкѣ между шведскимъ и русскимъ флотами, бывшаго 23-го и 24-го мая 1790 г., весь Петербургъ былъ въ смятеніи и 500 лошадей были въ готовности для отвоза двора въ Москву, потому что вообще думали, что шведы побѣдятъ. Но вице-адмиралъ Крузъ, несмотря на превосходство силъ шведскаго флота, разбилъ его и принудилъ отступить въ Выборгскій заливъ. Тогдашній оберъ-полиціймейстеръ Петербурга самовольно предпринялъ, для защиты города, наборъ вольнаго корпуса и уже успѣлъ набрать до 2,500 человѣкъ. Въ этотъ корпусъ сбѣжали у многихъ знатныхъ лицъ Петербурга ихъ крѣпостные люди. Знатные пожаловались императрицѣ на дѣйствія оберъ-полиціймейстера, въ слѣдствіе сего повелѣно было возвратить имъ ихъ крѣпостныхъ. Но это распоряженіе произвело возмущеніе среди рекрутъ, опасавшихся кары со стороны своихъ господъ. Одни изъ рекрутъ кончили жизнь самоубійствомъ, другіе стали бунтовать, такъ что правительство очутилось въ неловкомъ положеніи.

Гельбигъ сообщаетъ, что, для ускоренія мира со Швеціею, Россія старалась подкупить лицъ, окружавшихъ короля шведскаго, для чего графу Стадіону въ Стокгольмѣ посланъ былъ кредитивъ въ 30,000 руб. и что одною статьею мирнаго трактата императрица Екатерина обѣщала королю шведскому, по заключеніи между ними союзнаго договора, платить ему ежегодно по 500,000 руб. По словамъ Гельбига, императрица согласилась на выдачу этихъ денегъ для того, чтобы на будущее время обезпечить себя отъ этого непостояннаго государя. Отъ 4-го (15-го) октября, по поводу слуховъ о войнѣ между Россіею и Пруссіею, Гельбигъ пишетъ: «Мнѣ кажется, что петербургскій дворъ имѣетъ особую причину избѣгать войны, которая состоитъ въ недостаткѣ денегъ. Находящіеся здѣсь матросы и солдаты при всѣхъ торжествахъ не получали жалованья. Первые, числомъ около 3,000 человѣкъ, отправили за недѣлю назадъ 300 человѣкъ депутатовъ, которые подъ окошками императрицы подняли великій шумъ, и получили въ зачетъ жалованья малую выдачу».

П. У.

Біографія и переписка Генриха Гейне. Составилъ Влад. Чуйко. 16-й т. сочиненій Гейне. Спб. 1882 г.

Всѣмъ извѣстно, какой огромной популярностью пользуется у насъ великій вождь Молодой Германіи, какъ даже посредственнымъ стихотворцамъ и стилистамъ удаются переводы изъ Гейне, до сихъ поръ составляющіе главный контингентъ «стихотвореній» въ толстыхъ и тонкихъ журналахъ: очевидно, въ Гейне есть что-то родственное русскому уму, русской интеллигенціи какъ 50-хъ такъ и 80-хъ годовъ. Мы поэтому искренно порадовались,

узнавъ, что послѣдній 16-й томъ сочиненій Г. Гейне даетъ русской публикѣ біографію почти въ обработкѣ г. Чуйко, человѣка съ нѣкоторымъ литературнымъ именемъ, одного изъ тѣхъ немногихъ нашихъ дѣятелей, которые берутся за неблагодарный трудъ просвѣщать русскую публику иностранной литературой.

Внѣшняя сторона книги и предисловіе нисколько не разочаровали насъ: книга—почтенный томъ въ 684 стр., хорошо напечатанный, съ удачно выбраннымъ и хорошо исполненнымъ портретомъ Гейне. Въ предисловіи г. Чуйко честно и откровенно заявляетъ, что онъ главнымъ образомъ пользовался книгой Штрадтмана (только почему-то выходъ въ свѣтъ этой книги относитъ къ 1874 г. вмѣсто 1869 г.; въ 1874 г. вышло 2-е изданіе), пополняя ее свѣдѣніями изъ другихъ «воспоминаній» и письмами. «Имѣя въ виду русскихъ читателей, говоритъ въ концѣ предисловія г. Чуйко, мы обращали особенное вниманіе на умственную и общественную жизнь Германіи и Европы, такъ или иначе отразившуюся въ произведеніяхъ Гейне». Стало быть, г. Чуйко пояснялъ Штрадтмана въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ послѣдній вскользь говоритъ о такихъ вещахъ, которыя не всякому русскому читателю вполнѣ понятны. Прекрасное намѣреніе, къ сожалѣнію не перешедшее въ исполненіе: при довольно внимательномъ чтеніи первыхъ 300 страницъ книги г. Чуйко и сличеніи ея съ Штрадтманомъ, мы не нашли такихъ поясняющихъ добавленій; напротивъ, намъ рѣзко бросилось въ глаза нѣсколько крупныхъ пропусковъ или неумѣстныхъ сокращеній, напр. выпущена очень интересная и характерная біографія Кампе, а о еврейскомъ союзѣ, извѣстномъ подъ именемъ Молодой Палестины, сказано такъ мало, что отношеніе юнаго Гейне къ единовѣрцамъ остается непонятнымъ читателю. Также очень немного нашли мы прибавокъ изъ не приведенныхъ у Штрадтмана писемъ Гейне и изъ «воспоминаній»; только во 2-й половинѣ книги (стр. 535, 556 и др.) приведено нѣсколько разсказовъ изъ плохой и пошлой книжки княгини Деля-Рокка.

Но это не велика бѣда: г. Чуйко можетъ оправдываться тѣмъ, что онъ дорожилъ мѣстомъ и не находилъ нужнымъ пичкать книгу не интересными письмами только для того, чтобы не сказали, что онъ излагаетъ Штрадтмана. Изложи онъ его одного какъ слѣдуетъ, читатели были бы ему очень благодарны. Къ сожалѣнію, этого-то онъ и не сдѣлалъ, такъ какъ отнесся къ своей задачѣ не позволительно небрежно. Приведемъ примѣры:

Стр. 88. «Политическая буря, приготовлявшаяся во Франціи, въ значительной степени волновала умы въ Германіи (хитро—буря, только готовящаяся въ одной странѣ, уже волнуетъ другую!). Лессингъ писалъ своего «Натана» и «Эмилію Галоти», гдѣ освобождающія идеи играютъ такую значительную роль; въ этомъ же направленіи работалъ Гердеръ, Фихте, Эммануилъ Кантъ. Нѣмецкая молодежь наполняла университеты, встрѣчая съ восторгомъ Гумбольта, Виланда, Тика, Жанъ Поль Рихтера и поклоняясь Гете и Шиллеру. Лессингъ въ своемъ «Лаокоонѣ» показалъ силу анализа, примѣненнаго къ объясненію произведеній искусства; Фридрихъ Шлегель примѣнилъ тотъ же аналитическій методъ къ объясненію Шекспира. Наиболѣе яркое и живое выраженіе этого умственнаго возбужденія можно было встрѣтить въ гостиной Рахиль Варнгагенъ фонъ-Энзе».

О какой эпохѣ здѣсь идетъ рѣчь? Мы рѣшительно недоумѣваетъ. Судя по Лессингу, Виланду, Канту, Шиллеру и Гете,—о 2-й половинѣ прошлаго столѣтія; судя по Шлегелю, Тику—о самомъ началѣ нынѣшняго; судя по

Варнгагенъ фонъ-Энзе—о 20-хъ и 30-хъ годахъ его. Не можетъ же г. Чуйко не знать, что Эмилія Галотти написана прежде Натана, что сказать: «Гердеръ, Фихте и Кантъ» тоже что сказать: Ломоносовъ, Пушкинъ и Кантеміръ, что Тикъ и Виландъ дѣятели совершенно различныхъ эпохъ, что Фридрихъ Шлегель для Шекспира сдѣлалъ гораздо меньше (почти ничего), чѣмъ братъ его Августъ Вильгельмъ Шлегель и т. д. Очевидно, г. Чуйко работалъ по пословицѣ: «за вкусъ не берусь, а горячо состряпаю». Такихъ «горячихъ» тирадъ въ книгѣ довольно много; но есть вещи еще менѣе простительныя: есть мѣста, которыхъ рѣшительно понять нельзя безъ посредства текста книги Штрадтмана. Напримѣръ на стр. 155 говорится: «Гейне никогда не скрывалъ, что ему служили образцами древнѣйшая изъ народныхъ нѣмецкихъ пѣсенъ (не облагодѣтельствуетъ ли г. Чуйко германистовъ, указавъ имъ, какую изъ нѣмецкихъ пѣсенъ слѣдуетъ признать древнѣйшею?) и имѣющія форму народныхъ пѣсенъ стихотворенія новѣйшихъ поэтовъ». Далѣе: «Передо мною, пишетъ (по увѣренію г. Чуйко) Гейне Максимиліану Шотки, часто носились ваши короткія плясовыя австрійскія риѳмы съ эпиграмматическими окончаніями». Плясовыя короткія риѳмы, да еще съ эпиграмматическими окончаніями! Это нѣчто такое, чего «не хитрому уму не выдумать и въ вѣкъ» и только стоящія въ текстѣ «Tanzreime» пояснить дѣло.

Г. Чуйко такъ механически отнесся къ своей задачѣ сокращать Штрадтмана, что даже не обратилъ вниманія на обертку собственной книги: Штрадтманъ, издававшій біографію Гейне, имѣлъ полное основаніе изложить содержаніе его юношескихъ трагедій; но для чего излагаетъ ихъ по Штрадтману г. Чуйко, издающій 16-й томъ сочиненій Гейне, когда въ 11-мъ тѣ же трагедіи напечатаны въ хорошемъ переводѣ?

Книга испещрена курьезными, крайне затрудняющими чтеніе опечатками, за которыя отвѣтственность должна падать, повидимому, не на типографію, а на редактора. Напримѣръ на стр. 40 Гейне пишетъ сочиненіе на тэму: «о цѣнѣ университетскаго образованія», не всякій догадается, что надо читать: о цѣли; на стр. 41, упоминается Сентъ-Галеровская рукопись Нибелунговъ (читай: Сентъ-Галленская); на стр. 163, вмѣсто «обычное у романтиковъ смѣшеніе формъ искусства», напечатано: обычное у романистовъ смѣшеніе; на стр. 184 слово: пробы вмѣсто просьбы придаетъ фразѣ совершенно иной смыслъ, а всю полстраницу лишаетъ всякаго смысла. Объ этихъ существенныхъ опечаткахъ въ концѣ книги не упомянуто ни слова.

Г. Чуйко уклонился отъ скромной задачи перевести Штрадтмана; онъ предпочелъ переработать его для русскихъ читателей. Послѣдніе въправѣ ожидать параллелей, указаній на то, что дѣлалось въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, въ русской литературѣ. Дѣйствительно, въ 3—4 мѣстахъ книги есть параллели въ родѣ слѣдующей. На стр. 204, указавъ на впечатлѣніе, произведенное на Гейне смертью Байрона, г. Чуйко прибавляетъ: «При этомъ нельзя не вспомнить, что въ то же самое время въ другомъ концѣ Европы, другой великій поэтъ, столь же молодой, нашъ Пушкинъ, служилъ панихиду по Байронѣ. Смерть величайшаго изъ поэтовъ XIX столѣтія глубоко поразила Гейне и Пушкина; они какъ будто чувствовали сродство свое съ нимъ». Слова: какъ будто здѣсь по меньшей мѣрѣ неумѣстны.

Въ старыхъ «Отечественныхъ Записках», если не ошибаемся, въ началѣ 50-хъ годовъ, была помѣщена большая статья о Генрихѣ Гейне. Тогда еще

не выходили въ свѣтъ ни переписка Гейне, ни книга Штрадтмана, и авторъ статьи долженъ былъ довольствоваться случайными и малоцѣнными пособіями. Статья, сколько помнимъ, не изъ особенно даровитыхъ, но она составлена обдуманно и внимательно. Не смотря на крайнюю устарѣлость ея, студенту и вообще поучающемуся читателю скорѣе можно рекомендовать ее, чѣмъ прекрасную книгу Штрадтмана въ передѣлкѣ г. Чуйко.

А. К.

Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ, изданы Ю. Б. Иверсеномъ, выпуски 1, 2, 3 и 4. Спб. 1878—82.

Въ нашей ученой литературѣ появляются по временамъ сочиненія, имѣющія немаловажное значеніе и остающіяся почти вовсе неизвѣстными читающей публикѣ, также какъ и ихъ авторы. А между тѣмъ и лица эти, и труды ихъ заслуживаютъ полнаго вниманія не только спеціалистовъ, но и всей публики. Археологія и нумизматика принадлежатъ къ такимъ предметамъ, которые не возбуждаютъ интереса въ большинствѣ читателей, но безъ разработки этихъ вспомогательныхъ историческихъ наукъ многія стороны исторіи оставались бы неразъясненными. Нельзя поэтому не отозваться съ глубокимъ уваженіемъ о трудѣ г. Иверсена, начатомъ пять лѣтъ тому назадъ и еще неоконченномъ. Это будетъ единственное, по возможности, полное собраніе русскихъ медалей, такъ какъ въ подобномъ же собраніи, изданномъ археологическою коммисіею, описаны всего 73 медали. Самъ г. Иверсенъ описалъ болѣе 160 медалей въ своемъ сочиненіи «Beitrag zur russischen Medaillen Kunde», но число ихъ гораздо значительнѣе, и потому наше археологическое общество начало издавать, въ приложеніи къ своему журналу, новое описаніе всѣхъ извѣстныхъ медалей и жетоновъ, выбитыхъ въ честь русскихъ дѣятелей, поручивъ трудъ этотъ все тому же извѣстному нумизмату. Трудъ этотъ является и отдѣльнымъ изданіемъ, заключая въ себѣ, кромѣ отчетливо выгравированныхъ медалей, и свѣдѣнія о жизни и дѣятельности лицъ, въ честь которыхъ выбиты медали и жетоны. При сообщеніи этихъ свѣдѣній, часто весьма краткихъ и неполныхъ, по сознанію самого г. Иверсена, прежде всего останавливаешься на множествѣ лицъ, почти совершенно неизвѣстныхъ, и невольно спрашиваешь себя: для чего понадобилось увѣковѣчивать память ихъ медалями и аллегорическими прославленіями ихъ, далеко не громкихъ подвиговъ? Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ оставили послѣ себя даже по нѣсколько медалей, тогда какъ въ память, напримѣръ, Пушкина выбита всего одна въ 1862 году, а при открытіи ему памятника въ 1880 году не позаботились объ увѣковѣченіи этого событія. Въ память Жуковскаго также выбита медаль друзьями только въ годъ его кончины, а празднованіе столѣтняго юбилея дня его рожденія обошлось и безъ медали. Медаль выбита и въ честь Глинки, но не знаменитаго композитора, а какого-то неизвѣстнаго архитектора. Медали Гоголя, Грибоѣдова, Лермонтова, даже Карамзина, предоставляется выбить потомству. Въ коллекціи, описанной г. Иверсеномъ, помѣщены медали не однихъ русскихъ дѣятелей, но и иностранцевъ, имѣвшихъ какія либо отношенія къ Россіи, какъ медаль въ честь Бема, на которой имя его помѣщено рядомъ съ именами Кошута и

Гергея, но послѣднее на медали зачеркнуто, вѣроятно, послѣ сдачи имъ венгерской арміи русскимъ войскамъ. Помѣщены даже двѣ медали въ честь Врублевскаго и Домбровскаго, съ надписью на оборотной сторонѣ: «Парижская коммуна 1871 года». Вообще, иностранцы гораздо усерднѣе насъ стараются увѣковѣчить разныя, даже неимѣющія особеннаго значенія событія. Такъ, въ память десятилѣтія «Колокола», въ Лондонѣ выбили медаль съ весьма схожимъ портретомъ А. И. Герцена на оборотной сторонѣ. Вообще, въ коллекціи г. Иверсена изображено и описано очень много рѣдкихъ и любопытныхъ медалей. До сихъ поръ издано 46 листовъ in folio малаго формата, съ рисунками и описаніемъ 587 медалей, въ алфавитномъ порядкѣ лицъ, до скульптора Теребенева. Біографическія свѣдѣнія объ этихъ лицахъ сообщаютъ только главныя цифры и данныя, относящіяся къ ихъ дѣятельности, но авторъ вездѣ указываетъ, въ примѣчаніи, источники, изъ которыхъ онъ почерпалъ эти свѣдѣнія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ источники эти могли бы быть посвѣжѣе. Такъ, заимствовать свѣдѣнія объ Аракчеевѣ, Пушкинѣ и друг. изъ «Словаря достопамятныхъ людей» Бантыша-Каменскаго, 1836 года, въ наше время уже не приходится.

В. З.

Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. Опытъ историческаго изслѣдованія С. П. Голубева. Томъ 1-й. Кіевъ. 1883.

Предметомъ послѣдованія г. Голубева взятъ одинъ изъ самыхъ видныхъ и вліятельныхъ представителей южнорусскаго православія во время борьбы его съ иновѣріемъ и особенно съ польскимъ католицизмомъ. Знатный по происхожденію, сильный своими связями съ могущественными польскими и западно-русскими аристократами, высоко стоящій между современниками по своему уму и образованію,—митрополитъ Петръ Могила совмѣщалъ въ себѣ много данныхъ, обезпечивавшихъ успѣхъ его предпріятій. Эти данныя, въ связи съ лучшими сравнительно условіями тогдашней западно-русской церкви, были главными причинами того, что дѣятельность этого іерарха, всецѣло посвященная на служеніе православію, увѣнчалась послѣдствіями, гораздо болѣе плодотворными, чѣмъ какихъ достигали предшествовавшіе ему ратоборцы. Возвращеніе и укрѣпленіе многихъ, нарушенныхъ чрезъ введеніе уніи, правъ западно-русской церкви, основаніе въ Кіевѣ высшаго учебнаго заведенія, имѣвшаго рѣшительное вліяніе на ходъ образованія не только въ южной, но и сѣверной Руси, возстановленіе изъ развалинъ древнѣйшихъ кіевскихъ храмовъ,—вѣковыхъ памятниковъ народной святыни, исправленіе богослужебныхъ книгъ, очищеніе и систематизація церковной обрядности, изданіе знаменитаго требника, составленіе не менѣе знаменитаго катехизиса,—всѣ эти и многія другія выдающіяся явленія въ исторіи западно-русской церкви или всецѣло, или по преимуществу принадлежатъ эпохѣ могилянской, дѣлая имя Петра Могилы приснопамятнымъ всякому, кому памятны важность и значеніе вѣры и просвѣщенія въ развитіи и охраненіи народной жизни. Настоящій, первый томъ изслѣдованія обнимаетъ сравнительно незначительной періодъ дѣятельности Петра Могилы—до его вступленія на кіевскую митрополію включительно. Большую половину 1-го тома составляютъ приложенія документовъ, собранныхъ авторомъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и заграницей, изъ коихъ многіе доселѣ вовсе неизвѣстны были въ русской исторической литературѣ.

Н. П.

Москва. Историческій очеркъ. Составила Агриппина Плечкò. Москва. 1883.

Г-жа Плечко издала по случаю коронаціи книгу, имѣющую косвенное отношеніе къ этому торжественному событію, именно исторію Москвы до основанія Петербурга и перенесенія въ этотъ городъ резиденціи русскихъ государей. Авторъ самъ говоритъ, что очеркъ этотъ, предназначенный для общедоступнаго чтенія, не имѣетъ претензій на значеніе самостоятельнаго изслѣдованія, а представляетъ только изложеніе извѣстныхъ фактовъ, разработанныхъ нашими историками и археологами: Татищевымъ, Карамзинымъ, Погодинымъ, Бѣляевымъ, Соловьевымъ, Успенскимъ, Снегиревымъ, Вельтманомъ, Забѣлинымъ, Мартыновымъ. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, книга вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію: это весьма обстоятельный разсказъ о томъ, кàкъ постепенно разросталась наша первопрестольная столица и чтò въ ней происходило съ эпохи ея основанія и до основанія Петербурга. Историческія событія изложены даже слишкомъ подробно и многія изъ нихъ относятся собственно къ исторіи всего государства, а не его столицы, и авторъ напрасно оправдываетъ эти экскурсіи въ область всеобщей исторіи Россіи постепеннымъ разростаніемъ города, тѣсно связаннаго съ ростомъ самого государства. Строгое разграниченіе этихъ двухъ исторій сдѣлало бы книгу г-жи Плечко менѣе объемистой и болѣе доступной для большей массы читателей. А теперь вниманіе ихъ обременено массою подробностей, не имѣющихъ прямого отношенія къ главной цѣли книги—знакомству съ Москвою. При изложеніи историческихъ событій авторъ преимущественно обращаетъ вниманіе на религіозныя преданія, при описаніи построенія церквей никогда не забываетъ упоминать, съ благословенія какого святителя она построена; разсказываетъ подробно всѣ чудеса Василія Блаженнаго и другихъ святыхъ и пр. Большая половина книги занята описаніемъ событій отъ Бориса Годунова до единовластія Петра I. Собственно топографіи города посвящена одна глава передъ царствованіемъ Алексѣя Михайловича, подъ названіемъ «Общій обзоръ внѣшняго (?) и внутренняго состоянія Москвы въ XVII столѣтіи». При изложеніи царствованія Михаила Ѳеодоровича описаны нравы москвичей и ихъ обычаи — по Олеарію, и самое управленіе царя съ его отцомъ, патріархомъ, названо двоевластіемъ, принесшимъ, конечно, гораздо болѣе совершенные плоды, чѣмъ единоличное правленіе Ивана IV, которому Вассіанъ совѣтовалъ «не имѣть совѣтниковъ мудрѣе царя». Царствованіе Алексѣя Михайловича могло бы быть изложено гораздо подробнѣе—источниковъ для этого не мало. Между тѣмъ, объ отношеніяхъ Москвы къ Западу въ эту эпоху сообщаются очень скудныя свѣдѣнія, а началу театральныхъ представленій посвящено десятокъ строкъ. Стрѣлецкіе бунты разсказаны также въ сжатомъ видѣ, но общее впечатлѣніе, производимое книгою, удовлетворительное, хотя и желалось бы больше живости при передачѣ драматическихъ событій. Въ книгѣ помѣщены два рисунка — царскаго двора Михаила Ѳеодоровича и Кремля при Петрѣ I, да отдѣльно приложены планъ Москвы 1661 года изъ сочиненія Майерберга «Путешествіе въ Московію» и чертежъ древняго Кремля съ XIV по XVIII столѣтіе. Сверхъ того, на оберткѣ книги помѣщено изображеніе большой государственной печати Ивана IV, съ лицевой и оборотной стороны, показывающее наглядно постепенное присоединеніе удѣльныхъ княжествъ къ Москвѣ.

В. З.

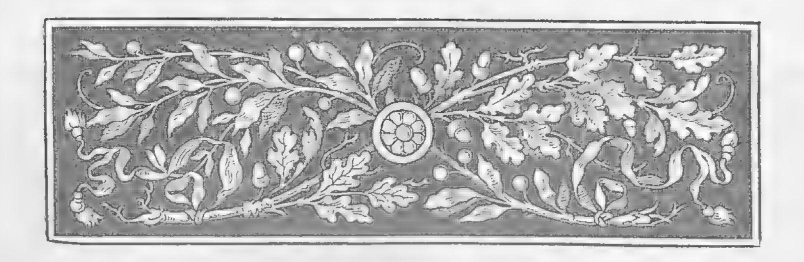
Ростовская старина. Изданіе А. А. Титова. Ростовъ. 1883.

Членъ Московскаго Археологическаго Общества А. А. Титовъ, во время исполненія имъ, въ 1880 году, должности предсѣдателя Ростовской земской управы, посѣщалъ, по обязанностямъ службы, многія селенія уѣзда и при этомъ заносилъ въ свою записную книжку все то изъ видѣннаго или слышаннаго на мѣстѣ, что̀ казалось ему достойнымъ вниманія. Эти бѣглыя замѣтки изданы имъ теперь небольшой брошюрой, подъ заглавіемъ: «Ростовская старина». Въ брошюрѣ описаны 124 селенія, съ указаніемъ находящихся въ нихъ церквей и сохранившихся остатковъ древности. Все это изложено довольно сжато, но тѣмъ не менѣе представляетъ хорошій матерьялъ для справокъ, касающихся Ростовскаго уѣзда. Кромѣ того, къ брошюрѣ приложена «Родословная Ростовскихъ князей», по рукописи діакона села Угодичъ, Александра Златоустова, умершаго въ глубокой старости, въ половинѣ настоящаго столѣтія и долгое время бывшаго посошникомъ при извѣстномъ ростовскомъ митрополитѣ Арсеніѣ Мацѣевичѣ. Родословіе заключается въ сухомъ перечнѣ именъ, безъ всякихъ годовъ и поясненій; но въ концѣ перечислена удѣльная собственность князей, что̀ и придаетъ родословію нѣкоторое значеніе.

С. Ш.

Угодичъ,

ЗАГРАНИЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Религіозная и расовая ненависть между племенами.—Тисса-эсларскій процессъ.—Книга о Талмудѣ и значеніи этого ученія.—Брошюра о финансахъ Россіи.—Сочиненіе о народахъ Австро-Венгріи.—Обиліе воспоминаній о литераторахъ.—Диккенсъ, какъ драматическій критикъ.—Характеристика Гейне.—Гюго въ молодые годы.—Памфлетъ о Теофилѣ Готье.—Воспоминанія Максима Дюкана.—Цензура при Наполеонѣ III.—Лингвистическія и этнографическія мнѣнія доктора Абеля о русскихъ.—Книга прусскаго маіора о войнѣ съ сосѣдями.—Статья англичанина о царствующей династіи въ Россіи [1]).

СРЕДИ затишья современной европейской политики, прерываемаго только глубокомысленными разсужденіями о готовящейся вспыхнуть враждѣ между племенами, извѣстными своимъ историческимъ антагонизмомъ, вниманіе образованнаго міра привлекло юридическое событіе, вновь засвидѣтельствовавшее о томъ, что между племенами не умерла еще и расовая, религіозная борьба. Снова, какъ въ эпоху дикаго фанатизма, противъ расы, не исповѣдующей религіи Христа, поднялись давно уже знакомыя и только на время смолкнувшія обвиненія въ самомъ отвратительномъ преступленіи. Въ маленькомъ венгерскомъ городкѣ возникъ такъ называемый Тисса-эсларскій процессъ, еще не получившій окончательнаго разрѣшенія на судѣ. Дѣло идетъ все о томъ-же, неоднократно опровергавшемся обвиненіи евреевъ—въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей и примѣшиваніи ихъ крови къ опрѣснокамъ. Въ то время, когда всѣ серьозные мыслители съ негодованіемъ опровергаютъ это чудовищное обвиненіе, судебная власть должна изслѣдовать подробно и безпристрастно всѣ обстоятельства темнаго дѣла, до сихъ поръ клонящіяся къ подтвержденію, что преступленіе дѣйствительно совершилось. Покрайней мѣрѣ если и не найденъ трупъ бѣдной Эсѳири Солимоши,—то сама она исчезла безъ слѣда. Га-

[1]) Упомянутыя здѣсь книги получены въ магазинѣ Шмитцдорфа (Невскій, 5).

зеты наполнены изложеніемъ этого процесса, и надняхъ въ Вѣнѣ вышла вторымъ изданіемъ брошюра, посвященная этому предмету. Брошюра носитъ названіе «Кровавое обвиненіе противъ іудеевъ, обсуждаемое съ христіанской точки зрѣнія». Издатель этой любопытной брошюры, вспоминая о прежнихъ преслѣдованіяхъ евреевъ, горячо возстаетъ противъ обвиненія ихъ въ пролитіи христіанской крови. Начиная съ крестовыхъ походовъ, когда фанатизированныя толпы, отправлявшіяся освобождать гробъ Господень при кликахъ «Dio li volt», начинали это освобожденіе съ истребленія евреевъ, жившихъ на Рейнѣ, и вплоть до нашего времени, обвиненіе это никогда не забывалось въ народныхъ массахъ, хотя его постоянно опровергали авторитеты власти и науки. Издатель названной выше брошюры приводитъ мнѣнія этихъ авторитетовъ, во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ, начиная съ Тертулліана, папъ: Инокентія IV, Григорія X, Пія VI, монарховъ: Рудольфа Габсбургскаго, императора Фридриха III, Стефана Баторія, Фердинанда II дожа Піетро Мочениго, и кончая свидѣтельствомъ ученыхъ, Мартина Лютера, членовъ лейпцигскаго богословскаго факультета, юристовъ, канониковъ, проповѣдниковъ, профессоровъ, университетскихъ совѣтовъ, епископовъ и даже Ренана. Въ брошюрѣ разсказано дѣло 1715 года, во всемъ похожее на Тисса-эсларское. Всѣ мнѣнія, приводимыя издателемъ, конечно, въ пользу евреевъ, и вполнѣ оправдываютъ ихъ. Между этими мнѣніями особенно любопытны тѣ, въ которыхъ указывается, что въ подобномъ же убійствѣ дѣтей язычники обвиняли христіанъ, въ эпоху преслѣдованія религіи Іисуса, а когда эта религія сдѣлалась господствующею, ея фанатическіе послѣдователи стали обвинять враговъ ея въ томъ же самомъ преступленіи. Въ догматахъ еврейства конечно нѣтъ ничего, что давало бы поводъ обвинять ихъ, но вполнѣ ли доказано, что между евреями нѣтъ ни одной секты, которая допускала бы пролитіе христіанской крови съ религіозной цѣлью? Вѣдь еслибы враги христіанства говорили, что эта религія допускаетъ оскопленіе, это было бы чудовищною нелѣпостью, по отношенію къ христіанству вообще, но вѣдь существуетъ же въ немъ секта, допускающая подобное преступленіе. Почему же не быть чему-нибудь подобному и въ еврействѣ?

— На ряду съ антисемитическимъ движеніемъ въ Германіи появляются, сочиненія и защитниковъ евреевъ. Въ Вѣнѣ же вышла надняхъ защита даже Талмуда, этого ученія новаго еврейства, не имѣющаго уже оттѣнка исключительности, какимъ отличается Мозаизмъ. Когда съ паденіемъ національной независимости евреевъ, усилился религіозный элементъ, занимавшій преобладающее мѣсто въ ихъ литературѣ, народъ-скиталецъ, потерявшій родину, въ немъ одномъ нашелъ опору своей народности. Но долгіе годы плѣна и подчиненія чуждымъ, разноплеменнымъ властителямъ, уничтожили замкнутость этой литературы, ввели въ нее элементы персидскіе, вавилонскіе, эллинизмъ, въ эпоху второго храма—греческую теософію, потомъ римское право, вліяніе котораго явно въ Талмудѣ и Мишнѣ, гдѣ замѣтны слѣды арабской философіи и учености западныхъ племенъ. По сооруженіи второго храма, мѣсто прежнихъ левитовъ и священниковъ заняли соферимы «писцы», завѣдывавшіе толкованіемъ писанія «мидрашъ». Составился сводъ юридическо-религіозныхъ предписаній, основанный не только на письменныхъ законахъ Моисея, но и на изустныхъ преданіяхъ (каббала) и названный «галаха». Формулы галахійскаго ученія состояли изъ краткихъ сентенцій, и этимъ отличались отъ Мишны—другого второзаконія евреевъ. Іерусалимскій Талмудъ, появившійся

въ Тиверіадѣ, былъ плодомъ столѣтней дѣятельности палестинскихъ ученыхъ. Вавилонскій Талмудъ, начатый Аше въ Сурѣ и оконченный сыномъ его, завершенъ раввиномъ Абина-бен-Гуна, умершимъ въ концѣ V столѣтія. Это былъ послѣдній изъ коментаторовъ «аморантовъ» Мишны, рѣшеніе которыхъ имѣетъ каноническую силу. Но начальники школъ, гаоны, продолжали объяснять Талмудъ въ примѣненіи къ жизни, издавали новые законы, наказывали за ихъ нарушеніе. Лишенный родины іудеизмъ умышленною темнотою скрывалъ свои мысли. Кромѣ того черезвычайная сжатость языка Талмуда дѣлала загадочными очень многія фразы. Составлявшійся въ теченіи многихъ лѣтъ Талмудъ, какъ и всѣ религіозныя книги, заключаетъ въ себѣ множество противорѣчій, темныхъ мѣстъ, часто даже не имѣющихъ смысла. Но изданная въ Вѣнѣ брошюра о Талмудѣ отзывается о немъ съ чрезвычайнымъ уваженіемъ, и приводя изъ него нравственные разсказы и сентенціи, становится прямо на еврейскую точку зрѣнія, хотя авторъ брошюры не только христіанинъ, но и цензоръ австрійской канцеляріи, которому былъ порученъ просмотръ и переводъ книгъ на еврейскомъ языкѣ. О своей должности онъ отзывается вездѣ съ глубокимъ уваженіемъ. Любопытно однако, что для прославленія Талмуда іудофильская нѣмецкая печать вздумала издать сочиненіе офиціальнаго лица, Карла Фишера, умершаго еще въ 1844 году и написавшаго свой трактатъ 80 лѣтъ тому назадъ.

— Неблагосклонные отзывы европейской печати о Россіи сводятся болѣе всего къ шаткому положенію нашихъ финансовъ; къ нимъ болѣе всего относится съ недовѣріемъ заграничная журналистика, хотя менѣе всего знакомая съ ихъ настоящимъ положеніемъ. Вѣроятно желаніе познакомить Европу съ этимъ положеніемъ и опровергнуть выводы западной печати побудило г. Рафаловича издать въ Парижѣ брошюру, «Финансы Россіи со времени послѣдней восточной войны» (Les finances de la Russie depuis la dernière guerre d'Orient). Это—довольно обстоятельная оцѣнка нашего денежнаго положенія, хотя и основанная исключительно на офиціальныхъ данныхъ. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что кромѣ сочиненій Леруа-Болье и Мекензи-Уоллеса, да немногихъ статей въ Journal des Débats и Temps, въ газетахъ нѣтъ вѣрныхъ статей о финансахъ Россіи, тогда какъ «послѣднія событія, покушенія нигилистовъ, ужасная смерть императора Александра II, ошибки генерала Игнатьева, имѣли большое вліяніе, на ликвидацію денежныхъ дѣлъ, послѣ восточной войны». Интересующихся нашими финансами очень много въ Европѣ, такъ какъ Германія, Франція, Англія и Голландія имѣютъ на нѣсколько милліардовъ нашихъ долговыхъ обязательствъ. Г. Рафаловичъ разсуждаетъ объ нихъ очень основательно, хотя нѣкоторымъ обстоятельствамъ, вліяющимъ на финансы, приписываетъ преувеличенное значеніе. Такъ, онъ увѣряетъ, «что дѣла ухудшились съ тѣхъ поръ, какъ графъ Игнатьевъ вздумалъ поднять антисемитизмъ въ своей странѣ» (а самъ г. Рафаловичъ не семитическаго-ли происхожденія?). Упадокъ нашего курса, по его мнѣнію, произошелъ отъ того, что нѣмецкіе и англійскіе рентьеры сбыли въ послѣднее время въ Россію же свои бумаги русскаго государственнаго долга. Но авторъ не видитъ причины, почему наши финансы не улучшаются теперь, когда все успокоилось, правительство явно высказало свое миролюбивое настроеніе, когда исчезли всѣ опасенія аграрныхъ волненій, а для политической революціи нѣтъ ни малѣйшихъ данныхъ въ Россіи. Не говоря уже объ арміи, преданной до фанатизма, крестьяне и крупные землевладѣльцы составляютъ

у насъ огромную консервативную партію. Лучшимъ доказательствомъ «спокойствія, служитъ правильное поступленіе податей въ имперіи». Всѣ попытки возбудить рабочій вопросъ были напрасны, какъ это доказалъ Молинари въ Journal des Economistes. Рафаловичъ вполнѣ надѣется, что Россія придетъ къ моральному и матеріальному прогрессу, и что наслѣдникъ Александра II, прозваннаго освободителемъ, заслужитъ титулъ умиротворителя.

— Въ Вѣнѣ издается, съ начала нынѣшняго года, интересное этнографическое и культурно-историческое сочиненіе, подъ названіемъ «Народы Австро-Венгріи». Составленная изъ разноплеменныхъ національностей имперія эта, въ послѣднее время, начинаетъ кажется понимать, что для существованія въ формѣ сильнаго государства, національности эти должны имѣть и одинаковыя гражданскія права, такъ какъ онѣ несутъ одинаковыя государственныя обязанности. Съ цѣлью изученія особенностей этихъ національностей и издается названный выше сборникъ, хотя самое названіе его уже ошибочно въ этнографическомъ отношеніи. Если итальянцевъ, румынъ, и славянъ можно назвать народами Австріи, то ни въ какомъ случаѣ ихъ нельзя причислить къ Австро-Венгріи, такъ какъ венгерцевъ въ имперіи гораздо менѣе, чѣмъ славянскихъ племенъ, и почти столько же, какъ племенъ романской расы. Издатель сборника, Прохаска, причисляетъ къ мадьярамъ только языговъ, кумановъ и секлеровъ, и посвящаетъ имъ одинъ томъ своего изданія, тогда какъ описаніе славянъ занимаетъ четыре тома. Въ послѣднее время вышли монографіи: чеховъ (Czecho-Slaven, какъ ихъ называетъ Прохаска), поляковъ и русскихъ, словенъ, хорватовъ, юго-славянъ въ Далмаціи, Южно-Венгріи, Босніи и Герцеговинѣ. Характеристика поляковъ представлена недавно умершимъ краковскимъ профессоромъ Шуйскимъ, и отличается, кромѣ восторженнаго патріотизма, восхваленіемъ аристократической Польши со всѣми ея ошибками и злоупотребленіями. Племена чешское и моравское описаны менѣе тенденціозно, хотя въ культурномъ отношеніи поставлены гораздо ниже нѣмецкаго. Но покрайней-мѣрѣ отдана справедливость чешской литературѣ, а народныя пѣсни и преданія чеховъ не приписаны другимъ націямъ, какъ сдѣлалъ это Шуйскій, приписавъ полякамъ многія сказки, повѣрья и пѣсни галицкихъ русскихъ, или какъ онъ ихъ называетъ рутеновъ.

— Въ послѣднее время вышло очень много разнаго рода воспоминаній о литературныхъ знаменитостяхъ: Диккенсѣ, Гюго, Гейне. Теофилѣ Готье и др. Диккенса, какъ драматическаго критика, разбираетъ Деттонъ Кукъ въ «Longmans magazine». О Диккенсѣ какъ о романистѣ существуетъ много изслѣдованій, но какъ критикъ, какъ драматическій писатель, онъ мало замѣчателенъ, несмотря на то, что его романы изобилуютъ драматическими эфектами. Онъ написалъ одну, довольно слабую драму и три незначительныхъ фарса. Но въ романахъ своихъ онъ нерѣдко гонялся за сценическими эфектами, и иногда впадалъ въ преувеличеніе. Онъ часто, какъ говоритъ Кукъ, накладывалъ на свои созданія слишкомъ много румянъ и бѣлилъ, какъ будто они должны были дѣйствовать передъ театральной рампой. Извѣстно, что онъ въ молодости хотѣлъ сдѣлаться актеромъ, и не разъ игралъ на маленькихъ лондонскихъ театрахъ. Онъ мастерски также читалъ свои произведенія, и эти чтенія имѣли огромный успѣхъ въ Англіи и Америкѣ. На нихъ нерѣдко онъ прибѣгалъ къ сценическимъ пріемамъ, и являлся скорѣе какъ актеръ, нежели какъ авторъ. Кукъ описываетъ подробно подвиги его на сценѣ: онъ преимущественно появлялся въ комедіяхъ и подражалъ извѣстному актеру

Матьюсу, котораго считалъ величайшимъ артистомъ, не ниже Гаррика, съ чѣмъ совершенно соглашался и Маколей. Впослѣдствіи онъ сталъ восторгаться Фредерикомъ Леметромъ, и пробовалъ выходить въ его роляхъ. Какъ драматическій критикъ Диккенсъ находилъ французскую трагедію нелѣпою и тяжелою; не менѣе рѣзко относился онъ и къ драматическимъ пословицамъ, бывшимъ тогда въ большой модѣ; о Рашели онъ былъ не высокаго мнѣнія, игру Ристори называлъ безнадежно плохой. Сужденіямъ его нельзя впрочемъ вполнѣ довѣрять; сначала онъ находилъ въ Плеси огромный талантъ и изумительную простоту, а спустя 25 лѣтъ патетически замѣчалъ: «да избавитъ насъ Господь отъ механической искуственности Плеси». Болѣе другихъ пользовались его одобреніемъ Роза Шери, Дежазе и Лафонъ. Диккенсъ выходилъ изъ себя, когда бездарные спекулянты, передѣлывали его романы для сцены. При первомъ представленіи «Оливера Твиста» на Соррейскомъ театрѣ, онъ пришелъ въ такое отчаяніе отъ нелѣпаго искаженія своего романа, что послѣ первой сцены легъ на полъ въ ложѣ, и пролежалъ до конца акта. Извѣстный біографъ Диккенса, Форстеръ говоритъ однако, что передѣлки «Давида Коперфильда», «Барнаби Роджа», и «Битвы жизни» доставили ему много удовольствія. Эту послѣднюю пьесу онъ самъ ставилъ на сцену, и на репетиціяхъ игралъ за всѣхъ дѣйствующихъ лицъ пьесы.

— Интимныя воспоминанія о Гейнрихѣ Гейне издалъ одинъ изъ близкихъ друзей его, Александръ Вейль. Личность великаго поэта является далеко непривлекательною въ этихъ воспоминаніяхъ, отличающихся уже черезчуръ откровенными подробностями о частной жизни Гейне. Такъ, авторъ посвящаетъ нѣсколько страницъ анекдотамъ о томъ, какъ Гейне не разъ билъ свою жену, не отличавшуюся также кротостію и добротою. Въ Матильдѣ Гейнѣ не было ничего привлекательнаго, кромѣ красоты, но это недавало права поэту обращаться съ нею грубо и безчеловѣчно; такого обращенія съ женщиною нельзя простить поэту, и скорѣе можно извинить Матильду, когда она ударила кулакомъ доктора Ветгеймера, замѣтившаго, что за больнымъ поэтомъ худо ухаживаютъ.

— Другого знаменитаго поэта, Виктора Гюго, Эдмондъ Бире изображаетъ въ его ранней молодости до 1830 года. Поэтъ былъ также драматическимъ критикомъ и 17-ти лѣтъ писалъ театральныя рецензіи въ газетѣ «Le conservateur littéraire». Первый фельетонъ его, въ декабрѣ 1819 года, посвященъ комедіи Скриба «La Somnambule», которую Гюго очень хвалитъ. Сохраненіемъ этихъ юношескихъ критическихъ попытокъ великаго поэта ограничивается значеніе весьма плохо составленной, хотя и обширной книги Бире, и во многихъ мѣстахъ книга его смахиваетъ на памфлетъ.

— Такимъ-же тономъ пасквиля, да еще и ретрограднаго, отличается книга Николардо: «Непогрѣшимый Теофиль Готье». Отдѣлавъ уже въ своемъ предъидущемъ сочиненіи Сент-Бева, Николардо топчетъ въ грязь ненавистнаго ему послѣдователя святотатственнаго романтизма. Вотъ главная тэма литературныхъ сужденій автора: «революція въ идеяхъ возбуждаетъ и революцію дѣйствій, за энциклопедіей слѣдуетъ конвентъ. Гильотина Сансона прямая наслѣдница богохульниковъ Вольтера и Дидро. Революція въ слогѣ порождаетъ коммуну; за бредомъ поэтовъ слѣдуютъ поджоги петролейщицъ; романтики, намѣренно или нѣтъ, произвели коммунаровъ». Полагаемъ, что подобныя самобытныя мысли не требуютъ опроверженія. Что же касается до сужденія

автора о поэтѣ, то, вмѣсто разбора его произведеній, авторъ разсказываетъ объ немъ скабрезныя подробности.

— О другихъ, не столь извѣстныхъ писателяхъ сообщаетъ много любопытныхъ свѣдѣній Максимъ Дюканъ, во второмъ томѣ своихъ «Воспоминаній», гдѣ помѣщены весьма удачныя характеристики Мериме, Флобера, Жераръ де-Нерваля, Луи-Булье, Филоксена Бойе, Боделера и др. Особенно интересны подробности, относящіяся къ цензурному гнету эпохи второй имперіи, запрещавшей всякія осужденія политики правительства, и сочинившей знаменитую систему предостереженій, при которой невозможно развитіе сколько нибудь либеральной мысли. Имперія боялась оппозиціи не только въ политикѣ, но и въ литературѣ, и, понимая ея вліяніе на общество, старалась переманить на свою сторону болѣе популярныхъ писателей. Чтобы противодѣйствовать растлѣвающему вліянію цезаризма, Максимъ Дюканъ основалъ съ Луи Кормененомъ «Revue de Paris». Съ первыхъ же нумеровъ, новый журналъ подвергся преслѣдованію. Отвѣтственный редакторъ его Лоранъ Пиша, Флоберъ и типографщикъ были обвинены въ оскорбленіи общественной нравственности и религіи, за помѣщеніе романа «Госпожа Бовари». По счастію, во Франціи журналъ нельзя остановить административнымъ порядкомъ, и подсудимые были оправданы, даже въ судѣ полиціи исправительной; но журналъ все-таки былъ запрещенъ, за «вредное направленіе», послѣ покушенія Орсини. Авторъ разсказываетъ много анекдотовъ, относящихся къ цензурѣ, придирки которой простирались до того, что она запрещала даже неодобрительные отзывы объ актрисахъ, стоявшихъ въ близкихъ отношеніяхъ къ министрамъ и высокопоставленнымъ лицамъ. Въ особенности система предостереженій возбуждала негодованіе всей Франціи.

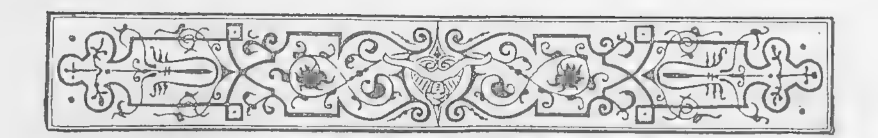
— Россіею западная Европа продолжаетъ заниматься по прежнему, причемъ конечно не обходится безъ обвиненій, и безъ дикихъ теорій, относящихся къ нашему прошедшему. На дняхъ вышла книга ученаго англійскаго доктора Абеля по части сравнительной филологіи, носящая названіе «Slavic and latin». Это опять повтореніе знаменитой теоріи пана Духинскаго, о туранскомъ происхожденіи русскихъ. Племена, которыя въ 861 году покорилъ шведъ Рюрикъ, были славянскія, но при его преемникахъ пришли во владѣнія его еще другія племена финско-татарскаго происхожденія, и завоеватели назвали всѣхъ своихъ подданныхъ шведскимъ именемъ, «Русь» что значитъ пловцы. Финскія племена преобладали и тогда, когда стали называться московитами. Русскими стали они называться черезъ 250 лѣтъ послѣ основанія Москвы, и это потому, что, завоевавъ въ то время часть Польши, хотѣли скрыть свое финское происхожденіе. Для подтвержденія этой теоріи, авторъ даже ссылается на Нестора, строго различающаго туранское племя Москвы отъ арійскаго Кіева. Докторъ Абель утверждаетъ, что финно-татаро-монгольскія племена европейской Россіи говорятъ каждое своимъ нарѣчіемъ, только съ примѣсью славянскихъ словъ. Высшіе классы говорятъ по-славянски, но низшіе сохранили свой языкъ. Славянъ во всей Россіи авторъ насчитываетъ только 15 милліоновъ а финно-татаръ до сорока. Органы нѣмецкой періодической печати рекомендуютъ книгу Абеля, какъ матеріалъ для изученія великой сосѣдней имперіи царей, особенно въ виду того, что съ этой имперіею имъ предстоитъ рано или поздно неизбѣжная и грозная борьба. Это доказываетъ маіоръ прусскаго генеральнаго штаба Кольмаръ фон-дер-Гольцъ въ своей книгѣ «Вооруженный народъ». Этимъ именемъ маіоръ

называетъ современную армію, употребляя всѣ усилія, чтобы найти въ ней нравственный элементъ, доказать воздѣйствіе нравственной личности воиновъ на ходъ событій, и вліяніе войны на моральную сторону войска. Авторъ находитъ между прочимъ совершенно логичнымъ призваніе въ армію самыхъ молодыхъ классовъ населенія, такъ какъ «только юность легко разстается съ жизнью». Но, сознавая, что звѣзда молодой германской имперіи взошла только недавно, и что нѣмцы не достигли еще настоящей высоты, авторъ предсказываетъ имъ грозную борьбу за существованіе и величіе Германіи. Предстоитъ не война между арміями, а борьба на жизнь и смерть между народами. «Колоссальны будутъ арміи, но еще колоссальнѣе будутъ бѣдствія, которыя онѣ создадутъ на своемъ пути». Ставя на первый планъ нравственныя и интеллектуальныя силы арміи, Гольцъ приходитъ къ заключенію, что успѣхъ въ борьбѣ, однѣ и тѣ же качества обезпечиваютъ какъ за отдѣльнымъ лицомъ, такъ и за цѣлою арміею. Написанная не исключительно для военныхъ, а для всего нѣмецкаго народа, книга эта выражаетъ современное настроеніе всѣхъ мыслящихъ людей въ Германіи, гдѣ борьба съ славянскимъ племенемъ давно уже считается историческою необходимостью. Но если успѣхъ въ этой борьбѣ будетъ на сторонѣ того народа, который сражается за свою независимость, и если въ этомъ народѣ возбудится самоотверженіе, то возьметъ ли верхъ германская раса, это еще вопросъ трудно разрѣшимый, при современномъ положеніи дѣлъ.

— Изъ англійскихъ журналовъ, въ іюньской книжкѣ «Harper's Monthly Magazine» помѣщена статья подъ названіемъ «Романовы», претендующая на ознакомленіе Европы съ русскою исторіею, во время правленія царствующей нашей династіи. Послѣ статей о Россіи Мекензи Уоллеса, Ральстона и др. лицъ, основательно изучившихъ наше отечество, статья неизвѣстнаго автора въ одномъ изъ лучшихъ иллюстрированныхъ англійскихъ изданій, не отличается ни полнотою, ни даже правдивостью свѣдѣній. Начинается она съ оцѣнки характеристики Іоанна IV, и болѣе всего говоритъ о торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Англіею въ его время. Авторъ отвергаетъ сравненіе Іоанна Грознаго съ Генрихомъ VIII и допускаетъ между ними сходство только въ томъ, что оба имѣли больше женъ, чѣмъ это допускается по обрядамъ ихъ церкви. Въ царствованіе Бориса Годунова болѣе всего говорится о его сношеніяхъ съ королевою Елизаветою. Эпохѣ самозванцевъ посвящено нѣсколько строкъ. Въ избраніи Михаила Романова автора болѣе всего удивляетъ, что на самодержавный тронъ возводило представительное собраніе всѣхъ сословій въ государствѣ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича болѣе всего обращено вниманіе на то обстоятельство, что этотъ царь, послѣ казни Карла I, предлагалъ Карлу II помощь людьми и деньгами, для возведенія его на престолъ. При этомъ авторъ напоминаетъ, что еще Іоанъ Грозный писалъ Елизаветѣ англійской, что каждый монархъ, въ минуты бѣдствія, имѣетъ право искать убѣжища во владѣніяхъ другого монарха, «обстоятельство которое современнымъ англичанамъ, показалось-бы одностороннимъ», канъ говоритъ авторъ. Царствованіе Петра I очерчено весьма слабо. О послѣдующихъ царствованіяхъ до Петра III сказано очень мало. Что говорится о Екатеринѣ II и Павлѣ I мы не знаемъ, но должно быть тутъ приведено еще болѣе ложныхъ свѣдѣній, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ статьи вырѣзаны и замараны цѣлыя страницы. Статья оканчивается нѣсколькими строками о царствованіи Николая I, причемъ авторъ замѣчаетъ,

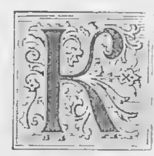
что ни одинъ изъ правителей Россіи не походилъ на своего предшественника. Такъ, Павелъ не былъ похожъ на свою мать Екатерину, а Александръ I не походилъ на своего отца Павла. Николай не былъ похожъ на своего брата Александра, а Алексапръ II—на своего отца Николая. Въ статьѣ помѣщено 11 портретовъ рускихъ царей, начиная съ Іоанна Грознаго. Всѣ они исполнены прекрасно, но отличаются чисто фантастическимъ характеромъ. Грозный, Михаилъ Ѳедоровичъ, Алексѣй Михайловичъ (изображенный въ какой-то небывалой шапкѣ съ кисточкой) не имѣютъ по типу рѣшительно ничего общаго съ достовѣрными портретами этихъ лицъ. Портреты Екатерины I, Анны, Елизаветы—очень красивы, но совершенно невѣрны. Портреты Петра I, и Николая I сдѣланы съ очень плохихъ оригиналовъ. Лучше другихъ портреты Петра II, Петра III и Екатерины II.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Губернаторское опи аніе Выгорѣцкаго общежительства.

РЕСТЬЯНЕ Даниловской волости, Повѣнецкаго уѣзда, Олонецкой губерніи, въ 1864 году, подали министру внутреннихъ дѣлъ прошенія, въ которыхъ жаловались на разныя притѣсненія со стороны мѣстныхъ, главнымъ образомъ духовныхъ, властей и ходатайствовали о разрѣшеніи имъ отправлять богослуженіе согласно правиламъ и уставамъ «старой вѣры». Завязалась переписка. Министръ сдѣлалъ по этому поводу запросъ олонецкому губернатору. Послѣдній въ особомъ секретномъ донесеніи отъ 12-го іюня за № 156 подробно изложилъ сущность дѣла, послужившаго поводомъ для жалобъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ краткій очеркъ исторіи Даниловскаго общежитія, къ которому принадлежали просители. Приводимъ здѣсь этотъ «очеркъ» съ буквальною точностію.

«Изъ дѣлъ моей канцеляріи видно,—писалъ губернаторъ—что въ концѣ XVII столѣтія раскольниками безпоповщины: бывшимъ дьячкомъ Шунгскаго погоста Даниломъ Викулинымъ и братьями Андреемъ и Симеономъ Денисовыми (изъ рода князей Мышецкихъ) было основано, посреди дремучихъ лѣсовъ Повѣнецкаго уѣзда, при рѣкѣ Выгѣ и Лексѣ, такъ называемое Выгорѣцкое общежительство, состоявшее изъ двухъ лже-монастырей Даниловскаго и Лексинскаго. Стараніями вышеназванныхъ Денисовыхъ оба раскольничьи монастыря стали вскорѣ процвѣтать.

«Эмисары, разосланные по цѣлой Россіи, распространяли догматы безпоповщины, обработанные Денисовыми въ строгую систему, и пріобрѣли для монастырей множество соревнователей и жертвователей. На пожертвованныя деньги была устроена большая библіотека изъ древнихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, пріобрѣтено множество дорогихъ и старинныхъ иконъ, крестовъ напрестольныхъ и богатой утвари, заведены школы для обученія дѣтей обоего пола грамотѣ и учреждены больницы для призрѣнія престарѣлыхъ раскольниковъ и для пользованія больныхъ.

«Въ видахъ обезпеченія монастырскаго продовольствія, было куплено

Денисовыми и ихъ преемниками множество пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель въ Повѣнецкомъ и Каргопольскомъ уѣздахъ, такъ что въ одной окружности общежительства находилось до 14-ти пашенныхъ дворовъ или приказовъ, въ мѣстахъ изобилующихъ покосами и удобными для запашки хлѣба. Въ Пигматкѣ была у раскольниковъ пристань для судовъ и выгрузки товаровъ, а въ Каргопольскомъ уѣздѣ была устроена въ селеніи Чаженскомъ какъ бы ферма, которая распоряжалась 13,078 десятинами земли и выкармливала значительное количество рогатаго скота.

«О средствахъ Данилова и Лексы можно составить понятіе потому, что еще въ 1835 году вымолачивалось до 4,000 четвертей на принадлежавшей раскольникамъ мукомольной мельницѣ, за продажу мѣдно-литныхъ крестовъ выручалось до 5,000 рублей, а весь доходъ общежительства простирался до 200,000 рублей.

«При такихъ доходахъ раскольники могли содержать въ своемъ общежительствѣ до 1,027 душъ мужскаго пола и 1,829 душъ женскаго въ 1833 году и до 800 душъ обоего пола въ 1853 году.

«Но послѣ мѣръ, принятыхъ къ ослабленію раскола со второй четверти текущаго столѣтія и въ особенности съ 1855 года, и сила и значеніе и богатство такъ называемыхъ общежительствъ обратились въ преданіе далекой старины. Такъ называемые монастыри обращены въ селенія государственныхъ крестьянъ; часовни и моленныя уничтожены, переведены въ вѣдѣніе епархіальнаго вѣдомства или закрыты; въ теченіи послѣдняго десятилѣтія закрыто таковыхъ болѣе пятидесяти.

«Съ 1855 года проживавшіе въ Даниловѣ и Лексѣ приписные раскольники и раскольницы возвращены на мѣста ихъ приписки по ревизіи; въ оба селенія переселено значительное число православныхъ переселенцевъ изъ Псковской губерніи; надъ раскольниками, оставшимися въ бывшихъ монастыряхъ, учрежденъ неослабный полицейскій присмотръ: всякія попытки къ возобновленію тамъ публичнаго богомоленія по расколу были строго останавливаемы; за всѣми пріѣзжими въ Даниловъ и Лексу поручено неослабно наблюдать мѣстной полиціи, а выдача паспортовъ самимъ даниловскимъ и лексинскимъ раскольникамъ такъ ограничена, что вліятельнѣйшіе изъ сектаторовъ почти никогда не отлучались изъ мѣстъ ихъ жительства. Иконы стараго письма, старопечатныя и рукописныя книги, захваченныя въ часовняхъ, моленныхъ или въ домахъ выголексинскихъ раскольниковъ, или переданы въ вѣдѣніе епархіальнаго начальства или же препровождены въ мѣстную духовную консисторію. Большая часть земель, угодій, зданій и построекъ, принадлежащихъ прежде раскольничьимъ общинамъ, въ настоящее время уже не принадлежитъ имъ.

«Результатомъ таковыхъ мѣропріятій было то, что въ настоящее время нѣтъ уже ничего похожаго на раскольничьи монастыри, а есть два селенія государственныхъ крестьянъ, въ которыхъ проживаетъ между прочимъ населеніемъ до 180 явныхъ раскольниковъ обоего пола (въ Даниловѣ 3 души мужскаго пола и 84 души женскаго, въ Лексѣ—4 души мужскаго пола и 89 душъ женскаго). Зданія, въ которыхъ помѣщаются эти сектаторы, совершенно ветхи и съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе ветшаютъ и приходятъ въ упадокъ. Изъ означеннаго числа до 14-ти престарѣлыхъ женщинъ призрѣваются въ особомъ домѣ, замѣнившемъ обветшавшую больницу и 23 души призрѣваются въ такъ называемомъ лексинскомъ богадѣльномъ.

«Въ концѣ 1857 и началѣ 1858 года, по распоряженію бывшаго олонецкаго гражданскаго губернатора, генералъ-маіора Волкова, была запечатана моленная въ домѣ даниловскаго крестьянина Степана Иванова, такъ какъ возникло подозрѣніе, что въ моленной этой совершалось общественное богомоленіе по расколу; находившіяся тамъ иконы въ богатыхъ серебряныхъ окладахъ были отобраны и въ ноябрѣ 1857 года переданы епархіальному начальству; подробный ходъ дѣла, возникшаго по сему поводу, изложенъ въ донесеніяхъ моихъ вашему высокопревосходительству отъ 23-го ноября 1862 года за № 131 и 132 [1]) и 9-го апрѣля 1865 г. за № 69.

«Оставаясь при прежнемъ заключеніи, что означенная образная комната никогда не считалась общественной моленной и что отобранныя у Степана Иванова иконы составляли его личную собственность, или же отчасти были завѣщаны ему бывшимъ большакомъ на правѣ пожизненнаго владѣнія, безъ всякихъ ограниченій, я почитаю возвращеніе этихъ иконъ, вмѣстѣ съ богатыми окладами, къ нимъ принадлежавшими,—дѣломъ строгой и даже необходимой справедливости.

«Что касается до дозволенія раскольникамъ даниловской секты совершать богослуженіе по стариннымъ обрядамъ, то не смѣю брать на себя разрѣшенія этого вопроса, находящагося въ связи съ высшими государственными видами и соображеніями. Беру на себя смѣлость только изъяснить, что Даниловскій толкъ изъ всѣхъ безпоповскихъ есть наиболѣе мирный и близкій къ такъ называемой безпоповщинѣ. Даниловцы со времени извѣстной коммисіи Самарина молятся за государя императора (за что и навлекли отъ прочихъ сектаторовъ прозвище самарянъ) и безпрекословно исполняютъ предписанія мѣстнаго начальства.

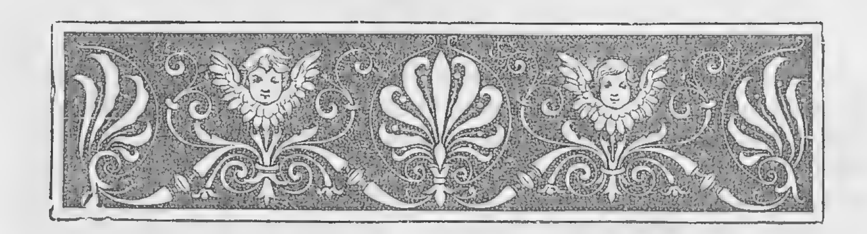
«Даниловцы допускаютъ бракъ по благословенію родителей и согласію брачущихся. Наконецъ секта эта, отличающаяся трудолюбіемъ и втеченіи полуторыхъ столѣтій превратившая пустыни и болота Повѣнецкаго края въ поселенія, пропитывающія нынѣ болѣе 20,000 душъ обоего пола, не выказываетъ фанатизма въ распространеніи своихъ понятій о вѣрѣ, такъ что въ почти двухлѣтнее мое управленіе Олонецкой губерніею производилось не болѣе четырехъ дѣлъ о совращеніи православныхъ въ расколъ Даниловскаго толка.

«Въ заключеніе позволяю только присовокупить еще, что считаю полезнымъ дозволить тамъ немногимъ раскольникамъ и раскольницамъ, которые еще проживаютъ до сихъ поръ въ Даниловѣ и Лексѣ, получать паспорты и свободно разъѣзжать, куда пожелаютъ, по своимъ торговымъ или семейнымъ дѣламъ. Расколъ отъ этого не усилится, а скорѣе совсѣмъ изчезнетъ въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, ибо теперь, сидя почти въ заточеніи, эти послѣдніе представители безвозвратно минувшаго могущества Даниловской секты являются въ глазахъ окрестнаго населенія какою-то силою, которой правительство опасается, и мучениками за вѣру.

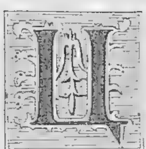
«Ненависть мѣстнаго духовенства къ раскольникамъ, его мелочныя придирки ко всякому незначительному случаю—только отдаляютъ сектаторовъ отъ единенія со св. церковью. Не фанатизмъ, не изступленная привязанность къ догматамъ раскола, а неуваженіе къ священникамъ—вотъ истинная причина жизненности раскола въ здѣшней губерніи».

Сообщено **А. С. Пругавинымъ**.

[1]) № 132—конфиденціально и совершенно секретно.

СМѢСЬ.

ЕРКОВНЫЕ юбилеи. — Послѣ военныхъ юбилеевъ, о которыхъ мы отдали отчетъ въ прошлой книжкѣ нашего журнала, въ Россіи праздновались три церковныхъ юбилея: 25-тилѣтній Исаакіевскаго собора, полуторастолѣтній собора Петропавловской крѣпости, и пятисотлѣтній Тихвинской иконы. Первая церковь во имя Исаакія Далматскаго, день празднованія котораго совпадаетъ со днемъ рожденія Петра I, была заложена въ 1703 году, на мѣстѣ нынѣшняго фонтана въ Александровскомъ саду противъ Гороховой, и открыта для богослуженія въ 1710 году. Въ этой церкви, 19-го февраля 1712 года, царь обвѣнчался съ Екатериною Алексѣевною. Это былъ бѣдный, далеко не величественный храмъ, просуществовавшій всего 7 лѣтъ. Въ 1717 году было выбрано болѣе видное мѣсто на берегу Невы, тамъ, гдѣ теперь воздвигнутъ памятникъ Петру I, и выстроена каменная церковь въ формѣ креста, 28 саж. длины, и до 12 саж. въ поперечномъ концѣ. На куполѣ былъ высокій шпицъ съ позолоченнымъ крестомъ. На колокольнѣ были поставлены знаменитые амстердамскіе часы, которые, въ настоящее время, помѣщены на колокольнѣ собора Петропавловской крѣпости. Въ маѣ 1735 года церковь эта сгорѣла отъ молніи, и хотя была поправлена впослѣдствіи, но не имѣла уже прежняго вида. Екатерина II положила воздвигнуть зданіе, достойное преобразователя Россіи, и въ 1768 году, на мѣстѣ нынѣшняго собора, начата была постройка большого пятиглаваго храма изъ мрамора; она производилась медленно, и къ концу царствованія Екатерины доведена была только до карниза. Павелъ I приказалъ уменьшить размѣры верхнихъ частей храма и докончить его изъ кирпича. Въ 1802 году этотъ соборъ былъ торжественно освященъ при Александрѣ I. Черезъ 14 лѣтъ въ храмѣ оказалась такая сырость, что со стѣнъ и сводовъ стала валиться огромными кусками штукатурка. Поэтому богослуженіе прекратилось, и причтъ Исаакіевскаго собора переведенъ въ зданіе Адмиралтейства, при церкви котораго устроенъ особый придѣлъ во имя Исаакія Далматскаго. Въ 1818 году Александръ I велѣлъ снова перестроить храмъ, который вполнѣ отвѣчалъ бы своему назначенію. Былъ принятъ планъ извѣстнаго архитектора Монферана, предположившаго значительно увеличить соборъ, устроивъ надъ нимъ большой куполъ, и четыре маленькихъ. Черезъ два года послѣ начатія ра-

ботъ, они были остановлены, и возобновлены только при Николаѣ I, который измѣнилъ планъ собора, приказавъ вокругъ большого купола, вмѣсто маленькихъ куполовъ, устроить четыре колокольни, а восточную и западную часть собора увеличить и украсить портиками. Вмѣсто бѣлаго ревельскаго камня, назначеннаго для облицовки храма, Николай приказалъ употребить сѣрый мраморъ, а для колоннъ гранитъ. Строившійся во все время царствованія Николая I храмъ былъ окончепъ и освященъ въ 1858 году. Общая стоимость собора доходитъ до 23 милліоновъ, на 8 мил. дороже храма Спасителя въ Москвѣ. Исаакіевскій соборъ, въ настоящее время славится великолѣпіемъ, роскошью и богатствомъ многочисленныхъ художественныхъ произведеній, исполненныхъ нашими лучшими живописцами. Въ числѣ иконъ замѣчателенъ образъ Спасителя, писанный въ XVII столѣтіи и принадлежавшій Петру I. Эту икону пожертвовалъ храму Александръ II, украсивъ ее драгоцѣнными бриллiантами. По случаю 25-тилѣтняго юбилея собора, староста его, г. Богдановичъ, издалъ подробное описаніе храма и всѣхъ его достопримѣчательностей. Приводимъ нѣкоторыя цифры и данныя.

Длина Исаакіевскаго собора, отъ востока къ западу, включая ступени 52 саж. 12 вершк.; ширина—47 саж. и $2^1/_2$ аршина; высота съ крестомъ—47 саж. 2 арш., такъ что онъ выше колокольни Ивана Великаго, высота которой, отъ земли до оконечности креста,—46 саж. $1^1/_2$ аршина. Фундаментъ собора устроенъ изъ сплошной подо всѣмъ зданіемъ массы гранита и плиты. Снаружи фундаментъ обложенъ цоколемъ изъ краснаго финляндскаго гранита; устройство его продолжалось 5 лѣтъ и стоило $2^1/_2$ мил. руб. ассигнаціями. Портики поддерживаются колоннами, высѣченными изъ цѣльнаго гранита. Каждая колонна имѣетъ высоту 7 саж. 2 арш. и $2^1/_2$ вершка; въ нижнемъ діаметрѣ 2 аршина и $8^1/_2$ вершковъ, а въ окружности 7 арш. 14 вершк. Вѣсъ каждой колонны 8,000 пудовъ. Выломка, доставка, отдѣлка и постановка 48 колоннъ въ портикахъ стоила 2.600,000 руб. Стѣны собора сложены частью изъ кирпича, частью изъ гранита и разнаго рода плитъ. Толщина стѣнъ 4 аршина. Въ соборъ ведутъ три большихъ двери: съ сѣвера, юга и запада, и четыре малыхъ, устроенныхъ въ нишахъ. Эти двери вылиты изъ бронзы и укрѣплены на дубовой основѣ. Крыша—мѣдная, позолоченная; стоитъ $^1/_2$ милліона руб. Надъ крышей возвышается громадный куполъ съ 24 окнами. На самой вершинѣ купола устроенъ фонарикъ, а надъ нимъ водруженъ крестъ, кажущійся отъ земли малымъ, на самомъ же дѣлѣ въ нѣсколько разъ превосходящій ростъ человѣка. Съ фонарика видны: Кронштадтъ, Петергофъ, Стрѣльна, Красное Село, Пулково, Гатчино и т. д. Колоколовъ въ соборѣ одиннадцать, вѣсъ ихъ 4,349 пудовъ; самый большой въ 1,860 пуд. 23 ф., кромѣ языка, который вѣситъ 49 пуд. 29 фунтовъ. Звуки этого колокола заглушаютъ звонъ колоколовъ другихъ храмовъ Петербурга. Свѣтъ проникаетъ въ соборъ черезъ 21 окно: въ нижней части 9 оконъ; высота каждаго 4 саж. 1 арш. 2 вершка, ширина—1 саж. 1 арш. 14 вершковъ; въ верхней части—въ куполѣ, но не въ самой вершинѣ его, гдѣ имѣются еще 24 окна,—12 оконъ, но эти окна даютъ мало свѣта внутренней части храма, отчего внутренность его чрезвычайно мрачна. Въ соборѣ три алтаря: главный посвященъ Исаакію Далматскому, направо отъ него—великомученицѣ Екатеринѣ, налѣво—великому князю Александру Невскому. Царскія врата (въ главномъ алтарѣ) изъ бронзы и вызолочены. Высота ихъ $3^1/_2$ саж., ширина—2 саж. 6 вершковъ. Между иконами особенно замѣчательны мозаическія, которыхъ въ Исаакіевскомъ соборѣ не мало. Эти иконы составлены изъ разноцвѣтныхъ мелкихъ искуственныхъ камней, стеклянной массы съ самыми тонкими и разнообразными оттѣнками. Мысль о мозаическихъ иконахъ приведена въ исполненіе по волѣ Николая I. У царскихъ вратъ главнаго алтаря заслуживаютъ особеннаго вниманія громадныя колонны—зеленыя изъ малахита и темносинія—изъ ляписъ-лазури. Такихъ колоннъ 8; высота ихъ

13 арш. 6 вершк., а нижній діаметръ 1 арш. 11 вершковъ. Престолы во всѣхъ алтаряхъ состоятъ изъ пяти квадратныхъ столбовъ бѣлаго итальянскаго мрамора, покрытыхъ, сверхъ мраморной доски, еще кипарисовой доской. Подъ этою доскою положена золотая медаль, вылитая въ память освященія собора. Подлѣ престола, на четыреугольномъ столѣ изъ бѣлаго итальянскаго мрамора, поставлена дарохранительница, изъ серебра (199 фунт. 82 золотника) представляющая въ маломъ размѣрѣ точную копію Исаакіевскаго собора.

25-го іюня праздновался другой, полуторастолѣтній юбилей со дня основанія храма въ Петербургѣ, заложеннаго Петромъ I 14-го мая 1703 года. Осматривая островъ Лустрандъ, на которомъ воздвигнута петропавловская крѣпость, царь самъ вырѣзалъ солдатскимъ штыкомъ два куска дерна и, положивъ ихъ крестообразно одинъ на другой, утвердилъ на нихъ сдѣланный имъ же изъ дерева крестъ, сказавъ, что на этомъ мѣстѣ будетъ церковь во имя верховныхъ апостоловъ Петра и Павла. Въ слѣдующемъ же году была освящена въ крѣпости митрополитомъ Іовомъ деревянная церковь во имя этихъ апостоловъ. Церковь была о трехъ шпицахъ съ высокою колокольнею, въ видѣ голландской башни; по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ на ней подымались флаги. Послѣ полтавской побѣды, которою, по выраженію Петра, камень основанія невскаго города утвердился, Петербургъ началъ украшаться каменными зданіями. 30-го мая 1714 года Петръ, въ день своего рожденія, въ присутствіи всей царской семьи, положилъ основаніе каменному собору на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла первоначальная деревянная церковь: пока возводились каменныя стѣны собора, она оставалась не снесенною и была разобрана въ 1719 году; когда нужно было строить своды каменнаго собора, тогда она перенесена была въ Солдатскія слободы, гдѣ и освящена въ 1720 году во имя апостола Матѳея, въ память взятія города Нарвы. Подъ руководствомъ самого Петра и архитектора Трезина, устройство собора подвигалось весьма быстро и черезъ 8 лѣтъ зданіе снаружи было отстроено. Въ 1720 году выписаны были изъ Голландіи часы съ курантами за 45,000 рублей, сумму огромную по тому времени. Въ 1723 году поставленъ шпицъ. Устройство иконостаса Петръ поручилъ архитектору Зарудневу, по чертежамъ котораго работали московскіе мастера Трифонъ Ивановъ и Иванъ Телѣга и кончили свой трудъ въ четыре года (1722—1726 г.). Основателю собора не суждено было увидѣть его довершеніе. Внутренняя отдѣлка собора совершенно окончена была въ царствованіе Анны Іоанновны, въ 1733 году. Торжество освященія сопровождалось пушечною пальбою и императрица принимала «поздравительные комплименты» отъ всѣхъ иностранныхъ и русскихъ министровъ и дамъ. Всѣмъ, участвовавшимъ въ освященіи собора духовнымъ лицамъ выданы изъ штатсъ-конторы подарки: архіепископу новгородскому сто рублей, прочимъ по пятидесяти. Новоустроенный храмъ отличался грандіозностью и великолѣпіемъ, невиданными дотолѣ въ столицѣ и правительство прилагало потомъ много заботъ о поддержаніи и охраненіи зданія. Особенно много хлопотъ доставили необыкновенно высокій шпицъ и рѣдкіе дорогіе часы. Высота соборнаго шпица не разъ привлекала на него удары молніи. Въ 1736 году 26-го іюня громовой ударъ, сожегшій колокольню Исаакіевскаго собора, зажегъ и Петропавловскую, но огонь скоро былъ потушенъ. Въ 1748 году 19-го іюля ударомъ грома причинило много поврежденій не только колокольнѣ, но и внутри собора опалило иконостасъ и повредило сводъ. Въ 1756 году 30-го апрѣля, въ часъ ночи отъ молніи загорѣлся шпицъ, сгорѣло все, что было въ колокольнѣ деревяннаго, и всѣ колокола растопились. Часы съ курантами, эта драгоцѣнная диковинка, особенно привлекавшая петербужцевъ, сгорѣли при этомъ пожарѣ. Паденіемъ горѣвшаго шпица разрушена соборная паперть изъ бѣлаго мрамора. Внутренность собора однако уцѣлѣла, но при поспѣшномъ разбираніи иконостаса

многія вещи повреждены. Черезъ 14 мѣсяцевъ соборъ, по повелѣнію Елизаветы Петровны, былъ совершенно возобновленъ. Для безопасности отъ пожара сдѣланъ плитный полъ, вмѣсто деревяннаго свода въ куполѣ устроенъ каменный, деревянныя стропила замѣнены желѣзными. Въ 1778 году былъ устроенъ громоотводъ. Елизавета повелѣла устроить подобные сгорѣвшимъ часы съ курантами, но это оказалось дѣломъ весьма затруднительнымъ, затянувшимся на многіе годы: исторія съ часами представляетъ характерные эпизоды и отмѣчена трагическою судьбою голландца Оорта Красса, строителя часовъ, пользовавшагося извѣстностью лучшаго механика въ Европѣ и павшаго жертвою борьбы съ враждовавшими противъ него петербургскими нѣмцами. Любопытная исторія постройки часовъ Крассомъ и его печальная участь подробно разсказаны, по архивнымъ документамъ, въ описаніи Петропавловскаго собора, составленномъ ключаремъ собора, протоіереемъ Д. Флоринскимъ (Спб. 1882 года). Только въ 1779 году жители столицы снова услышали часовую музыку, которой лишены были двадцать лѣтъ. Устройство колокольни окончено въ 1770 году. Шпицъ строилъ по рисункамъ Брауера плотникъ Антонъ Еремѣевъ, подрядившій поднять и поставить шпицъ двухъ крестьянъ: Воипова и Петрова, которые и сдѣлали это дѣло въ три мѣсяца 1772 года. Въ продолженіи 1773—74 года выковывали мѣдные листы для обшивки шпица, изготовлены крестъ, яблоко и ангелъ. Первоначально ангелъ прикрѣпленъ былъ къ кресту неподвижно, отчего и былъ сломанъ бурею въ 1777 году 10-го сентября; въ томъ же году устроенъ новый ангелъ меньшаго размѣра, подвижной, по чертежу архитектора Ринальди. Въ 1779 году устроенъ теплый придѣлъ во имя великомученицы Екатерины. Къ 1830 году относится извѣстный самоотверженный подвигъ русскаго человѣка, крестьянина Телушкина, исправившаго поврежденія креста на шпицѣ безъ постройки лѣсовъ, что признавалось невозможнымъ. Въ 1833 году произведенъ капитальный ремонтъ внутри собора и возобновлена живопись академикомъ Антонелли. Въ 1857 году, вмѣсто пришедшаго въ ветхость и угрожавшаго паденіемъ деревяннаго шпица, устроенъ на воткинскихъ заводахъ желѣзный. подъ наблюденіемъ инженера Журавскаго, а лѣса вокругъ шпица, представлявшія совершенство строительнаго искусства, выведены по проекту и подъ наблюденіемъ инженеръ-капитана Паукера. Внутри собора также произведенъ былъ ремонтъ, работы окончились въ 1858 году и обошлись въ 305 тысячъ рублей. Въ 1859 году соборное зданіе въ техническомъ отношеніи поступило въ вѣдѣніе придворной строительной конторы; въ церковно-административномъ-же отношеніи Петропавловскій соборъ состоялъ въ епархіальномъ вѣдомствѣ, но 7-го мая 1883 года причисленъ къ придворному вѣдомству. Послѣднее обновленіе собора произведено было въ 1881 году, на средства соборнаго старосты П. І. Губонина. Несмотря на многократныя обновленія, соборъ и нынѣ остается почти въ томъ же видѣ, въ какомъ былъ устроенъ первоначально, по мысли и плану Петра Великаго. Соборъ имѣетъ въ длину по фундаменту 30 саженъ, а въ ширину 14, колокольня вышиной въ 30 саженъ, а со шпицомъ и крестомъ 56 саженъ. Внутри соборъ имѣетъ длину 27 саж. и 5 фут., въ ширину 11 саженъ и 1 футъ, въ вышину 7 саж. 1 аршинъ. Зданіе поддерживаютъ 12 колонъ. Лучшее украшеніе храма его замѣчательный по изяществу и оригинальности иконостасъ. Среди множества достопримѣчательностей собора находятся рѣзныя иконы слоновой кости, трудовъ Петра Великаго, круглой формы, по три вершка въ діаметрѣ. На одной изъ иконъ — великомученицы Екатерины надпись: «1716 года генваря въ 4 день, царское величество пожаловалъ государынѣ отъ трудовъ своихъ». Драгоцѣнны иконы, находящіяся при гробницахъ императорской фамиліи — однѣ по своей цѣнности, другія по особеннымъ фамильнымъ воспоминаніямъ въ царствующемъ домѣ. Петропавловскій соборъ имѣетъ и особенные предметы поклоненія христіанъ, именно: часть ризы Господней, часть

мощей мученика Іакова Персіанина, почитаемаго цѣлителемъ дѣтскихъ болѣзней и потому особенно чтимаго набожными людьми въ случаяхъ болѣзни дѣтей. Не мало въ соборѣ и памятниковъ московской и петербургской старины, древнихъ иконъ, евангелій и церковной утвари, имѣющихъ отношеніе къ событіямъ отечественной исторіи, а гробницы государей, почивающихъ подъ сводами собора—эти нѣмые памятники дѣяній царствующихъ лицъ отъ Великаго Петра до свѣжей могилы царя-мученика, составляютъ предметъ почитанія и памяти. Въ соборѣ хранится трофей чесменскаго боя—адмиральскій турецкій флагъ, который Великая Екатерина съ особымъ торжествомъ собственноручно возложила на гробницу основателя русскаго флота. Особенно драгоцѣненъ по воспоминаніямъ: крестъ, выточенный изъ слоновой кости Петромъ Великимъ, и его же работы изъ слоновой кости два паникадила. Большое сдѣлано въ 1723 году, поменьше—во время пребыванія его на олонецкихъ минеральныхъ водахъ. Въ срединѣ яблока этого паникадила хранится слѣдующая запись Петра, по просьбѣ его супруги, Екатерины: «Сіе приносится въ знакъ благодарности Господу Богу за цѣлебныя воды. Сдѣлано при оныхъ марта 14-го дня 1724. Петръ». Замѣчательны также: пріобрѣтенное Петромъ заграницею, чрезвычайно тонкое, рѣдкой работы скульптурное произведеніе: Снятіе со креста Спасителя; старинное рукописное евангеліе съ нарисованными на поляхъ его изображеніями святыхъ. Царскія гробницы осѣняются старинными трофеями, въ количествѣ 424 знаменъ, добытыхъ отъ турокъ въ минувшій вѣкъ. Новые трофеи недавней войны за освобожденіе славянъ раскинуты въ видѣ шатра надъ гробницею царя-мученика. Рядомъ съ великой по воспоминаніямъ каѳедрою, съ которой говорилъ извѣстный Ѳеофанъ Прокоповичъ свою рѣчь о смерти великаго преобразователя, находится могила Петра I. Отличается она отъ другихъ только небольшою золотою на ней медалью. На одной сторонѣ ея изображеніе въ профиль Петра въ вѣнкѣ и кругомъ надпись: «отъ благодарнаго потомства». На другой сторонѣ медали представленъ Геркулесъ, покоящійся въ основаніи Петербурга. На гробницѣ Александра I серебряная медаль въ память отечественныхъ событій и побѣдъ 1812 года.

— Третій церковный юбилей праздновался 26-го іюня, въ уѣздномъ городѣ Тихвинѣ Новгородской губерніи. Всю весну этотъ небольшой городокъ приготовлялся къ торжеству своей пятисотлѣтней святыни. «Тихвинская Божія Матерь» явилась въ древней Новгородской области въ 1383 году, когда еще не существовало тихвинскаго монастыря, основаннаго въ началѣ XVI вѣка. Съ тѣхъ поръ монастырь этотъ, гдѣ теперь находится чтимая православными икона, видѣлъ много нуждъ и бѣдъ, вынесъ тяжелую осаду шведовъ и только послѣ Столбовскаго мира поправился и обнесенъ крѣпкою каменною стѣной, изъ-за которой виднѣется теперь мсса куполовъ, башенъ и шпилей, представляющихъ живописную картину, особенно съ горы, возвышающейся на правомъ берегу Тихвинки. Въ каменномъ соборѣ старинной архитектуры временъ Ивана Грознаго, на правой сторонѣ отъ входа укрѣплена икона, неимѣющая особеннаго историческаго значенія, но почитаемая русскимъ народомъ за ея чудотворныя дѣйствія. Икона сплошь унизана бриліантами и драгоцѣнными камнями. Юбилей справляли торжественно. Народу въ Тихвинъ стеклось громадное число; молебны шли безъ перерыва, свѣчи едва успѣвали ставить и убирать; были между ними и въ пудъ вѣсомъ въ 30, 50 и болѣе рублей. Монастырь, кромѣ раздачи хлѣба и кваса, предложилъ безплатный обѣдъ всѣмъ желающимъ, безъ различія пола и состоянія и раздавалъ хромолитографированные снимки съ иконы и молитву Божіей Матери. Въ торжествѣ всего замѣчательнѣе была процесія перенесенія иконы изъ монастыря на городскую площадь, на особо устроенный амвонъ. Это перемѣщеніе икона совершила въ первый разъ со времени ея пребыванія въ монастырѣ. Только въ началѣ XVII вѣка, во время осады обители войсками

Делагарди, икону обносили вокругъ монастырскихъ стѣнъ. Городъ раздавалъ народу книгу о явленіи и чудесахъ иконы съ надписью: «Въ память 500-лѣтняго празднованія Тихвинской иконы Божіей Матери отъ жителей города Тихвина».

Историческая выставка въ Ригѣ. 8-го іюня въ Ригѣ открыта культурно-историческая выставка, устроенная обществомъ исторіи и древностей прибалтійскихъ губерній. Вся выставка состоитъ изъ 2,546 предметовъ, взятыхъ изъ музеевъ и архивовъ различныхъ обществъ, сословій, а также и у частныхъ лицъ. Выставленные предметы раздѣлены на 17 отдѣловъ. Первый отдѣлъ занимаютъ древнія рукописи и произведенія печати. Отдѣлъ этотъ состоитъ изъ 512 нумеровъ, въ числѣ которыхъ находятся: подлинные документы и грамоты, начиная съ грамоты 1220 года епископа Альберта, древнѣйшія городскія и гильдейскія книги; подлинникъ риѳмованный хроники и Ніенштетовой гохмейстерской хроники, коллекція древнихъ календарей, газетъ, и проч. Второй отдѣлъ составляютъ планы, карты и виды; въ немъ болѣе 250 нумеровъ, изъ которыхъ многіе для исторіи Риги имѣютъ важное значеніе. Третій отдѣлъ составляютъ картины историческаго содержанія' праздниковъ, разныхъ событій, и проч. Четвертый отдѣлъ, чрезвычайно богатый, состоитъ изъ портретовъ: генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ, представителей земскаго и городского управленій, альдермановъ, лицъ духовныхъ, ученыхъ и проч. Этотъ отдѣлъ состоитъ изъ 572 нумеровъ, изъ которыхъ весьма многіе составляютъ чрезвычайную рѣдкость. Пятый отдѣлъ составляютъ древнія печати, шестой медали и монеты. Въ седьмомъ отдѣлѣ помѣщены древніе церковные сосуды, по преимуществу изъ городскихъ и протестантскихъ церквей. Восьмой отдѣлъ составляетъ древняя серебряная утварь. Въ девятый отдѣлъ включена разная древняя утварь: мебель, стекло, фаянсъ, часы и проч. Десятый составляютъ костюмы; одиннадцатый—рѣзьба по дереву, слоновой кости и проч. Двѣнадцатый отдѣлъ составляютъ древнія пушки, всякаго рода оружіе и проч., также мечи, которыми палачи рубили головы преступникамъ. Тринадцатый отдѣлъ составленъ изъ принадлежностей театра и музыки. Четырнадцатый состоитъ изъ масонскихъ аксесуаровъ. Университетскія древности занимаютъ пятнадцатый отдѣлъ: церковная утварь, знамена и проч. составляютъ шестнадцатый отдѣлъ, и наконецъ семнадцатый состоитъ изъ предметовъ, не вошедшихъ въ другіе отдѣлы.

† Русская журналистика понесла большую утрату: 25-го іюня въ Гейдельбергѣ умеръ, съ небольшимъ 60-ти лѣтъ, Валентинъ Федоровичъ **Коршъ**, посвятившій всю жизнь служенію обществу, какъ публицистъ и редакторъ. Почти прямо съ университетской скамьи онъ сдѣлался помощникомъ редактора «Московскихъ Вѣдомостей», потомъ ихъ редакторомъ и улучшилъ это періодическое изданіе такъ, что послѣ него г. Каткову уже не предстояло особеннаго труда поддерживать газету на той высотѣ, на которую ее поднялъ его предшественникъ. Но главная дѣятельность его была посвящена «Петербургскимъ Вѣдомостямъ», аренда которыхъ была въ 1863 году отнята у г. Краевскаго и отдана г. Коршу. Во время его редакторства газета явилась вполнѣ либеральнымъ органомъ, отзывавшимся на всѣ стремленія общества, отстаивавшая всѣ великія реформы прошлаго царствованія, боровшаяся съ бюрократами, ретроградами, крѣпостниками, сторонниками старыхъ порядковъ, ненавистниками общественной самодѣятельности. В. Ф. Коршъ не отличался горячностью и страстностью въ отстаиваніи принциповъ, дорогихъ всякому интеллигентному человѣку, но поддерживалъ ихъ упорно, держался стойко, хотя и въ границахъ умѣренности, честныхъ прогрессивныхъ убѣжденій. Это не помѣшало однако «Петербургскимъ Вѣдомостямъ» первымъ подвергнуться административной карѣ, при введенной въ то время системѣ предостереженій, заимствованной у Фіалена

Персиньи, министра и сообщника Луи-Наполеона. Не избѣгнулъ г. Коршъ и суда по обвиненію въ нарушеніи законовъ о печати, — тогда еще газеты отдавали подъ судъ—и въ 1869 году долженъ былъ защищаться въ петербургской судебной палатѣ, какъ редакторъ, вмѣстѣ съ г. Рангомъ, авторомъ предосудительной кореспонденціи изъ Владимірской губерніи. Потомъ онъ судился еще съ генераломъ Симборскимъ, Стелловскимъ, Звенигородскимъ, самъ подавалъ жалобу въ судъ на редактора «Гласнаго суда» Артоболевскаго, защищался отъ нападокъ «Дѣла» и пр. Это было время сильнаго умственнаго движенія, когда можно было въ печати защищать свои убѣжденія, объяснять свои принципы. Одиннадцать лѣтъ редактировалъ г. Коршъ газету, заключилъ даже съ академіей условіе на второй срокъ аренды, но задолго до истеченія этого срока, былъ, какъ его предшественникъ, отстраненъ отъ редакторства и не получилъ позволенія на изданіе своей собственной газеты. Съ тѣхъ поръ онъ завѣдывалъ редакціей и принималъ дѣятельное участіе во многихъ періодическихъ изданіяхъ, какъ «Сѣверный Вѣстникъ», «Русская Правда» и другіе «отцвѣтшіе не успѣвъ разцвѣсти» органы петербургской журналистики. Въ послѣднее время онъ принялъ на себя редакцію «Исторіи всемірной литературы», но предпріятіе это, разросшееся сверхъ програмы, недостаточно выработанной, осталось неоконченнымъ. Ежемѣсячный журналъ «Заграничный Вѣстникъ», предпринятый г. Коршемъ въ прошломъ году, тоже не имѣлъ успѣха и, въ послѣднее время, къ литературнымъ невзгодамъ и разстроеннымъ дѣламъ, прибавилась тяжкая болѣзнь—всегдашній результатъ усиленныхъ умственныхъ трудовъ. В. Ф. Коршъ отправился искать облегченіе отъ болѣзни за границу—и умеръ вдали отъ родины и близкихъ ему лицъ. Высокообразованный, истинногуманный, съ направленіемъ вполнѣ прогрессивнымъ, никогда не поступавшійся своими убѣжденіями, идеалистъ, какъ почти всѣ «люди сороковыхъ годовъ», онъ былъ настоящимъ типомъ честнаго, либеральнаго журналиста, типомъ—надо признаться—значительно измельчавшимъ съ шестидесятыхъ годовъ, когда онъ преобладалъ въ русской журналистикѣ.

† Въ небольшомъ имѣніи Саратовской губерніи умеръ на 71 году всѣми позабытый, но когда-то извѣстный поэтъ Алексѣй Васильевичъ Тимофеевъ. Онъ воспитывался въ казанскомъ университетѣ, служилъ въ департаментѣ удѣловъ, былъ чиновникомъ особыхъ порученій и съумѣлъ соединить поэзію съ чиновничествомъ, только въ 1860 году выйдя съ отставку—конечно генераломъ. Какъ поэтъ онъ славился въ тридцатыхъ годахъ, въ эпоху процвѣтанія «Библіотеки для чтенія» и барона Брамбеуса, видѣвшаго въ Тимофеевѣ второго Байрона. Сенковскій безспорно много содѣйствовалъ къ возвеличенію поэта, но у него нельзя отнять и природнаго дарованія. Его стихотворные «Опыты», «Пѣсни», повѣсти «Поэтъ», «Художникъ» фантазія «Елизавета Кульманъ» блещутъ мѣстами неподдѣльнымъ талантомъ. Онъ сошелъ съ литературной арены въ 1843 году и только въ 1876 году издалъ, въ двухъ томахъ, замѣчательную поэму «Микула Селяниновичъ», пройденную молчаніемъ нашею критикою, но заслуживающую полнаго вниманія: въ ней поэтъ въ рельефныхъ образахъ представляетъ историческое разслѣдованіе происхожденія славянъ и, въ живописныхъ картинахъ, всю исторію Россіи. Характеристика А. В. Тимофеева была бы далеко не лишнею въ исторіи нашей литературы.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу статьи „Наши государственные и національные цвѣта".

Не благоугодно ли будетъ редакціи помѣстить слѣдующую замѣтку на статью г. К. Н. В. «Наши государственные и національные цвѣта», напечатанную въ іюньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

Напрасно г. К. Н. В. распространился о мальтійскомъ орденѣ и о сочувствіи императора Павла къ графу д'Артуа, такъ какъ все это было и прошло безъ послѣдствій для нашихъ государственныхъ цвѣтовъ, которые и оставались только чернымъ и желтымъ до 1814 года. Бѣлый же появился у русскихъ немедленно по переходѣ, въ январѣ 1814 года, нашихъ войскъ черезъ Рейнъ во Францію. Тогда императоръ Александръ I приказалъ, чтобы на рукавѣ каждаго русскаго солдата находилась бѣлая повязка для того, чтобъ французы знали и вѣдали, что съ фамильнымъ цвѣтомъ Бурбоновъ, ихъ королей, сѣверные варвары пришли не для грабежа, не для истребленія жилищъ, не для оскверненія святыни, т. е. не для того именно, что въ 1812 году дозволилъ своей сборной арміи дѣлать въ Россіи Наполеонъ.

Съ этими бѣлыми повязками или съ цвѣтомъ королевской Франціи, русскіе дрались отъ Рейна до Парижа съ остатками императорскихъ легіоновъ, съ тѣмъ же цвѣтомъ вошли въ Парижъ, низложили Наполеона, водворили во Франціи благоденствіе, возстановили короля, — словомъ, совершили, державною волею императора Александра Благословеннаго, то, что такъ вѣрно сказалось тогда же въ пѣснѣ русскому царю:

«Онъ за зло платилъ добромъ:
«Воскресилъ Бурбоновъ домъ;
«Имя русское прославилъ,
«Миръ вселенной далъ!»

И вотъ въ память этого дѣйствительно великаго событія, завоеванный нами русскими бѣлый государственный цвѣтъ Франціи и присоединенъ, какъ побѣдный трофей, къ нашимъ государственнымъ цвѣтамъ. И тогда же, въ центрѣ Франціи, въ Парижѣ, новыя трехцвѣтныя, бѣло-желто-черныя кокарды закрасовались на треугольныхъ шляпахъ нашего царя, нашихъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ.

Незнаю откуда г. К. Н. В. почерпнулъ свѣдѣніе, что при императорѣ Павлѣ въ эти самые цвѣта были окрашены будки, мосты, перила, верстовые столбы и прочее казенное достояніе, тогда какъ едва ли не со временъ Петра III, раболѣпствовавшаго предъ всѣмъ прусскимъ, все казенное окрашивалось въ прусскіе государственные цвѣта, то есть въ двѣ широкія, діагонально полагаемыя полосы бѣлаго и чернаго цвѣтовъ, съ проводкою между ними жилки или узенькой полоски краснаго цвѣта. Окраска по такой формѣ по немногу исчезаетъ съ русской земли, такъ что по большимъ дорогамъ, на мостахъ, перилахъ и верстовыхъ столбахъ ее уже не встрѣтишь.

Впрочемъ, остатки полосатой окраски можно еще и теперь видѣть на воротахъ и калиткахъ главнаго подъѣзда въ Зимнемъ дворцѣ съ площади отъ Александровской колонны, а также на будкахъ часовыхъ.

Что же касается указанія г. К. Н. В. о томъ, что будто бы Петръ Великій позаимствовалъ для нашего флота отъ англичанъ бѣлый, синій и красный цвѣта потому, что въ его время существовали въ англійскомъ флотѣ адмиралы бѣлаго, синяго и краснаго флага, то г. К. Н. В., очевидно, смѣшалъ нашъ мирный торговый флагъ бѣлаго, синяго и краснаго цвѣтовъ, съ нашимъ военнымъ морскимъ флагомъ, даннымъ нашему доблестному флоту великимъ зиждителемъ его Петромъ I. Флагъ этотъ бѣлый съ андреевскимъ синимъ крестомъ.

Что же сказано г. К. Н. В. о томъ, что основательнѣе было бы завести русскій національный флагъ темносиняго цвѣта съ узкою красною поперегъ его полоскою, и что такой флагъ можно бы было считать не только «національнымъ», но и «народнымъ»,—то противъ предположеній, какъ противъ убѣжденій, спорить не приходится. Можно лишь сказать: честь и хвала тому, который сочеталъ для нашего торговаго флота флагъ изъ полосъ: бѣлой, синей и красной. Честь и хвала за то именно, что эти полосы нашихъ великорусскихъ народныхъ цвѣтовъ, кои суть: бѣлый отъ того холста, который русская женщина спрядетъ, соткетъ и выбѣлитъ, и въ который за тѣмъ одѣнетъ и хозяина-мужа, и дѣтей и самое себя; синій отъ того же холста, окрашеннаго въ сельскую «кубовую краску», и ставшаго крашениною, безъ которой не обойдется ни одна крестьянская семья, и красный отъ кумача, въ которомъ такъ любятъ щеголять красныя дѣвицы и молодки, для которыхъ, покуда еще и теперь, красный кумачный сарафанъ составляетъ самую нарядную одежду.

Аскалонъ Труворовъ.

нѣчно принадлежащее извѣстнымъ субъектамъ, то мнѣ не пришлось бы отвѣчать на твой вопросъ. Сама по себѣ она не можетъ быть названа, ни нравственной ни безнравственной; но мы сами придаемъ ей нравственное значеніе, связывая идею съ грубымъ фактомъ насилія. Міръ въ данномъ случаѣ преклоняется передъ идеей, а не передъ властью, и благословляетъ того, кто пользуется властью не для своихъ личныхъ своекорыстныхъ цѣлей, а для общаго блага.

Гербертъ говорилъ съ раздраженіемъ, которое окончательно убѣдило священника, что онъ не можетъ разсчитывать на содѣйствіе друга для осуществленія любимой мечты и, что ему не только придется обойтись безъ его помощи, но даже быть можетъ встать съ нимъ во враждебныя отношенія.

Гербертъ, какъ бы угадывая мысли своего собесѣдника, сердечно пожалъ ему руку.—Не моя вина Джонъ, сказалъ онъ, если тебѣ пришлось выслушать такія горькія истины. Но я долженъ защитить себя противъ несправедливаго упрека. Я никогда не былъ поклонникомъ насилія и допускаю его въ крайнемъ случаѣ для достиженія нравственныхъ цѣлей. Пусть дадутъ мнѣ право свободно высказывать мой образъ мысли, и тогда моя рука и шпага будутъ послушны одному властелину—убѣжденію...

Они дошли до гостинницы на концѣ города, гдѣ священникъ оставилъ свою лошадь. Былъ уже поздній часъ вечера, когда пріятели въ послѣдній разъ пожали другъ другу руки. Франкъ Гербертъ долго смотрѣлъ на дорогу, по которой ѣхалъ священникъ среди изгородей, освѣщенныхъ матовыми лучами заходящаго солнца. Сердце его болѣзненно сжалось, когда Гевитъ окончательно скрылся изъ виду; разставаясь съ школьнымъ товарищемъ, онъ испытывалъ тяжелое чувство, какъ будто навсегда прощался съ свѣтлымъ сновидѣніемъ молодости. Онъ вспомнилъ Оливію; и вслѣдъ затѣмъ въ умѣ его невольно явился вопросъ:

— Знаетъ ли Гевитъ, что Елизавета Кромвель нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вышла замужъ за Клейполя?

Конецъ второй части.

Часть третья.

Часть третья

ГЛАВА I.

Домъ Кромвеля въ Эли.

МѢСЯЦЪ стоялъ высоко на небѣ, когда докторъ Гевитъ выѣхалъ на дорогу, ведущую къ холму Эли.

Задолго до этого, глазамъ одинокаго всадника представилось бѣлое зданіе, стоявшее на высотѣ, которое своими рѣзкими контурами отчетливо обрисовывалось на темномъ небѣ, освѣщенное лучами вечерняго солнца. Взоръ его жадно впивался въ прелестный ландшафтъ, нарисованный мягкими золотистыми красками, такъ что онъ искренно пожалѣлъ, когда наступившія сумерки лишили его этого великолѣпнаго зрѣлища. Но оно исчезло только на короткое время въ мракѣ ночи. Едва лунный свѣтъ коснулся вершины холма, какъ опять появилось бѣлое зданіе въ яркомъ серебристомъ сіяніи съ своими массивными башнями, вычурными украшеніями и колоннами. Это былъ знаменитый соборъ Эли. Вѣковыя деревья тихо склоняли свои верхушки подъ легкимъ дуновеніемъ весенняго вѣтра; невѣрныя очертанія зеленой колеблющейся массы бросали темныя тѣни на землю, съ которой было связано столько религіозныхъ преданій.

Гевитъ, поднявшись на холмъ, сошелъ съ лошади и повелъ ее за повода. Каждая пядь этой почвы принадлежала исторіи, хорошо знакомой ученому доктору богословія. Священный трепетъ охватилъ его душу среди царившей кругомъ тишины и уединенія. Въ продолженіи тысячелѣтій сюда приходили на богомолье благочестивые люди; здѣсь, согласно преданіямъ сѣдой старины, прекло-

няли колѣна передъ Всевышнимъ аббаты, епископы, монахи, короли и королевы. Задолго до сооруженія собора на этомъ мѣстѣ существовалъ монастырь; старыя зданія, длинные переходы, братская трапеза и каменныя стѣны, воздвигнутыя древними саксами, оставлены были въ прежнемъ видѣ и при Генрихѣ VIII, который единовременно закрылъ всѣ монастыри въ Англіи. Въ монастырѣ Эли водворилось новое духовенство: англиканскій архіепископъ, деканы, пѣвчіе. Съ этого времени прошло болѣе столѣтія; помѣстья и земли католическаго духовенства, перешли во владѣніе господствующей англиканской церкви. Великолѣпный соборъ, посвященный реформатскому культу, доставлялъ огромные доходы архіепископамъ Эли, которые жили сначала въ зданіи прежняго монастыря, а впослѣдствіи въ особомъ домѣ, какъ владѣтельныя особы, пользуясь почти королевскими правами и прерогативами, между тѣмъ, какъ въ укрѣпленіяхъ и бастіонахъ, окружавшихъ соборъ, помѣщался деканъ и капитулъ.

Священникъ дошелъ до массивныхъ воротъ со сводами, существовавшихъ при старомъ монастырѣ и все еще называемыхъ Porta Eliensis или Ely Porta. Изъ-подъ высокихъ сводовъ виднѣлись причудливыя очертанія холма, ярко освѣщеннаго луной. Спокойно и торжественно возвышалось безоблачное небо; свѣжій вѣтерокъ распространялъ запахъ полевыхъ цвѣтовъ и травы. Слышался тихій шелестъ деревьевъ, нарушавшій тишину весенней ночи. Съ обѣихъ сторонъ поднимались высокія готическія стѣны, съ стрѣльчатыми окнами, которыя казались такими же мрачными, какъ и закрытыя наглухо двери, несмотря на скользившія по нимъ полосы луннаго свѣта. Ничто не нарушало мертваго безмолвія этихъ мѣстъ, гдѣ нѣкогда, въ такія же весеннія ночи, бодрствовали трудолюбивые монахи, работая надъ рукописями, а впослѣдствіи въ широкихъ коридорахъ раздавались веселые голоса воспитанниковъ, когда эта часть зданія была обращена въ латинскую школу.

Соборъ, стоящій на самомъ высокомъ пунктѣ холма и видный за нѣсколько миль кругомъ, далеко не казался такимъ грандіознымъ вблизи, потому что со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ зданіями. Прежніе соборы не строились отдѣльно, какъ теперь, но составляли часть цѣлаго, какого нибудь учрежденія и, преимущественно, монастыря, вслѣдствіе чего, около нихъ всегда были проѣзжіе ворота, крытыя галлереи, епископальные дворцы, различныя службы, больница, страннопріимные дома и проч. Всѣ эти второстепенныя зданія въ Эли были такихъ обширныхъ размѣровъ и совмѣщали въ себѣ такое средневѣковое великолѣпіе и архитектоническую красоту, что вполнѣ гармонировали съ величественнымъ храмомъ, стоявшемъ посреди ихъ.

Но вездѣ была та же пустыня и безмолвіе. На дворахъ не за-

мѣтно было ни малѣйшаго признака жизни; огонь давно потухъ на очагахъ; трубы жилыхъ строеній непривѣтливо обрисовывались въ голубоватомъ ночномъ воздухѣ.

Слѣва возвышался дворецъ архіепископа. Гербъ его—три герцогскихъ короны на золотомъ щитѣ, все еще красовался надъ стрѣльчатыми окнами галлереи, ярко освѣщенный луной.

Здѣсь только видны были признаки несомнѣнной близости людей. Говоръ многочисленныхъ голосовъ смѣшивался съ безпокойнымъ топотомъ лошадей. Священникъ привязалъ свою лошадь къ мѣдному кольцу, вбитому въ стѣну у одного изъ боковыхъ входовъ дворца. Сколько разъ въ былыя времена стучалъ онъ въ эту самую дубовую дверь, прося, чтобы его впустили, такъ какъ часто гостилъ въ епископальной резиденціи. Послѣдній архіепископъ, достопочтенный Матью Уренъ, чувствовалъ сердечное влеченіе къ молодому священнику и всегда привѣтливо встрѣчалъ его.

Но архіепископъ больше не жилъ тутъ. Гевитъ задумчиво смотрѣлъ на великолѣпный соборъ, принадлежащій къ лучшему времени средневѣковаго архитектурнаго творчества. Мѣсяцъ, свѣтившій съ востока, широко разлилъ свой серебристый свѣтъ по порталу и высокимъ колокольнямъ, между тѣмъ какъ шпицы башенъ, зубцы и крыши главнаго зданія казались огненными. Часть высокаго изящно разукрашеннаго окна была также освѣщена, какъ днемъ; другая покрыта голубоватой тѣнью. Свѣтъ и тѣни смѣнялись и въ нишахъ; нѣкоторыя изъ нихъ были ослѣпительной бѣлизны; другія погружены въ глубокій мракъ. Мерцающій блескъ луннаго сіянія оживлялъ тонкую окаймлявшую ихъ рѣзьбу; каменныя листья и цвѣты какъ будто двигались колеблемые вѣтромъ. Рельефно отдѣлялся этажъ отъ этажа, благодаря богатству разнообразныхъ архитектурныхъ украшеній, представляя въ цѣломъ картину неподражаемаго великолѣпія и величественнаго спокойствія.

Но священнику не долго пришлось наслаждаться созерцаніемъ этой давно знакомой ему картины. Около собора стоялъ караулъ; суровый голосъ спросилъ его: кто онъ и куда идетъ? Гевитъ назвалъ себя по имени; но окликнувшій его солдатъ не рѣшался пропустить незнакомаго для него человѣка.

— Я знаю, кто онъ! сказалъ молодой солдатъ, принадлежавшій къ отряду, помѣщенному во дворцѣ. Это другъ нашего полковника, Франка Герберта, и поэтому не могъ прійти сюда съ дурной цѣлью.

Съ этими словами онъ подошелъ къ Гевиту и протянулъ ему свою жесткую худощавую руку.—Вы Чильдерлейскій священникъ, докторъ богословія и, какъ я слышалъ, ученый и богобоязненный человѣкъ. Хотя наши вѣрованія различны, но я не хочу, чтобы васъ дурно встрѣтили здѣсь. Пойдемте со мной я сведу васъ къ капитану, который командуетъ здѣшнимъ отрядомъ.

Лунный свѣтъ, падавшій на блѣдное худощавое лицо молодаго солдата, окаймленное чернымъ шлемомъ, придавалъ ему видъ привидѣнія.

— Вы не узнаете меня, сказалъ онъ замѣтивъ удивленіе Гевита. Но я видѣлъ васъ передъ Чильдерлейской церковью и замѣтилъ съ какой радостью поздоровался съ вами полковникъ Гербертъ, а тотъ, кого онъ любитъ, не можетъ быть дурнымъ человѣкомъ! Хотя вы служитель церкви, которая отвергаетъ святыхъ и за это отвергнута самимъ Богомъ; но я не теряю надежды, что вы можете быть спасены до дня страшнаго суда. День этотъ скоро наступитъ, потому что у пророка Даніила сказано...

Онъ открылъ библію, которую носилъ всегда съ собой и прочелъ изъ восьмой главы книги пророка Даніила: «И услышалъ я отъ средины Илая голосъ человѣческій, который воззвалъ и сказалъ: Гавріилъ! объясни ему это видѣніе»...

Бывшіе на караулѣ солдаты столпились около юноши и набожно слушали его слова.

Этотъ моментъ возобновилъ въ памяти Гевита сцену передъ Чильдерлейскою церковью. Онъ живо представилъ себѣ молодаго милленарія, который своими мистическими объясненіями священнаго писанія произвелъ такое сильное впечатлѣніе на своихъ товарищей.

— Другъ мой, сказалъ Гевитъ, я не стану обманывать васъ. Дѣйствительно въ то время, какъ вы встрѣтили меня, я былъ Чильдерлейскимъ священникомъ; но я отставленъ отъ должности съ вчерашняго дня.

— Радуйтесь и благодарите Бога за эту милость! возразилъ приверженецъ пятой монархіи. Это былъ тотъ самый милленарій, котораго Франкъ Гербертъ назвалъ тогда Локіеромъ. Блѣдное лицо юноши воодушевилось; щеки покрылись яркимъ румянцемъ; онъ началъ проповѣдь:

— Скоро наступитъ время тяжкое, какого не бывало съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ люди. Я видѣлъ знаменіе этого времени; и вы братья видѣли его. Еще нѣсколько мѣсяцевъ и настанетъ священный годъ явленія Мессіи. Въ книгѣ нашего пророка сказано: И слышалъ я, какъ мужъ въ льняной одеждѣ, находившійся надъ водами рѣки, поднявъ правую и лѣвую руки къ небу клялся живущимъ во вѣки, что къ концу времени, временъ и полувремени и по совершенномъ низложеніи силы народа святаго, все это совершится!.. Пророчество это исполнилось! Мы увидѣли впервые разсѣянныхъ чадъ народа святаго. Сегодня утромъ прибыли къ намъ въ лагерь святые мужи, братья апостоловъ и богобоязненныя женщины, дщери Деворы, Руѳи, Маріи. Отверженные за грѣхи свои, они искупили ихъ долголѣтнимъ изгнаніемъ, нищетою и горемъ, пока Господь вновь не посѣтилъ ихъ своею милостію. Ра-

дуйтесь братья, евреи вступили на почву Англіи, Господь явилъ намъ знаменіе скораго пришествія Мессіи!...

Локіеръ остановился въ изнеможеніи отъ сильнаго душевнаго напряженія, не соотвѣтствовавшаго его физической слабости; но черезъ минуту продолжалъ съ прежнимъ воодушевленіемъ:

Между ними была дѣвушка прелестная какъ ангелъ, посланная небесными силами, чтобы подготовить насъ къ великолѣпію обѣтованной земли. Видѣлъ я также Исаака де-Кастро божьяго избранника, юношу, взоръ котораго просвѣтленъ лицезрѣніемъ Господа! Онъ говорилъ о близкомъ пришествіи Мессіи и разсказывалъ намъ, что предпринялъ путешествіе въ отдаленную часть свѣта, чтобы возвѣстить это своимъ единоплеменникамъ, живущимъ въ пустынѣ, но всѣ планы его рушились, потому что онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ Бристолѣ. Послѣднее обстоятельство приводило его въ отчаяніе; онъ громко зарыдалъ по окончаніи своего разсказа. Я подошелъ къ нему, началъ утѣшать и мы крѣпко обнялись. Когда увидѣли это маловѣрные, то оставили въ покоѣ несчастныхъ странниковъ, которыхъ они до этого осыпали насмѣшками; а всѣ мои товарищи братски привѣтствовали ихъ. Вслѣдъ затѣмъ когда изъ Кембриджа полученъ былъ приказъ объ арестѣ прекрасной еврейки, то мы всѣ воспротивились этому. — Они присланы намъ самимъ Богомъ; и мы будемъ оберегать каждаго изъ нихъ, какъ зѣницу ока! говорили мы. Но въ душѣ нашей была скорбь и уныніе; надъ нами тяготѣлъ гнѣвъ парламента, этихъ безбожныхъ пресвитеріанъ, которые подобно десяти колѣнамъ Израиля отпали отъ истинной вѣры. Мы боялись также за участь генерала Кромвеля; но Господь не оставилъ насъ: пріѣхалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что Оливеръ Кромвель находится внѣ опасности и что пресвитеріане арестованы въ Кембриджѣ... Мы преклонили колѣна и принесли благодарственную молитву Всевышнему. Исаакъ де-Кастро, поднявъ руки къ небу, воскликнулъ: «Царство же и власть, и величіе царственное во всей поднебесной дано будетъ народу святыхъ Всевышнимъ, котораго царство — царство вѣчное, и всѣ властители будутъ служить и повиноваться ему!.. Вечеромъ того же дня нашъ отрядъ получилъ приказъ выступить къ Эли; вслѣдъ за нами двинулись и другіе отряды изъ лагеря, который расположенъ въ здѣшней равнинѣ до лѣса Triploe. Всѣ радовались, что Господь возвратилъ землю Ханаанскую святымъ его. Когда я доложилъ Кромвелю, какъ мы поступили съ евреями, то онъ одобрилъ наше поведеніе; и сказалъ, что многія мѣста священнаго писанія не могутъ быть объяснены инымъ способомъ, и что мы вѣрно поняли ихъ смыслъ... Теперь я къ вашимъ услугамъ г-нъ священникъ!

Локіеръ направился къ главному входу собора и вошелъ въ него. Гевитъ слѣдовалъ за нимъ, глубоко взволнованный всѣмъ тѣмъ, что ему пришлось услышать:—Такъ думаетъ и чувствуетъ

армія! сказалъ онъ самому себѣ. При такомъ настроеніи большинства, среди религіознаго фанатизма однихъ и политической нетерпимости другихъ, врядъ ли возможно будетъ направить къ пристани злополучный корабль, называемый англійскимъ государствомъ!..

Но видъ собора скоро отвлекъ его отъ этихъ размышленій; онъ весь отдался тяжелому впечатлѣнію, которое овладѣло его сердцемъ. Величественное зданіе стояло непоколебимо на своемъ фундаментѣ поддерживая обширный могучій сводъ собора. Все великолѣпіе англійской готической архитектуры, огромныя колонны и каменные столбы увѣнчанные фризами изъ каменныхъ листьевъ и цвѣтовъ, стройные пилястры, круглыя и остроконечныя арки предстали разомъ передъ глазами взволнованнаго служителя преслѣдуемой церкви. Мѣсяцъ, просвѣчивая черезъ каменную рѣшетку хоровъ, наполнялъ таинственнымъ полумракомъ необъятное пространство собора, который казался еще грандіознѣе при этомъ сооеобразномъ освѣщеніи. Но прелестная оконная живопись подверглась полному разрушенію: осколки стекла лежали на полу, вмѣстѣ съ отбитыми кусками мраморной мозаики. Искусная рѣзьба, украшавшая потолокъ, позолота и лазурь были покрыты копотью. Статуи древнихъ святыхъ и королей стояли полуразрушенныя на своихъ пьедесталахъ; у нѣкоторыхъ были отбиты головы, у другихъ руки и ноги. Херувимы и серафимы, «dexstra Domini», голуби и даже изображеніе Спасителя надъ алтаремъ были забрызганы известью. Мѣсяцъ спокойно проливалъ свой ровный свѣтъ на это дѣло разрушенія; высокіе хоры, массивныя колонны, изящные пилястры бросали свои тѣни. Но среди оскверненныхъ могилъ и уничтоженныхъ надписей все еще красовался нетронутый гербъ короля Генриха VIII надъ дверью южной стороны хоровъ; щитъ его поддерживали ангелы; и, при лунномъ освѣщеніи, можно было прочесть слѣдующую надпись выбитую въ камнѣ золотыми буквами: «Gracia Dei sum quod id sum. A. D. 1534» (Божіей милостью и есть то, что есть)...

Гевитъ не ожидалъ увидѣть въ этомъ видѣ знаменитый соборъ, который представлялся такимъ блистательнымъ въ его мечтахъ. Еще въ 1644 году Кромвель собственною властью запретилъ епископальное богослуженіе въ соборѣ Эли; два года спустя парламентъ издалъ постановленіе, по которому проданы были всѣ епископальныя земли. Все это было извѣстно священнику; но его особенно поразило разореніе великолѣпнаго храма, въ которомъ не былъ виновенъ ни самъ Кромвель, ни его солдаты. Уничтоженіе образовъ, статуй и различныхъ украшеній въ англійскихъ соборахъ и приходскихъ церквахъ было дѣломъ однихъ пресвитеріанъ и тотчасъ же прекратилось, когда усилилось вліяніе Кромвеля. Тѣмъ не менѣе пресвитеріане свирѣпствовали три года; и врядъ

ли возможно вычислить или описать, какъ велико было это разореніе. О размѣрахъ его можно судить изъ того, что теперь, два столѣтія спустя послѣ того времени, несмотря на постоянныя поправки, слѣды разрушенія до сихъ поръ замѣтны въ соборѣ Эли. Такъ, напримѣръ, на сѣверной сторонѣ его, параллельно съ хорами, видны остатки живописи на бѣлой стѣнѣ; въ углахъ нѣкоторыхъ оконъ уцѣлѣли куски прежнихъ пестрыхъ стеколъ, сотни изувѣченныхъ статуй оставлены въ этомъ видѣ и до сихъ поръ.

Локіеръ при всемъ своемъ фанатизмѣ замѣтилъ огорченіе священника.

— Не печальтесь! сказалъ онъ. Кому нужна ваша святыня изъ камня и металла! Престолъ Господа на небесахъ; въ писаніи сказано: кто приноситъ въ жертву хвалу, тотъ чтитъ Меня, и кто наблюдаетъ за путемъ своимъ, тому явлю Я спасеніе Божіе!.. Какъ видите, мы ничего не сдѣлали, чтобы увеличить ваше горе! Все это случилось до насъ. Я скорѣе согласился бы огорчить брата, и богоугоднаго человѣка, нежели того, кого уже постигъ гнѣвъ Божій. Мы не бражничаемъ въ вашемъ храмѣ, не устраиваемъ яслей, не срываемъ покровы съ вашихъ алтарей на попоны лошадямъ, не мѣняемъ церковную утварь на табакъ! Мы предпочитаемъ спать на открытомъ воздухѣ, нежели здѣсь, чтобы не причинить вамъ новыхъ огорченій...

Съ этими словами Локіеръ отворилъ сѣверную дверь и въ сопровожденіи священника вышелъ на площадь, отдѣлявшую соборъ отъ епископальнаго дворца. Теперь площадь эта покрыта лугомъ и обсажена деревьями, которыя достигли значительной высоты; но въ описываемое время она представляла пустырь, переполненный мусоромъ и всякимъ соромъ. Посреди горѣли высокіе костры, вокругъ которыхъ расположились солдаты и стояли привязанныя къ забору лошади.

Локіеръ представилъ посѣтителя своему капитану, который, услыхавъ о желаніи священника видѣться съ Кромвелемъ спросилъ у него пропускной листъ, говоря, что безъ этой бумаги не велѣно никого пропускать къ генералу.

— Мнѣ не трудно было бы достать его отъ вашего полковника, Франка Герберта, съ которымъ я друженъ много лѣтъ, возразилъ Гевитъ; но къ сожалѣнію я упустилъ это изъ виду. Впрочемъ я желаю видѣть генерала по частному дѣлу, и надѣюсь, что онъ согласится принять меня, если ему доложатъ мое имя.

— Въ такомъ случаѣ, я охотно провожу васъ, сказалъ капитанъ, приглашая Гевита слѣдовать за нимъ.

Они пересѣкли площадь и, пройдя мимо церкви и небольшаго кладбища, остановились у обширнаго зданія, за которымъ начинались поля. Въ этомъ домѣ жилъ Кромвель.

Зданіе это существуетъ до сихъ поръ почти въ томъ же видѣ,

съ своими толстыми стѣнами, правильно расположенными этажами, огромными трубами, широкими окнами, узкими темными корридорами и низкими комнатами. Массивныя каменныя стѣны и толстый дубовый паркетъ уцѣлѣлъ до настоящаго времени; здѣсь нѣтъ и слѣда роскоши и великолѣпнаго убранства новѣйшихъ жилищъ; все носитъ отпечатокъ прочности и степенности. Домъ этотъ пережилъ много поколѣній, перешелъ черезъ многія руки; но въ немъ все еще хранилось воспоминаніе о Кромвелѣ. Въ двухъ комнатахъ уцѣлѣли деревянныя панели, выкрашенныя краской; въ бывшей гостиной стоитъ большой старинный каминъ, убранный деревянной рѣзьбой и виситъ гравюра изображающая «Кромвеля, отвергающаго королевскую корону». Обширные конюшни и амбары занимаютъ ту часть двора, гдѣ нѣкогда было жилище прежняго монастырскаго арендатора. Узкая тропинка, протоптанная по лугу ведетъ къ главному входу дома, а налѣво между деревьями стоитъ маленькая каменная церковь св. Маріи.

Гевитъ остался на дворѣ, ожидая возвращенія капитана. Домъ и сосѣднія строенія, погруженныя въ мракъ, бросали широкія тѣни на землю; только окна нижняго этажа были ярко освѣщены. Отсюда слышалось торжественное пѣніе 132-го псалма переложеннаго на музыку: «Какъ хорошо и какъ пріятно жить братьямъ вмѣстѣ!» пѣлъ хоръ мужскихъ и женскихъ голосовъ. Затѣмъ изъ хора выдѣлились два женскихъ голоса, нѣжные, ласкающіе, какъ пѣніе весеннихъ птицъ: «Это — какъ драгоцѣнный елей на головѣ стекающій на бороду Ааронову, стекающій на края одежды его»— пропѣлъ одинъ голосъ. «Какъ роса Ермонская сходящая на горы Сіонскія. И такъ заповѣдалъ Господь благословеніе и жизнь на вѣки!» пропѣлъ другой голосъ.

Звуки эти произвели глубокое впечатлѣніе на одинокаго слушателя, стоящаго подъ окномъ, и сильнѣе тронули его, чѣмъ онъ могъ ожидать послѣ такого долгаго времени. Это былъ тотъ самый мелодичный обаятельный голосъ, который онъ слышалъ однажды на влажныхъ лугахъ С. Ивса, въ немъ сказывалась та же полнота жизни, томленія и любви, но онъ сталъ еще выразительнѣе и задушевнѣе: ребенокъ превратился въ женщину. Но тутъ оба женскихъ голоса присоединились къ хору, который еще разъ повторилъ послѣднюю строфу: «Итакъ заповѣдалъ Господь благословеніе и жизнь на вѣки... и вѣки»—раздалось среди тишины лунной ночи.

Гевитъ задумчиво прислушивался къ медленно замирающимъ звукамъ, но въ это время вернулся капитанъ съ извѣстіемъ, что онъ можетъ немедленно видѣть Кромвеля. Его провели мимо двойнаго ряда военныхъ мундировъ, которые вѣжливо разступались пе-

редъ нимъ, такъ какъ было извѣстно, что онъ идетъ къ Кромвелю, которому доложили объ его посѣщеніи по окончаніи вечерней молитвы.

Кромвель привѣтливо встрѣтилъ молодаго священника, котораго всегда зналъ съ наилучшей стороны, съ радостью встрѣтили его и другіе члены семьи, такъ какъ онъ часто бывалъ въ ихъ домѣ въ С. Ивсѣ.

— Бетси, сказалъ Кромвель обращаясь къ дочери, тебѣ слѣдовало бы поздороваться прежде всѣхъ съ твоимъ бывшимъ учителемъ!

— Разумѣется, но я ожидала, что онъ самъ подойдетъ ко мнѣ!

— Какова самоувѣренность свѣтской женщины! замѣтилъ съ улыбкой Кромвель.

— Добрый вечеръ, мой дорогой старый другъ, сказала она, протягивая руки нежданному гостю.

Сердце Гевита усиленно забилось при звукахъ знакомаго голоса, который въ эту минуту казался ему еще мелодичнѣе, нежели въ пѣніи. Они не видѣлись съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ послѣдній разъ простился съ нею въ С. Ивсѣ; еще больше увеличилась раздѣлявшая ихъ пропасть: она была дочь Кромвеля, онъ служитель преслѣдуемой церкви, приверженецъ плѣннаго короля...

Глаза его съ любовью остановились на миломъ знакомомъ лицѣ. Въ ея глазахъ сверкнули слезы, рука задрожала въ рукѣ человѣка, который освѣтилъ ея раннюю молодость прелестью поэзіи. Она сдѣлалась еще лучше со времени ихъ разлуки, и именно такою, какой онъ представлялъ себѣ ее. Передъ нимъ было олицетвореніе образа, созданнаго его воображеніемъ. Очарованіе молодости, сила и полнота жизни проглядывали въ каждомъ ея движеніи и придавали неотразимую прелесть ея стройной граціозной фигурѣ, тонкимъ, и отчасти неправильнымъ чертамъ лица. У ней были такіе же голубые глаза, какъ у отца, но кроткіе и ласковые; въ нихъ не было и тѣни той строгости и гордаго сознанія величія властелина, которое придавало такое суровое выраженіе лицу Кромвеля. Она была его любимою дочерью и хотя онъ часто подсмѣивался надъ тѣмъ, что онъ называлъ «свѣтскимъ обращеніемъ», а мы назвали бы «женственностью», но эта сторона характера всего болѣе привязывала его къ дочери.

Поздоровавшись съ Гевитомъ, она спросила его о дочери Чильдерлейскаго баронета.

Но отецъ остановилъ ее: Бетси, сказалъ онъ, ты забыла познакомить Клейполя съ нашимъ дорогимъ гостемъ.

Густая краска выступила на щекахъ молодой женщины. Она торопливо представила своего мужа бывшему учителю.

Посторонній наблюдатель, вѣроятно, замѣтилъ бы какъ поблѣднѣлъ Гевитъ въ эту минуту; губы его съ трудомъ произнесли

обычное привѣтствіе. Но Ричардъ Кромвель, близкій другъ Клейполя, вывелъ его изъ замѣшательства своей веселой болтовней.

— Разскажите намъ, что дѣлается въ Чильдерлеѣ? сказалъ онъ, дружески пожимая руку Гевиту. Помнитъ ли моя хорошенькая кузина бездѣльника Ричарда, какъ называетъ меня отецъ. Дѣйствительно, я вполнѣ заслужилъ эту кличку, но, тѣмъ не менѣе, я всегда былъ хорошимъ товарищемъ и съ радостью вспоминаю о нашихъ дѣтскихъ играхъ. Къ несчастію Оливія, вѣроятно, совсѣмъ забыла о моемъ существованіи, хотя на лугу Slepe Holl'я мы даже обручились съ нею кольцами, свитыми изъ цвѣтовъ скороспѣлки. Но молодыя дѣвушки рѣдло помнятъ своихъ прежнихъ обожателей.

Елисавета Клейполь, пользуясь тѣмъ, что на нее никто не обращаетъ вниманія, подошла къ окну и, казалось, вся погрузилась въ созерцаніе тихой лунной ночи. По желанію отца, она недавно вышла замужъ за изящнаго молодаго офицера, котораго мы встрѣтили въ обществѣ Ричарда Кромвеля наканунѣ битвы при Незби. Клейполь принадлежалъ къ богатой и уважаемой фамиліи, былъ одаренъ физической силой и красотой сыновей Альбіона и, по внѣшности, вполнѣ годился въ мужья граціозной дочери Кромвеля. Но мы не беремся рѣшить, какія сомнѣнія и колебанія тревожили ея душу, когда она, уступая волѣ отца, согласилась выйти замужъ за нелюбимаго человѣка.

Со дня свадьбы она жила съ мужемъ въ имѣніи по близости Норборо, въ Нортемптонскомъ графствѣ; молодые супруги пріѣхали теперь въ Эли, наравнѣ съ другими членами семьи, для свиданія съ Кромвелемъ, который, благополучно избѣгнувъ грозившей ему опасности, остановился на короткое время въ домѣ своей матери.

Старшая дочь Кромвеля, Бригита, почти вслѣдъ за сестрой вышла замужъ за Иретона. Хотя по мнѣнію отца она была гораздо серьезнѣе и болѣе проникнута религіознымъ рвеніемъ, нежели Бетси, но настолько же уступала послѣдней въ красотѣ и нравственныхъ свойствахъ, насколько Иретонъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходилъ Клейполя. Генералъ Иретонъ принадлежалъ къ числу наиболѣе выдающихся личностей среди людей окружавшихъ Кромвеля; ученый и воинъ въ одно и то же время, онъ поражалъ непріятеля двойнымъ оружіемъ и, подобно Юлію Цезарю, находилъ, что мечъ только въ соединеніи съ перомъ можетъ внушить уваженіе къ солдату и сдѣлать его способнымъ принести дѣйствительную пользу родинѣ.

Генри, второй сынъ Кромвеля, при своемъ сдержанномъ и созерцательномъ характерѣ оставался въ тѣни до тѣхъ поръ, пока его не выдвинули событія и не доказали свѣту, что онъ достойный сынъ своего отца и призванъ судьбой быть его послѣдователемъ. Двѣ младшія дочери знаменитаго побѣдителя при Незби,

Мери и Франциска, одиннадцати и девяти лѣтъ, застѣнчиво подошли къ гостю, держась за платье матери, пожилой женщины съ кроткимъ и пріятнымъ выраженіемъ лица.

— Вотъ мои маленькія хозяйки! сказалъ съ улыбкой Кромвель, взявъ за руки обѣихъ дѣвочекъ, которыя еще больше сконфузились.

Кромвель былъ въ наилучшемъ расположеніи духа, давно уже домашніе не видѣли его такимъ веселымъ. Онъ почтительно обратился къ своей матери, восьмидесятилѣтней старухѣ, съ старомодными брыжжами вокругъ шеи, въ фижмахъ, и шелковой мантильи. Она сидѣла бодрая и веселая въ той самой комнатѣ, гдѣ много лѣтъ тому назадъ сиживала дѣвушкой. Домъ этотъ достался ей по наслѣдству отъ брата, сэра Джона Стюарда, и былъ для нея особенно дорогъ, такъ какъ она родилась въ немъ и провела раннюю молодость. Въ послѣдніе годы семья Кромвеля безвыѣздно жила здѣсь.

Кромвель подвелъ гостя къ матери со словами: — Узнаете ли вы его? Это Чильдерлейскій священникъ, онъ можетъ сообщить вамъ извѣстія о семьѣ баронета.

На правильномъ и все еще прекрасномъ лицѣ старухи появилась радостная улыбка. Она особенно интересовалась Оливіей, и заочно любила ее больше другихъ внучекъ, такъ какъ всѣ говорили, что дочь баронета въ семью Стюардовъ и замѣчательно похожа на нее и ея умершаго брата. Поэтому она ласково протянула руку священнику и съ живостью, которую трудно было ожидать при ея преклонныхъ лѣтахъ, начала расспрашивать его объ обитателяхъ Чильдерлейскаго замка.

Война и политическія распри, охватившія въ послѣдніе годы всю Англію не произвели ни малѣйшей перемѣны въ чувствахъ и симпатіяхъ старой женщины.

— Мнѣ очень жаль, сказалъ Кромвель, обращаясь къ своему гостю, что вы пріѣхали въ такое тревожное время! Часа черезъ два я долженъ выѣхать отсюда въ кембриджскій лагерь.

— Гдѣ васъ ожидаютъ съ нетерпѣніе сэръ, возразилъ священникъ. Если вы позволите мнѣ сопровождать васъ, то я могу переговорить съ вами дорогой о дѣлѣ, которое вынудило меня пріѣхать сюда. Поэтому не стану отнимать у васъ время, которое вы можете употребить на что-либо другое.

Кромвель отвѣтилъ, что онъ всегда готовъ пожертвовать своимъ временемъ, когда отъ этого зависитъ счастье человѣка.

— Вопросъ не о моемъ личномъ счастьѣ, возразилъ Гевитъ, а о благѣ цѣлаго народа.

— Тѣмъ болѣе обязанъ я немедленно выслушать васъ. Съ каждымъ днемъ увеличиваются бѣдствія несчастной войны, тяготѣющей надъ нашимъ народомъ и печальныя послѣдствія междоусобій пролитія крови и голода.

— Значитъ и вы желаете мира! воскликнулъ Гевитъ. Я былъ увѣренъ, что иначе и не могло быть.

— Да, мы всѣ желаемъ положить конецъ этому неестественному порядку вещей! возразилъ Кромвель. Повѣрьте мнѣ, что мое единственное желаніе прекратить эту войну съ божіей помощью, чтобы дать возможность народу жить также спокойно, какъ онъ жилъ прежде.

— Но мнѣ кажется, возразилъ Гевитъ, что это возможно, только при томъ условіи, если побѣдитель настолько великодушенъ, чтобы щадить побѣжденныхъ враговъ и не преслѣдовать ихъ въ политическомъ и религіозномъ отношеніи.

— Разумѣется, но кромѣ терпимости необходимо предоставить всѣмъ и каждому полную личную свободу, замѣтилъ Кромвель. Мы абсолютно отвергаемъ принципъ непогрѣшимости, какъ въ церковныхъ, такъ и личныхъ дѣлахъ. Въ вопросахъ вѣры и совѣсти каждый человѣкъ—собственный судья; но въ общественныхъ дѣлахъ онъ долженъ подчиняться общему рѣшенію. Всѣ религіи равны; и ни одна изъ нихъ не можетъ быть господствующей; пусть отдѣльныя личности видятъ въ Римѣ источникъ спасенія и раболѣпствуютъ передъ папой; но Римъ не будетъ больше властвовать надъ цѣлымъ міромъ. Величайшій изъ законовъ—законъ любви заставляетъ меня относиться одинаково ко всѣмъ людямъ! Если мы доживемъ до того счастливаго времени, когда всѣмъ будетъ предоставлена свобода религіи и убѣжденій, то я считалъ бы въ высшей степени неразумнымъ и несправедливымъ, еслибы кого-нибудь лишили его законныхъ правъ изъ боязни, что онъ можетъ злоупотребить ими. Это было бы равносильно тому, что еслибы кто-нибудь сталъ настаивать на необходимости, чтобы вино было изгнано изъ страны въ виду искорененія пьянства...

Гевиту показалось, что теперь наступилъ удобный моментъ и онъ можетъ приступить къ исполненію своей завѣтной мечты. Давно ждалъ онъ этого момента и приготовлялся къ нему; но тѣмъ не менѣе голосъ его задрожалъ, когда онъ заговорилъ съ Кромвелемъ о той пользѣ, какую можетъ принести его свиданіе съ королемъ.

Кромвель спокойно выслушалъ своего собесѣдника; ни одна черта лица его не дрогнула.

— Вамъ, вѣроятно, извѣстно настроеніе короля? спросилъ онъ равнодушнымъ тономъ.

Гевитъ отвѣтилъ, что онъ слышалъ отъ достовѣрныхъ людей, что король чувствуетъ себя въ высшей степени несчастнымъ подъ охраной парламентской коммисіи, тѣмъ болѣе, что его стѣсняютъ въ религіозномъ отношеніи. Онъ окруженъ пресвитеріанскими духовными лицами и лишенъ общества собственныхъ придворныхъ капеллановъ. Его величество считалъ бы для себя большимъ облег-

ченіемъ, еслибы онъ былъ избавленъ отъ подобныхъ стѣснительныхъ мѣръ и ему дозволили бы явиться въ армію.

Кромвель слушалъ молча и почти безучастно разсказъ священника, но при послѣднихъ словахъ глаза его сверкнули гнѣвомъ. Но это былъ мимолетный зловѣщій блескъ молніи; затѣмъ лицо его сдѣлалось неподвижнымъ и приняло прежнее выраженіе полнаго равнодушія.

Онъ пропѣлъ сквозь зубы два такта какой-то мелодіи, и послѣ минутнаго молчанія спросилъ священника: не хочетъ ли онъ закусить передъ отъѣздомъ?

Гевитъ былъ такъ озадаченъ этимъ неожиданнымъ вопросомъ, что съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Кромвеля, который не дожидаясь его отвѣта, обратился къ женѣ и попросилъ ее немедленно распорядиться объ ужинѣ.

Къ какому заключенію могъ прійти священникъ? Напрасно его взглядъ старался прочесть что̀-либо на лицѣ Кромвеля или вывести то или другое заключеніе изъ его обращенія съ нимъ.

Въ полночь былъ поданъ сигналъ къ отъѣзду. Кромвель простился съ домашними и еще разъ подошелъ къ матери: — Помолитесь за меня, сказалъ онъ, чтобы я удостоился исполнить то дѣло, къ которому призвалъ меня Господь!

Старуха съ благоговѣніемъ положила обѣ руки на голову сына и торжественно благословила его.

ГЛАВА II.

Корнетъ Джойсъ на пути къ извѣстности.

На другой день, рано утромъ, путники поднялись на высокій холмъ, съ котораго открывался прекрасный видъ на окружающую равнину. Медленно исчезали сумерки. Вдали на востокѣ поднималась грозовая туча, окрашенная темнопурпуровыми лучами восходящаго солнца; сквозь сѣроватый туманъ, застилавшій весь небосклонъ, мѣстами проглядывала лазурь, которая все болѣе и болѣе принимала стальной цвѣтъ. Дулъ холодный, сѣверный вѣтеръ.

Вся равнина, насколько можно было охватить глазомъ, была покрыта бѣлыми палатками. Шпицы церковныхъ башенъ, бѣлѣвшіе на различныхъ пунктахъ горизонта, обозначали границы пространства, занятаго войскомъ, этимъ могучимъ гигантомъ, осужденнымъ на бездѣйствіе, который нетерпѣливо потрясалъ своими цѣпями. Но приближался человѣкъ, который долженъ былъ вывести его изъ этого состоянія насильственнаго покоя.

Ферфаксъ медлилъ и ни на что не рѣшался. Неувѣренный въ томъ, какой оборотъ примутъ дѣла, онъ сталъ относиться съ сомнѣніемъ къ избранному имъ пути и не предпринималъ никакихъ мѣръ противъ злоупотребленій пресвитеріанской партіи. Люди, близко знавшіе характеръ главнокомандующаго, объясняли его нерѣшительность вліяніемъ леди Ферфаксъ, которая, несмотря на свое голландское воспитаніе, была всѣмъ сердцемъ предана пресвитеріанству. Такимъ образомъ Ферфаксъ, незамѣтно для него самого, очутился въ положеніи номинальнаго главнокомандующаго, и если онъ дѣлалъ тотъ или другой шагъ, то скорѣе въ силу необходимости, нежели по собственной иниціативѣ. Армія была безполезнымъ орудіемъ въ его рукахъ, такъ какъ у него не доставало рѣшимости, ни поддержать пресвитеріанскій парламентъ, которому теперь грозила неминуемая опасность, ни идти противъ него. Душой арміи былъ другой человѣкъ: онъ представлялъ собой воплощеніе силы, которая могла направить ее къ опредѣленной цѣли. Теперь этотъ человѣкъ находился въ недалекомъ разстояніи отъ нея на высотѣ холма, освѣщеннаго лучами восходящаго солнца.

Взоръ Кромвеля остановился на картинѣ безчисленныхъ палатокъ, разбросанныхъ у его ногъ. Онъ видѣлъ передъ собой неподвижную людскую массу, объятую глубокимъ сномъ, и казалось, взвѣшивалъ ея силы. Но вотъ, среди ровныхъ симметрически протянутыхъ линій, внезапно появилась толпа людей; послышался глухой мѣрный шумъ; еще нѣсколько минутъ и, несмотря на значительное разстояніе, можно было ясно различить лошадей и всадниковъ; на ихъ латахъ и шлемахъ отсвѣчивало утреннее солнце.

— Это они! сказалъ Кромвель, передавая свою подзорную трубу Иретону.—Я узналъ корнета Джойса; онъ какъ будто угадалъ мое желаніе.

— Джойсъ толковый малый! отвѣтилъ Иретонъ.

— И честная душа, несмотря на всѣ свои прегрѣшенія, добавилъ Генри Кромвель.—Я видѣлъ его во время битвы при Незби и убѣдился въ искренности его обѣщанія—не щадить жизни, дарованной ему моимъ отцомъ.

— Онъ обязанъ своимъ спасеніемъ Всевышнему, которому быть можетъ угодно было избрать его своимъ орудіемъ въ данномъ случаѣ, возразилъ Кромвель.

— Я не знаю, насколько серіозно онъ относится къ своей задачѣ, сказалъ Ричардъ Кромвель, но мнѣ пришлось убѣдиться на опытѣ, что на него можно положиться въ дѣлахъ, гдѣ нуженъ умъ и ловкость. Въ молодости это былъ отчаянный смѣльчакъ, которому удавались невѣроятныя продѣлки. Онъ былъ юристомъ, актеромъ, служилъ ланцкнехтомъ подъ начальствомъ Тилли, и даже чуть ли не былъ портнымъ, какъ его отецъ.

— Надѣюсь, что ты не ставишь въ упрекъ отцу или сыну ихъ

ремесло, замѣтилъ строгимъ тономъ Кромвель.—Я не разъ бывалъ въ домѣ стараго Джойса, который въ свое время оказалъ весьма существенныя услуги нашему дѣлу, и желалъ бы чтобы въ настоящее время онъ продолжалъ вести себя такъ, какъ прежде.

— Если не ошибаюсь, вы говорите объ Альдерманѣ Джойсѣ? сказалъ Гевитъ. Но извѣстно ли вамъ, что онъ арестованъ вчера въ Кембриджѣ вмѣстѣ съ другими членами лондонскаго комитета? Арестъ произведенъ Франкомъ Гербертомъ вслѣдствіе секретнаго письма Дензиля Голлиса, которое было доставлено ему корнетомъ Джойсомъ, сыномъ Альдермана...

Кромвель былъ видимо пораженъ этимъ извѣстіемъ.—Дензиль Голлисъ, глава пресвитеріанской партіи! сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Не моя вина, если дѣло принимаетъ худшій оборотъ, нежели я желалъ бы этого... Мнѣ очень жаль старика Джойса... Тѣмъ не менѣе, во имя прежней дружбы, я постараюсь примирить его съ сыномъ, хотя врядъ ли это окажется возможнымъ. Въ случаѣ неудачи, корнетъ Джойсъ можетъ выбирать между мною и своимъ отцомъ... Но довольно объ этомъ! Вамъ извѣстно джентльмены, что̀ насъ ожидаетъ въ лагерѣ!

Кавалеристы пришпорили своихъ лошадей, и вскорѣ громкое «ура!» возвѣстило о прибытіи Кромвеля въ армію.

Кромвель въ сопровожденіи свиты проѣхалъ шагомъ мимо рядовъ палатокъ, останавливаясь по временамъ, чтобы отвѣтить на поклонъ, сказать слово поощренія или похвалы солдатамъ, которые радостно привѣтствовали его. Когда онъ приблизился къ аванпостамъ, глаза его остановились на группѣ незнакомыхъ ему людей, въ своеобразныхъ нарядахъ, покрытыхъ пылью съ рѣзкимъ восточнымъ типомъ лица. Изъ группы выдѣлился старикъ съ длинной сѣдой бородой и, протянувъ къ нему руки, громко прочелъ молитву на еврейскомъ языкѣ.

Кромвель вопросительно посмотрѣлъ на него.

Старикъ подошелъ къ нему и сказалъ по-англійски: Великій мужъ, ты удивленъ, что я привѣтствую тебя подобнымъ способомъ; но моя религія предписываетъ мнѣ читать эту молитву при встрѣчѣ съ сильными міра сего или королями...

Рука Кромвеля замѣтно дрогнула при послѣднихъ словахъ еврея: онъ потянулъ съ такой силой повода своей лошади, что та взвилась на дыбы; но онъ ловко успокоилъ испуганное животное.

Ему доложили, что это транспортъ плѣнныхъ, недавно доставленный въ лагерь.

— Изъ Бристоля? я слышалъ объ этомъ! возразилъ Кромвель вглядываясь въ лица странниковъ, которые, съ видимымъ безпокойствомъ, ожидали его рѣшенія. Онъ былъ особенно пораженъ наруж-

ностью красиваго юноши, который восторженно смотрѣлъ на него своими темными выразительными глазами и казалось, находился въ состояніи близкомъ къ экстазу.

— Кто вы такой? спросилъ Кромвель обращаясь къ юношѣ.

— Еврей Исакъ де-Кастро, который благодаритъ Бога Израиля удостоившаго насъ видѣть лицо твое! Я слышалъ о тебѣ, что духъ Божій въ тебѣ, и свѣтъ, и разумъ, и высокая мудрость найдена въ тебѣ. День освобожденія близокъ! Я уразумѣлъ это видѣніе... Вотъ тотъ, котораго мы ожидали; онъ совершитъ много великаго для Израля! Преклоните передъ нимъ колѣна сыны и дщери Іудины...

Съ этими словами юноша прикоснулся губами къ стремени Кромвеля, между тѣмъ какъ остальные евреи опустились на колѣна, съ мольбой протягивая къ нему руки.

Кромвель безпокойно повернулся на сѣдлѣ при видѣ такой необычайной сцены и сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе. Но въ эту минуту къ нему подошелъ Локіеръ и, взявъ за руку, воскликнулъ умоляющимъ голосомъ:

— Пощадите ихъ, они предвѣстники вѣчнаго царствованія!..

Кромвель не сочувствовалъ ученію миллинаріевъ; но, признавая полную свободу религіозныхъ воззрѣній, относился снисходительно къ заблужденіямъ всякихъ сектъ, пока они не проявляли стремленій опасныхъ для спокойствія государства. «Религіозныя убѣжденія никому не вредятъ кромѣ тѣхъ, которые имѣютъ ихъ!» сказалъ онъ однажды въ разговорѣ съ своими друзьями.

Кромвель, освободивъ свою свою руку, спокойно слушалъ фанатика, который продолжалъ съ возрастающимъ волненіемъ:—Слово Господне исполнится!.. и по совершенномъ низложеніи силы народа святаго, все это совершится. Къ концу времени и временъ и полувремени они снова вступятъ въ землю Ханаанскую. Въ 135 псалмѣ сказано: «И вывелъ Израиля изъ среды его рукою крѣпкою и мышцею простертою; ибо во вѣкъ милость его!..

— Да, великъ Господь нашъ! возразилъ Кромвель. «Онъ творитъ все, что хочетъ на небесахъ и на землѣ, на моряхъ и во всѣхъ безднахъ. Возводитъ облака отъ края земли, творитъ молніи при дождѣ, изводитъ вѣтеръ изъ хранилищъ своихъ!..»

Кромвель любилъ поэтическій языкъ библіи, особенно ветхаго завѣта и охотно приводилъ изъ него цитаты. Книга эта была знакома ему съ ранней молодости; онъ не предпринималъ никакого дѣла, не испросивъ указанія свыше; отвѣтами служили для него изрѣченія библіи. Въ этихъ случаяхъ онъ удалялся въ свою комнату, запиралъ дверь на ключъ и усердно молился; благочестивое рвеніе вызывало у него обильныя слезы; затѣмъ отуманенный внутреннимъ волненіемъ онъ бралъ библію и раскрывалъ ее. Изрѣченіе на которомъ останавливался его взоръ давало требуемое рѣше-

ніе, котораго онъ неуклонно держался, несмотря ни на какіе доводы разсудка и другія мѣста священной книги.

— Встаньте, сказалъ онъ обращаясь къ евреямъ сходя съ лошади. Разскажите, какъ вы попали сюда и что̀ могу я сдѣлать для васъ.

Авраамъ, лучше другихъ владѣвшій англійскимъ языкомъ, взялъ на себя роль оратора. Спокойно, безъ всякаго преувеличенія, онъ разсказалъ общій ходъ дѣла и, перейдя къ частностямъ, сообщилъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ пріѣхалъ въ Англію, чтобы предложить свои услуги королю. Благодаря этому онъ потерялъ всякую связь съ родиной и рѣшилъ навсегда остаться въ новомъ отечествѣ; дѣти его (онъ указалъ на сына и дочь) воспитывались въ Англіи; прежняго имущества у него остался только клочекъ земли и домъ въ Лондонѣ, которые конфискованы парламентомъ. Въ заключеніе, Авраамъ разсказалъ все, что ему было извѣстно относительно условій жизни и желаній другихъ плѣнниковъ.

Откровенный и правдивый разсказъ умнаго еврея произвелъ пріятное впечатлѣніе на Кромвеля, который ни разу не прервалъ его и по временамъ одобрительно кивалъ головой.

Тѣмъ не менѣе евреямъ не суждено было узнать въ эту минуту рѣшеніе своей участи изъ устъ самого Кромвеля, такъ какъ вниманіе послѣдняго было привлечено прибытіемъ арестованныхъ пресвитеріанъ. Они были окружены конвоемъ, во главѣ котораго ѣхалъ полковникъ, Франкъ Гербертъ.

Кромвель отправился на встрѣчу приближавшейся группѣ. Многіе изъ членовъ духовнаго суда были нѣкогда его друзьями и горячими приверженцами; но теперь смертельная вражда раздѣляла ихъ. Кромвель шелъ медленно, погруженный въ свои мысли; но едва сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ позади его послышался своеобразный женскій крикъ, который заставилъ его оглянуться.

— Это Мануэлла! подумалъ Гевитъ узнавъ голосъ несчастной дѣвушки, исчезнувшей такъ внезапно изъ Чильдерлейскаго замка.

Гевитъ не ошибся: это была Мануэлла. Неожиданное появленіе Франка Герберта послѣ всѣхъ испытанныхъ ею волненій наполнило ее сердце самыми разнообразными ощущеніями. Безумная радость, которую она ощутила въ первую минуту смѣнилось чувствомъ неопредѣленнаго страха и глубокой печали. Дыханье замерло въ ея груди: она громко вскрикнула и едва не лишилась чувствъ; но глаза ея были неподвижно устремлены на приближавшагося всадника.

— Этого еще не доставало! воскликнулъ де Кастро. Опомнись! Не ужели ты хочешь, чтобы гнѣвъ Господень снова обрушился на насъ!...

— Что съ вами, чѣмъ могу я помочь вамъ? спросилъ Франкъ

Гербертъ, который, узнавъ издали подругу Оливіи, сошелъ съ лошади и поспѣшно пробрался сквозь окружавшую ея толпу.

Мануэлла вздрогнула при этомъ вопросѣ и молча опустила глаза.

— Подруга Оливіи можетъ разсчитывать на мою дружбу! сказалъ онъ тономъ искренняго участія, который тронулъ Мануэллу до слезъ.

— Откуда эта дѣвушка? спросилъ Кромвель, видѣвшій предъидущую сцену.

— Я знаю кто она! сказалъ рѣзскій гнусливый голосъ. Она пріѣхала сюда переодѣтая пажемъ съ преступнымъ намѣреніемъ передать королю письма враговъ нашего народа. Это выродокъ чужой страны, орудіе тираніи, продажная угодница похоти знатныхъ людей!...

Мануэлла выпрямилась; губы ея задрожали отъ гнѣва и волненія; но она не въ состояніи была произнести ни одного слова.

Для защиты невинной дѣвушки выступилъ корнетъ Юргенъ. Негодяй, крикнулъ онъ, ударивъ изо всѣхъ силъ ложнаго доносчика. Клянусь честью, что я готовъ взять на себя отвѣтственность передъ цѣлой арміей и нашимъ генераломъ, но я раздавлю тебя какъ ядовитую змѣю.

— А я утверждаю передъ цѣлой арміей и въ присутствіи генерала Кромвеля, что эта тварь—еретичка и любовница герцога Бокингема! крикнулъ противникъ Юргенса, падая на землю подъ его ударами.

— Ты лжешь! проговорила съ усиліемъ Мануэлла.

Но слова ея были заглушены ропотомъ, который послышался среди ея единовѣрцевъ. Они заговорили разомъ на своемъ языкѣ; на лицахъ ихъ выразился ужасъ;—неужели это она... спрашивали они съ недоумѣніемъ другъ друга.

Мануэлла слышала все, что они говорили между собой. Она обратилась къ нимъ и съ полнымъ самообладаніемъ сказала твердымъ и спокойнымъ голосомъ:—Да, вы не ошиблись, я Мануэлла д'Акоста.

— Будь ты проклята! закричали въ одинъ голосъ амстердамскіе евреи, отступая отъ молодой дѣвушки съ презрѣніемъ и страхомъ.

— Ты сама измѣнила себѣ! скакалъ вполголоса де-Кастро, стоявшій рядомъ съ нею.

Изъ группы пресвитеріанъ выдѣлился старикъ и, подойдя къ корнету Джойсу, назвалъ его по имени.

Юргенъ поблѣднѣлъ, услыхавъ голосъ своего отца, и съ громкимъ восклицаніемъ бросился къ его ногамъ.

Это было ихъ первое свиданіе послѣ семилѣтней разлуки. Георгъ Іеремія Джойсъ, альдерманъ Лондонскаго Сити, возведенный въ

важный санъ члена духовнаго суда, хотѣлъ явиться передъ блуднымъ сыномъ въ полномъ блескѣ своего величія, чтобы произвести на него возможно сильное впечатлѣніе; а затѣмъ заколоть для него откормленнаго тельца. Но этотъ планъ былъ разрушенъ. Благодаря новой измѣннической продѣлкѣ младшаго Джойса, онъ не только лишился власти, но попалъ въ руки ненавистнаго Кромвеля. Въ первую минуту разгнѣванный отецъ хотѣлъ отвергнуть неисправимаго сына и торжественно предать проклятію; но сердце его оказалось сильнѣе воли. Онъ поднялъ съ земли своего первенца и заключилъ въ объятія.

Младшій Джойсъ почувствовалъ какъ горячая слеза упала на его лобъ; въ эту минуту онъ охотно пожертвовалъ бы жизнью, чтобы утѣшить и успокоить стараго альдермана. Но онъ не могъ этого сдѣлать, такъ какъ жизнь его принадлежала другому человѣку, въ чемъ онъ чистосердечно сознался, покрывая поцѣлуями худощавую руку отца.

— Господь проститъ тебя, возразилъ альдерманъ, если ты посвятишь себя въ будущемъ правому дѣлу! Ты успокоишь этимъ отца и заставишь его забыть то горе, которое онъ вынесъ изъ-за тебя.

— Научите меня, что̀ могу я сдѣлать чтобы исполнить это.

— Сними мундиръ и отрекись отъ знамени, которому ты служишь.

— Это невозможно, я поклялся, что буду служить ему до конца моей жизни.

— Клятва, данная измѣннику, не можетъ считаться обязательной.

Кромвель молчавшій до этой минуты, счелъ нужнымъ вмѣшаться въ разговоръ:

— Вы разстроены неожиданнымъ свиданіемъ съ вашимъ сыномъ, сказалъ онъ обращаясь къ альдерману; и поэтому я прощаю вамъ необдуманныя слова, которыя вѣроятно невольно вырвались у васъ. Но, во имя нашей прежней дружбы, я просилъ бы васъ быть умѣреннѣе въ вашихъ выраженіяхъ...

— Прожней дружбы! воскликнулъ альдерманъ съ злобнымъ смѣхомъ. Можетъ ли кто изъ насъ говорить о дружбѣ съ тобой Оливеръ Кромвель! Ты обманулъ насъ своимъ лицемѣріемъ и овладѣлъ арміей путемъ хитрости и насилія. Вотъ средства, которыми ты надѣешься достигнуть своей цѣли. Можетъ быть ты дѣйствительно достигнешь ее, но какой цѣной. Твои друзья отвернутся отъ тебя и проклянутъ тотъ часъ, когда они повѣрили твоимъ лживымъ увѣреніямъ. Тѣ люди, которыхъ ты обратилъ въ презрѣнныя орудія твоего честолюбія, изведутъ тебя тѣмъ или другимъ способомъ или ты самъ мучимый вѣчными опасеніями, спасаясь отъ тайныхъ враговъ, покончишь добровольно съ жизнью. Но и послѣ смерти твое имя обратится въ бранное слово для обозначенія

всего, что̀ есть худшаго на землѣ—измѣны и деспотизма. Ты становишься между отцомъ и сыномъ и насильственно мѣшаешь ихъ примиренію подобно тому, какъ ты разлучилъ короля съ народомъ, который напрасно простираетъ къ нему руки и желаетъ всѣмъ сердцемъ заключить съ нимъ миръ. Но миръ этотъ состоится помимо твоей воли; и проклятія всего народа падутъ на твою голову!.. Я сказалъ все, что̀ у меня было на сердцѣ. Теперь Оливеръ Кромвель, ты можешь отправить меня въ Тоуэръ.

Лицо Кромвеля побагровѣло отъ гнѣва, но онъ отвѣтилъ ровнымъ спокойнымъ голосомъ: Я считаю это совершенно лишнимъ и предпочитаю выслать тебя и твоихъ друзей изъ Англіи года на два, чтобы дать вамъ время на размышленія...

По знаку Кромвеля солдаты отвели альдермана и его товарищей въ сосѣднюю палатку.

Младшій Джойсъ, точно очнувшись отъ сна, бросился къ несчастному альдерману, но тотъ молча отстранилъ его отъ себя движеніемъ руки.

Кромвель равнодушно смотрѣлъ на эту сцену; ни одна черта лица его не выразила волновавшихъ его ощущеній. Глаза его остановились на Мануэллѣ.

Бѣдная дѣвушка стояла въ сторонѣ отъ своихъ единовѣрцевъ, которые съ отвращеніемъ отступили отъ нея. Даже Франкъ Гербертъ не могъ преодолѣть впечатлѣнія, произведеннаго на него словами Пиккерлинга, такъ какъ ни одна клевета не проходитъ безслѣдно, хотя бы ее слышали изъ устъ отъявленнаго лжеца.

Одинъ корнетъ Джойсъ смѣло выступилъ на защиту Мануэллы.

— Вы видѣли сэръ, сказалъ онъ обращаясь къ Кромвелю, я не измѣнилъ данной клятвы, даже для родного отца, хотя призываю Бога въ свидѣтели, что не желалъ бы вторично переживать такой минуты! Но что̀ сдѣлала имъ эта несчастная дѣвушка? Въ чемъ обвиняютъ ее?..

Мануэлла съ благодарностью взглянула на своего защитника.

— Я невинна! сказала она спокойнымъ и увѣреннымъ тономъ, въ которомъ слышалось столько задушевности, правды и затаеннаго горя, что въ сердцѣ Франка Герберта не осталось и тѣни сомнѣнія.

— Я увѣренъ въ этомъ, возразилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

Гевитъ попросилъ дозволенія сказать нѣсколько словъ. Онъ объяснилъ, что познакомился съ Мануэллой въ замкѣ Чильдерлейскаго баронета, гдѣ она прожила около двухъ лѣтъ, и готовъ поручиться, что ее обвиняютъ напрасно. Хотя она дѣйствительно пріѣхала въ Англію въ мужскомъ платьѣ и въ сопровожденіи герцога Бокингема, но безъ всякой политической цѣли, что̀ могутъ засвидѣтельство-

вать ея единовѣрцы. Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Чильдерлея онъ слышалъ отъ дочери баронета, что если несчастная дѣвушка рѣшилась покинуть родину и отцовскій домъ, то единственно изъ желанія избѣгнуть ненавистнаго для нея брака. Знакомство съ Бокингемомъ было дѣломъ случая; она воспользовалась его отъѣздомъ въ Англію, чтобы выполнить свой побѣгъ.

— Всегдашняя исторія! замѣтилъ Кромвель, безуміе съ одной стороны и неосторожность съ другой! Но, чтобы убѣдиться въ правдивости вашего показанія и выяснить дѣло, необходимо свидѣтельство кого нибудь изъ ея единовѣрцевъ, знавшихъ ее прежде. Вѣроятно вы можете указать намъ одного изъ вашихъ друзей въ Амстердамѣ, къ которому мы могли бы обратиться за справками? добавилъ Кромвель, обращаясь къ Мануэллѣ.

— Я считаю своимъ лучшимъ другомъ почтеннаго раввина Менассію бенъ-Израэля, возразила Мануэлла,—онъ знаетъ меня съ дѣтства.

— Мнѣ не разъ приходилось слышать это имя, сказалъ Кромвель.—Если память не обманываетъ меня, то это благочестивый человѣкъ и знаменитый ученый и писатель. Агенты нашихъ факторій въ Дельфтѣ и Роттердамѣ отзывались о немъ съ величайшимъ уваженіемъ.

— Онъ былъ моимъ учителемъ! сказала Мануэлла.

— Этого совершенно достаточно! замѣтилъ Кромвель.—Вы получите разрѣшеніе вернуться на родину.

— Наша община не приметъ ее; она отлучена отъ синагоги воскликнулъ Исаакъ де-Кастро.

— Проклятіе отца тяготѣетъ надъ нею! добавили остальные евреи.

Тѣнь неудовольствія пробѣжала по лицу Кромвеля; на лбу появилась глубокая морщина, что̀ всегда было у него признакомъ гнѣва.

Въ эту минуту изъ группы евреевъ выступилъ Авраамъ.

— Дитя мое, сказалъ онъ, взявъ за руку Мануэллу.—Я видѣлъ тебя всего нѣсколько дней; но глубоко убѣжденъ въ твоей невинности! Такой опытный и пожилой человѣкъ какъ я не можетъ ошибаться въ людяхъ! Они изгнали тебя изъ своей общины; но врядъ ли справедливо осуждать человѣка не выслушавъ его оправданій! Приди ко мнѣ, если другіе бросили тебя, я раздѣлю съ тобою тотъ кровъ, который ниспошлетъ мнѣ Всевышній; да будетъ благословено имя его во вѣкъ! Дѣти мои будутъ любить тебя какъ сестру, жена моя будетъ твоею матерью; и если ты согласна, то я буду твоимъ отцомъ, пока твой родной отецъ не согласится вновь принять тебя въ свой домъ...

Мануэлла бросилась съ рыданіемъ въ объятія почтеннаго старика, который нѣжно прижалъ ее къ своему сердцу.

Кромвель былъ видимо растроганъ.

— Ты поступилъ по заповѣди божіей, сказалъ онъ, обращаясь къ Аврааму,—и христіанину слѣдовало бы брать съ тебя примѣръ. Вѣковые предразсудки положили непреодолимую преграду между нашими религіями; слѣпая народная ненависть преслѣдуетъ евреевъ; королевскій декретъ изгналъ васъ изъ Англіи. Но придетъ время, когда съ вашего имени спадетъ клеймо, какъ роса съ шерсти, когда Господу угодно было явить свое знаменіе Гедеону. Изъ племени Іакова вновь выйдутъ великіе псалмопѣвцы, судьи и военачальники; вы обрѣтете родину среди чуждыхъ вамъ народовъ и вновь соорудите храмъ Господень. Это будетъ обѣтованная земля, на которую вы надѣетесь! Новый Іерусалимъ вездѣ, гдѣ вѣрующій отъ глубины своего сердца обращается къ Всевышнему и онъ можетъ назвать своей всякую землю, на которой живетъ, если онъ защищаетъ ее отъ произвола. Религія и свобода нераздѣльны; и пока народъ израильскій не пойметъ этой истины, онъ не войдетъ въ обѣтованную землю. Изъ всѣхъ васъ ты одинъ рѣшился подать руку помощи несчастной дѣвушкѣ; твои единовѣрцы бросили ее на произволъ судьбы...

Съ этими словами Кромвель удалился въ ближайшую палатку, оставивъ евреевъ въ полной неизвѣстности относительно ожидавшей ихъ участи.

Но вскорѣ безпокойство ихъ смѣнилось радостью, когда изъ палатки вышелъ Кромвель съ тремя пропускными листами, которые были скрѣплены его подписью. Одинъ изъ нихъ былъ для амстердамскихъ евреевъ; при этомъ имъ отданъ былъ словесный приказъ выѣхать изъ Англіи съ первымъ отплывающимъ кораблемъ и вернуться въ Голландію. Второй листъ былъ для Исаака де-Кастро, которому предоставлено было продолжать путь въ южную Америку черезъ Лондонъ или какую либо другую морскую гавань. Третій былъ выданъ еврею Аврааму съ семьей и Мануэллой, совмѣстно съ форменнымъ приказомъ муниципальному совѣту, чтобы впредь до дальнѣйшаго распоряженія Аврааму былъ возвращенъ его Лондонскій домъ въ Сити и чтобы городскія власти приняли на себя заботу о безопасности, какъ самого владѣльца, такъ и его семьи.

— Прощайте, будьте счастливы, Мануэлла! сказалъ корнетъ Джейсъ.—Вы уѣдете отсюда и забудете о моемъ существованіи. Но я радуюсь за васъ; покрайней мѣрѣ вы опять на свободѣ!

— Нѣтъ, возразила Мануэлла протягивая ему руку.—Я никогда не забуду васъ и вашей доброты ко мнѣ!..

Лицо ея приняло печальное выраженіе; она еще разъ взглянула на Франка Герберта. Онъ казался въ нерѣшимости; затѣмъ какъ бы опомнившись подошелъ къ ней быстрыми шагами.

— До свиданія, сказалъ онъ,—дай Богъ, чтобы вамъ лучше жилось въ будущемъ, нежели въ послѣднее время! Съ этими словами онъ подалъ ей руку на прощанье.

Мануэлла отвѣтила ему такимъ крѣпкимъ пожатіемъ руки, что ей самой стало неловко; но Гербертъ былъ уже далеко. Досадуя на себя за этотъ невольный порывъ, она поспѣшно сняла съ себя шарфъ, которымъ Франкъ Гербертъ нѣкогда перевязалъ ей плечо, и бросила его на землю, хотя до этой минуты никогда не разставалась съ нимъ. Затѣмъ она молча и, опустивъ голову, послѣдовала за Авраамомъ, который пришелъ за нею.

Въ это время Кромвель, избѣгая шумныхъ изъявленій благодарности со стороны евреевъ, отошелъ отъ нихъ на нѣсколько шаговъ.

— Видите ли вы этотъ эскадронъ? сказалъ онъ, обращаясь къ Гевиту, и указывая рукой на отрядъ кавалеристовъ, который подъ предводительствомъ корнета Джойса выѣхалъ изъ лагеря. Вотъ поднялось облако пыли и скрыло ихъ изъ нашихъ глазъ! Я желалъ бы, чтобы въ настоящее время точно также были скрыты и наши дѣйствія отъ тѣхъ, которымъ неизвѣстны мотивы, заставляющіе насъ поступать извѣстнымъ образомъ. Но когда цѣль будетъ достигнута, то намъ нечего бояться огласки, тогда люди убѣдятся, что у насъ нѣтъ другихъ цѣлей, кромѣ славы и благосостоянія нашего дорогаго отечества... Поѣзжайте съ Богомъ домой! Быть можетъ и ваше желаніе исполнится!.. Поклонитесь отъ меня Оливіи. До свиданія.

Съ этими словами Кромвель сѣлъ на лошадь и, слегка кивнувъ головой озадаченному священнику, выѣхалъ на большую дорогу окруженный своимъ штабомъ.

ГЛАВА III.

Влюбленные.

Загадочныя слова Кромвеля скоро разъяснились для Гевита. Нѣсколько дней спустя послѣ его возвращенія въ Чильдерлей распространился невѣроятный слухъ, что король увезенъ изъ замка Гольмби отрядомъ кавалеристовъ, вмѣстѣ съ охранявшими его членами парламентской коммисіи. Всѣ были удивлены и испуганы этимъ смѣлымъ поступкомъ, тѣмъ болѣе, что никто не хотѣлъ принимать отвѣтственности за него. Негодованіе генерала Ферфакса было такъ велико, что онъ выразилъ сожалѣніе, что не можетъ повѣсить предводителя шайки, какъ онъ называлъ виновниковъ похищенія короля. Но особенно страннымъ казалось то обстоятельство, что начальникамъ отряда былъ не полковникъ и даже не офицеръ, а малоизвѣстный корнетъ Джойсъ, весьма сомнительной репутаціи. Вѣсть объ этомъ необыкновенномъ событіи разнеслась

съ быстротой молніи по всей Англіи; всѣмъ оно казалось невѣроятнымъ; но тѣмъ не менѣе каждый былъ убѣжденъ въ справедливости распространившихся слуховъ. Они имѣли сказочный характеръ; но тѣмъ не менѣе фактъ совершился—короля везли въ армію.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, судя по разсказу сэра Томаса Герберта, вѣрнаго слуги короля, не покидавшаго его во время заключенія. Другой Гербертъ также неразлучный съ королемъ, графъ Пемброкъ и Монгомери, былъ назначенъ парламентомъ во главѣ коммисіи, главная задача которой (вопреки различнымъ присвоеннымъ ею названіямъ) заключалась въ охранѣ плѣннаго Стюарта.

Король провелъ бо̀льшую часть года въ Гольмби—великолѣпномъ замкѣ Нортгемптонскаго графства, окруженномъ красивыми садами. Господа пресвитеріане какъ бы задались цѣлью соединить полезное съ пріятнымъ. Изъ королевскихъ оконъ открывался прелестный видъ на холмъ и окрестности Незби, что должно было дѣйствовать назидательнымъ образомъ на его величество. Они окружили его цѣлой толпой духовныхъ лицъ, которыя попремѣнно отправляли божественную службу въ капеллѣ замка, и не разъ предлагали ему свои услуги для благословенія утренней и вечерней ѣды. Но король всегда самъ читалъ обѣденную и вечернюю молитву. Несмотря на всѣ его просьбы, парламентъ не допустилъ къ нему англиканскихъ священниковъ, такъ что ему самому приходилось заботиться о спасеніи души; онъ удалялся каждое воскресенье въ свои покои и въ остальные дни посвящалъ два-три часа чтенію св. писанія. Иногда послѣ обѣда онъ игралъ въ шахматы или прогуливался въ паркѣ Гольмби съ однимъ изъ членовъ коммисіи; сверхъ того предпринимались небольшія экскурсіи верхомъ въ Гарrауденъ замокъ лорда Вокса или Альторпе, красивое помѣстье лорда Спенсера. Агенты парламента въ этихъ случаяхъ оказывались самыми предупредительными слугами его величества; они не разлучались съ нимъ во время дня, а ночью ставили около его постели почетный караулъ. Между прочимъ они даже обыскали однажды карманы его величества, когда полученъ былъ пакетъ отъ королевы, и затѣмъ распустили всѣхъ слугъ, исключая его вѣрнаго приверженца Герберта. Хотя въ обоихъ случаяхъ члены коммисіи ни на шагъ не отступили отъ правилъ самой утонченной вѣжливости; но тѣмъ не менѣе король почувствовалъ себя глубоко униженнымъ и несчастнымъ, когда у него отняли преданныхъ ему слугъ, пережившихъ съ нимъ невзгоды войны и плѣна, и тѣ пришли проститься съ нимъ обливая его руки слезами. Въ этотъ день онъ тотчасъ послѣ обѣда удалился въ свою спальню, отдавъ приказъ, чтобы никто не нарушалъ его уединенія.

Нѣсколько недѣль спустя, король, гуляя въ Альтопе, замѣтилъ

у садовой стѣны красные мундиры и бородатыя лица, смотрѣвшія сквозь рѣшетку. Спутники короля съ недоумѣніемъ переглянулись между собой, но бывшій при этомъ полковникъ, только что прибывшій изъ Лондона, объяснилъ, что это солдаты Уоллея, одного изъ Кромвелевскихъ офицеровъ. Тѣмъ не менѣе никто не придалъ большаго значенія этому обстоятельству.

Вслѣдъ затѣмъ изъ Гольмби пришло извѣстіе, что на растояніи полмили видна большая толпа всадниковъ, которые повидимому ѣдутъ прямо въ замокъ.

Это извѣстіе особенно встревожило полковника. Хотя оффиціально онъ былъ посланъ съ небольшимъ отрядомъ для усиленія гарнизона Гольмби, но тайная его инструкція заключалась въ томъ, чтобы съ помощью коммисіи захватить врасплохъ короля и привести въ Лондонъ подъ охрану парламента. Король случайно узналъ объ этомъ намѣреніи и рѣшился всѣми силами воспрепятствовать его исполненію. Онъ ясно видѣлъ невозможность вступить въ какое либо соглашеніе съ пресвитеріанами, которые хотѣли уничтожить епископальную церковь, ввести насильственно ковенантъ, лишить его самого всякой власти и исключить изъ общей амнистіи его приверженцевъ участвовавшихъ въ послѣдней войнѣ. Сверхъ того рѣшимости короля не мало способствовало заявленіе, втайнѣ полученное имъ изъ арміи при посредствѣ надежныхъ роялистовъ. Сообразно господствующему настроенію, въ арміи не видѣли иного средства возстановить твердый и прочный миръ въ государствѣ, какъ обезпечить права и неприкосновенность короля, его семьи и прежнихъ приверженцевъ. Карлу I обѣщано было возвращеніе власти, но подъ извѣстными условіями, которыя были несравненно легче исполнить нежели то, чего хотѣлъ отъ него парламентъ. Въ силу этихъ условій онъ долженъ былъ допустить полную вѣротерпимость и свободу совѣсти въ своемъ государствѣ. Кромѣ того отъ него ждали реформъ относительно выборовъ и представительства въ парламентѣ, отмѣны привилегій, бо̀льшей равноправности передъ закономъ и болѣе правильнаго распредѣленія налоговъ. Такимъ образомъ король могъ исполнить желаніе арміи, не отступая отъ своихъ убѣжденій и безъ ущерба для своей церкви и друзей: отъ него требовали только извѣстныхъ уступокъ духу времени. Но переговоры шли медленно, такъ какъ доступъ къ королю былъ крайне затруднителенъ вслѣдствіе бдительности членовъ парламентской коммисіи. Дѣло осталось невыясненнымъ, и король съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе чувствовалъ тягость своего положенія.

Но въ сердцѣ его вновь проснулась надежда, когда онъ узналъ о прибытіи всадниковъ. Не считая нужнымъ объяснить что либо окружавшимъ его пресвитеріанамъ, онъ наотрѣзъ объявилъ о своемъ желаніи вернуться въ Гольмби. Члены коммисіи должны были уступить желанію короля.

Но въ Гольмби не произошло никакихъ перемѣнъ во время ихъ отсутствія. Таинственные всадники не появлялись, хотя уже наступилъ вечеръ и начинало темнѣть. Тѣмъ не менѣе комендантъ Гольмби, старый воинъ, дослужившійся до генералъ-маіорскаго чина, счелъ нужнымъ удвоить караулъ и сдѣлать строжайшее внушеніе солдатамъ гарнизона относительно безусловнаго исполненія его приказаній и ихъ прямой обязанности.

Затѣмъ мало-по-малу все затихло въ замкѣ и вокругъ него. Но въ полночь внезапно послышался лошадиный топотъ и слова команды; часть прибывшаго отряда заняла молча выходы главной аллеи, въ то время, какъ остальные выстроились передъ замкомъ. Начальникъ сошелъ съ лошади и постучался въ главные ворота.

— Кто тамъ? спросилъ часовой.

— Мой добрый другъ, былъ отвѣтъ,—будьте такъ любезны и отворите намъ ворота!

Появился комендантъ замка.

— Кто начальникъ этого отряда? спросилъ онъ.

— Я, корнетъ Джойсъ, къ вашимъ услугамъ!

— Какъ? Вы корнетъ!

— Что же изъ этого! воскликнулъ Джойсъ.—Многіе порядочные люди начинали свою карьеру съ низшихъ чиновъ!

— И кончали висѣлицей! замѣтилъ презрительно комендантъ.

Воспоминаніе о висѣлицѣ было не особенно пріятно храброму корнету.

— Не говорите мнѣ подобныхъ вещей! сказалъ онъ;—я самъ вѣжливый человѣкъ и люблю, чтобы и со мной обращались учтиво. Но вы сами понимаете, г. комендантъ, что нельзя держать такимъ образомъ передъ закрытыми воротами цѣлый эскадронъ драгунъ. Чортъ возьми!.. Извините пожалуйста, если у меня вырвалось подобное выраженіе... Намъ дорога каждая минута, прикажите впустить меня.

— Что вамъ нужно? Какое можетъ быть у васъ дѣло въ замкѣ?

— Я долженъ говорить съ королемъ.

— По чьему порученію?

— По моему собственному желанію.

Солдаты стоявшіе на караулѣ, громко захохотали при этихъ словахъ.

— Тише, друзья мои, намъ не до смѣху! замѣтилъ корнетъ.

Генералъ-маіоръ также не былъ расположенъ смѣяться. Онъ потребовалъ недовольнымъ и повелительнымъ тономъ, чтобы корнетъ Джойсъ немедленно увелъ своихъ драгунъ, а на слѣдующій день обратился къ коммиссіи и сообщилъ ей: по какому дѣлу онъ желаетъ видѣть короля.

— Еще этого не доставало! воскликнулъ Джойсъ. — Неужели вы думаете г. комендантъ, что я пріѣхалъ сюда, чтобы вести пере-

говоры. Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до вашей коммисіи. Я присланъ къ королю и долженъ видѣть его...

Въ это время часовые, видя старыхъ знакомыхъ среди отряда драгунъ, стоящихъ за воротами, здоровались съ ними черезъ рѣшетку, нетерпѣливо ожидая приказанія коменданта отворить ворота. Но старый генералъ-маіоръ стоялъ на своемъ, несмотря на всѣ просьбы и убѣжденія Джойса. Наконецъ, послѣдній потерявъ терпѣніе обратился съ рѣчью къ часовымъ, доказывая имъ, что они служатъ въ одной и той же арміи, подъ начальствомъ того-же главнокомандующаго, и что имъ не дѣлаетъ чести, что они держатъ старыхъ товарищей за воротами.

Рѣчь корнета Джойса оказала свое дѣйствіе; часовые, не обращая вниманія на брань коменданта, отворили ворота съ громкимъ крикомъ ура! и радостно привѣтствовали драгунъ, которые одни за другими въѣзжали во дворъ замка. Джойсъ приказалъ имъ немедленно занять всѣ выходы и не пропускать никого безъ его дозволенія. Однако, несмотря на быстроту съ какой было исполнено это приказаніе, вышеупомянутый комендантъ, видя какой оборотъ принимаютъ дѣла, незамѣтно скрылся изъ замка и ускакалъ на лошади въ Лондонъ, чтобы сообщить лорду Голлису о неудачѣ возложеннаго на него порученія.

Въ это время корнетъ Джойсъ, сдѣлавъ необходимыя распоряженія, поспѣшно поднялся на черную лѣстницу ведущую въ спальню короля. На верхней площадкѣ его остановилъ м-ръ Гербертъ, преданный слуга Карла I-го, который не могъ выговорить ни одного слова отъ страха и отчаянія.

Такая неожиданная помѣха была совершенно не кстати въ данную минуту; но добродушный корнетъ былъ тотчасъ же обезоруженъ при видѣ горя вѣрнаго слуги.

— Не бойтесь, другъ мой, сказалъ онъ, въ утѣшеніе,—съ вами ничего не случится!

— Ради Бога, говорите тише; вы можете разбудить короля! отвѣтилъ шепотомъ Гербертъ, указывая на дверь, надъ которой висѣлъ ночникъ.

— Вы правы! сказалъ корнетъ, понижая голосъ.

Хотя поднимаясь на лѣстницу онъ произвелъ такой шумъ своими тяжелыми сапогами и шпорами, что могъ бы нарушить сонъ праведника. Онъ остановился въ нерѣшимости; мысль, что ему придется первый разъ въ жизни говорить съ королемъ, смущала его. Выбранный имъ часъ для аудіенціи былъ также не совсѣмъ удобный, но онъ утѣшилъ себя тѣмъ, что время въ сущности не имѣетъ особеннаго значенія, и постучался обоими кулаками въ дверь.

Бѣдный Гербертъ онѣмѣлъ отъ ужаса. За дверью послышался голосъ одного изъ солдатъ стоявшихъ на караулѣ:

— Кто тамъ? Кто смѣетъ безпокоить короля въ такой поздній часъ ночи!

— Моя фамилія Джойсъ, отвѣтилъ корнетъ. — Я унтеръ-офицеръ арміи; очень жаль, что мнѣ приходится будить короля; но я долженъ немедленно видѣть его величество.

Увѣренный тонъ, съ какимъ были сказаны эти слова, озадачилъ часовыхъ. Они спросили Джойса: получилъ ли онъ дозволеніе членовъ коммисіи врываться такимъ способомъ въ спальню короля?

— Нѣтъ, и не вижу въ этомъ никакой надобности, тѣмъ болѣе что у дверей этихъ господъ мною же поставленъ караулъ. Я получилъ приказъ отъ людей, которые не боятся самого чорта, а не только вашего парламента и вашихъ коммисій!

Добрякъ Джойсъ, сознавая преимущества своего положенія, не считалъ нужнымъ стѣсняться въ выраженіяхъ такъ какъ, здѣсь никто не могъ напомнить ему о соблюденіи приличій.

— Убирайтесь къ чорту, продолжалъ онъ, возвысивъ голосъ.— Неужели у васъ не хватаетъ мозговъ, чтобы сообразить, что у меня не можетъ быть никакихъ дурныхъ цѣлей относительно его величества...

Голосъ корнета становился все громче, такъ что если бы король и дѣйствительно спалъ, то онъ долженъ былъ давно проснуться.

Въ это время неожиданно раздался звонъ серебрянаго колокольчика.

Дежурный камердинеръ поспѣшилъ на зовъ короля и тотчасъ же вернулся назадъ. Къ общему удивленію его величество требовалъ къ себѣ грубаго корнета, несмотря на его неприличное поведеніе.

Джойса впустили, но часовые хотѣли взять отъ него саблю и пистолеты.

— Я не допущу до этого! сказалъ онъ, хватаясь за рукоятку своей сабли; она вручена мнѣ для защиты его величества.

Съ этими словами Юргенъ Джойсъ вошелъ въ спальню короля.

Неизвѣстно какими чарами или талисманомъ обладалъ этотъ искатель приключеній; но онъ съ перваго взгляда нравился людямъ; и при всей своей внѣшней грубости внушалъ безусловное довѣріе друзьямъ и недругамъ. Король не почувствовалъ себя оскорбленнымъ его присутствіемъ. Храбрый корнетъ невольно вспомнилъ, что онъ уже разъ видѣлъ короля, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ въ числѣ другихъ актеровъ игралъ на придворномъ театрѣ пьесу: «побѣда принца Амура». Онъ не счелъ удобнымъ намекнуть на это королю, но въ рѣзкихъ и суровыхъ чертахъ его лица выразилось состраданіе, когда онъ мысленно сравнилъ тогдашняго короля окруженнаго придворнымъ великолѣпіемъ, сидящаго среди блистательной свиты дамъ и кавалеровъ съ ны-

нѣшнимъ королемъ, стоящимъ одиноко среди комнаты при слабомъ отблескѣ потухающей лампады...

Король къ удивленію своихъ слугъ, долго разговаривалъ вполголоса съ неблаговоспитаннымъ корнетомъ и на прощанье сказалъ ему громко, такъ что всѣ могли разслышать его слова въ сосѣдней комнатѣ:

— И такъ до свиданія г. Джойсъ; я охотно поѣду съ вами, если только ваши солдаты подтвердятъ все то, что вы обѣщали мнѣ.

—

На слѣдующее утро король показался въ окнѣ и былъ встрѣченъ громкими радостными криками отряда выстроившагося на дворѣ въ полномъ парадѣ.

Члены коммисіи, видя, что невозможно отговорить короля отъ поѣздки, и зная, что угрозы будутъ недѣйствительны, рѣшились на всякій случай сопровождать его, несмотря на то, что корнетъ Джойсъ великодушно разрѣшилъ имъ немедленно вернуться въ Лондонъ, если они этого пожелаютъ.

Около полудня шествіе двинулось въ путь. Король съ м-ромъ Гербертомъ и слугами сѣлъ въ одну карету; члены коммисіи въ другую; драгуны подъ предводительствомъ корнета Джойса окружили ихъ.

Свѣжій воздухъ полей живительно подѣйствовалъ на расположеніе духа короля; улыбка вновь появилась на его блѣдномъ лицѣ. Деревенскіе жители выбѣгали на большую дорогу, чтобы взглянуть на короля; онъ милостиво отвѣчалъ на привѣтствія своихъ подданныхъ движеніемъ руки. Сердце его все болѣе и болѣе переполнялось радостнымъ чувствомъ; въ эти минуты онъ искренно желалъ счастья своему народу. Если ему суждено вновь увидѣть любимую жену и дѣтей, то онъ скажетъ имъ: забудемъ прошлое, подавимъ въ себѣ всякую мысль о мести! Теперь мы должны думать только о томъ, чтобы заживить раны несчастнаго народа. Заключимъ прочный миръ; пусть вновь зацвѣтутъ эти поля и принесутъ обильную жатву. Вмѣсто кровопролитія и ужасовъ междоусобной войны мы снова увидимъ радостныя лица, услышимъ веселыя пѣсни...

Такъ мечталъ недавній плѣнникъ, и мечты его все болѣе и болѣе принимали осязательную форму. Между тѣмъ толпа въ праздничныхъ нарядахъ замѣтно увеличивалась; раздавались восторженные крики; путь короля осыпали цвѣтами; бросали розы подъ копыта его лошадей. Заходящее солнце этого счастливаго дня привѣтливо свѣтило на ликующую толпу, мирныя села, поля, зеленые холмы и деревья.

Въ первый вечеръ король остановился для отдыха въ Гинчинбрукъ-кэстль. Это былъ старый замокъ въ Гунтингдонширѣ близъ границы Кембриджскаго графства. Здѣсь хозяинъ замка, лордъ

Монтегю, будущій графъ Сандвичъ, радушно и съ величайшимъ почетомъ принялъ своего неожиданнаго гостя. Въ былыя времена англійскіе короли не разъ посѣщали этотъ средневѣковый замокъ. Отецъ Карла I-го, король Іаковъ I-й дважды ночевалъ здѣсь во время своей поѣздки въ Шотландію и, въ благодарность за оказанное ему гостепріимство, возвелъ въ дворянское достоинство тогдашняго владѣльца Гинцибрука, сэра Оливера Кромвеля (дядю побѣдителя при Незби). Впослѣдствіи это родовое имѣніе Кромвелей было продано лорду Монтегю; но кромвелевскій гербъ—левъ съ завязанными передними лапами—и надписи остались нетронутые на всѣхъ окнахъ. Король замѣтилъ это при входѣ въ залу и поспѣшно отвернулся. Это было единственное непріятное ощущеніе, испытанное имъ въ этотъ счастливый день.

Отсюда послали гонца въ Чильдерлей съ извѣстіемъ, что его величество намѣренъ посѣтить почтеннаго владѣльца замка, сэра Товія Кутсъ и провести у него нѣсколько дней. Но слухъ о прибытіи короля дошелъ до Чильдерлея ранѣе этого извѣстія и засталъ хозяевъ замка среди полнаго разгара дѣятельности. Открыты были обширныя залы, въ которыя годами не проникалъ воздухъ и солнце, благодаря густому сѣрому слою пыли покрывавшему окна. Всюду сметали паутину и пыль, освѣжали комнаты, переставляли мебель и приколачивали гардины. Слышался говоръ, смѣхъ и пѣніе точно этотъ замокъ, заколдованный злой волшебницей и безмолвно дремавшій за непроходимымъ лѣсомъ, вновь пробудился къ жизни при звукахъ охотничьяго рожка. Бѣлокурая Оливія, какъ сказочная принцесса, ходила по пустыннымъ комнатамъ и заламъ, поднималась по лѣстницамъ, и вездѣ при ея появленіи воскресало прежнее великолѣпіе Чильдерлейскаго замка. Вездѣ она вносила съ собой солнечный свѣтъ и жизнь; даже каменныя мрачныя стѣны готическаго зданія и дубовыя панели, почернѣвшія отъ времени, принимали иной видъ. Баронетъ съ удивленіемъ и нѣжностью слѣдилъ за распоряженіями своей дочери.

— Я не ожидалъ, что изъ тебя выйдетъ такая хорошая хозяйка, Оливія, сказалъ онъ.—Помнишь ли ты тотъ вечеръ, когда у насъ были гости въ Чильдерлейскомъ замкѣ. Ты сдѣлала съ тѣхъ поръ большіе успѣхи!

— Но вѣдь съ тѣхъ поръ прошло два года; возразила Оливія.— Я была тогда ребенкомъ.

Дѣйствительно два года составляютъ большую разницу въ жизни молодой дѣвушки. Оливіи исполнилось восемнадцать лѣтъ. Она замѣтно развилась и похорошѣла въ это время. Хотя черты лица ея не были безупречны; носъ не подходилъ подъ мѣрку римскаго или греческаго профиля; губы не были довольно тонки и въ станѣ замѣтна нѣкоторая склонность къ полнотѣ; но, тѣмъ не менѣе, всѣ находили ее безусловно красивой. Честная глубокая натура,

представлявшая рѣдкое соединеніе непреклоннаго характера и кротости, сказывалась въ выраженіи глазъ, благородныхъ очертаніяхъ лба и губъ. Всѣ ея движенія, походка, голосъ, даже смѣхъ вполнѣ гармонировали съ ея привлекательной наружностью и придавали ей особенную прелесть.

— Разумѣется ты уже больше не ребенокъ, возразилъ баронетъ;— но надѣюсь, что ты всегда будешь для меня любящей покорной дочерью!

Оливія молча обняла отца, который продолжалъ:

— Слава Богу несчастія постигшія насъ послѣднее время разсѣялись какъ тучи и снова выглянуло солнце! Теперь я спокойно смотрю на ожидающую насъ будущность. Король на свободѣ, и быть можетъ опять все пойдетъ по старому. Однако прощай, я слышу голосъ Мартина.

Само собою разумѣется, что Мартинъ Бумпусъ игралъ не послѣднюю роль въ приготовленіяхъ къ пріему короля. Оставивъ мельницу и работниковъ на попеченіе жены, онъ отправился въ замокъ. Первой его заботой было добыть дичины и рыбы для угощенія короля; не довѣряя ловкости слугъ, онъ самъ отправился на охоту въ обществѣ Джона, будущаго владѣльца Чильдерлейскаго замка, и собственноручно убилъ оленя; затѣмъ наловилъ форелей въ рѣкѣ. То и другое не представляло для него никакихъ затрудненій, такъ какъ онъ зналъ лѣсъ не хуже своей мельницы и чуть ли не каждый камень въ рѣкѣ. Изъ погреба вынуты были лучшія старыя вина, которыя баронетъ пилъ только въ торжественныхъ случаяхъ, когда провозглашалъ тосты за здоровье короля. Всѣ арки у воротъ и окна были разукрашены, какъ въ Троицынъ день, гирляндами и вѣнками изъ дубовыхъ листьевъ и цвѣтовъ. Наконецъ принесены были королевскіе флаги, которые въ послѣдніе годы лежали въ кладовой безъ всякаго употребленія.

— Какая досада, что эти проклятые жиды сожгли башню! воскликнулъ Бумпусъ, указывая рукой на почернѣвшія развалины сгорѣвшаго зданія.

Баронету при его миролюбивомъ настроеніи духа было не особенно пріятно, что ему напомнили объ этомъ происшествіи.

— Ты напрасно бранишь жидовъ! замѣтилъ онъ своему вѣрному слугѣ.—Не они зажгли башню.

— Все равно, они вызвали молнію своими заклинаніями, возразилъ Мартинъ Бумпусъ.—Впрочемъ нечего особенно жалѣть объ этомъ. Вотъ и палка для флага на сторожевой башнѣ. У насъ въ замкѣ довольно всякихъ башенъ!

Не прошло и четверти часа, какъ надъ замкомъ снова развѣвался королевскій флагъ, украшенный львами, лиліями и арфами; и въ то же время на башнѣ боковаго флигеля, гдѣ приготовлено было помѣщеніе для короля, поднятъ былъ шотландскій флагъ.

